

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

АНДРЕЙ ВАЛЕНТИНОВ

ЦАРЬ-КОСМОС

АНДРЕЙ ВАЛЕНТИНОВ

ЦАРЬ-КОСМОС

ЭКСМО

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

АНДРЕЙ
ВАЛЕНТИНОВ

ЦАРЬ-КОСМОС

АНДРЕЙ
ВАЛЕНТИНОВ

ЦАРЬ-
КОСМОС

ЭКСМО

МОСКВА

2010

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
В 15

Оформление серии *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Иллюстрация на переплете *Е. Гондика*

В 15 **Валентинов А.**
Царь-Космос : фантастический роман / Андрей Валентинов. — М. : Эксмо, 2010. — 480 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-40797-2

Время — не препятствие для тех, кто пытается изменить Историю... Тихий, ничем не примечательный 1923 год. Новая экономическая политика, болезнь Вождя, ожидание неизбежных перемен. В Технической группе при одном из отделов ЦК оказались трое молодых людей, демобилизованных из Красной армии. Работа поначалу не кажется сложной и опасной, и только письмо из Румянцевского музея заставило понять, чем действительно им придется заниматься. В эти же дни в секретной тюрьме ожидает расстрела бывший чекист, которому делают предложение, от которого нельзя отказаться. Начинается грандиозная схватка Красных Скорпионов, в которой не считают потери. Привычный ход Истории изменен — товарищ Сталин вынужден подать в отставку. Перед Россией открывается иное Будущее...

Новая книга Андрея Валентинова, входящая в знаменитый цикл «Око Силы», продолжает рассказ о тайной, скрытой от нас истории XX века. Грядущее пытается исправить ошибки Прошлого.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-40797-2 © Валентинов А., 2010
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2010

 рошедшее России удивительно, ее настоящее более чем великолепно; что же касается будущего, то оно выше всего, что может нарисовать себе самое пылкое воображение... Так было сказано одним очень умным человеком почти два века назад. Ему не поверили. Напрасно! Это была не констатация, а великое предвидение. Девяносто лет тому мы с вами встретились практически на руинах страны, и вы тоже не поверили мне.

— Немного меньше, Агасфер. Тогда была весна 1922-го по здешнему календарю. «Из России нэповской будет Россия социалистическая», я не забыл. Сейчас суббота, 19 марта 2010 года¹. Итак, вы считаете свой эксперимент завершенным?

— Вы не изменились, мой друг. «Эксперимент» — скверное слово, сразу вспоминаются лягушки и собачки академика Павлова. Нет! Мы сделали то, что

¹ 19 марта 2010 года — это пятница. Автор напоминает, что серия «Око Силы» — произведение фантастическое, реальность, в нем описываемая, лишь отчасти совпадает с истинной. Автор сознательно и по собственному усмотрению меняет календарь, географию, судьбы людей, а также физические и прочие законы. Исследование носит художественный, а не исторический характер. Можно добавить, что подлинная История описываемых событий неизвестна и едва ли станет известной в ближайшие десятилетия.

считалось невозможным. За неполный век Россия, может быть, самая несчастливая страна этого мира, стала сама собой, воплотилась, как Абсолютный Разум философа Гегеля, в нынешнюю реальность. Создано идеальное государство, которое управляет идеальным народом. Я не оговорился, именно идеальное, то есть абсолютно соответствующее собственной природе. Недостатки, неизбежные для всего живого, удачно уравниваются достоинствами и дополняют их. Люди счастливы, мой друг, и не желают ничего иного. Такого не было уже много столетий. Вот он, ответ на все ваши сомнения!

— Мы говорим об одной и той же стране, Агасфер?

— Ирония ни к чему. Мы сделали это. Мы — народ России. Я лишь подсказывал, подбрасывал технологии, иногда уточнял курс. Все делали люди по своей доброй воле. Это был их выбор. Лично же я давно ни во что не вмешиваюсь. Счастливая доля прогрессора — великие труды поначалу и легкое завершение работы. Сейчас я больше путешествую, обозреваю сделанное. К счастью, линейность Времени для нас с вами не проблема, поэтому я предпочитаю заглядывать в самое начало, кое-что подправлять, так сказать, наносить заключительные мазки на картину.

— А вы не опасаетесь, что этим займутся другие?

— Если этим займетесь вы, мир просто не выдержит, погибнет. Вы же не столь жестоки! А людям не дано исправлять Время, даже переместившись в минувшее. Всякое изменение неизбежно делает невозможным само перемещение, а значит, блокирует все последствия. Вы можете каждый

день убивать свою несовершеннолетнюю бабушку, но возвращаться будете в привычную Историю. Люди это уже поняли, недаром в нынешней счастливой России так часто говорят о том, что История не знает сослагательного наклонения. Такая сознательность, право слово, умиляет.

— Есть иная точка зрения. Вы слышали об «эффекте запаздывания»? Формула проста: глубина погружения в Прошлое, умноженная на два. Значит, если некий посланец из 2010 года что-то изменит, скажем, в 1920-м, то к 2190-му волна дойдет по текущей реальности и полностью ее изменит. Жернова мелют медленно, зато наверняка.

— Вы с ума сошли, о таком нельзя знать человеку! Это всего лишь теория, хуже — научная ересь. Но если о таком услышат... История уже состоялась, прожиты миллионы жизней, создан Прекрасный Новый мир.

— Пусть решают люди, это будет их свободный выбор. Когда-то вы им кое-что подсказали, теперь — наша очередь. Мне поручено передать вам, Агасфер, что сделанное вами взвешено на весах и найдено слишком тяжким. Наблюдайте царствие свое, если хватит глаз, и оберегайте, если будут силы.

— Это война?

— Это предупреждение. Считайте, что персты огненные уже пишут на стене. Ибо всякой вещи есть свой срок и приговор и зло на совершившего тяжело ляжет...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Скауты

1

Ночью подморозило, но к утру холод отступил. Мокрый снег сменился дождем, ледяная мартовская броня, покрывшая улицы и площади Столицы, и без того нестойкая, истончилась и сгнула, уступая воде и грязи. Изменилось и небо: густой покров серых туч ушел на север, обнажая неяркую синеву, по которой заскользили острые силуэты перистых облаков. Весна наступала, в бессчетный раз выигрывая свою вечную битву. Год Черного Кабана, от Рождества Христова 1923-й, от начала же Великой Смуты Шестой, подходил ко второй четверти. Начавшийся в несчастливый понедельник, он шествовал неспешно, без великих войн и великой крови, ничем пока не прославленный и никем не проклятый. Вступивший в свои права весенний день, 19-й от начала месяца марта, тоже был понедельником, самым обычным, по-мартовски сырым и прохладным. Влажный серый камень, мертвые прошлогодние листья на сырой земле, всадники-облака в небесном просторе...

Александровский сад. Обелиск.

Этим утром здесь было неожиданно пусто, и молодой человек в старой офицерской шинели имел возможность без всяких помех и лишних распро-

сов стоять возле высокой каменной стелы, у подножия которой неопрятной грудой громоздились влажные венки из сосновых веток, увитых красными лентами. Поверх них на листе фанеры был установлен большой многокрасочный плакат. С мокрого листа бумаги грозно смотрел воздевший саблю пролетарий, увенчанный алым революционным полотнищем. Согнутое колено попирало черный силуэт Собора Богоматери, из-за пояса торчала синяя рукоять дуэльного пистолета, вокруг же черными колосьями вздымались к небу десятки острых штыков. Неровные бурые буквы строго вещали:

«МЕРТВЕЦЫ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ ВОСКРЕСЛИ
ПОД КРАСНЫМ ЗНАМЕНОМ СОВЕТОВ!»

Плакат был нелеп и смешон, как и обезображенный Обелиск с кладбищенскими сосновыми венками, брошенными в грязь. Еще не так давно молодой человек в шинели наверняка бы возмутился, может быть, даже сорвал мокрую бумагу, не желая терпеть шутовство. Он помнил, каким был Обелиск прежде: увенчанный золотым Орлом, украшенный именами Государей. Триста лет Династии, великий юбилей... Новые хозяева страны стесали древнюю славу, поспешив увековечить на неровном камне фамилии своих давно умерших и забытых кумиров, словно и вправду надеясь на помощь восставших мертвецов. Сегодня 19-е, вчера был День Парижской коммуны. Видать, камлали, в бубны били, овечьи кости на костре жгли...

Молодой человек усмехнулся. Несколько лет назад, когда на шинели золотом блестели офицерские погоны, среди его сослуживцев ходила байка о Бессмертных Красных Героях — особой большевист-

ской воинской части, укомплектованной гаитянскими зомби, оживленными по методу, описанному в романах Карла Мая. В зомби молодой человек не верил и подобные разговоры в своей роте строго пресекал. Сейчас же ему было просто смешно. Нелепый мертвяк в черном цилиндре с дуэльным пистолетом грозил башням Нотр-Дам де Пари. Нет-с, господа-товарищи, не вышло у вас с Парижем. Слабы оказались краснознаменные зомби!

Улыбка тронула губы, на миг задержалась, истаяла. Красная мумба-юмба — это тоже вчерашний день, ушедший в вечность и никому уже не интересный. Сегодня! Оно наступило, оно здесь, ради этого и следует жить. Надо было торопиться, но бывший поручик позволил себе небольшую слабость — еще минуту возле сырого камня под синим весенним небом. Просто поглядеть на небо, просто глубоко вздохнуть, просто почувствовать, что жив.

Вновь шевельнулись губы, еле заметно, неслышно:

Столицы в расходе, как в бурю облака.
Надгробные игры сыграли в синеве.
И в горы уходят неполных три полка,
Летучего тигра имея во главе.

Матросы по следу, шенджийцы впереди,
Повозки и кони сплелись в гнилую нить,
И прапор к победам шагает посреди,
Еще ничего не успевший сочинить...¹

Стихи запомнились случайно — услышанные на коротком привале после боя. Тогда он сам был прапорщиком, как и неведомый автор этих строк. Но воевали вместе, где-то совсем рядом, иначе не лег-

¹ Стихи Александра Немировского.

ли бы в строчку шенджийцы — оседлые цыгане, служившие проводниками и «добровольцам», и «красным». Один такой лохматый с медной серьгой в тот день привел их отряд в засаду. Отбились чудом.

Счастливая доля — вернуться с той войны.
Контужен в походе — награда от богов.
Вчистую уволен от службы и страны,
Навеки свободен от всех своих долгов.

Бывшему поручику выпала счастливая доля — он вернулся с войны. Правда, награда от богов вышла чрезмерно щедрой, и возвращаться ему, спланному вчистую инвалиду, пришлось с черного хода. Чужая шинель, чужое имя, чужие документы в кармане. Поход вслед за летучим тигром стоил очень дорого... Но все-таки он вернулся и сейчас может потратить лишнюю минуту, чтобы постоять возле изуродованного Обелиска, посмеяться над воскресшим коммунарком в буржуйском цилиндре, проводить взглядом несущихся по небу белых всадников...

Бесконечное счастье — чувствовать, что жив. Все еще жив. Опять. Снова.

Поручик вновь улыбнулся, поправил фуражку, скользнул взглядом по случайному прохожему в такой же старой шинели, деловито шагавшему по аллее сада. Утро, все спешат по делам, пора и ему, вчистую уволенному от службы и от страны.

Нет! Он еще постоит. Несколько секунд, несколько мгновений...

«По улицам ходила большая крокодила, она, она...»
Тьфу, привязалась, зеленая! «...Голодная была. Во рту она держала кусочек одеяла...»

Красный командир сунул руку в карман, грея ноющие от сырости пальцы, и, еще раз ругнув не вовремя пришедшую на ум крокодилу, покосился налево, где высилась серая громада Обелиска. Вчера там играл оркестр, голосили ораторы, сегодня же никого, кроме одинокого парня в шинели, за чем-то остановившего возле груды мокрых венков. Шинель и фуражка незнакомца были определенно офицерскими, и красный командир неодобрительно хмыкнул. Не иначе из бывших, из недорасстрелянных по революционной спешке и запарке. Утратили бдительность товарищи из ЧК-ГПУ, пустили гулять по городу «кадета». Небось и документы чужие, и револьвер в кармане, и мысли под фуражкой несоветские. Стоит, на имена вождей, что в камне высечены, смотрит, греет ненависть классовую, насчет теракта соображает...

«Увидела француза — и хватить его за пузо! Она, она голодная была...» Не до тебя, крокодила! Сгинь, надоела!..

Командир пошевелил в кармане ноющими пальцами и подивился собственной кровожадности. Не иначе контузия виновата — голова ныла всю ночь, к утру разболелась рука... Никуда бы не ходить, отлежаться, морковного чаю попить... Нельзя. Марш вперед, труба зовет, красные герои! И незачем пачкать подозрениями первого же случайно встреченного человека. Был бы тот «контрой» — не стоял бы у Обелиска с именами основоположников социализма. А насчет недорасстрелянных — так чья бы корова мычала! Товарищи из ЧК-ГПУ бдительность не утратили и нюх не потеряли, того и гляди вспомнят поименно, кому по ошибке и запарке законные девять грамм недодали. И с кого начнут, товарищ

командир? С этого, в старой шинели, или с иных, что поближе? Шинель же на нем самом точно такая, как на незнакомце, офицерская, полученная на армейском складе осенью 1921 при демобилизации. Давно бы сменил, так не на что. Не берут инвалидов войны в «совбуры»!

«Увидела торговку — и хватъ у ней морковку, она, она голодная была!»

Осудив себя за ошибочные и местами даже паскудные мысли, красный командир констатировал, что в виденной им картине есть кое-что неправильное. Не парень у Обелиска (командировочный, по-ди!) — сам Обелиск. Что же это выходит? Воздвиг господин Власьев, придворный царский архитектор, это серое неподобие, дабы род Романовых восславить. Свергли угнетателей — а каменюке монархической хоть бы хны, лишь имена новые выбили. Были одни цари, старые, стали иные — новые. А что иначе зовутся, так велика ли разница?

В одном из госпиталей, куда занесла его фронтовая доля, довелось командиру прочесть старую книгу без обложки. Написал ее древний римлянин Корнелий Тацит. В гимназии не довелось, а здесь два раза перелистал, да и потом отдавать не хотелось. Среди прочего была там история про то, как некий римский губернатор, не пожелав на новую императорскую статую тратиться, просто заменил голову у старой. Так чем власть пролетарская того губернатора лучше? Стоило этакую тучу народа истреблять, чтобы вновь владыкам монументы ставить?

«Увидела чекиста — и убежала быстро, бока, бока отбили ей в ЧК...»

Нет, не заладилось в это утро у бывшего командира РККА. Больному да слабому даже крокодила

из песни поперек дороги станет. С пресмыкающейся тварью у него были особые счеты. Не с нею самой — пусть себе по улицам гуляет, ежели охота. А вот марш «Дни нашей жизни» композитора Чернецкого, на который она «крокодила» пелась, командир крепко не полюбился. Воевал он с января 1918-го, с самых первых выстрелов, и к последней, польской кампании, насмотрелся всякого. Понял: много дряни на войне, но хуже нет, когда над тобой и товарищами твоими — дурак-начальник. Что ни говори, а самое дорогое на свете — глупость, век не расплатишься.

Начальство попадалось всякое, лучше и хуже, но весной 1920-го поставили на их полк нового командира — бывшего унтера 129-го Бессарабского пехотного, для которого (для полка, не для унтера, понятно) Чернецкий и сочинял свой марш. Вот тогда «крокодилы» и наслушались. Комполка, как позже выяснилось, прежде служил в музыкантской команде, вот и тешил душу. Маршировать под «Дни нашей жизни» — ладно, но когда загремело и паны-поляки войной пошли, вздумалось бывшему музыканту атаковать врага в полный рост, словно на царском смотре. В штыки — под «крокодилу».

«Увидела япошку — и хватъ его за ножку...»

Был полк — не стало полка. С тех пор для красного командира бодрый маршик Чернецкого стал ничем не лучше вечного похоронщика Шопена. Старался вспоминать пореже, забыть, а в это утро, как назло, привязалось, следом идет, отставать не желает.

«По улицам ходила...» Да чтоб тебя вместе с твоим композитором! Отстань!..

В самом конце аллеи он обернулся. Возле серого

Обелиска было пусто — незнакомец в офицерской шинели исчез, не иначе отправился бомбы в вождей кидать и гайки в рельсах отворачивать. Красный командир невольно усмехнулся. Бомбы для вождей, конечно, перебор, но если бы «контрик» не пожалел пару фунтов толу ради монаршьего монумента, он, член РКП(б) с мая 1916-го, не стал бы возражать. К чертовой матери всех царей — и прежних, и нынешних! Эй, крокодила, ты не против?

Ответа не было — вредная тварь предпочла промолчать. Испугалась, поди!

2

— Разрешите?

Ответа дожидаться не стал — взял и зашел. Прикрыл визгливо скрипнувшую дверь, поправил гимнастерку, привычно бросил руки вниз, вздернул подбородок:

— Вырыпаев Виктор Ильич. Мне нужна Техгруппа Научпромотдела.

— Ага!

Ответ прозвучал из-за стола. Говоривший даже не поднял головы, продолжая изучать густой машинописный текст. К чему именно относилось «ага» — к «разрешите» или к фамилии посетителя, понять было совершенно невозможно. Гость не настаивал. Он явно не спешил — неторопливо повернулся, осматривая помещение, потом столь же неспешно поглядел в окно. Смотреть, впрочем, было почти и не на что. За окном — влажный булыжник маленькой площади, посреди которого вольно разместилось чье-то черное авто, комната же казалась самой обычной — стол с черным телефоном да три стула.

★
Портрет Карла Маркса на стене, чайник на подоконнике — и еще одна дверь, запертая и опечатанная, правда, не сургучом, а полосками, нарезанными из полосатых обоев. Второй столик, поменьше, забился в угол. Он не пустовал, будучи занят пишущей машинкой «Ремингтон» — полезным изобретением американца Шолеса. Обычно в таких кабинетах воняло табаком, но здесь явно не курили. Пахло мятой, и этот неожиданный запах был единственным, чему стоило удивиться.

— Я сейчас...

Тот, кто сидел за столом, без особой охоты положил бумагу в желтую папку с тесемками, выдвинул ящик стола, отчего-то поморщился, затем быстрым движением смахнул папку вниз, отправляя ее в фанерные глубины, после чего задвинул ящик обратно. Все это проделывалось с немалой ловкостью, но, и это было еще одной странностью, исключительно левой рукой. Правая бездействовала, будучи спрятана в карман брюк.

— Все!

Подведя таким образом итог, хозяин кабинета резко встал, шагнул из-за стола — невысокий цыганского вида брюнет в старом залатанном британском кителе. Короткая стрижка, черные глаза с хитринкой, гладко выбритое лицо.

Орден на красном муаре.

— Не ошибся, товарищ. Техническая группа — прямо здесь. Пока что исключительно в объеме моей скромной личности. Тулак Семен Петрович, бывший командир роты.

Левая рука была уже протянута в сторону гостя — по виду тоже военного, и тоже с орденом, но не на муаре, а просто на застиранной почти добела

гимнастерке. В отличие от леворукого тот, кто вошел, был альбиносом — белые брови, светлые ресницы. Голова бритая, словно у красного героя Котовского, на правой щеке — глубокий шрам.

Вошедший, помедлив самую малость, тоже протянул левую ладонь.

— Будь готов!

— Всегда готов!..

* * *

— Где только не встретишь скаута, — усмехнулся поручик. — Ты из каких?

Вопрос был не слишком понятен, но командир РККА сообразил сразу.

— Из «юкистов», ясное дело. Красный галстук, красный флажок! Был заместителем командира дружины — еще в 1917-м. Мы одни из первых большевиков поддержали. А ты что, из «лесных братьев»?

— Вроде того, — не стал уточнять бывший белый офицер. — А сейчас, значит, в подполье?

— Почему — в подполье? — искренне удивился «юкист». — Скаутское движение, понятное дело, оплот монархизма и реакции, зато пионерская организация имени героя древности Спартака — самая что ни на есть коммунистическая реальность. А если приглядеться — то же самое, только рубашки белые. Дело правильное! Как там в «скаутском Обещании»? «Разведчик весел и никогда не падает духом». Как раз для нас с тобой.

Поручик не стал спорить. Да, настоящий скаут весел и никогда не падает духом. Его младший брат был вожатым в подпольном «Братстве костра» — последней скаутской ячейке Киева. Уезжать отка-

зая, не желая бросать своих отважных мальчишек. «Разведчик — брат всякому другому разведчику», — гласит Обещание.

Значит, он, белый поручик, брат красному «юкисту»?

* * *

— В общем, присаживайся, товарищ Вырыпаев. — Хозяин кабинета пододвинул поближе стул, после чего присел и сам, но не за стол, а рядом. Гость кивнул, устроился на стуле — и внезапно скривился, словно лимон зажевал.

— Болит? — не без сочувствия поинтересовался Семен Тулак. — Это от погоды. Сырость, я тебе скажу...

— Рука, — вздохнул альбинос, — крепко ты ее сжал. Мне кисть из кусочков собирали.

Он поднял левую ладонь, неуверенно пошевелил пальцами, вновь поморщился. Тулак понимающе кивнул, приподнялся со стула, покосился на свою правую, по-прежнему пребывающую в кармане.

— Ага, знакомо. Давай сразу, для полной ясности. Меня на Польском фронте здорово приложило, уже под самый конец. Ничего, оклемался. А добавили уже в мирное время, можно сказать, в служебной командировке. Правой руке — полная амба, еле пальцами двигаю. Демобилизован вчистую за полной бесполезностью в деле защиты РСФСР. Я ведь тебе левую протянул не потому, что скаут. Правой мне и карандаш не взять.

— А у меня как раз левая, — без особой охоты отозвался Вырыпаев. — Еще в 1919-м. Но это ерунда, служить можно. В 1920-м не повезло по-крупно-

му, только не в Польше, а на Южном фронте. Но тоже ничего, встал. А потом, как и ты, поехал по казенной надобности в командировку и допрыгался. С тех пор меня к красным девицам пускать опасно — пугаются. Демобилизован с должности командира батальона.

Тулак кивнул в ответ. Ясность в самом деле была полная — правый глаз альбиноса был тускл и недвижен. Глубокий шрам словно подводил черту под случившимся.

— Батальонный, значит, — не без зависти протянул цыганистый. — А я дальше ротного не пошел. Ты чего, не из офицеро́в часом?

Нарочито неверное ударение лишь подчеркивало иронию, но альбинос не дрогнул лицом.

— Из красных курсантов, товарищ ротный. Направлен в дивизионную школу красных командиров как партийный и закончивший гимназический курс. Выпуск января 1919-го. Служил в штабе полка, затем попросился на строевую. После войны обещали послать в Академию...

Левая рука вновь поднялась вверх, неуверенно пошевелила пальцами.

— А мне ничего не обещали, — хмыкнул Семен Тулак, — разве что под трибунал, так с этого не шибко разживешься. В общем так, товарищ Вырыпаев. Предлагаю: первое — не киснуть и не пищать, потому как разведчик весел...

— ...И никогда не падает духом, — согласно кивнул альбинос. — Принято.

— ...И второе — время зря не тратить и войти в курс дела. А вводить тебя в этот самый курс буду я за отсутствием иных кандидатур.

Цыганистый подошел к столу, зачем-то снял те-

лефонную трубку, послушал, вновь опустил на рычаг.

— Не верю я этим телефонам, батальонный... Ну ладно, начнем с божьей... То есть, понятно, с помощью исторического материализма. О новом соотручнике меня еще вчера предупредили. Твою историю знаю, она ничем моей не лучше. Демобилизовали, справку выдали — и хоть на большую дорогу. Ты туда, ты сюда — нигде не нужен, разве что нэпманов пугать. Было б здоровье, как-нибудь бы пристроились, понятно. А таким, как мы, куда деваться? Я, знаешь, уже ничему не верил, потому как насмотрелся, как к нашему брату-ветерану относятся. Но в ЦК не подвели.

Вырыпаев согласно кивнул:

— Да, все верно.

* * *

Красный командир кривил душой — безработица ему не грозила. Еще до демобилизации, в госпитале, ему пообещали должность в армейской ЧК. Он отговорился, причем не без труда — упрашивали крепко. Затем позвали в ЧОН — весной 1921-го части особого назначения переформировывались, и ему, как военному с опытом, предложили стать инструктором при губернском штабе. Но бывший скаут не хотел воевать. Более того, шестое чувство подсказывало, что с его биографией лучше не быть на виду, уехать подальше, найти тихую заводь... Решение оказалось парадоксальным, но, если задуматься, правильным. Едва ли такого, как они, stanno искать в аппарате ЦК!

Поручик, напротив, стремился остаться в РККА.

Это было удобно и даже безопасно в последние месяцы войны, когда в Красной армии служили более пяти миллионов. Но после Польской кампании началось сокращение, тех же, кто хотел служить дальше, проверяли всерьез. Рисковать с чужим именем и чужими документами не хотелось. Он решил уехать в самую глушь, где не спрашивают, а воюют. Возвращаться пришлось уже инвалидом.

Можно было попытаться эмигрировать. В 1921-м это было не так и сложно: на кордоне, что румынском, что польском, хватало «окон», где распоряжались ушлые контрабандисты. Поручик подумал — и решил остаться. Что делать калеке под чужим небом? Даже «Христа ради» не подадут. К тому же в России жил брат, которого следовало увезти из ставшего очень опасным Киева. Но для этого требовалось надежно устроиться самому. Фронтовику-орденоносцу найти спокойное место было нетрудно, но бывший белый офицер предпочел теперь не прятаться, не забиваться в щель, напротив — заглянуть в самую сердцевину. Какие они, победители? Чем взяли? Почему оказались сильнее их, ушедших вслед за крылатым тигром?

На предложенную должность в аппарате ЦК согласился сразу.

* * *

— Здесь таких, как мы, трудоустраивают. И не куда попало, между прочим! — Бывший ротный присел на краешек стола, вновь покосился на молчащий телефон. — Политика простая: берут в первую голову бывших командиров и орденосцев. Мы как раз подходим по всем, так сказать, статьям.

★ Вот и определили — в Техническую группу при Научно-промышленном отделе.

— Мне так и объяснили в Орграспреде. — Альбинос отставил стул, неторопливо прошелся по комнате, скользнул взглядом по бородатому портрету Основоположника. — Только ты еще забыл добавить: берут не шибко образованных. Я на всякий случай про серебряную гимназическую медаль промолчал — и в анкете писать не стал. Подсказали добрые люди! Но и неграмотных не берут. Вот и думай, кто здесь, на наших местах, требуется.

Товарищ Тулак хмыкнул не без некоторого смущения.

— А чего? Верные нужны — и не слишком умные, обычное, между прочим, дело. Я тоже в Орграспреде контуженного изображал, чтобы в положение вошли. Ты дальше слушай... Группы пока, считай, нет, только ты да я. А будет так: двое или трое сотрудников (это обратно мы с тобой) — и техперсонал, карандаши чинить и самовар ставить, тоже двое-трое...

— Про карандаши — потом, — перебил Вырыпаев. — Ты чего, ротный, службу забыл? Старший кто? А главное — задачи. Мы — Техническая группа, однако ни у меня, ни у тебя инженерного образования нет. Так чем нам заниматься? Мебель ремонтировать? Одноруким вроде как несподручно.

— Вопрос понял.

Бывший ротный слез со стола, прошел к чайнику, нерешительно ткнул в него пальцем, подумал, снова дотронулся, но уже смелее.

— Греть надо. Я здесь, товарищ батальонный, приспособился чай с мятой гонять. Сейчас вскипя-

тим — и составишь компанию. Начальников у нас хватает. Подчиняться мы должны члену Центрального Комитета товарищу Киму. Его пока нет — из командировки не вернулся. Поэтому временно будем получать задания от товарища Товстухи Ивана Павловича. Но он тоже человек очень занятой — помощник самого товарища Сталина, генсека ЦК. И со здоровьем у него не лучше нашего, говорят, третьего дня из санатории вернулся...

— Все, как всегда, — вновь перебил альбинос. — Генерал занят, полковник пьян, капитан в отпуске, а командует унтер.

— Ага. И не всегда, скажу тебе, это плохо. В общем, пока слушаем приказы товарища Гриши Каннера, с которым, думаю, ты скоро познакомишься. Ну... Пожалуй, все. Ротный Семен Тулак доклад закончил. Пойду чайником займусь. У нас тут греть не на чем, но Гриша разрешил пользоваться примусом в его кабинете. Двинул!..

Он взялся было за чайник, повернулся к двери...

— От-ставить! — негромко, но резко скомандовал батальонный. — Что значит «доклад закончил»? Про главное-то и забыли, та-ва-рисч командир! Делать-то чего надо? Задачи группы?

Вместо ответа цыганистый отставил чайник, вернулся к столу, резким движением левой отодвинул ящик.

Папка с легким стуком упала на столешницу.

— Читай!

— Прямо так сразу? — усомнился альбинос, но бывший ротный только усмехнулся:

— Подписку в Орграспреде давал? Значит, допущен. Работай, та-ва-рисч!

Хлопнула дверь. Батальонный пошевелил в воздухе пальцами левой руки, еле заметно поморщился и шагнул к столу.

* * *

В воздухе пахло мятой, над кружками плавал горячий воздух, посреди опустевшего блюда сиротливо лежали маленькие неровные кусочки колотого сахара. Они не понадобились — чай оказался хорош сам по себе. Глотнешь, вдохнешь мятный дух, на миг задержишь дыхание...

— Это здорово, что мы с тобой табак не потребляем, — заметил Семен Тулак. — Боялся, что пришлют махорочника, тогда бы точно жизни не стало. Я после госпиталя дым, считай, не переносю. Воротит!

— Скауты не курят, — невозмутимо отозвался Вырыпаев, не отрывавший глаз от машинописной страницы. Уже прочитанные аккуратной стопкой высились по левую руку. Бывший ротный тоже не бездельничал. Пристроив карандаш в левой руке, он тщательно выводил большие неровные буквы. Не на бумаге — на обратной стороне куска обоев. «Настоящую», годную для «Ремингтона» бумагу, как пояснил Семен, приходилось экономить.

— И до чего успел добраться, товарищ батальонный? — не без иронии поинтересовался он, оценив объем уже прочитанного. Вместо ответа альбинос пододвинул ближе страницу, дернул светлыми бровями, прищурился:

— «...Коллегией за отчетный год было уделено большое внимание также и работам, имевшим целью как ближе ознакомиться с характером исходного сырого материала Тюя-Муюнской радиоактив-

ной руды, которая в дальнейшем, в случае возникновения у нас радиевой промышленности, будет служить для нее сырьем, так и приступить к выработке наиболее рационального метода ее переработки. В этом направлении по поручению коллегии за отчетный год продолжались анализы технической руды Тюя-Муюнского месторождения, было приступлено к полному радиологическому анализу этой руды и начаты работы по изысканию рационального метода ее обработки. Наряду с экспериментальными работами за отчетный год коллегией было обращено также особое внимание на подыскание и приспособление для такого рода работ...»
Дальше читать?

— Я уже прочел, — хмыкнул Тулак. — Аж два раза. И про коллегию, и про то, что товарищи из ВСНХ не хотят на этот радий денег давать по причине явной убыточности для народного хозяйства. Ты по делу.

— По делу...

Вырыпаев отложил бумагу, несколько секунд помолчал, затем резко ударил костяшками пальцев по столешнице.

— А по делу выходит так. Поиски урановых руд ведутся в России с 1908 года. Этим занималось «Ферганское общество по добыче редких металлов», по капиталу — частное, по факту — смешанное, с участием государства. Нужное сырье — урановая смолка — было обнаружено в Тюя-Муюне в Ферганской долине, где добывали медь. От Академии наук этим занимался профессор Вернадский...

— С прошлого года и по настоящее время — белый эмигрант, — усмехнулся Тулак. — По Парижам гуляет.

— ...Несмотря на войну и революцию, исследования были продолжены. В марте 1918-го была создана специальная комиссия Академии, а затем — и коллегия ВСНХ. Наконец задача была решена. В 1921 году в поселке Бондюжском, что в Вятской губернии, из ферганской урановой руды был выделен радий с помощью нового метода, разработанного радиохимиком товарищем Хлопиным. Академия наук предлагает продолжить финансирование работ ввиду очевидной нужности радия...

— И его столь же очевидной дешевизны. Всего ничего, двести килограммов золота за один грамм, — подытожил ротный, вставая. — Там дальше отрицательное заключение из президиума Совета Нархозяйства, расчеты всякие, смета. Дороговато будет!

— Но запрос пока не отклонили, а документы почему-то передали сюда, в Техгруппу.

Батальонный тоже встал, вышел из-за стола, взял кружку, вдохнул мятный аромат.

— Товарищи финансисты против, товарищи ученые — за, но не могут толком объяснить, зачем этот радий нужен.

— «Может быть использован медицинскими учреждениями, а также для дальнейших научных изысканий», — с выражением процитировал Тулак. — Красиво сказано, а? Мне ввек такого не придумать. «Дальнейших научных изысканий...» Двести кило золота за грамм. Это сколько в пудах будет?

— Сорок восемь за один золотник, — чуть помедлив, отозвался альбинос. — Да, слишком дорого — даже для медицинских учреждений. Но это и без нас прекрасно понимают. А поэтому вопрос: отчего. Научпромотдел, вместо того чтобы согла-

ситься с теми или с другими, отправил бумаженцию к нам. Ученых здесь нет, бухгалтеров — тоже. Кто объяснить может?

Он помолчал, но ответа не дождался. Товарищ Тулак явно увлекся чаем.

— Ладно, попробую я. Ответ первый, самый простой. В ЦК уже есть свое мнение, но им надо записать в заключении, что документ рассмотрела Техгруппа. Для пущей бюрократической солидности. Значит, от нас ждут, что спорить мы не станем и согласимся с одним из мнений. С каким — догадаться просто, потому что в Академии наук членов ЦК пока что нет, а в ВСНХ — наоборот. Но простой ответ — не значит правильный...

— Ага, — не слишком внятно отозвался бывший ротный.

— Предположим иное. В Научпромотделе видят, что дело хоть и ясное, но что-то в нем не так. Вроде бы радий и вправду может подождать, не хлеб и не уголь, но тогда почему исследования финансировались даже во время войны? Деникин под Тулой — а на радий деньги перечисляют. То, что я прочитал, писано как раз в 1919-м, в самую горячку. Тогда финансирование утвердили, более того, решили эвакуировать лабораторию подальше от фронта, в Вятскую губернию. Значит, был смысл? Вот нам бумаги и передали — ради свежего взгляда. Вдруг чего заметим?

— А я и не знал, что мы такие умные, — задумчиво проговорил Семен Тулак. — ВСНХ не разобрался, Академия не смогла, ЦК в сомнениях... На одних нас, контуженных, надежда. Не спят, поди, не едят, чаю не пьют — ждут, чего мы скажем, что увидим.

Умозаключение было подкреплено большим глотком из дымящейся кружки. Но альбиноса это ничуть не смутило.

— Уже увидели. Чего не было в этом году по сравнению с предыдущими? Не было, товарищ Тулак, профессора Вернадского, который, как ты верно заметил, гуляет по Парижам. Значит, мы не ошибемся, если предположим: товарищ Вернадский имеет что сказать по предмету. Между прочим, это именно он предложил заняться радием еще в 1908-м, и тогда его поддержали. И в 1918-м поддерживали, и потом. Но вот беда, Научпромотдел ЦК создан лишь в конце прошлого года, значит, перед цекистами профессор еще не выступал. Что же он мог такого сказать? Спросить бы!..

Ротный отставил кружку в сторону. Альбинос заметил это и еле заметно улыбнулся.

— Не будем тревожить профессора, пусть себе гуляет, авось еще вернется. Просто подумаем. Почему никто другой не выступил, не привел аргументы? Не про медицинские учреждения, не про какие-то там изыскания, а настоящие, серьезные. Не потому ли, что дело секретное?

Семен Тулак встал, молча обошел стол, открыл ящик в левой тумбе стола.

Еще одна папка — совсем тонкая, на пару страниц.

— Ведь что получается? По капиталу «Ферганское общество по добыче редких металлов» — частное, акционерное, но какая-то госструктура его все время поддерживала. Что интересно — и до революции, и после. Остается узнать, какая именно — и почему. Как выразился по сходному случаю Эдгар

Алан По: «Эта лодка с быстротой, которая удивит даже нас самих, приведет...»

— Главное артиллерийское управление, отдел Технических артиллерийских заведений.

Левая ладонь ротного легла на желтый картон.

— Я документы как раз перед твоим приходом получил. ГАУ их вело, этих физиков-химиков. Аж с 1908-го, еще до того, как рудник в Фергане заложили. А в 1910-м Вернадский особое мнение написал. Вот...

Зашелестели бумаги. Пальцы нашли нужную, расправили, подняли.

— «Радиевые руды должны быть исследованы нами, русскими учеными. Во главе работы должны стать наши ученые учреждения государственного или общественного характера». Ну, ему тогда же объяснили, что общественного — это гнилой либерализм, а вот государственного — в самый раз. Так что перед нами, товарищ батальонный, секретная военная программа бывшей Российской империи, а ныне тоже секретная, но наша, Союза Социалистических Республик. Бухгалтерам из ВСНХ эти тайны, понятное дело, никто разъяснить не станет, а Научпромотдел просто не поставили в известность. На беду, и товарищ Вернадский отлучился, правда, не в эмиграцию, как некоторые несознательные думают, а для исследования элемента под названием «паризий», о чем также имеется соответствующий документ. Ничего, авось вернется, как ты верно заметил.

Вырыпаев кивнул, сжал губы, повернулся.

Резко шагнул вперед.

— Проверял, значит? Экзамен устроил?

— Не-а, — моргнул в ответ бывший ротный. —

Это меня товарищ Каннер проверял. Сунул бумаги — разберись, мол, чего здесь не так, докажи, что не зря на должность назначен. Не сам он придумал — генсек товарищ Сталин поручил. Тут вся беда в том, что товарищи военные не очень любят делиться секретами с Центральным Комитетом. Вот и вышла накладочка. Ничего, товарищ Сталин заметил, Гриша Каннер бумаги собрал — а я полдня по этажам побегал и пару раз по телефону позвонил. Ты же спрашивал, какие у нас задачи? Вот такие, к примеру. Потом и потруднее будут. Я ответил?

Альбинос немного подумал, улыбнулся.

— Ответил. Ничего, справимся. «Разведчик трудолюбив и настойчив».

— «Исполняет приказания родителей и начальников», — подхватил Семен Тулак. — Последнее — точно про нас.

— Будь готов!

— Всегда готов!

3

Поручик понял, что война проиграна, победным летом 1919-го. Добровольческие корпуса рвались на север, большевики бежали, бросая целые губернии, города встречали белых пасхальным колокольным звоном, впереди уже маячила Столица в сиянии золотых куполов... Именно тогда бывший скаут ощутил ледяной холод грядущего поражения. Не на фронте, не после горячей атаки — в глубоком тылу, в тишине кабинета, листая бумаги в такой же точно папке, как та, что хранила секреты урановой смолки. Не поверил, перечитал вновь, достал другие папки, целую грудку. Бумаги пахли пылью, ровный

писарский почерк и «слепые» буквы машинописи равнодушно вещали об одном и том же. Они проиграли — окончательно и бесповоротно. Разве что чудо...

Поручик, вы верите в чудеса?

С чудесами было трудно. Отец — инженер-путеец, мать — учительница гимназии, строгая «математичка». Брат отца, любимый дядя Сережа, — известный финансист, банкир из первой российской дюжины. Сказок в доме не признавали, детям полагалось читать популярные брошюры по естествознанию и культурологии. Дядя-банкир, добрая душа, приносил иногда книжки про маленьких лесных человечков и школу волшебников, но непременно предупреждал, что это лишь выдумка, поучительное иносказание. Правда же — в толстых книгах, где много цифр и мало картинок. Именно дядя ранней осенью 1914-го, когда еще не стихли победные вопли «На Берлин!», поразил племянника-гимназиста своим мрачным видом и полным нежеланием говорить о будущей победе: «Ты знаешь, что такое «снарядный парк», племяш?»

Поручик вышел из госпиталя в мае 1919-го. Осколок нашел его под Мариуполем, когда полк отражал атаки Заднепровской дивизии Дыбенко. Ранение оказалось очень неприятным, с тяжелыми осложнениями, и молодой офицер едва отбилсЯ от грозившей ему «чистой» отставки. Не то чтобы ему так уж хотелось воевать, но поход вслед за летучим тигром следовало завершить. Иначе какой из него скаут?

Начальство пожало плечами, предложив беспокойному инвалиду самому найти себе дело. Поручик принялся без особой надежды бродить штаб-

ными коридорами — и внезапно встретил давнего знакомого, правда, не военного, а сугубо штатского. Михаил Владимирович Бернацкий, добрый приятель дяди-банкира, недавно был назначен начальником управления финансов Вооруженных сил Юга России. Все быстро устроилось. Адъютант гражданскому не полагался, и поручика оформили «помощником». Должность оказалась беспокройной — «начфин» Бернацкий редко бывал в кабинете, предпочитая проводить время в постоянных разъездах по вверенной ему территории. А поскольку будущий поручик в гимназические годы весьма успевал по математике, Михаил Владимирович усадил помощника за бумаги: «Знаете, что такое «ассигновка», молодой человек? Ничего, узнаете!»

Фронт гремел победами, его сослуживцы брали города, а поручик листал документы в желтых папках и подшивал к «делу» бланки телеграмм. Он сразу заметил, что военные успехи не слишком радуют белого «начфина». У него был свой фронт, на котором удач было куда меньше. Когда пришла телеграмма о начале экономической блокады Кубани — в ответ на необеспеченность все тех же «ассигновок», Михаил Владимирович снял пенсне, тщательно его протер, уложил в кожаный футляр и коротко бросил: «Финиш!» Поручик не удивился, за эти недели он научился очень многому. Сын инженера-путейца и прежде не слишком верил в то, что на войне побеждает тот, в чьей армии больше героев. Героизм — всего лишь кровавая плата за ошибки, а «умение умирать», которым так гордились многие «добровольцы», — стыдливое признание неизбежности поражения. Победу дают порядок, крепкий тыл и контроль за исполнением приказов.

У красных, которых его сослуживцы по привычке принимали за бежавшую из зоосада стаю бабуинов, все это имелось.

Поручик попросил разрешения еще просмотреть документы за последние дни. Желтая папка, «слепой» машинописный шрифт. Они проиграли. Чудо? Почему бы и нет? «Если возьмем Столицу до ноября, — без особой надежды предположил Бернацкий. — Молодой человек, вы верите в чудеса?»

Поручик в чудеса не верил. Тем же вечером он написал рапорт с просьбой отправить его на фронт. В свой полк он вернулся в начале сентября, за несколько дней до взятия Курска. До ноября, за которым лежал Рубикон, оставалось еще целых два месяца.

* * *

Где был красный командир в сентябре незабываемого 1919-го, он вспоминать не любил. Про весну и начало лета говорил охотно, по зиме тоже, а вот август и вся осень как-то выпали, затерялись, не оставив следа. Не в документах — там все было более-менее пристойно, если, конечно, не копать всерьез. А вспоминать? На то и война: все спуталось, сплелось, перемешалось. Остались лишь короткие кадры, словно на экране синема, обрыв в начале, обрыв в конце...

...Белая пыль до самых небес, скрип повозок, хриплые голоса усталых людей, негромкая ругань, знакомый, давно уже ставший привычным, гул канонады.

— Товарищ начальник штаба группы! От товари-

ща Якира. Он сейчас на позициях нашего полка, прислал меня со связью...

Впереди Умань. Первый бой они проиграли. Снарядов осталось чуть, и командующий Южной группой приказал атаковать без артподготовки. У петлюровцев с артиллерией тоже было не очень, зато хватало пулеметов. Именно тогда красный командир стал ротным, заменив убитого в бою.

— Прочитайте сами, товарищ. Я... не вижу.

Начштаба, бывший контр-адмирал Александр Васильевич Немитц, читать уже не может. Легкая рана, на которую вначале не обратили внимания, загноилась, растеклась болью, уложила на скрипучую повозку. Температура под сорок, не падает, растет. «Если умрет, без головы останемся!» — сказал этим утром Иона Якир. Негромко сказал, словно про себя, но все услышали.

— Передайте товарищу Якиру, что я настаиваю на четком исполнении плана. Атаковать на фланге, с левой руки, если не получится — атаковать снова. И обязательно — артподготовка. К вечеру Умань мы возьмем, пополнимся трофеями...

Глаза начштаба закрыты, еле движутся белые восковые губы.

Обрыв...

* * *

— ...И место для подписей — моей и твоей. Свою можешь поставить первой, мне не жалко. Ничего, завтра обещали прислать ремингтониста, пусть он и мучается.

Виктор Вырыпаев согласно кивнул, не отрываясь от бумаги. Документ с грозным названием «Тех-

группа Научпромотдела ЦК РКП(б). Заключение № 1» составляли вместе, но писать довелось батальонному. Левая рука его нового сослуживца годилась лишь для выведения каракулей на обратной стороне обоев. Лист казенной бумаги требовал серьезно отношения.

— Одного боюсь, — вел далее товарищ Тулак, — пришлют такого же раненого-контуженного, вроде нас с тобой, и будет он в час по одной букве печатать. Ошибется — станет в потолок палить из именного маузера. А то и за шашку схватится.

Батальонный представил себе картину, подумал и усомнился.

— Зачем — контуженного? Направят какую-нибудь комсомольскую девицу с биржи труда. А то и партийную могут подобрать, сейчас в Столице безработица лютая.

— Девицу ему! — хмыкнул цыганистый. — Жди! Ну, чего получилось?

Он осторожно взял со стола лист, легко взмахнул им в воздухе, дабы просушить чернила, но читать не спешил.

— Для ясности, товарищ батальонный. Не будет тебе девиц с биржи. Места в Техгруппе — только для фронтовиков-инвалидов, о чем я уже докладывал. Не только из партийного гуманизма. Таких, как мы, хрен в шпионы завербуешь — проверенные и на врагов злые.

Вырыпаев промолчал, но весьма выразительно дернул светлыми бровями.

— Ты наивным не притворяйся и своей интеллигентской иронией не дави, — не одобрил ротный. — Шпионы — они не только британскими и белогвардейскими бывают. Секреты ЦК многих интересо-

вать могут. А этим многим, пусть даже они с партбилетами, при важных постах и в черную кожу одеты, о наших делах знать не по чину. Это я тебе намекнул, ты же попытайся понять в меру своего гимназического образования. А я пока почитаю, неспешно и вдумчиво.

Батальонный чуть подумал — и молча кивнул. Загадка оказалась не слишком сложной. «Кожаная» мода постепенно уходила в прошлое, но сотрудники Госполитуправления пока еще придерживались старых чекистских традиций.

* * *

Поручика так и тянуло съязвить по поводу того, что жандармов нигде не любят, но он предпочел воздержаться. Странно все же выходило, если подумать. В старой России жандармский корпус был из самых-самых, туда зачисляли лишь потомственных дворян. Любимцы власти! А вот все остальные, от эсеров-бомбистов до гарнизонных офицеров, этих любимцев на дух не переносили. ГПУ, кажется, полностью вписалось в традицию.

* * *

Бумага была подписана, что стало поводом для нового чаепития. Греть не стали — выпили по кружке чуть теплого отвара, после чего товарищ Тулак достал большие серебряные часы с гравировкой, взгляделся в циферблат и констатировал, что Техгруппа работает с явным опережением графика. Гриша Каннер, которому бумага и предназначалась, обещал быть на месте только через сорок минут. Оставлять «Заключение № 1» в приемной бди-

тельный ротный не решался. Мало ли кто там под столом прятаться может?

— Делом пока займемся, — рассудил он. — Про радий — это только начало, пусть и важное. Каннер нам еще «вермишели» накидал. Сказал, что не к спеху, но лучше надолго не откладывать.

Вырыпаев недоуменно моргнул. Пришлось пояснить.

— «Вермишель», товарищ батальонный, — не только лапша по-буржуйски, которую сейчас только в академическом пайке встретишь. Это еще и не слишком важные вопросы из тех, что высокому начальству решать не с руки. Вот, скажем, есть Совнарком — и есть Малый Совнарком, его как раз «вермишельным» и прозвали. Сваливают туда всякую мелочь, чтоб разбирались помаленьку.

— Кажется, «вермишелью» называли мелкие вопросы из повестки Думы, — вспомнил батальонный. — У нас в классе думали, что это — насчет продовольствия. Тогда, зимой 1916-го, перебои с хлебом начались.

— Во-во, правильно рассуждаешь. В Научно-промышленный отдел бумаги приходят разные. Которые из учреждений, те рассматриваются в первую очередь, на официальных заседаниях. Но отдельные партийцы тоже пишут — и пишут много. Это и есть «вермишель». Наша задача — изучить и отсортировать. Ерунду — в архив, ценное — на рассмотрение. Пока у нас писем немного, с полдюжины. Два я сразу назад отдал, там про клады колчаковские. Гриша Каннер предупредил: если про золото и про иную наличность — возвращать без изучения и проверки. На них свои читатели найдутся, которые в черной коже.

— Жаль! — искренне вздохнул батальонный. — С детства мечтал клад отыскать. «Пиастры! Пиастры! Пиастры». «Да сбудутся мечты Билли Бонса!» «Дарби Макгроу! Дарби Макгроу! Дарби, подай мне рому!»

Ротный только плечами дернул:

— Пиастры — это из детской книжки? Читал как-то в госпитале, там, правда, первых страниц не было. Скурили, грамотеи! Твои пиастры, товарищ Вырыпаев — форменная ерунда, они все на одной-единственной шхуне без напряжения поместились. А восемь вагонов золота из Казанского хранилища, которые беляками за Байкалом спрятаны? Тут уж не шхуна потребуется. Ниче, гимназист, там еще много интересного. Бери, читай! Про водяных людей есть. Слышал о таких?

Настало время батальонному пожимать плечами.

— Нет, не про водяных, которые в сказках, — понял его Семен. — А про возможность долгого пребывания под водой, что представляет немалый интерес для ведения разведки и партизанских действий во вражьих тылах. Погляди — и дай оценку. Там какие-то чудики часами в речке сидели, даже не булькали.

— Водоармейцы в тылу врага, — с выражением проговорил Вырыпаев. — И красный авиатор товарищ Яга. «Мертвецы Парижской коммуны воскресли под красным знаменем Советов!»

— А, ты тоже плакат видел? Товарищи пропагандисты, конечно, погорячились. Народ у нас простой и конкретный, намеки не шибко понимает. Увидит того мужика в буржуйском цилиндре и, того гляди, поверит. Нас и так всякие несознательные «антихристами» величают...

* * *

— Был у меня случай, — хмыкнул красный командир. — Взяли село, с боем, с кровяной, а после, как отдышались и воды выпили, собрались наших ребят хоронить. Так местные не хотели на кладбище пускать, чтобы, мол, церковную землю не сквернили.

Он встал, без особой нужды поглядел в окошко, сжал левую руку в кулак.

— Вот тогда мы и наслушались. «Анчихристы, анчихристы, земля вас не примет!» Зря это они, злые мы были. Еле удержал бойцов, парни уже пулемет развернули. Одну бабку, самую вредную, на штыки все-таки взяли. Если подумать, так этой ведьме старой и надо! Мы ее для примера прямо на улице бросили — и до вечера забирать запретили, чтоб прочим неповадно было.

Белый офицер не выдержал — поморщился.

— Про водяных ничего не скажу, а вот про всяких ходячих мертвецов разговоры были. Полк Бессмертных Красных Героев, гаитянские зомби на службе Республики Советов. Одним махом полк беляков загрызахом!

— И кровяную выпивахом, — согласился красный. — Смешно. А ты про «попрыгунчиков» в Питере слышал? Были такие бандюки, на кладбищах прятались и в простыни одевались. Объяснить зачем? Идет гражданин поздним вечером, а тут перед ним этакое страшило, да еще с револьвером в руке. Тут не только кошелек отдашь!

— Погоди! — изумился бывший белогвардеец. — Выходит, все эти разговоры про полк мертвецов — вроде психической атаки?

— Вроде. Но не все так просто. Видел я этот

полк, 305-й пехотный. И с товарищем Венцлавом, его боевым командиром, знаком. Все под Казанью началось, в сентябре 1918-го. Тогда наши еще воевать не умели, гад Каппель одним батальоном целые дивизии гонял. Приехал товарищ Троцкий, в Свияжске его ставка была. Стал порядок наводить, трусов в расход пускать, целые полки расформировывать. Всякое случалось, каждого десятого стреляли, заградительные отряды из латышей ставили — пулеметами народ взбадривать. Сейчас об этом вспоминать не любят, но что делать-то было? Пропал бы фронт, рухнул. А ведь помогло — научились воевать.

— Научились, — кивнул поручик. — У нас в штабе как-то подсчитали. В 18-м «добровольцы» победили даже один к семи. В начале 19-го — один к четырем, к ноябрю — один к двум, и то не во всех случаях. Но дело не только в учебе. К 1919-му и у белых, и у красных личный состав стал практически одинаковым. И там мобилизованные, и там.

— Слишком умные они, твои военспецы, — хмыкнул красный. — Не все части можно равнять. Одно дело — латыши или Червонные казаки, совсем другое — обычный зауряд-полк из крестьян Весьегонской волости. Товарищ Троцкий это сразу понял. Он тогда, в сентябре, предложил трусов метить — черные воротнички нашивать. Не поддержали. Тогда иначе сделали — начали создавать штрафные части. 305-й полк как раз такой. Собрали дезертиров — тех, что с поля боя бежали, командиров-растяп, комиссаров-недоумков. А во главе поставили испытанного большевика товарищ Венцлава. Рука у него тяжелая. Каторжанин! Вот он их к нормальному бою и привел, через полгода его часть в самых

лучших числилась. Сейчас это Особый полк, в Подольске стоит.

— А как же Бессмертные Герои? — удивился беляк. — Мертвецы ходячие, революционные? Эй, по кладбищу! Тре-во-га-а-а! Гробы открыть, саваны заправить, катафалки на боевую позицию!..

Красный командир смеялся так долго и весело, что поручик даже позавидовал.

— Хорошо формулируешь, тебе бы резолюции составлять! Дело так было. Собрали в полк дезертиров и прочую шушеру, под знамя поставили, а дальше что? Как в бой их послать, чем убедить? Смертью уже пуганные, там не десятого — каждого третьего в распыл пускали. Вот тогда кто-то и скажи: беглецов, мол, будем отправлять в Столицу к товарищу Кедрову, который из коллегии ВЧК, на предмет научных опытов на живом человеческом материале. Ерунда, понятно. Товарищ Кедров тогда на севере воевал, какие уж опыты! Но, представь, подействовало, как наскипидаренные в атаку побежали. Потом и по армии слух пошел, что штрафников в Столицу отправляют — живьем резать и пиявкам скармливать. А дальше — как в телефоне: не туда отправлять, а оттуда, и не для опытов, а после. И страхов всяких напустили: мертвякам микстуру особую вводят, чтоб из гробов вставали, по лесам оборотней ловят для использования в разведке, а сам товарищ Венцлав — упырь сибирский, из тех, что осина не берет. Ребята в полку, не будь дураки, спорить не стали, со всей этой ерундой соглашались. А там и прозвание родилось: Бессмертные Красные Герои, не кто-нибудь. Между прочим, когда полк подтянулся, его стали для воспитательного воздействия использовать. Шепнут новобранцам,

что провинившихся Бессмертным Героям отдадут на предмет поправления их здоровья, — шелковыми становились. Вот и все сказки!

— Логично, — рассудил поручик. — Но скучно как-то. У меня семья не слишком верующая, в церковь ходили, чтобы только приличия соблюсти. Я с детства усвоил, что сказки — сплошная выдумка, звери человеческим голосом не разговаривают, девочку же Машу три медведя просто съели. А упыри и оборотни — всего лишь плод народного невежества.

Командир РККА ответил не сразу. Думал.

— А! Понял, к чему ты. Жить вроде как скучно? Сплошная научная картина мира, и никакой тебе интеллигентской романтики. А ты представь, что байки про 305-й правдой оказались. Веселее бы стало — с упырями? Нет, я без нежити обойтись готов, оно спокойнее будет. Только вот картина эта научная какая-то не шибко ясная. То с одного краю подтекает, то с другого. Никак товарищи ученые разобраться не могут.

На этот раз белый офицер был с ним полностью согласен.

* * *

В семье поручика действительно не жаловали мистику. Если мать еще допускала, пусть только в теории, существование Верховного Существа и неведомых человеку «тонких» миров, то материализм отца был строг, как железнодорожное расписание. Даже если дети болели, инженер-путеец не молился и не ставил в церкви свечи «за здоровье». Когда старший уходил добровольцем на германский фронт,

и мать, прощаясь, перекрестила сына, непримиримый материалист отвернулся. Тем невероятнее было то, что случилось дальше. Отец отозвал будущего поручика в сторону и ровным, без тени эмоций голосом поинтересовался, не помешает ли ему в дороге одна небольшая вещь. Совсем маленькая, пустяковая.

Иконка.

Предваряя недоумение сына, инженер тем же безразличным тоном рассказал, что двадцать лет назад его мать, женщина религиозная и очень суеверная, умирая, строго наказала, чтобы иконку взял с собой первый из семьи, кто уйдет на войну. Не выполнить эту, пусть и не слишком разумную, просьбу он не может, поэтому если сын не возражает... Тут сдержанность изменила отцу, и он весьма кислым тоном добавил, что иконка-то неортодоксальная, не по Стоглаву, можно сказать, сомнительная. Такие изображения Русская православная церковь не слишком приветствует.

Подарок покойной бабушки свежеиспеченный «прапор» догадался рассмотреть только через пару месяцев, под Луцком, в коротком перерыве между атаками. Иконка оказалась маленькой и темной, понять же, что на ней изображено, было весьма мудрено. Чей-то старческий лик в высокой короне, воздетые в сторону руки, вокруг же то ли стены храма, то ли пещера. Не Творец, не святой, не мученик.

Помогли солдаты — деревенские парни, еще не забывшие, что им рассказывали в детстве, на уроках в приходской школе. Да, не Творец и не святой. Отец оказался прав, такие иконы редко помещали в церкви. Деревенские батюшки весьма смуща-

лись, когда излишне любопытные прихожане интересовались «тем, кто в пещере». Даже имя его было странным, каким-то нездешним, чужим.

Царь-Космос.

4

Под вечер мороз вернулся. Зима брала реванш, наползая на замершую в огне редких фонарей Столицу. Тонкий лед вновь покрыл грязные лужи, мокрые венки возле Обелиска словно оделись камнем, мороз искорежил плакат, разорвал — и отдал на растерзание налетевшему ветру. Помочь было некому, Александровский сад опустел. Холодная безвидная ночь навалилась на город.

Поручик возвращался со службы через Манежную площадь. Общежитие, где он временно остановился, было не очень далеко, и он надеялся всеконечно не замерзнуть. Улицы обезлюдели, редкие прохожие жалась к подъездам, и он искренне удивился, когда дорогу загородил милицейский патруль.

— Ваши документы, гражданин!

Появился повод в очередной раз искусить Судьбу, а заодно проверить новенькое удостоверение на плотной восковой бумаге с грозным грифом Центрального Комитета. Документ служивые читали долго, подсвечивая фонариками и негромко переговариваясь. Поручик мерз и одновременно пытался понять, что здесь не так. Не с документами, они были в полном порядке, — с милиционерами. И только получив удостоверение обратно и попрощавшись, бывший офицер понял. Фонарики подсветили не только машинописные строчки на восковой бумаге, но и желтый кант по краям ребер зимних

милицейских шапок. Желтый — и это было очень странно. Совсем недавно он скуки ради перечитал статью в «Известиях», где подробно описывалась новая милицейская форма, введенная два месяца назад, в январе: «Шапка типа пилотки с прямым козырьком из черной кожи, дно полуовальной формы, посредине вогнутой, образующей два ребра...»

У краскома тоже проверили документы — прямо у памятника великому бунтарю Степану Разину, установленного на Лобном месте. Удостоверение изучали долго, и бывший ротный мог вволю налюбоваться ажурным павильоном, обтянутым тяжелой темной тканью. От скуки командир принялся разбирать надпись на монументе, что оказалось не слишком удобно в темноте. Когда он дошел до слов «Держитесь крепче за правду красную, будет скоро желанный день», документы ему вернули и пожелали счастливого пути.

На цвет канта внимания он не обратил.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Местная командировка

1

— Начнем с вопросов. — Товарищ Ким улыбнулся и отхлебнул из дымящейся кружки. — Думаю, они у вас уже появились.

Поручик и его большевистский коллега переглянулись. Вопросы, конечно, имелись, но стоит ли проявлять инициативу, которая, как известно, строго наказуема? Пусть уж начальство выскажется. Ему это больше по чину.

Начальство выждало должное время, вновь отхлебнуло пахнувший мятой чай.

— Вот вы, товарищ!

Острый взгляд ярких синих глаз скользнул по бывшему командиру РККА. Деваться было некуда. Тот нехотя поднялся, привычно развернул плечи.

— Вопрос один, товарищ Ким. Задачи Техгруппы и все, с этим делом связанное.

Сидевший рядом поручик одобрительно кивнул. Давно пора!

Начальство появилось внезапно, причем без всякой торжественности. Где-то около полудня в дверь постучали, и на пороге возник знакомый сотрудник из Орграспредотдела. Поглядел внимательно, довольно хмыкнул:

— Тут они, товарищ Ким. Оба!

Потом сделал строгое лицо, подмигнул:

— Встречайте начальство!

Исчез. В комнату входило начальство — не слишком высокого роста, широкоплечее, с неожиданным для холодной Столицы «вечным» южным загаром. Густая проседь на висках, легкомысленная «шкиперская» бородка, серый пиджак поверх полотноной рубахи с косым воротом. Сколько лет — не поймешь: если судить по седине, то за сорок, по глазам — еле за двадцать. Вид сугубо штатский, цивильный, но кобура на месте, пиджак оттопыривает.

— Курите, товарищи?

Из кармана появилась большая темная трубка. Взгляд пробежался по комнате, зафиксировал дымящийся чайник на подоконнике.

— Понял. Ограничимся чаем. Ну, давайте знакомиться!

* * *

Красный командир был несколько разочарован. Начальник — настоящий, столбовой, не должен забегать к подчиненным, дабы представиться и выпить чаю с мятой. Его дело восседать в огромном кабинете за столом-надгробием, сурово сдвигать брови к переносице и ставить провинившихся по стойке «смирно». Чай же приносит вышколенный порученец непременно на подносе с серебряными подстаканниками. «Извольте выкушать, ваше превосходительство!» Дело, конечно, не в титуловании. Советский ли барин, царский — велика ли разница? Вон, товарищ Сталин всем хорош, всем помогает, дурного слова не услышишь — ни о нем, ни от него. А все равно: кабинет, холуйки в приемной, подстаканники серебряные.

А уж спрашивать, курят ли подчиненные, а после прятать трубку в карман — вообще гнилой либерализм. Этак до анархии-матери порядка рукой подать. Нет, не тот начальник, не тот!..

О начальстве он имел самое скверное мнение с детства. Не просто недолюбливал — на дух не выносил и за людей не считал. Всякое — от мордатого городского, гонявшего мальчишек на улицах, до дирекции завода, постоянно грозившей отцу увольнением. Тот был заслуженным эсдеком, неоднократно попадавшим под арест и успевшим в молодые годы побывать в сибирской ссылке. До увольнения все же не доходило — заводу не хотелось лишаться хорошего инженера. Однако неприятностей хватало без того, и старший из трех сыновей быстро усвоил, что виной всему — именно оно, начальство. Как выразился приятель-гимназист из подпольного революционного кружка: «Обло, озор-

но, огромно, стозевно и лайяй». В 1916-м последовал первый арест, и юный смутьян сразу понял, что такое загадочное «лайяй», сдобренное густым мордобоем. В тот же год он вступил в РСДРП(б), в которой уже много лет состоял отец.

Мечтой новообращенного большевика стала не столько победа коммунизма в мировом масштабе, сколько возможность ворваться в кабинет к самому-самому начальству, вытащить оное из-за стола-надгробия, посмеяться прямо в выпущенные от гнева рачьи глаза и... Дальнейшее зависело от настроения. В самом щадящем варианте можно было ограничиться выливанием чая (который в серебряных подстаканниках) прямо на начальственную главу. Пусть тогда лайяйет, сколько влезет!

Летом 1917-го молодой партиец записался в Красную гвардию. Времена наступили правильные. «Обло, озорно, огромно, стозевно и лайяй» попряталось и разбежалось, пришел час народного самоуправления строго по учению Карла Маркса. Красная гвардия принялась наводить порядок в заводском районе. Сын инженера-эсдека сумел даже подключить к этому нужному делу знакомых скаутов, надевших, как и он сам, красные революционные галстуки.

Через два года у командира, к тому времени уже вволю хлебнувшего войны, вышел спор с одним из военспецов. Бывший капитан Императорской армии, ныне начштаба полка, весьма одобрительно высказался о линии Предвоенсовета товарища Троцкого на создание регулярной армии. Красная гвардия, к тому времени давно распущенная, была помянута с явным неодобрением и даже титулована «вертепом разбойников».

Красный командир обиделся всерьез. Разбойниками они не были. Напротив, первым делом отряд разогнал местных сявок, обнаглевших после Февраля. Дисциплина была железная, но сознательная — командиров выбирали. В феврале 1918-го отряд добровольно отправился на фронт и почти в полном составе полег под Псковом, пытаясь не пустить германцев к революционному Петрограду. Краском знал, что отряды бывали разные, кое-где дело действительно доходило до разбоя, но Красная гвардия только начинала строиться, издержки и ошибки в таком деле извинительны и неизбежны. Еще бы несколько месяцев, еще лучше — год...

Когда в РККА стали призывать военспецов и отменили выборность комсостава, молодой командир крепко задумался. «Начальство» возвращалась, из-за спин краскомов и военкомов вновь выглянуло знакомое «обло, озорно, огромно, стозевно». И если бы на пользу делу! Зимой и весной 1919-го отряды красных добровольцев без всякой помощи мудрых «специалистов» легко, малой кровью, освободили Украину и Таврию, дойдя до румынской границы. Летом же отряды переформировали в полки, назначили «начальников», завели «чрезвычайки» — и через месяц оказались в глубоком тылу врага. Казалось, сам Красный Дух Революции отвернулся от оппортунистов. Ходили и вовсе скверные слухи о том, что по приказу Троцкого расстрелян комполка Антон Богунский, врагами объявлены комбриг Махно и комдив Григорьев. Кто же тогда друзья? Бывшие полковники и генералы, окопавшиеся в штабах? Таких, как железный адмирал Немитц, были единицы, все прочие — обычное офицерье, только без погон.

...Штурм Умани оказался удачен — однако не для всех. Город взяли, но два полка были отрезаны и окружены дивизией «черных запорожцев» — лучшими войсками Петлюры. Из кольца вырвалось всего несколько сотен. Свои были далеко, Иона Якир повел войска Южной группы дальше, на Киев. Путь на север оказался закрыт намертво. Оставалось одно — пробиваться обратно на юг, где, по слухам, еще сражались части красного комбрига Нестора Махно...

* * *

Итак, начальство оказалось явно не в кондиции. С одной стороны, плохо, вроде как беспорядок. С другой — появилась надежда, что и в Центральном Комитете не все так скверно.

Поручик воспринял товарища Кима философски. Что тот командир, что этот, не все ли равно? Большевиком он успел навидаться, и на общем фоне загорелый «цекист» смотрелся вполне прилично. На двух ногах ходит, слово «думаю» употребляет...

— С документами по радио товарищ Каннер, конечно, перемудрил, — подытожил начальник. — Каялся уже, мол, бдительность вашу хотел проверить. Хотел, конечно, да не он. Имейте в виду, товарищи, присматриваться к вам станут очень внимательно. Не потому, что вы какие-то особые, а потому что Центральный Комитет слезам не верит. Ничему иному — тоже.

Семен Тулак и Виктор Вырыпаев вновь переглянулись. Что будут проверять, знали оба. Но что их личностями сразу заинтересовался сам генсек товарищ Сталин, все-таки удивило. Невелики они пти-

цы, как ни погляди. Или дело не в них лично, а во все той же Техгруппе?

— Задача ваша проста и конкретна. Из Науч-протомдела вы будете получать указания — от меня или от того, кто меня заменяет. Поехать, найти, опросить, доставить. Техническая работа, что и следует из названия. Всякие мелкие дела, «вермишель», вы обязаны просмотреть и рассортировать. Если возникнет неясность, верните документ в отдел, если покажется важным — тоже. Что-нибудь интересное было?

— Водяные люди, — не без удовольствия сообщил цыганистый, — партизаны глубокого омута. Товарищ Вырыпаев ими все утро занимался.

— Правда? — ничуть не удивился товарищ Ким. — И как успехи?

Батальонный показал Семену кулак и медленно встал. Водяные люди! Хорошо еще, не кабиасы!..

— Товарищ Ким! В письме пересказывается история, которую автор слышал год назад от...

— Не надо подробностей, — усмехнулся владелец «шкиперской» бородки. — Уже читал. Архангельская губерния, село Емецкий Березняк. Местные жители не платили подати и прятались от становаго прямо возле пристани на глубине трех сажений.

Вырыпаев кивнул.

— Так точно. Причем заранее обвязывались веревками, чтобы труднее было извлечь на свет божий... Нет в Архангельской губернии села Емецкий Березняк. Есть Емецк и есть Двинский Березник, это недалеко от Шенкурска. Речек там несколько, но если бы там кто-то прятался, это бы уже все

знали. Двинский Березник — большое село, стоит на дороге, там земская больница...

— Достаточно! — с самым серьезным видом констатировал товарищ Ким. — Ваши предложения?

Вырыпаев замялся. Первое, что приходило в голову, — отыскать автора, связать веревкой и отправить на глубину в три сажени.

— Передать письмо товарищу Каннеру, — предложил бывший ротный. — Пусть придет в Шенкурск проверку на предмет учета редких природных явлений. Водолазов там они не найдут, зато народ встряхнут, чтоб не дремал. Потом — закрытое письмо ЦК по парторганизациям, может, даже постановление. «О некоторых недостатках партработы...»

— Вы серьезно, товарищ Тулак? — удивился начальник. — Метод, кстати, не новый. В Англии во времена королевы Елизаветы решили встряхнуть, если говорить по-вашему, эскадру адмирала Рейли, а заодно и до него самого добраться. А поскольку претензий к боевой подготовке не было, отправили комиссию по поиску колдунов. Но, может, пожалеем товарищей из Шенкурска? Кстати, можно мне еще кружку чаю? Где это вы такую мяту достаете?

— На Тишинском, — не без гордости отрапортовал ротный. — Нашел там бабку-травницу. У нее, товарищ Ким, еще много чего на предмет здоровья имеется. Полезная гражданка! Только ее там сьвки местные обижают.

Пока краском наливал начальству чай, поручик делал вид, что любуется пустой брусчаткой за окном и думал о том, что их начальник ох как непрост. Дурацкая история с «водолазами» — наверняка тоже проверка. Кроме того, казус с адмираль-

ской эскадрой в реальности выглядел несколько иначе. Рейли сам изобличил «колдуна» — правительственного шпиона и с удовольствием его повесил. Перепутал товарищ Ким? Или знал, но сознательно переименовал ради пущей убедительности? В любом случае интересно. Член Центрального Комитета РКП(б), разбирающийся в реалиях Елизаветинской эпохи, причем не Луначарский...

Как его только в этом «цека» терпят?

— И еще, товарищи. Прошу внимания...

Голос начальника прозвучал негромко, но оба, белогвардеец и красный командир, почему-то, не сговариваясь, встали. Товарищ Ким уже не улыбался, глаза блеснули неожиданным светлым огнем.

— В нашей работе будет всякое. Помните, что вы не чиновники, не клерки, не души бумажные, а бойцы Партии. Научно-технический фронт — сейчас один из важнейших для СССР. Здесь не бывает мелочей.

Слова падали тяжело и мерно, словно капли ледяного дождя.

— Вам придется разгрести горы ерунды, читать записки сумасшедших, сталкиваться с безграмотным бредом. Но не пропустите важное! Иногда мелкая деталь, штришок, легкий намек могут вывести на огромное дело. И еще — ищите странное, непонятное, нелогичное. Это касается не только вашей работы, но всего того, что вокруг. Случайностей не бывает, учтите — особенно в нашем деле. Если что, сразу обращайтесь ко мне. Немедленно! Если меня не будет на месте, идите прямо в секретариат товарища Сталина, там вас выслушают. Но помните, больше никто о наших делах знать не должен. Никто — и ни при каких обстоятельствах!..

Товарищи, я же не просил стоять по стойке «мирно». Сядьте, прошу вас.

Последние слова как будто сняли заклятие. Молодые люди не без смущения переглянулись. И вправду! Не только по стойке «мирно» — правая рука ротного сама собой покинула карман и оказалась прижата к телу. Странно, начальник Ким даже не повышал голоса.

Садиться, впрочем, не стали.

— Товарищ Ким! — первым заговорил краском. — Что делать, если к нам обратятся другие члены ЦК и ЦКК?

Тот кивнул, одобряя вопрос.

— Обращаться будут. Документы от них принимайте, просьбы фиксируйте, но никакой информации без моего ведома не предоставляйте. Никакой!.. Слово «информация» вам понятно?

— Вполне, — усмехнулся поручик. — А генеральному секретарю — можно?

— Товарищу Сталину — да, но после обязательно доложите мне, как ответственному за группу. Что касается работников Центральной контрольной комиссии, то их без разговоров отсылать к руководству, то есть опять-таки ко мне. Имейте в виду, там есть очень настойчивый товарищ. Его фамилия Лунин. Лунин Николай Андреевич. С ним — никаких бесед, даже о погоде.

Вырыпаев и Семен Тулак вновь переглянулись.

— Он не враг и не уклонист, — понял товарищ Ким. — Лунин — надежный партиец, в прошлом комиссар дивизии, очень смелый и честный человек. Но, скажем так, несколько предвзят.

К чему или к кому именно, уточнено не было.

— Да садитесь же!

На этот раз пришлось подчиниться. Начальник тоже присел, причем прямо на подоконник, рядом с чайником. В его руке вновь появилась черная трубка. Товарищ Ким прикусил мундштук, на миг прикрыл глаза, улыбнулся.

— Все! В следующий раз будем беседовать у меня в кабинете, там курить можно. В командировке удалось достать «Autumn Evening», табак с ароматом кленового сиропа. Хорошо поставленная контрабанда порой творит чудеса... Да, товарищи, вы спрашивайте, не стесняйтесь. Или расскажите, если есть что.

Лед исчез, сгинул холод. Остался улыбчивый молодой человек, желающий просто поболтать. Разве что взгляд погас не сразу, слишком силен был светлый огонь.

— Лунин — это не тот, который был на Польском фронте? — вспомнил красный командир. — Комиссар Стальной дивизии имени Баварского пролетариата?

— Тот самый, — кивнула трубка. — Ланселот Центральной контрольной комиссии.

Белогвардеец мысленно отметил «Ланселота», немного подумал и решился.

— Вы говорили о мелочах, товарищ Ким. И о том, что случайностей не бывает... Вчера поздно вечером у меня проверили документы — на Манежной. Милицейский патруль в новой форме — той, что введена в январе...

— Так и у меня тоже проверили, — перебил командир РККА. — И тоже в новой форме.

— А теперь — странность. Пешей милиции положен зеленый кант, а у этих был желтый, как у конной, по крайней мере на шапках. Лошадей с ни-

ми не было. Либо тут все-таки случайность — из тех, что иногда бывают...

— Либо с вами хотели познакомиться, — подхватил товарищ Ким. — С обоими сразу. Голос услышать, лица разглядеть, оценить реакцию. Но — спешили и слегка напутали с формой.

— Шпионы, что ли? — хмыкнул красный командир. — Или бандюганы с Хитровки?

— А можно не отвечать?

Любитель хорошего трубочного табака наивно, совсем по-детски улыбнулся.

— Так что, нас уже пасти начали? — не выдержал командир РККА. — Да они же права не имеют!

Поручик, отметивший в их первую встречу странную для большевика нелюбовь к людям в черной коже, был совершенно прав. Краском относился к чекистам немногим лучше, чем к врагу детства, мордатому городовому.

— Вы о бандюганах с Хитровки? — улыбка товарища Кима теперь больше напоминала брезгливую гримасу. — Не имеют. Более того, им строжайше запрещено вмешиваться в работу ЦК и заводить дела на работников нашей номенклатуры без соответствующей санкции. Но они все равно интересуются. Сами же говорите — бандюганы. Между прочим, недавно попытались арестовать сотрудника аппарата товарища Сталина. Если что, посылайте их подальше, можно по-матросски, в семь этажей. А еще лучше — молчите. На вопросы не отвечайте, на провокации не поддавайтесь. Ясно?

«Ого!» — только и подумал поручик, постаравшись не дрогнуть лицом. То, что партийцы не слишком любят красных жандармов, он догадывался, но

здесь слово «любят» вообще было лишним. Этак и за револьверы могут взяться.

Три года назад эта мысль изрядно бы порадовала. Стреляйтесь, «краснюки», патронов не жалейте! Но теперь, когда война позади, а он, не захотев умирать и уезжать, надел «красную» кожу, имело ли смысл влезать в кровавые комиссарские разборки? Может, зря он соблазнился Столицей? Поближе бы к кухне, подальше от начальства...

Или его война еще не кончена?

2

Очнувшись в госпитале на пропахших карболкой нарах, поручик не спешил открывать глаза. Он у врагов, это ясно. Но кто он для них? Пленный «беляк», которого просто поленились дострелить, или израненный «товарищ»? Чужая гимнастерка, чужие документы, чужая шинель с красными нашивками... Погибшего краскома наверняка знали в лицо, первый же разговор с кем-то из «сослуживцев» — и законная «стенка» обеспечена.

Умирать не хотелось, в большевистскую тюрьму — тоже. Если рана не слишком серьезна, можно попытаться бежать. Перекоп совсем близко, укрепления не должны были бросить, сейчас там идет бой...

Когда рядом послышался женский голос — сестра милосердия о чем-то спорила с его соседом. Поручик решил поступить подобно герою авантурных романов. Беспамятный рыцарь попал в неведомый замок, вокруг злобные сарацины...

— Сестричка! — простонал он. — Сестра!..

Убедившись, что услышан, офицер резко открыл глаза.

— Н-не помню! Нет.. Кто я?! Сестра, помогите вспомнить. Кто?!

В зрачки ударил резкий свет карбидной лампы. Вместо женского лица — неровное белое пятно.

— Та нэ хвываютсь вы, товаришу Еремеев. Свий вы — и серэд своих. Вы ж з 30-й Иркутской? А мы сусиды ваши, 11-я кавдивизия. Вы у командырсько-му шпытали, в хирургичний...

Глаза можно было закрыть. Удалось, точнее, просто повезло. «Сусиды» не стали особенно интересоваться личностью «товарища Еремеева». Вот и славно. Теперь бы встать поскорее!

Не вышло — исчерпал поручик свой запас удачи. Рана оказалась скверной, к тому же проснулась старая контузия, вцепилась, затопила болью. Сесть он смог только через неделю, а еще через несколько дней, когда поручик уже пытался вставать, пришло известия о падении Крыма. Бежать стало некуда.

По документам он оказался взводным, если понижение в чине, то небольшое. Но рассчитывать и дальше на доверчивость «сусидив» не имело смысла. Даже если не станут придираяться и выпишут, выдав справку с фиолетовой госпитальной печатью, куда ему идти, куда ехать? Не в 30-ю же Иркутскую дивизию к тамошним фронтовым чекистам, не к ночи будь помянуты!

Впрочем, помянутые не стали ждать ночи. Както средь белого дня они с шумом и грохотом ввалились в госпиталь, проследовав напрямиком в канцелярию. Как выяснилось, тамошние писаря чем-то крупно нагресли, но не на неблагодарной ниве контр-

революции, а по более выгодной хозяйственной линии. Личный канцелярский состав погрузили в заранее пригнанные подводы, начальнику госпиталя сделали сердечный укол, а главный чекист, великан в тяжелом кожаном пальто, плюнул в пол, громко констатировав: «Развели ворье, понимаешь!»

Можно было перевести дух и покрепче сжать в ладони серебряную бабушкину иконку. Выручил Царь-Космос, не подвел! Но ведь могут прийти и завтра?

«Разведчик весел и никогда не падает духом». На следующий день красный командир Еремеев добровольно вызвался поработать в канцелярии весь срок, оставшийся до выписки. А поскольку товарищи в черной коже не только увели людей, но и унесли часть документации, оставив после себя истинно революционный беспорядок, писарю-добровольцу представилась редкая возможность — воссоздать из Хаоса Космос, частью которого должна была стать его новая биография.

Серебряный лик с иконки смотрел сурово и мрачно. «Разведчик честен и правдив». Скаут не станет подделывать и воровать документы, русский офицер не побоится взглянуть в черный зрачок вражеской винтовки. Недаром лучших из лучших называли: «Те, кто умеет красиво умирать».

Но поручик давно уже не был прежним. Что красивого в смерти? Что за радость быть расстрелянным у ближайшего плетня, сгинуть без толку, без пользы? Романтика смерти — она для самоубийц, чтобы победить, требуется вначале выжить.

К выписке красный командир Еремеев подготовился основательно. Два комплекта документов —

и оба почти настоящие. Печати, бланки, фотографии, даже всякая полезная мелочь вроде кружки с личным вензелем. Поручик не стал красть чужие жизни, он выдумал их заново, составив из обрывков разных судеб. Нет, он не создавал Космос, на такое сил не хватило. Работа больше походила на занятие безумного врача, сшивавшего новое тело из расчлененных трупов. Красные мертвецы щедро делились с «беляком». Впрочем, не только мертвые. Поручик внимательно приглядывался к своим соседям, пытался копировать чужую речь, жесты, улыбку, смех. Тонкая искусственная кожа постепенно становилась прочнее, твердела, прирастала к мясу.

Доктор Франкенштейн сотворил своего Монстра. Мертвое тело дрогнуло, разлепило тяжелые веки, отверзло очи, радостно ощерилось, радуясь дарованной жизни.

Франкенштейн улыбнулся собственному творению и пожелал Монстру удачи.

— Будь готов!

— Всегда готов!

* * *

— Рисурс, — задумчиво проговорил Виктор Вырыпаев, откладывая в сторону желтоватый лист бумаги, изукрашенный крупными, словно майские жуки, печатными литерами. Немного подумал и повторил, на этот раз по слогам:

— Ри-сурс.

Семен Тулак, в этот момент священнодействовавший около дымящегося чайника, недоуменно поднял голову:

— «Ри»? А я думал...

— Я тоже, — не без грусти согласился батальонный. — Но, как говорится, век живи, век учись. «Рисурс», причем непременно с прописной. На одной странице шесть раз. Нет, семь.

— А-а! Трудящиеся пишут? Читай, читай, гимназист!

Чай на этот раз решили заварить обычный, зато очень качественный, британского развеса, купленный все на том же Тишинском рынке. Как верно заметило начальство, хорошо поставленная контрабанда и вправду творит чудеса. К чаю прилагалось хрустящее «нэпмановское» печенье «Австр», купленное Виктором в ближайшем магазине на Тверской. Жестяная коробка была подозрительного фиолетового колеру, по которому вольно расположились легкомысленные силуэты крылатых девиц в белых одеяниях, напоминающих больничную простыню.

— Прочитал. — Вырыпаев отложил письмо в сторону. — Как ты говоришь, аж два раза. Ри-сурс...

Утро началось с «вермишели». Ротный сбегал в секретариат Научно-промышленного отдела и вернулся с целой кипой писем. В одной руке унести не удалось, и ему в помощь придали наглого вида девицу с погасшей папиросой в зубах. Та свалила бумаги на стол, пояснив, что в ближайшее время писать станут еще больше. Три дня назад в «Правде» была напечатана статья, призывавшая всех партийцев к овладению техникой, а также к изысканию «научных резервов» на благо восстановления народного хозяйства СССР.

Изыскания определенно шли полным ходом.

В первой же стопке отыскались два проекта вечного двигателя, причем один — на основе исполь-

зования «фактора суточного вращения Земли». Вырышаев вначале посмеивался, но затем заметно скис. Семен, напротив, был в прекрасном настроении.

— Чего начальство сказало? «Не пропустите важное!» — наставительно заметил он, накрывая заварочный чайник белым вафельным полотенцем. — Народ партийный нам самое ценное доверил — свою мысль. Даже больше скажу — мечту! Так что ты, товарищ, пессимизм интеллигентский не разводи. «Разведчик трудолюбив и настойчив». Не забыл?

Батальонный вяло кивнул.

— Так точно. Знаешь, когда я оформлял документы на демобилизацию, умные люди отговаривали. С одним глазом особо не повоюешь, но должность орденосцу подобрали бы. Я не захотел. Вроде как из милости служить — нет, не по мне. А эти умные пальцем у виска крутят: бумажки в конторе перебирать хочешь? Входящие, исходящие, пресс-папье налево, чернильница — направо. Ты, мол, с восемнадцати лет в окопах, к огню и крови привык, не выдержишь, спятишь. Я не поверил, думал, стерпится — слюбится.

— Не киксуй! Айда чай пить.

Коробка с девицами в белых простынях была раскурочена, и красный командир с явным удовольствием сгрыз целых три печенья.

— Ничего, — рассудил он. — Умеют, недобитые. Хоть какая польза от этого нэпа! Но, знаешь, обидно все-таки. Мы ведь в 20-м, когда деньги отменили и трудармии организовали, коммунизм уже, считай, построили. Если с домом сравнивать, то и стены имелись, и окна с дверями, и крыша. Только бы и жить! А мы, выходит, за печенья мечту всего че-

ловчества продали? Как этот, который в Библии, за похлебку.

— Исав, товарищ библеист.

Поручик надломил печенье, сжевал кусочек, запил чаем, прислушался к ощущениям.

— Ничего, хотя, как мне кажется, все-таки с машинным маслом... Стены как раз имелись. И окна, и двери, и даже комендантская команда. Только о фундаменте забыли.

— И ты тоже!

Краском отставил кружку, отвернулся, дернул плечом:

— Знаешь, сколько хороших ребят из партии вышло? Не захотели «совбурам» кланяться, мечту свою на печенье да на бабские контрабандные шмотки разменивать. А я тебе скажу, не в фундаменте дело. Был фундамент! Мы его на крови три года замешивали. Просто Кое-кто Кронштадта испугался, представил, как его матросики на штыки поднимать станут. Всю войну в Главной Крепости просидел, на фронт даже не заглянул ни разу. Пусть Троцкий да Сталин под пули подставляются! Из-за каких-то пьяных матросов велел бить отбой, считай, белый флаг поднял. Трус Он, я тебе скажу. Почему на X съезде фракции запретили? От смелости великой, понятно. А вдруг партийцы не за Ним, единственным, пойдут?

Все это красный командир проговорил негромко, почти шепотом, по-прежнему глядя в сторону. Поручик, впрочем, услышал.

— Ты Его не ругай, — так же негромко ответил он. — Раньше надо было. Не проголосовали на X съезде за Троцкого? Запрет фракций одобрили? Так кто

в итоге трус? Сейчас Он только фельдшерам интересен. Пусть мертвые хоронят своих мертвецов!

Последние слова не предназначались собеседнику. Офицер лишь шевельнул губами, повторяя фразу из Писания.

Мертвые хоронят своих мертвецов...

То, что с Вождем неладно, пока еще скрывалось, но в Столице, давно научившейся читать между газетных строк, уже начали строить догадки. Официальным сообщениям о «легком недомогании» не верили напрочь. Партийцы знали куда больше. Вождь не появился в декабре, когда создавали СССР, промолчал в январе, в самый разгар очередной дискуссии. Значит, не просто рядовая хворь. Все чаще, пока еще в личных разговорах, вполголоса, обсуждался неизбежный вопрос: что дальше.

КТО дальше?

Говорили и другое. По всей Столице из уст в уста переходил лихой стишок, напечатанный в далеком Владивостоке еще в прошлом году, при последнем белом правительстве:

Я твердо знаю, что мы у цели,
Что неизменны судеб законы,
Что якобинцы друг друга съели,
Как скорпионы.

Безумный Вождь наш болезнью свален,
Из жизни выбыл, ушел из круга.
Бухарин, Троцкий, Зиновьев, Сталин,
Вали друг друга!

Неведомый пиит, укрывшийся под псевдонимом «Лоло»¹, попал в «десятку»: красные скорпионы уже изготовились для смертельной драки. Однако

¹ «Лоло» — Леонид Григорьевич Мунштейн, поэт, эмигрант. Стихи из поэмы «О черте лысом и всех его присных».

самые умные и проникательные обращали внимание на первую строчку. «Мы у цели». «Мы» — кто именно? Бессильные эмигранты, рассеявшиеся по Китаю и Франциям, или кто-то поближе?

* * *

Так что там с «рисурсом»? — самым светским тоном поинтересовался Семен, допивая чай.

— Ри... — батальонный чуть не подавился. — Нашел о чем спрашивать! Николай Васильевич Гоголь, «Записки сумасшедшего».

Бывший ротный покачал головой.

— Не иди легким путем, гимназист! «Ищите странное, непонятное, нелогичное», как и велел нам товарищ Ким.

Вырыпаев, едва сдержав стон, поставил недопитую кружку на подоконник и направился к столу. Зашелестела бумага.

— Нелогичное, значит? Это сколько угодно.

Письмо оказалось объемистым, на четырех листах. Неровные печатные буквы напоминали пехотную цепь, бредущую в пятую за день атаку. Неудивительно, ибо писавший, помощник истопника Музея изящных искусств (бывшего «имени Александра III»), оказался фронтовиком-инвалидом. Он устроился на службу недавно, причем в очень горячее, несмотря на зимние месяцы, время. Вместо старого Цветевского собрания (зачем пролетариату «изящные искусства»?) в ближайшее время должен был открыться Музей старой западной живописи. Постоянно прибывали новые коллекции, а с ними и сотрудники. В начале года в музее появился очередной новичок — заведующий одного из фондов,

причем не сам, а с собранием раритетов из Румянцевского музея.

— Иг-на-ти-шин Георгий Васильевич, — не без труда прочел вслух батальонный. — Ну и почерк... Беспартийный, из бывших, по непроверенным данным, в 1919 году арестовывался ВЧК по делу Национального центра.

— Так и сказано — «по непроверенным»? — наивно моргнул Семен.

— Это мною сказано, в письме куда эмоциональнее. В общем, эти двое, автор и тот, что из бывших, сошлись на почве совместного распития чая. Вроде как мы с тобой. И, как здесь написано, «в процессе многократного чаепития»...

«В процессе многократного чаепития» Георгий Васильевич Игнатишин поведал помощнику истопника, что благодаря знакомству с рукописями, хранящимися среди прочих раритетов в его фонде, он теперь знает, как добраться до некоего таинственного «рисурса», значительно более мощного, чем ныне действующая Волховская и строящаяся Шатурская электрические станции, вместе взятые. «Рисурс» имел название, но автор таковое запомнил неточно. «Агата» — или даже «Агатка».

— Мадемуазель Агата Рисурс, — резюмировал Вырыпаев. — А поскольку, несмотря на все уговоры, несознательный гражданин Игнатишин не захотел познакомить с этой многообещающей девушкой представителей соввласти, товарищ помощник истопника решил сигнализировать. В райкоме его завернули, вот он и отписал прямым к нам.

— А почему в Научпромотдел? — не понял ротный. — Это уж скорее в ГПУ. Хотя не стоит, жалко гражданина Игнатишина.

Виктор согласно кивнул.

— В этой конторе он признается не только в знакомстве с помянутой Агатой, но и в том, что он лично искусил прародительницу Еву и устроил Всемирный потоп... На конверте есть приписка: «Енергетический и прочий ресурс». В канцелярии наверняка долго думали, а потом решили нас осчастливить. И что с этим делать? Как я понял, товарищ помощник истопника — человек настойчивый. Не ответим — отпишет на Лубянку.

— Как пить дать, — чуть подумав, согласился бывший ротный. — А то и сам туда пойдет — с гражданином Игнатишиным на веревке. А нам поставят скипидарный клистир с патефонными иголками за утерю бдительности...

— ...И бюрократическое отношение к письмам партийцев. Только что ему ответить? Чтобы съездил на Канатчиковую дачу? А если... Товарищ Тулак, у меня, кажется, идея.

Вырыпаев прошелся взад-вперед по комнате, поглядел в окно, прищелкнул пальцами.

— Точно! Слушайте, товарищ, боевой приказ. Пункт первый: сведения о противнике. Бывший мундир имени Александра III находится в двадцати минутах неспешной ходьбы. Погода хорошая, с утра светит солнце, температура — не менее +15 по Цельсию. Пункт второй: наша задача. Следует быстро и эффективно отреагировать...

— Отставить! — мотнул головой Семен, берясь за черную телефонную трубку. — Вопрос ясен, обсуждение отменяется. Только сначала надо оформить местную командировку, чтоб не подумали, будто мы в прогул ударились. Мне бы наглости побольше, я бы авто из цекистского гаража вытребовал!

Машина не понадобилась. Погода и в самом деле была отменной, и прогулка до Цветаевского музея доставила молодым людям истинное удовольствие. По пути был разработан подробный план действий. С бдительного помощника истопника решили взять подписку о неразглашении и строго запретить самостоятельно заниматься «Рисурсом», отныне переданным в ведение Научпромотдела Центрального Комитета.

Не успокоится — пригрозить парткомиссией и выговором с занесением.

С несознательным Игнатишиным следовало также поговорить, причем пожестче. Пусть впредь думает, с кем чай гонять и сомнительные речи вести! И заодно разъяснить таинственную мадемуазель Агату. Кто да что, а если помянутая женского полу, то и адресок прихватить. Вдруг стодитя?

На этой версии настаивал Семен Тулак. По его мнению, все было просто. Первое — не чай они пили, знаем мы этих истопников! Второе и главное: недобитый интеллигент Игнатишин попытался описать знойный темперамент своей знакомой, а бдительный инвалид под воздействием того, что пили, все понял превратно.

Как две электрические станции разом! Что ни говори, «Рисурс»!..

Батальонный не спорил, но и не соглашался, отговариваясь тем, что при недостатке данных следует воздержаться от суждения. Иначе будешь ничем не умнее товарища помощника истопника.

Красный командир охотно болтал о всякой ерунде, помня, что именно в этих случаях собеседник расслабляется и даже самая удачная маска начинает отставать от кожи. Не то чтобы не верил своему

новому сослуживцу — напротив, тот ему очень нравился. Духом не падает, хоть и, считай, калека, рубаху на груди не рвет, подвигами мерясь, башковитый, «соображалка» не месте.

Не курит.

Присматривался же больше по привычке. Если бы они оба устроились, допустим, истопниками, то и опаски было меньше. Но Центральный Комитет — не кочегарка. Вызвали, скажем, раба божьего в «кожаное» ведомство, бухнули на стол папку с «матерьялом» и попросили со всей убедительностью: «Освещай!» А про кого он напишет в первую голову? Ясное дело, про тех, кто рядом.

Лишнего в разговоре краском себе не позволял. Ученый! Но мало ли какие подходы имеются? На месте товарищей в черной коже он бы собственное «дело» не закрыл, в архив бы не отправил. Вызвал бы самого себя повесткой, чайком напоил, а после бы и врезал про август 1919-го. А скажи, мол, товарищ дорогой, где ты пребывал, пока Южная группа кровью себе коридор к Киеву пробивала?

* * *

...С ближайшей тачанки ударила пулеметная очередь. Били в белый свет, не для смерти пока — ради разговора.

Уши чтобы прочистить.

— Эй, краснюки! А ну кидай зброю, пока живы! И точка!..

Красный командир встал, поправил португую, сунул руки в карманы:

— Возьмите!

Окруженцы выбрали его старшим. Не ротным,

не батальонным, а, считай, атаманом. Не штаб назначил, не «начальство» — сами выкрикнули. Это бодрило, придавало силы. Верят!

Месяц назад наехали в их полк штабные. С одним из них командир крепко сцепился. «Кем вы себя вообразили? Атаманом Нечаем?» — возмутилось начальство. Сорвали с рукавов нашивки, определили в рядовые бойцы. Ненадолго — через неделю снова взводным выбрали.

Сейчас их три сотни. Патроны есть, вода плещется во флягах, пулеметы пристреляны. Ветераны Южной группы сдаваться не собирались. Не для того от самой Одессы шли.

Прорвемся!

Тачанка молчала. Затем кто-то высокий, в дивном мундире с желтыми шнурами, в матросской бескозырке, набекрень надетой, спрыгнул на землю, шагнул вперед:

— Товарищ! Мы свои, из бригады Махно. Присоединяйтесь, вместе будем кадетов бить. И точка!..

Про оружие, видать, уже забыл. Понял ряженный, что не на тех наехал.

— Только уговор: коммунистов и комиссаров нам отдайте. Мы их судить будем — за измену народному делу!

Уже близко ряженный. Вроде парень как парень — лицо приятное, взгляд веселый, черный чуб за ухо заложен. На поясе — бомбы, через плечо — пулеметная лента. Хоть сразу на плакат!

Командир широко улыбнулся. Подмигнул:

— Возьмите!

— Большевики Украину Деникину отдали. Вашу Южную группу белякам и Петлюре, считай, пода-

рили. Можете нам не отдавать, сами в расход определите. На что вам предатели?

С ними был комиссар полка. Настоящий комиссар, боевой, не из тех, что в блиндаже с сестрами милосердия сражается под медицинский спирт. Когда командира старшим выкликнули, спорить не стал, пожал крепко руку, пожелал удачи.

И членов партии, считай, треть. Тоже в бою проверенные.

Уже рядом парень с тачанки. Взглядом, словно шилом, колет. Знает: многие сейчас за Батьку. Пока к Умани шли, целые полки в бригаду Махно перебежали. Нет больше веры большевистской Столице!

Командир вынул руки из карманов, смерил взглядом махновца:

— Вот что... Есть ли у нас в отряде предатели, сам решу. В бригаду товарища Махно вступить согласны, но кто ребят моих тронет, с того шкуру спущу и чучело сделаю — ворон пугать.

Подумал немного и словно черту подвел:

— И точка!

Кивнул ряженный, смелую речь одобряя:

— И кто ж ты такой будешь, человеке?

— Атаман Нечай!

* * *

Планы пришлось менять на ходу. Прежде всего, в музей их не пустили. У входа скучали бойцы ВОХРа в новеньких шинелях с темно-зелеными «разговорами». Удостоверения на восковой бумаге даже смотреть не стали.

Не велено!

Разводящий оказался более понятлив, извинился

и пригласил «товарищей из ЦК» пройти. Охрана, как оказалось, была выставлена в ожидании привоза очередной партии «раритетов» из Румянцевского музея. Внутри царила суета, и только третий из встреченных сотрудников смог пояснить, где находится котельная. Впрочем, идти туда не имело смысла — помощник истопника Касимов Василий Сергеевич, член РКП(б), инвалид Гражданской, этим утром ушел во внеочередной отпуск по состоянию своего ветеранского здоровья.

Гости, не сговариваясь, попросили провести их в фонд, где работает несознательный гражданин Игнатишин. Там очень удивились визиту, пояснив, что сами очень хотели бы его видеть. Георгий Васильевич не вышел на работу, причем без всякого объяснения причин. А между тем именно он должен принимать и размещать бесценные экспонаты Румянцевки.

Ни об Агате, ни тем более Агатке в фонде никто и слыхом не слыхивал.

— Я, кажется, дурак, — вздохнул Виктор Вырыпаев.

— Случайностей не бывает, — проговорил Семен Тулак.

Автомобиль вытребовали у охраны. Красному командиру впервые довелось услышать, как поручик повышает голос. Ощущение осталось не из самых приятных, зато машину с шофером подали почти сразу. С гостями из ЦК решил ехать один из командиров ВОХРа, не иначе тоже что-то почуяв.

Георгий Васильевич Игнатишин обитал в краснокирпичном шестиэтажном доме по 2-му Обыденскому переулку. Как только авто затормозило, вохровец свистком подозвал ближайшего милиционе-

ра, ткнул в нос удостоверение, велел сопровождать. Звонок в большой коммунальной квартире на третьем этаже не работал, и в дверь ударили кулаки.

— Вам кого?! — В приоткрытую щель выглянула растерянная тетка с бигуди на голове.

— Открывайте!!!

Возле комнаты, где обитал хранитель фонда, было тихо и пусто. На полу лежал истоптанный серый коврик, из-за приоткрытой двери тянуло тяжелым табачным духом. Негромко тикали часы-ходики. Тик-так, тик-так...

— Гражданин Игнатишин! Гражданин!..

Звать было некого. Георгий Васильевич Игнатишин лежал посреди комнаты, раскинув худые длинные руки. Пожелтевшие пальцы впились в доски пола. Рядом громоздились книги, папки с бумагами, библиотечные карточки, исписанные четким мелким почерком, куча окурков из опрокинутой пепельницы. Серое солдатское одеяло сползло с железной койки, словно пытаясь укрыть хозяина.

Возле окна стояла пустая этажерка, но не на ножках, а почему-то боком.

Часы-ходики обнаружили в углу. Потемневший от времени циферблат, тяжелый медный маятник.

Тик-так...

— Протокол составлять придется, — невесело констатировал милиционер. — Третий за день, граждане!

Ему никто не посочувствовал.

3

— Да! Да! — убеждал Семен Тулак телефонную мембрану. — Да! Напишем. Что видели, то и напишем. Да.

Трубку он держал в левой руке. Правая лежала на столе ладонью вниз, недвижимая и бесполезная. Время от времени ротный, забывшись, пытался ею двигать. Не получалось, и Семен каждый раз болезненно морщился.

— Понимаю. Оба понимаем. Я же сказал, напишу. Да!левой! Ремингтониста кто обещал прислать? Хорошо, к вечеру. Вечер — это после шести. Еще раньше? Хорошо!

Мембрана явно не хотела убеждаться. Наконец ротный последний раз выговорил «Да!», водворил трубку на место, после чего занялся правой рукой. Недвижная кисть нырнула в карман, Семен встал, повел затекшей шеей.

— Ну все! Сталину уже доложили. Мир, товарищ батальонный, не без добрых людей, и на всех, к сожалению, патронов не хватит. Это Гриша Каннер звонил. Говорит, если мы не расскажем, другие расстараются. Точнее, уже расстарались. Говорят, что двое работников аппарата ЦК ездят по Москве и душат сотрудников Цветаевского музея.

— Почему душат? — невозмутимо переспросил Вырыпаев. — И почему — во множественном числе?

Сам он расположился на подоконнике и пытался что-то писать, подложив под лист бумаги взятую со стола папку. Карандаш был пристроен за правым ухом.

— Меня спрашиваешь? — Цыганистый скривился, словно лимон зажевал. — И вообще, не кажись слишком наивным. Я пойму, другие нет. Чего сочинишь? Некролог?

— Почти.

Пальцы извлекли карандаш из-за уха, графит черкнул по бумаге, замер, снова принялся за работу.

— Расписываю нашу командировку. Когда, что и в какой последовательности. Возражений нет?

Возражений не было.

— Знаешь, когда я злюсь или болит чего, ко мне крокодила цепляется, — вздохнул краском. — Та самая, которая по улицам ходила. «Увидела китайца, оставила без пальца...» Тьфу, чего в голову лезет! Никого, понятно, мы не душили, даже помощь органам оказали, а все равно как с той шубой вышло. То ли у него украли, то ли он украл.

— И не шубу, а рукава, причем от жилетки, — согласился поручик. — Крокодила — еще ничего. Когда я психую, у меня одно и то же перед глазами: поле, черное, в снежных пятнах, красный закат — и всадники. На меня несутся, сейчас рубить станут, а я винтовку поднять не могу. Они все ближе, огромные, темные. Как во сне, ни двинуться, не убежать... Смешно?

Командир РККА покачал головой.

— Это тем смешно, кто всю войну в тылу задницу о кресла плющил. Ты сразу вспоминай, что здесь ты и живой, а они — никто и нигде, призраки просто. И ничего им с тобой не поделать... И что же это у нас получается, товарищ? Чего писать станем? О чем докладывать?

С этим ясности не было. Если отбросить версию о двух душителях из Центрального Комитета, то оставались только голые, словно трупы на цинковом столе, факты. Их было немного. Тело гражданина Игнатишина увезла карета «Скорой», причем предварительный осмотр признаков насильственной смерти не обнаружил. Не резали, не душили, не били. Врач предположил, что причиной смерти стал самый обычный инфаркт. Деньги и ценности — де-

сяток николаевских червонцев и тяжелый золотой перстень — остались в комнате, хотя, чтобы их обнаружить, достаточно было снять с койки матрас.

В самом фонде тоже ничего не пропало. Перед смертью хранитель никого ни о чем не предупредил, писем не оставлял и кровью стены не метил. Расспросы коллег, в том числе служивших вместе с покойным в Румянцевском музее, ничем не помогли. Игнатишин никогда не интересовался энергетикой, электрическими станциями и вообще экономикой. Его увлечением было творчество немецкого художника-романтика Фридриха, что никак не ассоциировалось с таинственной «Агатой».

Помощник истопника Василий Сергеевич Касимов, член РКП(б) с января 1919 года, всеми характеризовался только положительно: прилежен, вежлив, всегда готов помочь. Спиртного инвалид практически не употреблял, так что с Игнатишиным сошелся действительно «в процессе многократного чаепития». Малограмотен, но очень любопытен, в первые дни службы обошел весь музей, неоднократно заглядывал в фонды, расспрашивал, просил объяснить. Заявление на отпуск написал два дня назад, пожаловавшись на последствия контузии. На фронте, как удалось узнать, вел себя достойно. В январе 1920-го награжден серебряными часами с гравировкой, неоднократно получал благодарности.

Уехал же ветеран скорее всего в Калугу, где жили его родственники. По крайней мере, так его поняли сослуживцы.

— Если бы не мы, никто ничего вообще бы не заметил, — подвел итог Вырыпаев. — Беднягу хранителя проводили бы гражданской панихидой в красном уголке, вещи достались бы соседям...

Тулак согласно кивнул:

— Ага. Может, это они, соседи коммунальные, в комнате рылись, а никакие не убийцы. Странно только, что золото не взяли. Или спешили очень? А ты видел, что книги, которые на полу, иностранные, не на русском? Хотя чему удивляться? Ученый человек, картинами немецкими занимался.

— Книги видел, — кивнул батальонный. — По искусству там действительно кое-что есть. Возле этажерки лежало немецкое издание о Карле Фридрихе, старое, еще прошлого века. И еще какой-то альбом, французский. Удивляться нечему, согласен. Но там было и другое. Ты знаешь, кто такая Елена Блаватская?

— Вроде Распутина, только в Индии и в юбке, — хмыкнул цыганистый. — Нам о ней на лекции рассказывали, мол, пример идеологического загнивания современного буржуазного общества. Дурила тетка народ, как хотела. Это она письма от всяких чудиков подделывала? Будто ей чуть ли с того света пишут?

— Как ты говоришь, ага, — улыбнулся Виктор.

— Чистый Распутин! Постой, ты ее книги там видел?

— «Из пещер и дебрей Индостана», приложение к «Русскому Вестнику», издание Каткова. И не только, еще какие-то немцы и, кажется, англичане. Теософия, мир духов, ясновидение, блюдца бегают, столы ножками стучат. В общем, пример идеологического загнивания современного буржуазного общества в чистом виде. А наш бедняга-искусствовед — доморощенный российский мистик. И, знаешь, мне показалось...

Вырыпаев умолк, несколько секунд молчал, затем решительно тряхнул головой.

— Ладно! Либо я опять дурак, либо... Как мадемуазель Рисурс звали? У которой мощи больше, чем в электрической станции? Агата?

— Или Агатка, — осторожно подсказал ротный. — Неужто понял, гимназист?

— Я в теософии профан, но если верить господину Сент-Ив Д'Альвейдру, то где-то в Гималаях существует то ли город, то ли страна — центр всей этой мистики. А называется она...

Батальонный выждал еще мгновение, явно довольный своей догадкой, и, наконец, неспешно, с выражением выговорил:

— Агартха.

Красный командир поглядел на поручика, тот развел руками.

Вновь переглянулись.

— По улицам ходила большая крокодила, — с чувством выговорил один.

Другой чуть подумал, кивнул:

— Она, она в Агартхе жизнь вела.

4

В этот вечер на Манежной было неожиданнолюдно. Хватало народу и на Тверской, теплая погода выманила людей на улицу, усадили в коляски «лихачей» и блестящие свежей краской «моторы». На углах ждали покупателей продавцы цветов, швейцары замерли в боевой готовности у ресторанных дверей, на все готовые девицы в легких пальтишках фланировали по высохшему за день тротуару.

Документы никто не проверял. Никому не был нужен молодой человек в потертой офицерской шинели.

Поручик поймал себя на странной мысли. Они, Белая Гвардия, проиграли, полностью и бесповоротно. Но если бы победили, если в ноябре 1919-го все же взяли Столицу, стала бы теперь Тверская иной? Сейчас улица принадлежит богачам и шлюхам. А если бы свергли большевиков?

Ответ он знал. Более того, догадывался, что в случае победы никогда бы не попал в самую головку власти, не работал бы за красными стенами Главной Крепости. Отставного офицера, тем более инвалида, конечно бы, пристроили, хотя бы в банк к дяде-финансисту. И кем бы он там служил? Для курьерской должности и то не слишком годен.

Выходит, незачем жалеть о поражении? Более того, свою войну поручик, как ни крути, выиграл. Что делают сейчас его бывшие однополчане? «Вчистую уволен от службы и страны...» Он, по крайней мере, дома.

* * *

С чужими документами лучше было не рисковать, но поручик все же решился — и выписал себе отпускной плацкарт до Киева. Там жил младший брат, сумевший в конце 1917-го выбраться на юг из Красной Великороссии. Когда начиналась Смута, парень был в старшем классе гимназии. В конце 1918-го он записался в юнкерскую дружину, оборонявшую Киев от Петлюры, потом служил у Деникина, но на фронт не попал, заболев тифом перед самой отправкой.

Жив ли? Здоров? Свободен?

Им обоим повезло. Младший брат уцелел, более того, сумел устроиться на достаточно безопасную должность при городском исполкоме. В начале 1920-го его избрали скаут-мастером подпольной скаутской дружины Киева. «Разведчик весел и никогда не падает духом».

Они собрались на склонах Днепра — разведчики из «Братства костра» и их немногочисленные друзья. Поручика пригласил брат, как самого старшего скаута. Когда стемнело, все, не сговариваясь, достали синие галстуки.

Будь готов!

Невысокое пламя, легкое потрескивание веток в огне, равнодушные холодные звезды в черном весеннем небе.

Нас десять, вы слышите — десять,
А старшему нет двадцати.
Конечно, нас можно повесить,
Но раньше нас надо найти.

Пели вполголоса, почти шепотом, но все-таки пели. И костер горел, и пеклась в золе прошлогодняя картошка, и мальчишки, последние скауты Киева, не боялись говорить вслух то, за что теперь отрывали не языки, а головы.

Кто-то запоздало вспомнил, что забыл икону святого Георгия, покровителя разведчиков. Тогда поручик достал бабушкин подарок. Живой огонь словно пробудил древний лик. Царь-Космос улыбался в своей каменной темнице.

Уезжать брат категорически отказался. А вот ему, старшему, наставительно советовал эмигрировать. Волчья шкура, считал он, ненадежная защита.

Поручик не спорил. У каждого — своя судьба,

свой выбор. Доктор Франкенштейн не зря старался, выращивая Монстра. Настало время пустить его в дело. В Киевском военкомате он получил предписание, и вскоре уже ехал в Ташкент. Красным частям Туркестана требовались командиры с боевым опытом.

Прошло два с лишним года. Кожа Монстра давно окаменела, привычными стали чужое имя и чужая речь. Каждый вечер поручик заново проговаривал все, сказанное за день, пытаясь найти ошибки. Пока обходилось, но сегодня он несколько раз был на грани. Лишние слова, ненужные эмоции. Нельзя! Красный командир, его новый коллега, неглуп и глазаст. Не оступись, Монстр, не подведи творца!

Монстр скалил клыки и рычал, соглашаясь с мудрым доктором. Не подведу, не волнуясь.

Всегда готов!

Уже возле входа в общежитие поручик внезапно вспомнил, что странные милиционеры встретили сотрудников Техгруппы именно в тот вечер, когда письмо от бдительного товарища Касимова уже лежало в канцелярии Центрального Комитета. Догадаться, куда его передадут, достаточно просто. Случайность?

Товарищ Ким предупреждал не зря.

5

— ... И ко всему еще не заварили чай, — резюмировал товарищ Ким.

Возразить нечего — не заварили, даже не вспомнили, не до того было. Однако начальству не объяснишь, оно и слушать не станет.

— Итак, что мы имеем? По всему Центральному Комитету только и разговоров о секте душителей при Научпромотделе, интересующий нас человек мертв, а все, что можете предложить, — это сказки бабушки Блаватской. Дорогие товарищи! Всей этой мистике место исключительно на помойке — под толстым слоем извести.

Все, как и в прошлый раз. Начальство на подоконнике, подчиненные перед ним, плечо к плечу. Не «смирно», но и не «вольно», лишний раз не вздохнешь.

— Надеюсь, больше никогда не услышать от вас ни о Агартхе, ни о Шамбале, ни о парящих в воздухе махатмах. Или я что-то не понимаю?

Черная трубка в руке, в глазах — не пойми что, на губах почему-то улыбка. Вроде бы и не слишком сердится.

— Что скажете?

А что сказать?

Доклад о случившемся был написан еще вчера, поэтому была надежда, что к утру разберутся, утихнут. Где там! Чуть ли не каждую четверть часа в комнату заглядывали незнакомые физиономии. Якобы по ошибке, дверь промахнулись. Посмотрят, усмехнутся со значением, покивают сочувственно.

Гриша Каннер звонил трижды. Среди прочего пересказал слух, будто бы сам товарищ Троцкий привселюдно поинтересовался, что за чудеса творятся в аппарате ЦК? После такого можно было ожидать чего угодно, и прежде всего вызова к непосредственному начальству. Но товарищ Ким явился сам. Кивнул с порога, взглянул вопросительно.

— Кто первый?

— Я первый, — ротный глубоко вздохнул, шагнул вперед. — Товарищ Ким! Думаю, догадка товарища Вырыпаева об этой... Агартхе правильная. Я, конечно, не Нат Пинкертон и даже не Ник Картер, но вот чего выходит. Игнатишин — тот еще фрукт. Интеллигент, мистик и все такое, но знал он о чем-то серьезном. Не об этих ваших маха... махата...

— Махатмах, — негромко подсказал начальник.

— Так точно. Не верю я, что Касимов такой, извиняюсь, дурак, чтобы на всякую Блаватскую купиться. И другие тоже не дураки — те, что письмо отследили. А что человек от инфаркта помер, так это еще не доказательство. Сунули рабу божьему револьвер под нос, а он с непривычки...

— Отставить!.. Садитесь товарищи.

Рука с трубкой нырнула в карман. Товарищ Ким улыбнулся:

— Верно сказали. Вы — не Нат Пинкертон, и я тоже. Этим делом займется кто положено. Я только что говорил с товарищем Сталиным. Мнение у нас одно — вы оба действовали абсолютно правильно.

Молодые люди, явно ожидавшие иного, переглянулись.

— Особенно товарищу Сталину понравилось, что вы пошли в музей сразу же, как прочитали письмо. Он считает, что у вас неплохая интуиция. А что опоздали — не ваша вина. Чья, будем разбираться, а вы работайте дальше. На болтовню не обращайтесь внимания, у нас в ЦК любят чесать языки. Вопросы?

На этот раз первым успел батальонный:

— Товарищ Ким! А как же дело Игнатишина? А вдруг там и в самом деле что-то серьезное?

Начальник покачал головой, прикусил зубами черную трубку.

— Никакого дела нет — и не было. Забудьте. Считайте, что это приказ.

На это раз никто не шутил.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Высшая мера

1

Легко ли уходить в смерть? Дурацкий вопрос — как раз для самоубийцы с намыленной бельевой веревкой на шее. Но и тот трижды подумает, прежде чем табушет ногой отпихивать. Разве что в атаке, самогона хлебнув и речь комиссарскую выслушав. Бежишь, орешь, «мосинка» в руках легкая, словно из бамбука. «Бей контру, коли! За власть Советов!..»

Прикрыл Леонид глаза. Ерунда это! Бежать легко, а когда Ей в глаза поглядишь, когда Она тебе оскалится... Дал слабинку. Не хватило сил на простое и ясное «нет».

— Я вас не знаю, гражданин начальник. Представьтесь.

Пожалел сразу, но поздно. Тот, кто сидел за столом, кивнул, взглянул не без интереса.

— Я заместитель начальника Секретно-оперативного управления и начальник Особого отдела ГПУ. А я вас помню, товарищ Пантелкин. В 1919-м я приезжал в Питер, вас тогда с фронта отозвали.

Фамилией, впрочем, не поделился. И не надо, и так все ясно. Темно-синяя гимнастерка мягкого дорогого сукна, белый металл в петлицах, на рука-

ве — нашивка с ромбами, одеколонный дух, волосы чуть ли не в бриолине. А присмотришься — лошадь лошадей, только с усами.

Вот они, начальнички новые. Вот, значит, за кого воевать довелось!

— Вы, товарищ Пантелкин, напрасно мне не верите. Смертный приговор на вас уже больше года висит, а мы вас вытащили, спасли, можно сказать. Между прочим, из-за вас Особый отдел чуть не поссорился с товарищами из Петрограда. Очень уж им крови Фартового хотелось. Но мы своих не выдаем. Чекистское братство — не пустые слова. Это закон, товарищ старший оперуполномоченный.

— Бывший, — напомнил Леонид. — Меня из ВЧК еще в 1921-м уволили.

На лошадиной морде — снисходительная усмешка. Начальничек тоже почуял слабинку, сейчас давить станет. И ответить нечем, все карты у него.

— Това-арищ Пантелкин! Чекист — он бывшим не бывает. Ваше личное дело просто переслали из Питера к нам, в Столицу, в феврале 1922-го вас оформили сотрудником Госполитуправления в той же должности. Ваша служба продолжается...

Слова падали, словно капли воды с потолка. Не отвернуться — не спрятаться. Леонид понял — сейчас сломают. Для того и спасали из-под пуль, в Столицу везли, обедом из ресторана кормили. Немалый чин по его душу прислан, не мелочатся товарищи с Лубянки.

— Итак, товарищ Пантелкин. Прежде всего вы отчитаетесь о своей работе. Мы хотим знать, кто отдал приказ о разработке операции «Фартовый», кто вел и прикрывал вас все эти месяцы. Вы уже знаете, что операция сейчас квалифицируется как

ошибочная, даже преступная. Вашей личной вины в этом нет, вы лишь выполняли приказ. Так помогите разоблачить врагов! Назовите имена, дайте показания, реабилитируйте себя перед рабоче-крестьянской властью. Иного пути нет, иначе предателем станете вы сами. Со всеми вытекающими, Пантелкин, учтите!

Уже не «товарищ». Давит, морда лошадиная, костями хрустит. Леонид прикинул, когда этот тип мог появиться в ВЧК? В 1918-м его точно не числилось, тогда свои наперечет были.

— Вы Лафара Георгия Георгиевича помните, гражданин начальник?

— Как? Как вы сказали?

Осекся начальничек, с мысли сбился. А Леониду легче стало. Вовремя друга вспомнил!

— Когда меня в декабре 1917-го товарищ Дзержинский в ВЧК позвал, я совсем еще мальчишкой был, только-только шестнадцать исполнилось. Вот меня под начало Жоры Лафара и отдали, чтобы делу научил. Потом к нам еще Яша Блюмкин пристал, вроде как оперативная группа образовалась.

— Блюмкин? — Лошадиная морда нервно дернулась. — Он-то здесь при чем?

— Ни при чем, — как можно наиболее улыбнулся Леонид. — Просто служили вместе. Так вот, в декабре 1918-го Жору отправили с заданием на юг, к интервентам. Оперативный псевдоним — «Маркиз Делафар»...

— Маркиз Делафар! — начальничек облегченно вздохнул. — Теперь понимаю. Он, Пантелкин, — настоящий герой. И погиб героем.

Леонид вспомнил Жору, яркогубого, кудрявого, веселого, казалось, не умевшего унывать. «Ленька,

пока стрелять не начали, давай я тебе стихи свои новые прочту. Про Французскую революцию». Пантелкину его стихи нравились, Дзержинскому, говорят, тоже.

— Жору французы два месяца ломали. Он ведь сам француз, и родичи его там, во Франции, и предков могилы. Вроде как против собственной страны работал. А главное, сдали-то его свои. Наши сдали, а почему и за что — не ко мне вопрос. И Жора это знал. Как себя оправдать можно, какие причины для измены найти! Любой бы сдался, а Жора — нет. А теперь вы меня ломаете. Операция «Фартовый» имела целью очищение Петрограда от бандитского и прочего вражеского элемента. Если вам в Столице такое не по душе...

— Прекратите! Сами не знаете, что мелете!

Начальник встал. Теперь они были вровень, почти глаза в глаза.

— Операция «Фартовый» задумывалась для того, чтобы скомпрометировать новую экономическую политику в глазах трудящихся Петрограда. Задумывалась врагами. Если вы не поможете их разоблачить, мы вас уничтожим. Мне и так не по душе этот компромисс, учтите.

Поглядел Леонид на лошадь в петлицах да и ответил:

— В этом и есть между нами разница, гражданин начальник Особого отдела. Мы — без компромиссов обойдемся, сразу вас к стенке поставим. Вы мне про один чекистский закон напомнили, я вам про другой. Также наш, кровный, можно сказать. Умри ты сегодня, а я — завтра. Счастливо дожить до завтра, товарищ!

* * *

Если смерть выбрал, если от жизни отказался, станешь ли по сторонам смотреть? Может, и станешь. Любопытство последним умирает, даже после надежды. Когда Леонида обратно в черное авто впахнули, он сразу в окошко взглянул. Напрасно! Шторы на окне, и на соседнем — тоже, странно, что лобовое стекло фанеркой не забили. Тут любопытство и проснулось. Если на смерть, то куда? Столицу Леонид знал плохо, наездами бывал, и то по службе. Не разгуляешься, не оглядишься. Мест расстрельных в Столице, конечно, побольше, чем в Питере, говорят, и на Ходынке стреляют, и в Хамовнических казармах.

Авто тронулось, рыкнуло мотором. Леонид закрыл глаза, чтобы в затылок шоферский не смотреть. Скоро все узнает, жаль, не рассказать, ни в мемуарах описать не придется. Подумать бы напоследок о чем-то приятном, веселом, но мысли вокруг все того же крутились. Не повезут его ни на Ходынку, ни в Хамовники, где обычную контру и шваль уголовную пускают в расход. А он, бывший старший уполномоченный, из необычных. В Питере его уже похоронить успели и даже награды получить за уничтожение врага народа Фартового. Считай, месяц на том свете прогулы ставят.

Машина мчала куда-то вдаль, подпрыгивая на выбоинах и на обломках сброшенного с тротуара весеннего льда, в салоне потеплело, и Леонид попытался снять кепку. Чьи-то пальцы перехватили руку.

— Сидеть!

Леонид вдруг подумал, что так же, наверно, этапировали на смерть Жору Лафара. Только не в авто, а на катере. Отвезли подальше в море, прикру-

тили к связанным ногам цементный блок... Тела не нашли, потому и награждать не стали. Леонид пытался спорить, даже к Дзержинскому ходил. А за него кто похлопочет? Блюмкин, что ли?

— Сказано, сидеть! Сам расстегну.

Леонид даже не заметил, когда успел рукой за ворот куртки взяться. Уже не тепло, жарко. Чья-то рука прикоснулась к горлу, расцепила крючки, а заодно и стащила кепку.

— Спасибо!

Поблагодарил, но глаза открывать не стал. Наверно, эти заботливые и назначены на исполнение. Отвезут в тюрьму с подходящим режимом, подождут до темноты, выроют яму прямо посреди двора. К утру только пятно и останется, потом его притопчут ногами, если расщедрытся, асфальтом накроют. А может, и зарывать не станут. Отправят в кочегарку, хорошо, если мертвого. Был Леонид Семенович Пантелкин — и нет его.

В начале 1921-го, когда Леонида перевели в транспортную ЧК, для виду назначив обычным агентом-контролером, довелось ему как-то поговорить по душам с парнем из Иркутска. Послушал про тамошние дела — и чуть завидовать не начал. Сам он не за бумажками войну провел, всякое видеть доводилось, но в Сибири масштаб особый. Слева тайга на тысячу верст, справа она же на тысячу пятьсот, а дальше — Монголия с Урянхаем. Иркутский чекист хвалился, что довелось ему ловить самого Ростислава Арцеулова. На резонный вопрос: «Кто таков?» — сибиряк лишь головой качал: «Га-а-ад! Ух, га-а-ад!» Он и рассказал про расстрельные хитрости. Когда товарищу Чудову, начальнику Иркутской ЧК, поручили исполнить Адмирала, он поступил

умно. Конвой отвел на Ушаковку палача-китайца, нарядив его в адмиральскую шинель. Исполнили — и в прорубь столкнули. С самим же Адмиралом торопиться не стали. В подвал притащили, велели одежку снять, а после каждый душу отвел, пока патроны не кончились. Там, в подвале, и прикопали врага. И кто теперь этому поверит? Всем известно, что Адмирала Ангара унесла. Ищите!

— На выход!

Снова кепка на голове, до самого носа надвинули. Понял Леонид — стоим. Значит, приехали, значит, его черед. Только искать не станут. Был бы Жора Лафар живой...

Вылез из машины, попытался осмотреться.

— Пошел!

— Не посылай. Могу вернуться.

Огрызнулся, и вроде как полегчало. Сцепил пальцы за спиной, зашагал. А чтобы веселее было, Леонид стал вспоминать, как его оперативному делу учили. Вызвали к начальству — и человечка указали. Ходи, мол, за ним даже не тенью, легким ветром. Если заметит, то, считай, сорвана операция. А на дворе февраль 1918-го, германец как раз к Пскову рвется.

Пять дней Леонид за человечком ходил. Все выяснил, все увидел. Оказался человечек работником банка да к тому же членом партии октябристов. На советскую службу поступил, не отказался, но после работы не домой спешил, а совсем в иное место. Через проходной двор, через черный ход, этаж второй, стучать три раза. Не он один — чуть ли не дюжина таких же подозрительных, кто из кадетов, кто вообще из приват-доцентов.

Накрыл заговор! Когда смеяться стали, вначале да-

же не понял, а как разъяснили, чуть с кулаками на Жору Лафара не полез. Он это и придумал — на случайного прохожего указать. Правда, потом смеяться перестали. Заговор не раскрыли, но выяснили, что ходил бывший октябрист в притон — кокаином баловаться да мамзелей несовершеннолетних щупать. За этот притон вышла Леониду первая благодарность от самого товарища Дзержинского. Блюмкин тогда из завидовался, из-за этого и в Столицу попросился, когда правительство переезжать решило.

— Направо!

Направо? Леонид вдруг сообразил, что ровным счетом ничего не заметил. Авто вроде бы во дворе остановилось, потом дверь, лестница, второй этаж. Или третий? И вообще, куда он попал?

Осмотреться не дали. Слева и справа — архангелы-хранители, те, что в авто были. Боками жмутся, под локти держат. Впереди и сзади конвой. Форма новая, затылки стриженные, налитые. А зачем смотреть, если можно воздух вдохнуть? Не запрещают пока.

Леонид вдохнул поглубже, ноздрями повел... Тюрьма! Знакомый дух неволи, один раз нюхнешь, будешь помнить до самой расстрельной стенки. То ли Бутырки, то ли Таганка, то ли что-то хитрое, для своих. Днем привезли, не ночью, значит, несколько часов еще подышать дадут.

— Стой! Лицом к стене!..

* * *

Леонид попал в ВЧК по рабочей путевке. Типография направила — красный Питер от шпаны и налетчиков охранять. Получил он приказ явиться к

товарищу Петровскому, народному комиссару внутренних дел, но так к нему и не попал. В приемной наркомата, где шумели моряки-клешники, разговорился с немолодым бородатым дядькой, по виду и говору — чистым поляком. Леонид сперва откровенничать не хотел, мало ли какие поляки случаются? Но потом все-таки рассказал о себе. Мол, грамотен, читать любит. Кстати, польский язык немного знает — семья в Лодзи проживала, пока война с германцем не началась. Беспартийный, но эсдекам-большевикам сочувствует, потому что те за рабочий класс.

— *Bardzo dobrze*, — похвалил его поляк, а потом, перейдя на русский, велел предъявить путевку. Читал долго, думал, а затем поглядел прямо в глаза:

— Подходишь! Так есть.

В дом на Гороховой зашли вместе — Феликс Дзержинский и чекист Леонид Пантелкин.

После встречались часто — до марта 1918-го, пока руководство из Питера в Столицу не подалось. И по службе, и просто разговоры вели. Как-то Леонид спросил Первочекиста о тюрьмах, потому как понять не мог. Места заключения — зло и наследие старого режима, это на всех митингах говорят. Так почему их до сих пор не снесли, по камешкам не раскидали? Отчего туда людей направляют?

— Так есть, — кивнул Дзержинский. — Зло, *wielkie* зло. Вот мы туда еще большее зло и отправляем. По вору и мука!

Русская пословица была произнесена четко, без малейшего акцента.

— Пошел! Налево. Не оглядываться!

По вору и мука...

Сидеть Леониду довелось трижды, если немец-

кого лагеря-«концентрака» не считать. Но туда он своей волей попал, по заданию, так что в счет вносить не стал. Оставалось две тюрьмы и один сарай, куда его, пленного, беяки заперли. Злые были, но дурные до невозможности. Орала, титуловали злодеем-хриstopродавцем, по морде лупили — а пистолет забрать не догадались. В галифе маузер «номер один», фронтовой трофеей, лежал, в левом кармане. Сами и виноваты! Девять патронов было — шестерых золотопогонников оприходовать довелось. С тремя патронами в свою пулеметную команду и вернулся.

А вот на Шпалерной, а после в «Крестах», все чин чином было, как при Николае Кровавом. И обыск, и фотографическая камера, и душ с хлоркой. Подумал еще тогда чекист, что Старый мир никуда не делся. Вот он, угнезвился, не скovyрнешь!

Леонид дернул щекой, вновь слова Дзержинского вспоминая. И другие, что в книжке вычитать довелось. Не по-русски, а запомнились.

Suum quique. Каждому — свое!

— Стоять!

Коридор кончился, впереди — железная дверь. Значит, в камеру.

В камеру?!

Под душ не гнали, пальцами во всех укромных местах не ковырялись, краской ладони не пачкали, формуляр канцелярский не заполняли. Или в Столице иные порядки, чем в Питере? Кича — всюду кича, хоть на Сахалине. Там в особенности — японцы теперь на Сахалине, они порядок любят. Даже обыска не было! А вдруг у него граната Лемона в кармане?

Что за тюрьма такая? Для кого строена?

А ко всему еще заминка вышла: надзиратель-коридорный, он же «два сбоку», никак не мог камеру открыть. Звякает ключами, а толку нет. Тут уж Леонид задумался крепко. Откуда такой взялся? Хотя и убыло в России-матушке народу, но тюремщики по узилищам до сих пор правильные, как спокон веку предписано. А этот ни ростом не вышел, ни видом. Чистый комсомолец из сочувствующих интеллигентов, очков лишь не хватает.

Наконец дверь поддалась. Леонид команды ждать не стал, сам через порог шагнул. Прикрыл глаза, к яркому свету привыкая, под ноги поглядел, потом вперед. Нары слева, нары справа. Слева — пустые, справа — чья-то седая голова.

— Здравствуйте!

Хотел сразу же представиться, чтобы невежливым не прослыть, но вдруг понял: не так что-то. Не с камерой, не с седоголовым — с ним самим. Когда порог переступал, вроде как тяжесть почувствовал — справа, где карман куртки. Прежде не было, а теперь есть.

Леонид осторожно потрогал влажную ткань. Не поверил, скользнул ладонью в карман.

Револьвер...

2

— А скажи мне, Ленка, какая у нас, у чекистов, главная задача? — спрашивал его Жора Лафар.

Тоже мне, вопрос! Леонид чуть не обиделся, маленький он, что ли?

— Заговоры разоблачать, товарищ оперуполномоченный.

— А какая у наших врагов-заговорщиков главная задача?

Яркие губы улыбались, в темных глазах — чертопляс. Не прост вопрос и не зря задан.

— Ну-у... — Леонид даже лоб наморщил, пытаюсь угадать, не осрамиться. — Нанести нам наибольший вред при наименьших собственных потерях!

Кажется, не угадал. Жора покачал кудрявой головой, по плечу похлопал.

— Хорошо формулируешь. Только не попал. Мимо! То, что ты сказал, не задача, а цель. А задача иная. Первое и главное — невидимыми остаться, показать, что никакого заговора нет. Не по подвалам прятаться, а быть на самом видном месте, но так, чтобы никто ничего не заметил. Иначе погоришь, будь ты самим Огюстом Бланки.

Леонид в ответ только моргнул. Как это — на самом видном и чтобы не заметили?

— А так! — засмеялся Лафар. — Корниловское дело помнишь? Тогда о будущем перевороте все газеты писали. А Корнилов и рад. Поддакивал, речи страшные говорил. Что в результате? Товарищ Троцкий, когда нужно было штаб восстания создать, совсем иначе действовал. Выступил в Петросовете с инициативой — защитить город от немца. Никто, ясное дело, не возразил. Возник ВРК — Военно-революционный комитет. Он-то «временных» и скинул. И никаких заговоров. А теперь скажи, кем шпиону лучше устроиться, чтобы против нашей власти подкоп вести. На какую должность?

— Ясное дело, Председателем Совнаркома, — рубанул Леонид и прикусил язык.

На такую высоту забираться не пришлось, но в

★ — начале лета 1918-го, когда Жору уже отозвали в Столицу, Леонида подключили к операции «Американский портной». Вражеским агентом оказался комиссар по делам печати. Вот тогда молодого оперуполномоченного и спросили, где он держит служебный револьвер. Узнав, что в кобуре, старшие товарищи не одобрили. Револьвер, как выяснилось, опытные люди носят в рукаве, на специальной резинке. Руку опустишь, он прямо в ладонь соскользнет, очень удобно. И при обыске могут не найти.

Леонид попробовал — не понравилось. На операцию взял с собою кобуру, только под пиджак спрятал. А на фронте, под новый, 1920 год раздобыл себе маузер «номер два» 1908 года да так с ним и не расставался. Из него и питерских оперов отваживал, когда на хвост садились.

Тот, что в кармане, не маузер, но тоже не на одну смерть потянет. Это чьими же молитвами?

* * *

— Здравствуйте! — повторил Леонид. Доброго дня желать не стал — на киче он добрым не бывает. Неопытных — тех, что по первой ходке, сразу поправляют, чтобы впредь не ошибались.

— Пантелкин Леонид Семенович, бывший старший уполномоченный ВЧК. Высшая мера социальной защиты.

Кличку и статью поминать не стал. Седой не из деловых, сразу видать. Пусто на пороге. Деловой или даже сямка непременно полотенце бы постелил.

Седая голова качнулась, человек неспешно встал,

расправил худые плечи, отложил недокуренную папиросу.

— Артоболовский Александр Александрович. То же самое. Здравствуйте, Леонид Семенович. Устраивайтесь, места много.

Слева нары в два ряда и справа они же. Седой свой мешок на правые нижние кинул. Вещей у Леонида не было, и он бросил на левые нижние кепку. Куртку пока снимать не решился.

...То, что в кармане — пятизарядный «бульдог». Только рукоять странная, сильно изогнутая, и щечки гладкие, вроде как костяные.

— Александр Александрович! Угостите папиросой за-ради знакомства.

Пока седой пачку «Иры» доставал и зажигалкой щелкал, Леонид уже и присмотреться успел. Все верно, не деловой и не сямка. Недорасстрелянный интеллигент в калошах? Похож, но не совсем. Интеллигенты — они бледные, нервные, в очках-велосипедах и с козлиной бородкой. А этот просто небрит, дней пять уже, если по щетине судить. Лицо загорелое, как будто из Африки приехал. Взгляд умный, внимательный.

— Благодарствую! Уважили.

Сколько лет, сразу не понять. По седине — за пятьдесят будет, по лицу — много меньше. Худой, но силы хватает, с таким лучше не связываться. А если все вместе сложить?

— Вы, Александр Александрович, на путешественника похожи. Вроде того, которому в Питере памятник поставили возле Адмиралтейства. Может, видели? Там еще верблюд из бронзы.

— Пржевальский, — улыбнулся седой. — Там не только верблюд, но и портфель. А бюст не слишком

удался, в жизни Николай Михайлович, по общему мнению, был куда приятнее... Вас, наверное, предупредили? Вы же чекист.

Душистый табак внезапно ожег горло. «Вы же чекист». Кажется, его приняли за «наседку».

— Чекист я бывший, причем со смертным приговором. Куда попаду, даже не представлял, хотите верьте — хотите нет. Про путешествия вспомнил из-за того, что загар ваш непривычный. И вид, между прочим, не кабинетный, такие, как вы, в четырех стенах не сидят.

— Арестовали меня как раз в собственном кабинете. — По загорелому лицу мелькнула усмешка. — В остальном все правильно. Работал в Туркестане, на Тянь-Шане и на Памире. Я не в претензии, Леонид Семенович. Будь бы даже чекист при исполнении, все равно был бы рад. Одному уж больно тоскливо. Между прочим, здешние власти грозились запустить мне в камеру страшного разбойника по кличке Фартовый. Это у них педагогика такая.

— А против разбойников средство есть, — улыбнулся в ответ Леонид. — Вы у порога полотенце простелите.

* * *

Фартовым Леонид стал в январе 1922-го. Трех на задание послали: Варшулевича из Псковской ЧК, Гаврикова, бывшего комиссара батальона, и его, агента-контролера дорожной Чрезвычайки. Сдали партбилеты, Гавриков орден с груди снял... Были партийцы — бандитами стали. Леонида на месяц в домзак на Шпалерной определили, чтобы мудрости воровской поднабрался. Про полотенце предупре-

дили сразу. Первая проверка, у самого порога. Не забудьте вытереть ноги, товарищ Фартовый!

Не слишком по душе Леониду пришлось новое задание. Урок и налетчиков он с самого своего пролетарского детства ненавидел, потому и согласился в 1917-м к товарищу Петровскому на городское патрулирование пойти. Но душа душой, разумом же понимал чекист — верно задумано. На такое еще Жора Лафар намекал. «Кем шпиону лучше устроиться?» Само собой, королем всех питерских деловых, чтобы собственным подданным перебор устроить да хазы-малины поганые попать. А потом открылась Леониду еще одна возможность. Шпионы и заговорщики, настоящие, не липовые, от чекистов дела свои прячут. А поди спрячься от налетчика!

Не все пошло, как задумано, не тем кончилось. Он, старший уполномоченный, не на службе, а в смертной камере. Вроде бы несправедливо, но если задуматься, много ли справедливости в мире? На всех точно не хватит.

— ...А кроме полотенца, Александр Александрович, у этой публики много всяких обычаев имеется. Как у индейцев, про которых Майн Рид писал. Глупые есть, смешные, но есть и разумные. Попал на кичу, вопросов лишних не задавай, в душу чужую не лезь. Это я не на себя намекаю, спрашивайте, если охота. Вы меня за подсадного приняли...

— Помилуйте! — Артоболевский даже руками развел. — Вы же должность свою изволили называть. Едва ли ваш подсадной станет так представляться.

Леонид помотал головой. Интеллигенция, что с нее взять?

— Правильно приняли. Лучший способ — искренность изобразить, особенно с вами, с образованными людьми. А что мы оба к высшей мере определены, так в том и вся соль. Знаете, отчего бомбисты при царе смертного приговора боялись? Не самой смерти, а именно осуждения? Потому что ходил слухок, будто смертников пытают, тайны наружу выворачивают. Пытать — это грубо, а поговорить сердечно напоследок — самое оно. Так если прячете чего, прячьте и дальше. Никому не верить — первое тюремное правило.

Интеллигент задумался, провел ладонью по седым волосам.

— В моем случае сие совершенно бесполезно. Ни про какие тайны меня не спрашивали, что по-своему даже обидно. Новая власть изобрела интересную формулу осуждения: ты виноват, а в чем, сам должен знать. Презумпция абсолютной виновности. Поспорил бы с таким подходом, да не с кем.

Леонид вновь окинул взглядом узилище. Нежилое какое-то, людским духом не пахнет, только хлоркой. Стены чистые, без надписей, будто после ремонта. Словно специально для них кичу придержали, как номер гостиничный.

А может, этот седой и есть подсадка? На Лубянке не дураки служат, у них подходцы разные в запасе имеются. Леонид покосился на соседа. Поди пойми! Для смертника слишком спокойный, философии разводить пытается. Но мало ли как себя люди ведут? Кто песни перед расстрелом поет, кто письма пишет, кто волком воет. А он, Пантелкин, продолжает оперативную работу вести.

— Вы, наверно, правы, — вновь заговорил Артоболевский. — Даже не наверно — наверняка. Но я

охотно выслушал бы мнение самого господина Дзержинского, будь он сюда определен. Интересно все-таки. В 1918-м и позже расстреливали заложников — не за вину, а в качестве меры устрашения. Чудовищно, но понятно. Тогда брали всех подряд, по телефонной книге. Ну да вы знаете.

— Не знаю, — поморщился Леонид. — Я на фронте был. Нарвский участок, пулеметный взвод. Мы там без телефонных книг обходились.

— Я не лично о вас, Леонид Семенович, я о системе. Сейчас стали заговоры раскрывать. Арестуют сотню, десяток от страха признается и остальных оговорит. А для верности добавляют в список двоих-троих настоящих заговорщиков, чтобы никаких сомнений не было. И получится, к примеру, «боевая организация Таганцева», которую в Питере разоблачили. Этот способ в революционном Париже назывался «амальгама» — соединение несоединимого. Но в моем случае все по-другому. Рассказать — или будем и дальше друг другу не верить?

Леонид пожал плечами. Верить ни к чему, а поговорить можно. Все лучше, чем тишину предрасстрельную слушать.

— Я вернулся из Туркестана прошлым летом. С сентября начал преподавать в университете, книгу новую задумал, даже успел кое-что набросать. Арестовали два месяца назад. Ни одной очной ставки, ни одного серьезного обвинения...

— Это вам так кажется, — невесело улыбнулся чекист. — Серьезное или нет, трибунал решает.

— Вероятно. Но посудите сами. Сейчас 1923 год от Рождества Христова. Мне же инкриминируют «тесную связь», если пользоваться выражением

следователя, с главой российской контрреволюции Лавром Георгиевичем Корниловым.

Леонид невольно сглотнул.

— А это, извините, по-вашему, не слишком серьезно?

— Как я понял, серьезно, — невозмутимо согласился Артоболевский. — Я не зря вам напомнил про календарь. Сейчас 1923-й. А в ноябре 1899-го студента третьего курса, только что вернувшегося из археологической экспедиции, убедительно попросили помочь одному молодому капитану Генерального штаба. Просил лично генерал Иванов, командующий войсками округа. Готовилась экспедиция в Кашгарию и на Памир, места тогда совершенно заповедные. Характер и задачи будущей поездки были слишком очевидны, поэтому студент решил отказаться. Но потом встретился с капитаном, поговорил — и с изумлением понял, что офицер интересуется научными вопросами ничуть не меньше его самого. В географии и этнографии капитан был силен, но вот археологией никогда не занимался.

Александр Александрович рассказывал спокойно, с легкой улыбкой. Леониду даже стало завидно. Кашгария, Памир... Есть что вспомнить человеку.

— Поехали вместе. В группе были исключительно военные, поэтому студента зачислили «вольнопером». Когда об этом узнали родители, то чуть в обморок не упали. Бедного сыночка отдали в рекруты! В письме ведь всего не объяснишь. Я сообщил, что буду проходить службу на Дальнем Востоке, при наместнике Алексееве.

— Так вы, значит, с генералом Корниловым в эту Кашгарию ездили? — поразился Леонид.

В ответ — негромкий смех.

— Генерал — это еще не скоро. Ему было двадцать девять лет, мне — двадцать три. На ты с ним перешли. Я его по имени-отчеству, все-таки командир, а он меня — по фамилии. Еще возмущался, что у меня фамилия длинная, на двоих хватит. Полтора года в пути, впечатлений — на три жизни. После поездки я ему помогал отчет писать, а потом и книгу. А он через несколько лет подсобил, когда меня за политику от преподавания отстранили. Сердился очень. «Ты — нигилист, Ар-то-бо-лев-ский! За каждый слог твоей фамилии — по году каторги!» Но — выручил. Лавр Георгиевич служил тогда военным агентом в Китае. Ему поручили важную инспекцию на нашем секретном объекте возле озера Челкель. Он как раз возвращался и вызвал меня телеграммой в Кашгарию, в город Янги-Шар, там мы и поговорили. В 1909-м Академия наук с благословения Генерального штаба организовала в Туркестане комплексную экспедицию, мне был поручен археологический сектор. Наши сотрудники направлялись в основном в Китай и Внешнюю Монголию, но два раза мы забирались очень далеко, в самое сердце Тибета. А чтобы внимание властей не слишком замечалось, финансирование для виду шло через «Ферганское общество по добыче редких металлов»...

— Погодите, погодите! — взмолился Леонид. — Александр Александрович, вы понимаете, что говорите? Корнилов, значит, главный шпион, а вы — при нем.

Артоболевский дернул плечами:

— Я занимался наукой. Археология, этнография, отчасти фольклористика. В шпионы меня не взяли, видать, способностей не было. А в остальном... Мы

служили стране, Российской империи, защищали ее интересы на Востоке. Научная работа среди прочего — это изучение вероятного театра военных действий. От каждой экспедиции остаются хорошие карты. А шпионаж... Агенты Лавра Георгиевича добывали правительству нужные сведения, боролись с английской и турецкой разведкой. Кстати, наши археологи по сравнению с британскими — образец пацифизма и научной чистоты, вы уж мне поверьте. Если сейчас за это расстреливают, значит, так тому и быть... Кстати, когда я попытался все это объяснить следователю, выяснилось, что он прекрасно осведомлен о моей работе. Так что никаких тайн, никаких конспираций — и смертный приговор. Можете объяснить?

— Попытаюсь.

Чекист неторопливо встал, подошел к зарешеченному окну, поглядел вверх, но не смог разглядеть небо, даже самый его краешек. Глухая стена, двойные стекла, ржавчина на старом железе... А он еще думал, что все интересное в жизни уже позади! Вот тебе, товарищ старший уполномоченный, задачка. Справишься?

— Таких, как вы, Александр Александрович, никто не расстреливает. По горячке могли порешить еще в 1917-м, когда братва на улицах бузила. А после — шалишь, подобные люди пролетарской власти ох как требуются. Потому ответов может быть три. Я сейчас скажу, только вы ничего не отвечайте, потому как не мое это дело, а ваше.

Повернулся, поглядел седому прямо в глаза. Умень, видать, археолог, но и мы соображалку имеем.

— Первое. Не разобрались и решили шлепнуть за компанию. Девяносто девять буржуев в списке,

одного не хватает. Может такое быть? Вполне, но не в вашем случае. Сами же сказали — следователь в курсе.

Артоболевский согласно кивнул.

— Второе — что-то лишнее знаете. Иные воспоминания потяжелее, чем цементный блок, весят. Сразу ко дну уйдете.

Хотел пояснить, отчего про блок вспомнил, но сдержался. Эх, Жора, худо без тебя!

— Может такое быть? Едва ли. Вы на науку работали и на внешнюю разведку. От таких знаний стране только польза, причем немалая. Остается третье. От вас, Александр Александрович, чего-то хотели. Вы сказали, будто ни про какие тайны вас не спрашивали. Значит, о чем-то другом речь была. Вы отказались, не пожелали власти помочь. А власть — она обидчива порой, прямо как гимназистка. Я правильно излагаю?

Леонид прикусил язык. Так и хотелось врезать интеллигенту: «А теперь колись, если жить хочешь. Отвечай, недобитый!..»

— Вы, наверное, хороший следователь, — усмехнулся археолог. — Вы правы, так и было, но, честно скажу, на допросе я не придал этому значения. Речь шла о конкретном человеке, которого к тому же давно нет в живых, и об одном архитектурном памятнике. Я и подумать не мог... Спасибо, кажется, вы действительно ответили. Объяснили!

Леонид был не слишком рад похвале, но отказываться не стал. Пусть седой думает, что он действительно следователь.

— Но... Александр Александрович! Если вашего знакомого нет в живых, чем вы ему можете повредить?

Артоболевский ответил не сразу, подумал, наконец, резко вскинул седую голову:

— Отвечу так, чтобы вы поняли. У вас гибли друзья, Леонид Семенович?

— Да, — чекист скрипнул зубами. — Был друг, его звали Жора, Георгий. Он мне — как старший брат.

— Если бы над прахом вашего друга хотели надругаться, вы бы согласились указать дорогу к его могиле?

3

Лампа под потолком сбавила свет, мигнула вполнакала, затем вновь вспыхнула во всю силу, словно прощаясь. Погасла.

Тьма.

И в ту же секунду Леонид со всей ясностью понял: придут. Именно этой ночью, под утро, причем за ними обоими. Потому и под душ не водили, и отпечатками пальцев не интересовались. Зачем? Точно, как в гостинице, переночевал — и в путь. Для уголовных тюрьма — «дом», иначе и не называют, а для него, выходит, ночлежка.

Ложиться не стал, присел на нары, как и был, в куртке. Сосед же устроился со всеми удобствами, укрылся старым пальто, повернулся к штукатуренной стене. Спит? Сразу не скажешь, дышит ровно, тихо. Неужели не понимает?

«Эй, яблочко на подоконничке, в Петрограде появились покойнички!»

Дурацкая частушка всплыла, как труп в зимней проруби. Не зря! Про него сочинили, про Фартового. Когда впервые услышал — обиделся. Какие по-

койнички? Никого не убил, даже не ранил, чисто работал. Потом обижаться уже не имело смысла. Сначала застрелил «опера» прямо напротив Гостиного Двора, потом — ретивого прохожего, чтобы вдогон не бежал. По-честному если, операцию тогда же следовало свернуть. Не дали! Налетчик Фартовый в самую силу входил, к нему питерские деловые тянулись, весь город как на ладони — кого хочешь, выбирай.

Леонид поморщился. Чекист с Лубянки, лошадь в петлицах, операцию «преступной» величает. А ведь из-за столичных ее и не отменили! Леониду так и поясняли: Столица большой интерес проявляет. Вот тебе, товарищ, первый адрес. Обыск по всем правилам под видом налета. Изъятое доставишь по такому-то адресу в такой-то срок.

«Все руки вверх! Я — Фартовый!»

Чистой работы не получилось. После, когда погибли Варшулевич и Гавриков, а на Леонида началась беспощадная охота, газеты им чуть ли не полсотни трупов пытались навесить. Бывший чекист не удивлялся и даже не очень злился. В уголовке тоже люди работают, им в конце квартала отчеты сдавать. Как не списать все «висяки» на страшную банду Фартового? Выходит, помог коллегам. Но не все ввали. Вспоминать об этом было тошно, особенно в такую ночь. «Кирочная, дом восемь, товарищ Пантелкин. Всех, кто в квартире. Повторяю — всех, это приказ. Имитируете налет, но искать будете вот что...»

Кирочная, дом восемь. Какой-то профессор, служил при Северо-Западном правительстве Юденича, только что вернулся из эмиграции. Леонид даже

переспросил. Вернулся? Это как же пустили? А после сообразил. Для того и пустили!

Думал, бумаги искать придется или (отчего бы и нет?) казну белогвардейскую, но иначе вышло. Чемоданчик, небольшой, да тяжелый. Открывать его Леонид не стал, но все же очень удивился. Сделан был тот чемодан непонятно из чего. Материал твердый, гладкий, рукой приятно гладить. А как присмотрелся, чуть не присвистнул. На ровной поверхности — несколько отверстий. Вроде как розетки, только размер совсем иной. Тогда и догадался — адская машина! Электрическая, по последнему слову буржуазной науки. Прислушался — не тикает, но все равно с великим бережением чемодан уносил. А он еще жалел этого интеллигента. Его в страну пускают, а он, контрик, бомбы привозит!

Теперь же Леонид иначе рассуждал. Если бомба, зачем несколько разъемов, причем все размеры — разные. Сложновато выходит. Может, профессор изобретателем был, вроде американца Эдисона? Но тогда зачем такого полезного — и в расход? Неразумно по нынешним временам. Но, если подумать, и сосед его, седой археолог, обществу полезен, и даже он сам, бывший старший уполномоченный. И спросить уже некого. «Эх, яблочко на подоконничке...»

Рука скользнула в карман, нащупала холодную рукоять. Нашли, когда «ствол» дарить! О чем думали эти доброхоты? Раньше бы, скажем, в авто, можно было попытаться, на рывок уйти. А зачем «бульдог» в камере? Стрельнуться и утра не ждать? Может, для того и дали?

А если совета спросить?

Сосед дышал тихо, но Леонид понял — не спит,

тоже все понимает. Не стальной же он, друг-приятель Корнилова!

— Александр Александрович! Ich... Ich habe eine Waffe in der Tasche¹.

По-немецки — это на всякий пожарный. Даже если слушают, ухо к двери прикладывают, сразу не сообразят. Потому и вместе «einen Revolver» просто «Waffe» ввернул.

Понял?

Дыхание — такое же тихое, ровное.

— Nicht helfen, Леонид Семенович. Wir werden, wie zwei Clown im Zirkus².

Язык германских интервентов Леонид пытался учить в «концентраке», пока за проволокой скучал. Успел не слишком много, поэтому насчет «zwei Clown» по смыслу догадался. А что «nicht helfen», так это точно. Это только в американской фильме один ковбой против толпы индейцев с «кольцом-миротворцем» выходит.

Леонид поднял воротник куртки, вжал голову в плечи, закрыл глаза.

Темно, темно, темно...

* * *

Пришли не на рассвете — в самую глухую ночь. Скрежет ключа в замке, дверной скрип, резкий свет из коридора:

— П-а-адем! На выход, без вещей. Быстро, быстро!..

Первым шагнул за порог седой. Леонид чуть по-

¹ У меня оружие в кармане (нем.).

² Не поможет. Будем, как два клоуна в цирке (нем.).

мешкал, с силой провел ладонью по лицу. Неужели все?

— Пошевеливайся!

В коридоре сразу же за локти взяли, умело и цепко.

— Пошел!

Куда ведут, Леонид смотреть не стал. Только когда ступени под ноги прыгнули, принялся считать пролеты. После третьего понял — в подвал. Вдохнул воздух, понюхал стылую сырость. С тем и успокоился. Страшит и сил лишает неизвестность, когда же все ясно, об ином подумать можно. Только о чем? О «неблагодарном отечестве», как в старых книгах писалось? Теперь отечество у них новое, и законы в нем простые. «Умри ты сегодня, а я завтра». *Suum quique*.

Каждому — свое!

«Эх, яблочко, да вкусу нового. В морг подарочки везут от Фартового!»

Подошвы скользнули по влажной ступеньке, ткнулись о твердый пол. Перед глазами тьма, только вдали что-то желтым огнем светится.

— Пошел! Пошел, говорю!

Толчок в спину, чтобы направление не спутать. Стало быть, к свету. К Тому ли, к Этому, иной вопрос. По бокам громко сопели конвоиры. Леонид прикинул, что вырваться и уйти в темноту не так чтобы совсем невозможно. Только куда бежать? Там, в другом конце, тоже стенка.

— Сто-о-ой!

Пришли? Неубитое любопытство заставило оглянуться. Первым, что он увидел, были фанерные щиты вдоль стен. Слева, справа, впереди — большой буквой «П». Фонари под потолком, толстые

черные змеи-провода... Посреди всего этого «покая» — десяток молодых парней в темно-синих «богатырках» и серых шинелях. Зеленые петлицы, зеленые «разговоры», винтовки с примкнутыми шттыками, желтая кожа поясов...

Лиц не разглядел — только белые пятна, словно во сне.

Все было ясно, но Леонид не удержался, вновь глянул. Главный тут кто? Никак этот длинный, без винтовки, зато с портупеей? Ну-ка, выскажись, служивый. Как там полагается? «Руководствуясь революционной законностью...»

Длинный будто услышал. Неторопливо шагнул вперед, кивнул конвоирам. Те отошли в сторону, в черную тень. Руки стали наконец-то свободны, и Леонид облегченно вздохнул. Поискал взглядом седого. Где вы, Александр Александрович? Слева? Нет, справа, возле ближнего фонаря.

Начальник стал как раз посередине, расставил ноги пошире, словно циркуль проглотил, дернул головой:

— А теперь, суки, одежду скидывай! Всю, с исподним. Быстр-р-ро!..

Рявкнул и снова голову повернул, будто надеялся эхо услышать.

— Александр Александрович, не вздумайте! — откликнулся эхом. — Нет у них такого приказа, это они властью себя тешат.

Начальник замер, ушам своим не веря, затем медленно принялся открывать рот...

— А за «суку» они ответят. Сегодня нам у стенки стоять, завтра кому-то другому.

Рука уже сжимала рукоять «бульдога». Вот и пригодился подарок. Давайте, служивые, проявите

прыть! Ох и пойдут легенды по хазам да малинам, о том, как умирал Фартовый! И товарищи-чекисты самого первого призыва одобряют. И Жора Лафар на своих французских небесах.

— Да что вы себе позволяете!.. — начал было длинный, но словно почувствовал что-то. Умолк.

Немного подумал, ближе подошел.

— Пантелкин, не нарушайте порядок. Вы не правы, я действую согласно инструкции. А насчет «суки»... Сейчас у нас так принято. Впрочем, персонально перед вами готов извиниться.

Леонид пожал плечами. Принято... Ну и традиции в этой Столице!

— А щиты — против рикошета? Мы матрацами обходились. Ладно, к какой стенке прислоняться?

Скидывать куртку так и не стал. Колотун в подвале, еще подумают, будто он от страха дрожит.

«Ели яблочко, потом оставили. Повязали деловых, в «Кресты» отправили!»

Вот и стенка, и фанерный щит перед ней. Леонид стал слева, седой археолог справа. Пальто Артоболевский все-таки снял и даже расстегнул ворот рубахи. Между тем расстрельщики уже строились, не слишком толково, сбиваясь с ноги. Длинный покрикивал, подгонял...

— Вы гневаетесь, — негромко проговорил археолог, — думаете о пустом, о лишнем. Не годится так, Леонид Семенович. Миг смерти не менее важен, чем миг рождения.

Леонид отпустил горячую рукоять бесполезного револьвера, вынул руку из кармана.

— А чего делать? Я, Александр Александрович, даже в Бога не верю. Мне и молиться нельзя.

— Можно! Повторяйте за мной. *Господь пасет*

мя, и ничтоже мя лишит. На месте злачне, тамо всели мя, на воде покойне воспита мя...

Спорить Леонид не стал. И вправду, верующим легче. 22-й Псалом — в прославление Бога за особенное хранение. «Господь — Пастырь мой; я ни в чем не буду нуждаться: Он покоит меня на злачных пажитях и водит меня к водам тихим...»

Особенное хранение... Что и говорить, самое время.

— *Душу мою, обрати, настави мя на стези правды, имене ради Своего. Аще бо и пойду посреде сени смертныя, не убоюся зла...*

— Внимание! — рявкнул голос длинного. — Зачитываю приговор...

— *Яко Ты со мною еси, жезл Твой и палица Твоя, та мя утешиста, —* неожиданно для самого себя выговорил Леонид. — *Уготовал еси прего мною трапезу сопротив стужающим мне, умастил еси елеом главу мою, и чаша Твоя упоявающи мя, яко державна...*

Краешком сознания он понимал, что, даже если в нарушение всех природных законов Господь существует, никакой милости ему, чекисту с декабря 1917-го, никто в мире Ином не окажет. А он не станет жаловаться и просить не станет. Не из гордости, а потому, что каждый получает свое, и это совершенно правильно. По вору и мука!

— Заряжа-а-ай! Целься!..

— *И милость Твоя поженет мя вся дни живота моего, и еже вселити ми ся в дом Господень, в долготу дней.*

А еще вспомнился дом на Кирочной и люди, им погубленные. Что за тайну прятал эмигрант? Может, из-за чемоданчика с розетками-разъемами он

и решил вернуться, даже рискуя жизнью? Обидно все же выходит. В руках держал, а секрет так и не открылся. Видать, не достоин.

— Аминь! — шепнули губы.

Совсем рядом что-то громко треснуло, хлопнуло, ударило тугим воздухом в уши, толкнуло спиной на влажную фанеру. Леониду в первый миг подумалось, что взорвались лампы. Но почему тогда светло?

— Да стреляйте же! — выдохнул он.

— Они стреляли, — донеслось справа.

Стреляли? Желтый электрический огонь поплыл перед глазами, сердце куда-то исчезло, растворившись в пустоте, фанерный лист за спиной превратился в раскаленную сталь. Леонид качнулся, выпрямился, до боли сжал кулаки. Резко выдохнул, прогоняя смертное наваждение.

— А пули-то не свистели. Шутки шутят гады!..

— Заряжай!..

Серые фигуры послушно передернули затворы «мосинок».

— Целься!

— Эй, вы! — заорал Леонид, уже ничего не страшась и ничему не веря. — Боевыми бейте, хватит издеваться. Или катитесь отсюда к чертовой матери!..

— Не горячитесь, Пантелкин!

Незнакомый голос, негромкий, но очень отчетливый, донесся словно ниоткуда. Лишь присмотревшись, Леонид различил неясный контур у дальней стены, за желтой границей электрического огня. Среднего роста, широкоплечий, в длинном плаще с капюшоном.

— Вам было сделано известное предложение, вы отказались. Теперь поздно предъявлять претензии.

Впрочем, если передумаете, дайте знать. Но учтите, в следующий раз патроны будут боевые. Гражданин Артоболевский, вас это тоже касается.

Слова еще отдавались несильным эхом под низкими подвальными сводами, но говоривший уже исчез, растворившись в смутном полумраке и не оставив после себя даже отзвука шагов.

— Сволочи, — шевельнул губами чекист.

Теперь все стало на свои места. Не их первых водили в расстрельный подвал под холостые выстрелы. В далеком уже 1918-м сослуживцы Леонида называли этот способ «прибавкой бодрости». Иногда для пущей достоверности стреляли боевыми, но поверх голов. Товарищ Дзержинский такое не слишком одобрял, будучи по-своему брезглив. «Tani ryby — zupa paskudny, towarzyszy¹. Учитесь работать красиво».

Внезапно Леонид почувствовал омерзение. То, как с ними «работали», было ничем не лучше подвигов налетчика Фартового. Но и не хуже. Служба одна, и паек один. Бывших чекистов не бывает, товарищ старший оперуполномоченный.

— Дайте закурить, Александр Александрович! Это не мы тут цирк устраиваем. Zwei Clown, verdammt noch mal!²

* * *

В камере Леонид, не сняв даже куртку, упал на нары, прислонился лбом к холодной штукатурке, закрыл глаза. Странное думалось ему. Впервые за

¹ Дешевая рыба — плохая юшка (польск.).

² Два клоуна, черт бы их побрал! (нем.)

много лет он, партиец и атеист, воззвал к Творцу. Особенное хранение... *Не убоюсь зла...* Воззвал — и пули оказались холостыми. Выходит, ему ответили? Или, напротив, Ад, полагающийся каждому чекисту, начался еще здесь, на земле? А может, он просто слабый человек, не ровня таким, как Георгий Лафар? Жора бы не испугался, не стал бы просить и каяться!

И тут Леониду стало совсем худо. Не вовремя вспомнил друга, ох, не вовремя!..

...В тот день Жора не улыбался. Таким Леонид его еще не видел — хмурым, озабоченным, даже злым. Это было в июне 1918-го, когда его друг внезапно приехал в Питер. Они заперлись в кабинете на Гороховой, и Георгий, как-то странно морщась, положил на стол толстую тяжелую папку.

— Читай, Ленька. Читай!

На желтом картоне — размашистая карандашная надпись: «Американский портной». Вместо тесемок ботиночные шнурки, Леониду даже показалось, что бумага пахнет ваксой.

— Не может быть, — твердо заявил он, пролистав первые страницы. — Не верю. Ложь!

— Правда, — вновь поморщившись, возразил друг. — Он шпион, Ленька, самый настоящий. Завербован в Северо-Американских Штатах четыре года назад, получил гражданство, поселился в Нью-Йорке, был внедрен в редакцию газеты «Новый мир» для освещения работы товарища Троцкого. Вместе с ним весной 1917-го направлен из Америки к нам. Чем интересуется, там тоже есть. Американцы пытаются проследить контакты между нашим руководством и группой Парвуса в Копенгагене. Те самые германские деньги, о которых так много га-

зеты писали. Только деньги-то не германские, а наши. Сейчас твой начальник, товарищ Урицкий, курирует перевод крупных сумм в банки нейтральных стран для нужд Мировой революции. Операция под угрозой. «Американский портной» — наш враг.

— Но он же комиссар печати, пропаганды и агитации, он редактор «Красной Газеты»! — совсем растерялся Леонид. — В Питере, считай, третий человек после товарища Зиновьева и товарища Урицкого!

— Именно! — кивнул Жора. — Арест невозможен. Принято решение о негласной ликвидации. Это не мы, чекисты, его приговорили, а Центральный Комитет. Твоя кандидатура в качестве исполнителя одобрена. Не подкачай, Ленька!

Он не подкачал.

Год назад убийство «Портного» вспомнили во время процесса над эсерами. В нем обвинили никому не ведомого Сергеева, чему весьма удивился питерский налетчик Фартовый. Даже фамилию толком подобрать не смогли! Попросили бы его, он бы помог, подсказал.

Сколько тогда, в 1918-м, расстреляли без всякого суда, просто «в порядке красного террора», Леонид старался не думать. «Тани губу — зира раскудну». Где она, ваша красивая работа, Феликс Эдмундович? Если даже Жора...

На мертвом лице — мертвые пустые глаза. Белые губы сжаты, на желтом лбу незнакомые резкие морщины. Георгий Георгиевич Лафар уже ответил и на суде земном, и на суде Небесном.

Ленька остался один.

На прогулку их вывели без всякого предупреждения. Скрежет ключа в двери, равнодушное лицо надзирателя — «два сбоку».

— Прогулка! Собирайтесь, да поживее.

Леонид поглядел на соседа. Александр Александрович пожал плечами, взял с нар пальто. Чекист тоже не стал спорить. Отчего бы ноги не размять? Может, начальству камеру осмотреть охота, тараканам перепись устроить.

Револьвер так и остался в кармане. Ни выбросить, ни спрятать, ни в дело пустить. Отберут? Ну и пусть отбирают.

Обыскивать, впрочем, не стали. Ленивый кивок парня в серой шинели, гулкие железные ступени под ногами. Первая площадка, вторая, третья. Без всякого интереса Леонид отметил, что ведут их не вниз, а вверх, но уточнять не стал. Какая, к шуту, разница?

Все утро они с археологом почти не разговаривали. На вопросы седой отвечал односложно, без всякой охоты, думая о чем-то своем. Леонид не настаивал, хотя вязкая тюремная тишина начинала действовать на нервы. В «Крестах» было веселее. В смертной камере сидели целой компанией — и той же компанией благополучно бежали под пролетарский праздник 7 ноября. Товарищи из ГПУ не забывали Фартового. Здесь не убежишь, хорошо хоть гулять пускают.

Наконец, пахнуло свежим ветром. Железные ступени лестницы сменились густой стальной решеткой. Леонид наконец-то удивился. Никак на крышу попали?

Маленький дворик для прогулок оказался действительно на крыше, под холодным мартовским дождиком. Вокруг — высокая дощатая ограда, сбоку — железный козырек и лавочка, под ногами сталь, зато над головой — полная небесная воля. Леонид поднял лицо к серым тучам, поймал носом тяжелую каплю...

Хорошо, когда живой. Ох и хорошо!

Археолог вышел на прогулку без шапки, но не спешил прятаться под козырек. Стоял, смотрел в небо, улыбался краешками губ. Охрана не мешала. Служивые, не пожелав мокнуть, облюбовали лавочку в углу и дружно закурили.

— Александр Александрович! А что вас первым делом в Туркестане удивило?

Просто так спросил, голос услышать. Но седой реагировал серьезно.

— Профессионально задаете вопросы, Леонид Семенович. Нет, я не в укоризну. Хороший вопрос думать заставляет, что весьма и весьма полезно. Итак, что меня удивило. Если скажу, что трехцветная борода генерала Иванова, это будет правдой лишь отчасти. А если серьезно, поразили собаки. И не в положительном смысле.

— А я собак люблю, — охотно откликнулся чекист. — Они многих людей добрее.

На «профессионально» он несколько не обиделся. Разговорил-таки человека!

— Поглядели бы вы на тамошних. Те, что при людях, еще ничего, хотя лохматы и злы. Пастухи! Но вот дикие... Таких там полно, они сбиваются в огромные стаи и, знаете, действуют вполне в духе двуногих разбойников. Например, обкладывают да-нюю базары...

По лицу текли капли воды, тучи на головой густели, оседали все ниже, дождь лупил уже вовсю, а старший оперуполномоченный Леонид Пантелкин впервые за многие недели чувствовал себя почти счастливым. Жив, не ранен, с интересным человеком беседу ведет. Чего еще требуется? Разве что коробка-другая папирос да несколько кусков сахару к вечернему чаю.

«Эх, яблочко, да красно-белое! На гоп-стоп не пойду, надоело мне!»

— Однако даже эти дикие твари подчас бывают полезны для науки, — продолжал между тем археолог. — Как-то в предместье Ургенча, где развалины старого города, собачья стая рыла яму (там был скотомогильник) и дорылась до древней сокровищницы. Представляете, вылезает такая черная и лохматая из-под земли, отряхивается, и у нее с загривка скатывается серебряная монета эпохи хорезмшахов.

— А привидения с джиннами вслед за нею не полезли? — хмыкнул Леонид, вспомнив все когда-то слышанное о тайнах Востока. Артоболевский усмехнулся в ответ, покачал головой:

— Ну, разве что неупокоенный дух мадам Блаватской. Не читывали? И слава богу!.. Леонид Семенович! Что на Востоке, что на Западе хватает тайн и чудес. Но все они, уж поверьте мне, вполне земного и материального происхождения. Наши мистики все надеются открыть тайны Шамбалы, а я эту Шамбалу лицезрел собственными глазами. Рассказать?

— Конечно! — обрадовался Леонид. — Только вначале, если можно... Со вчерашнего дня не курил.

Седой кивнул и достал пачку «Иры».

* * *

Обратно шли уже веселее. Лестничные пролеты не просто фиксировались, но и заносились в память. Леонид уже понял, что тюрьма пятиэтажная, старой постройки, но с недавним основательным ремонтом. Тогда и дворик на крыше соорудили, и черные провода в подвал провели. Охрана обычная, если по форме судить, но не слишком умелая и толковая. Не иначе, из последнего призыва набрали и учили кое-как. Кто же в этой киче хозяин?

Их камера была на втором этаже, почти в конце коридора. Сойдя с лестницы, Леонид повернулся в нужную сторону, сделал первый шаг...

— Пантелкин, на месте. Лицом к стене!

На плечо легла тяжелая ладонь. Двое в серых шинелях тем временем уводили археолога. Шаги, шаги, шаги... Негромко хлопнула дверь.

— Налево!

Его вели тем же коридором, но в противоположную сторону. Камера, камера, еще камера, еще... Ага! Леонид чуть не присвистнул — одна из обитых железом дверей была приоткрыта. То ли постояльцев не нашлось, то ли куда интереснее поворот.

— Стой! Заходи!..

Первым делом Леонид взглянул на порог. Полотенца не было, значит, не к деловым угодил. Осталось осмотреться.

— Здравствуй, Ленечка. Как же я рад тебя видеть!..

Голос был настолько сладок, что Леонид чуть не выхватил револьвер. Сдержался, сцепил зубы, поднял голову.

— Давно не виделись, Ленечка. Как вырос, как похорошел! Каким большим человеком стал!..

Черные кудри, черная борода до ушей, черная кожа «комиссарской» куртки. И глаза черные.

Яша Блюмкин.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Кандидаты на Чукотку

1

Маленький дворик залило дождем, вода текла по булыжнику, струилась по крыше черного автомобиля, брошенного на милость серых туч, навалившихся, казалось, на самые крыши. С вечера хмурилось, ночью ударили первые капли, и вот, наконец, небеса разверзлись. Весенняя непогода, первый мартовский ливень...

Столицы в расходе, как в бурю облака.
Надгробные игры сыграли в синеве.
И в горы уходят неполных три полка,
Летучего тигра имея во главе...

Двигались лишь губы — поручик читал стихи неслышно. Оконное стекло отделяло от мира, и он пожалел, что не может выйти сейчас во двор, поставить лицо под холодную влагу, напиться сырого воздуха...

— И чего видать?

Красный командир по-начальственному устроился за столом, на котором возвышалась внушительная пачка бумаг. Кроме обычной «вермишели» курьер доставил две большие папки и несколько свежих газет.

— Дождь, — кратко отрапортовал поручик, направляясь к стулу. — А пишут что?

— Пишут... Сейчас считаешь.

Командир РККА резко встал, зачем-то оглянулся и протянул небольшой листок бумаги.

— Между страниц «Известий» лежало. Кстати, шрифт точно такой, типографский, не отличить. Вроде как там же печатали.

Офицер без особого желания взял листок, повертел перед глазами.

— «Про-ле-тар-и-и всех стран...»

— Ниже, ниже...

Поручик, скользнув глазами по тексту, внезапно замер, словно не веря собственному зрению. Осторожно присел на стул, пристроил бумагу на коленях. Минута прошла в полном молчании, только капли дождя монотонно стучали по стеклу.

Наконец читавший тряхнул головой.

— «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью...» Однако!

— Я тоже чуть не одурел, — согласился командир РККА. — Дальше, дальше читай!

— «С другой стороны, тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хватаящий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела...» Да тут про всех сразу! Пятаков, Бухарин... «Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно является любимцем всей партии, но его теоретические воззрения с очень большим сомне-

нием могут быть отнесены к вполне марксистским...» Кто, интересно, сподобился?

— Подпись видел? — хмуро поинтересовался красный командир. — Якобы из письма к будущему съезду.

— Подписать может кто угодно и как угодно. Та-а-ак... «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и общении между нами, коммунистами, становится нетерпим в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека...»

— Давай сюда, потом изучишь, — перебил его красный. — Еще войдет кто-нибудь.

Поручик, не став спорить, подошел к столу и молча отдал листок.

— Я тоже думаю, фальшивка, — продолжал командир РККА. — И не слишком умная. «Сталин слишком груб...» Это товарищ-то Сталин? Они бы на Пятакова поглядели! Интересно, кто подсунул? Газеты нам приносят из экспедиции, там ребята вроде нас с тобой, трижды проверенные. Или это еще в типографии? Как мыслишь?

Отвечать поручик не стал — особой разницы он не видел. Смертельная схватка Красных Скорпионов переставала быть тайной. Скоро заговорят на улицах, сначала люди, потом, глядишь, и винтовки. Это должно было радовать, но бывший белый офицер ощутил внезапную тревогу. Лес рубят — щепки летят. Бонапарт дрался за власть с Директорией, но пушки били по толпе на паперти церкви Святого Роха.

— Ты сказал «потом», — наконец рассудил он. —

Потом и поговорим, после работы, если хочешь. Чего у нас там с «вермишелью»?

Несколько дней Техгруппа занималась откровенной ерундой. Если не считать трех посланий о колчаковском золоте, переправленных внимательным читателям из Госполитуправления, речь в письмах шла о вечных двигателях, способах изготовления шинельного сукна из опилок, а также использования грозовых разрядов в деле обороны страны. Хватало и «сигналов». Сознательные граждане писали на соседей, служащие на начальников, а некий изобретатель-партиец взывал из недр ГПУ, куда угодил за порчу казенного оборудования в результате неудачного опыта.

Письмо изобретателя передали в кадровый отдел с просьбой разобраться, остальное сгрузили в архив.

О «деле Игнатишина» никто не вспоминал, по крайней мере вслух. Разговоры о душителях из Технической группы затихли сами собой, товарищ Ким уехал в очередную командировку, а бывший Цветаевский музей объявил о близком открытии новой экспозиции.

* * *

— В общем, все ерунда, — рассудил Семен Тулак, кивая на стопку писем. — А вот в папках что-то серьезное. Как понимаю, эти дела Научпромотдел завернул и нам отправил. Вроде как с добычей радия. Одно, значит, мне, второе тебе. Которое возьмешь?

— Верхнее, — не глядя, решил Виктор Вырыпа-

ев, изучавший передовицу «Известий». — Чай заваривать будем?

Ответить цыганистый не успел. В дверь громко постучали, затем ударили, и на пороге возник Некто высокий в сверкающих кавалерийских сапогах образца 1908 года, широких синих галифе и длинной, застиранной добела гимнастерке, стянутой офицерским ремнем.

— Извиняюсь, граждане, — хриплым басом воззвал Некто. — Где в этой конторе отхожее место?

— Дальше по коридору, — деревянным голосом отозвался ротный, и дверь захлопнулась.

— Ходят тут, понимаешь!

Товарищ Тулак был определенно недоволен. Виктор, отложив газету, хмыкнул.

— Ты ее куда направил? Там же для мужчин.

— Ее?! — Семен изумленно моргнул. — Ты думаешь... Ничего, за своего сойдет. Не отвлекайся, гимназист. Два дела, то, что верхнее, — про обезьян для Сухумского питомника, а нижнее...

Он перелистал несколько страниц, покачал головой.

— Амебы. Красные... Ага, вот! «Смета расхода выделенных по спецсчету средств за 1922 год...» Уже понятнее. Решили! Ты про обезьян, я — про амеб.

— Красные революционные амебы, — задумчиво повторил батальонный. — Вышли мы все из амебы, как нам вернуться в нее... А чего там непонятного с обезьянами?

Ответа не последовало — ротного опять прервали. Знакомый стук, синие галифе на пороге.

— Здравия желаю! Я опять к вам, товарищи. Ес-

ли тут Техгруппа, то принимайте пополнение. Зотова Ольга Вячеславовна¹, замкомэск, член партии с марта 1919-го. Назначена к вам техническим работником.

Все это было доложено тем же хриплым басом. Серые глаза смотрели сурово и твердо, сапоги излучали неземной блеск, с медной пряжки дыбил крылья старорежимный двуглавый орел, усаженный поверх скрещенных пушек. Короткая, как после тифа, стрижка, рыба бледность на лице, маленькая черная кобура на поясе...

— Здравия желаю, — батальонный пружинисто встал. — Виктор Ильич Вырыпаев, рад знакомству. Приветствую вас в нашей инвалидной команде!

Закомкэск равнодушно кивнула:

— Точно. Сама недавно из госпиталя, две недели как выписали. По психической линии я. Но вы не бойтесь, у меня это не каждый день.

— Здравствуйте! — Цыганистый тоже встал, неловким движением левой застегивая ворот кителя. — Тулак я, Семен Петрович. А-а, как вы к нам попали, товарищ Зотова?

— По лестнице, — охотно пояснила гостя. — Или это вы в принципиальном аспекте?

* * *

...Конский топот, конский храп.

— Вперед, вперед, вперед! Полевой галоп! Руби гадов, руби!..

Эскадроны заходят во фланг. Амба врангелевской пехтуре! Три конных дивизии — локоть к лок-

¹ Автор выражает благодарность Алексею Николаевичу Толстому, создателю повести «Гадюка».

ттю, так, что конским бокам тесно — тяжелым колуном рушатся на врага. Не сдержать лихого удара, не отбиться, не спастись. И бежать некуда. Голая степь до горизонта, ковыль да колючка, лишь два кургана, два вечных сторожа, высятся над кровавым полем.

Вперед!

Рвутся кони, рвутся люди, заливаает лица едкий пот. Закомэск Ольга Зотова впереди всех. Губы закушены, прищурены глаза. Не кричит, бережет силы для последнего мига, когда зрочки вражьих разглядеть будет можно. Тогда уж и ори во всю глотку, и шашку поднимай повыше.

Вперед!..

За Ольгой Зотовой — ее бойцы, злые забияки, лучшие из лучших, горячая бедняцкая кровь. С детства конной науке учились, две войны в седлах прошли, а ее, девку, командиром все же признали. А сперва смеялись, жеребятину несли, «гимназисткой седьмого класса» величали, известную песню вспоминая.

Песня ей нравилась — лихая, веселая, грустить не дает. «Я гимназистка седьмого класса, пью самогонку вместо квасу...» Насчет же возраста не ошиблись, из седьмого класса на фронт ушла.

— Оленька, доченька! Да куда же ты?

— За народное дело воевать, мама!

В штаб не захотела, из обоза бежала. В эскадроне с бывшей гимназисткой и говорить не хотели, однако пришлось. Вскочила девка в седло, подняла коня свечкой, рванула в галоп... Когда удивились, пояснила: отец-наездник, отставной конный егерь, учил. Почти не солгала — коренным конником был

полковник Зотов, сложивший голову за Веру, Царя и Отечество в августе 1916-го под Луцком.

Два с лишним года в боях. Была Оленька, гимназистка седьмого класса, стала товарищ Зотова, красный боец, заместитель командира эскадрона, не какого-нибудь, лучшего в дивизии. Хотели орден за геройство дать — не получилось, обошли армию наградами. Тогда снял эскадронный с поясного ремня «счастливую» пряжку с царским орлом и двумя скрещенными пушками.

— Носи, Ольга! На семь ран заклята.

Взяла. Не признавала партийный товарищ Зотова бабкину ворожбу, но верила в добрые слова. От семи ран — считай, от семи смертей. Спасибо!

Вперед, товарищ Зотова! Веди бойцов к победе!..

Но рано еще о победе — близка, да в руки не дается. Наперерез эскадронам скачет белый Гвардейский полк. Ведет его генерал Иван Барбович, полтавский дворянин, Мертвый Всадник. Весь фронт знает его слова, перед каждым сражением повторяемые:

— Идя в бой, мы должны себя считать уже убитыми за Россию!

Мертвецкий Гвардейский полк — против лучшего красного эскадрона, дочь полковника — против генерала. Глаза в глаза, шашки «подвысь», пальцы вровень с лицом...

«Я гимназистка седьмого класса, пью самогонку вместо квасу. Ах, шарабан мой, американка, а я девчонка, я шарлатанка...»

Ольга Вячеславовна Зотова успела увидеть ледяные зрачки — мертвые очи Мертвого Всадника. Больше — ничего не успела.

Иван Гаврилович Барбович опустил шашку, на

миг придержал коня, закусил губу, глядя на недвижимое тело. Удивился, головой качнул. На красной валькирии — ремень с артиллерийской пряжкой. Непорядок!

Конский топот, конский храп. Кровавая лавина укатилась вдаль. Стих бой, слышно стало, как ковыль шумит, стрекочет в траве беззаботный кузнецик, как стонут недостреленные и недорубленные, пить просят да о смерти молят.

Курганы, бессмертные стражники, молчали на своем вечном посту.

Девушка захрипела, захлебываясь кровью, и поняла, что жива.

* * *

— В тот раз так и не померла, хоть и совсем рядом было, — спокойно заметила Ольга Вячеславовна Зотова. — И потом еще разок, под самую завязку, когда Антонова под Тамбовом кончали. Пока на фронте была, думала, война — дерьмо. А вот когда победим, в бане грязь смоем, сменим форму на цивильное, тогда и начнется всеобщее счастье, как и завещал товарищ Маркс. Не смейтесь, я ведь совсем девчонкой была, Надсона читала. «Друг мой, брат мой, усталый страдающий брат, кто бы ты ни был, не падай душой...»

— Я не смеюсь, — качнул головой белогвардеец.

— Надсон — мелкобуржуазный упаднический поэт, — строго заметил красный командир. — А того, кто над вами посмеяться рискнет, я мигом урою.

— Не надо, товарищи. Я и сама ломать об колено привычна.

Бывший замкомэск поморщилась, привычным дви-

жением расстегнула кобуру. На стол упал красный табачный кисет с хитрым вышитым вензелем.

— Газетки не найдется? Только не «Правду», от нее горчит чего-то.

Обошлись «Известиями». Щелкнула бензиновая зажигалка, и по комнате пополз густой махорочный дым. Бывший офицер и его красный коллега честно попытались сдержать кашель. Ольга Вячеславовна поняла и прониклась.

— Извините, товарищи. Пообещала бы в дальнейшем курить только в здешнем нужнике, но не могу. Не работается без табака, хоть штыками коли. Я о чем сказать хотела? Кончилась война, получила я справку, приехала в Столицу, службу нашла, комнату мне в центре выделили, не поскупились. Вроде как полное счастье наступило. А уже через полгода я от этого счастья в психбольницу определалась. За что и почему, чур, не расспрашивать. Хотите, в личном деле прочитайте, если очень любопытные. Такая вот у меня «Война и мир» почти по графу Толстому... Ладно, как я понимаю, это ваш «ремингтон»?

Бывший замкомкэск глубоко затянулась, пустила над столом несколько трепещущих колец дыма и неторопливо направилась к скучающей в углу пишущей машинке. Пригляделась, брезгливо ткнула пальцем.

— Хоть бы пыль вытирали, товарищи! Это же тонкий механизм, всего на свете боится. Тряпка имеется?

Белый офицер и красный командир, найдя совместными усилиями требуемое, благоразумно отступили к подоконнику. Поручик воровато оглянулся и открыл форточку.

— Знаешь, когда она кобуру расстегнула, я уже решил...

— Ага! — шепотом отвечивал красный. — Я тоже. Слушай, как она будет на машинке печатать? Ей бы станковый пулемет!

В ответ раздалась длинная очередь — заработал «ремингтон».

— Вы, товарищи, не беспокойтесь, — донеслось сквозь непрерывный стук. — Я в 1917-м курсы ремингтонистов с отличием закончила, а потом в госпиталях навыки восстанавливала, чтобы не забылись. Кстати, можете не шептать, слух у меня хороший, клопа на стене чую.

Поручик хотел напомнить, что есть еще язык жестов, но благополучно смолчал. «Ремингтон» тем временем выпустил еще несколько долгих очередей и, наконец, умолк.

— Полная боевая, — удовлетворенно заметила Зотова. — Чего печатать будем?

Молодые люди недоуменно переглянулись.

— А-а... Может, вначале чаю заварим? — нашелся красный командир. — Вы как к мяте относитесь?

* * *

Поручик был вполне согласен с красной валькирией — война, как ни крути, дерьмо. Но эта субстанция случается слишком часто, чтобы каждый раз брезгливо зажимать нос и отворачиваться в сторону. В мир без войн он не верил, чему примером была его собственная недлинная жизнь. Он родился во времена Боксерской, учился читать в Русско-японскую, успел на Германскую и прошагал от

звонка до звонка самую страшную, Гражданскую. Сначала на белой стороне, после на красной.

Впрочем, попав летом 1921-го в Туркестан, поручик с удивлением сообразил, что не чувствует себя «краснопузым». На его гимнастерке не было привычных погон, к нему обращались «товарищ», но армия оставалась армией, а Россия — Россией. Полвека назад Скобелев и Кауфман железом и кровью присоединили эти земли к Империи. Инородцы, воспользовавшись русской Смутой, посмели взбунтоваться, и он, офицер Русской армии, был готов вести бойцов в буденовках против слишком возомнивших о себе беков и курбаши. «Классовая борьба» и прочая вредная чушь остались далеко, в Европе, здесь же имелись только свои и чужие. Он не Голем в волчьей шкуре, а, как и прежде, служит Родине.

С бойцами поручик был ровен и требователен, с комиссарами вежлив, чекистов обходил стороной. От штабной работы отказывался, просился в строй, на рискованные операции всегда вызывался первым.

Храброго краскома ценили.

5 сентября 1922 года банда курбаши Асадуллы, сотня всадников при двух пулеметах, была настигнута в кишлаке Кайнар, что в восьми верстах от маленького глинобитного Нарына. Поручик атаковал прямо с марша. После короткого боя басмачи бежали, но красный отряд, нагнав их, заставил вновь принять бой. Через два часа банда перестала существовать, немногие уцелевшие, бросив пулеметы и выюки, скрылись в непроходимых песках. Труп Асадуллы нашли на окровавленном поле сре-

ди нескольких десятков джигитов, разделивших его судьбу.

Мертвых свалили в кучу и запретили хоронить, отрубленную голову курбаши кинули в кожаный курджум.

Обо всем этом поручик узнал только через две недели, очнувшись в Ташкентском госпитале. Операция прошла успешно, он выжил, но служить в армии бывшему скауту было уже не суждено. Перед демобилизацией вручили орден. Командарм долго жал руку и пытался подбодрить.

Пришлось начинать жить сначала.

2

— «Полно, Миша! Ты не сетуй!..» — задумчиво проговорил Виктор Вырыпаев, аккуратно переключая машинписную страницу.

— А? — Семен Тулак недоуменно моргнул, оторвавшись от изучения какой-то таблицы.

Каждый, взяв по папке с документами, устроился на привычном уже месте: Семен за столом, батальонный же на широком подоконнике. Технический работник Зотова отбыла, дабы, по ее собственному выражению, «провести рекогносцировку пешей по-конному». Переспрашивать и уточнять никто не отважился.

— «Полно, Миша! Ты не сетуй! Без хвоста твоя ведь жопа. Так тебе обиды нету в том, что было до потопа», — с чувством продекламировал альбинос. — Граф Алексей Константинович Толстой, «Послание к Лонгинову о дарвинизме». Там в некотором роде тоже про обезьян.

— Работай, работай, та-ва-рисч! — подбодрил

его ротный. — У меня вообще про эти... кара... каротиноиды. Я не ругаюсь, тут так написано. И ничего, не жалуясь. «Разведчик трудолюбив и настойчив».

— Всегда готов! — вздохнул Виктор, вновь углубляясь в чтение. Но поработать им не дали. Черный телефон, уже два дня как молчавший, внезапно подал голос.

— Гриша Каннер, — уверенно заявил Вырыпаев, — не может он без нас.

Ротный с сомнением поглядел на аппарат, потянулся левой рукой.

— Техническая группа при Научпромотделе. Алло? Да, Тулак Семен Петрович, сотрудник. Кто?!

Вырыпаев спрятал листок в папку и медленно встал.

— Слушаю, товарищ Лунин. Так точно. Да... Так точно. Сейчас буду. Сенатский корпус, третий этаж, понял.

Трубка упала обратно на рычаг.

— Можешь не пересказывать, — батальонный хмыкнул. — Объявился страшный товарищ Лунин из Центральной контрольной комиссии. Сейчас тебя польют подливой и подадут ему на блюде.

Тулак шутки не принял. Поморщился словно от зубной боли, отодвинул документы, левая, здоровая, рука нырнула в ящик стола.

— Здесь где-то был ключ. Да, вот... Зря радуешься, гимназист. Лунин потребовал все документы по санаторию «Сеньгаозеро» — дело про красных амёб...

— ...Однако у нас имеется противоположное указание, — подхватил Виктор. — Поскольку получили мы его от прямого и непосредственного начальства,

то документы мы не отдадим, к товарищу Лунину пойдем вместе...

— ...А папку я спрячу куда подальше. Жаль, сейф нам до сих пор не выделили.

И белый поручик, и красный командир не слишком любили общаться с руководством, тем более с посторонним. Бывший офицер резонно опасался, что незнакомый Красный Скорпион может обратить на его скромную личность слишком пристальное внимание. Краском же заранее предвкушал встречу с раздувшимся от важности «комсановником». Тяжелые шторы на окнах, серебряные подстаканники, услужливые холуйки. «Обло, озорно, огромно, стозевно и лаййй». Когда же секретарь в приемной принялся выяснять, почему их двое, а не один, бывший «юкист» понял, что не ошибся.

* * *

— Документы принести не изволили?

Товарищ Лунин был худ, бледен, суров и для большого руководителя неприлично молод — чуть старше своих гостей, а то и вообще погодок. Если бы не кабинет с секретарем, его вполне можно было спутать с секретарем цеховой ячейки, причем не партийной, а комсомольской. Старый костюм с заплатами на локтях, английские военные ботинки, расческа в нагрудном кармане. Зато нос почти до потолка.

Начальство!

Сесть не пригласил, даже не дал пройти в комнату, встретив у самого порога. Поскольку папки у пришедших не было, вопрос показался им явно лишним. Отвечать не стали, лишь переглянулись.

— Не советую шутить с ЦКК, товарищи. Наши указания, как правило, беспрекословно исполняются всеми инстанциями. Исключения очень редки, и я бы очень не хотел...

— Так с Центральным Комитетом тоже не пошутить, — неожиданно для самого себя перебил ротный. — Товарищ Лунин, вы же воевали, порядок знаете. Получается, что командир полка велел одно, а инспектор из штаба дивизии — другое совсем. Инспектор — он, конечно, начальник, но я уж лучше комполка подчинюсь. За исполнение прямого приказа хоть и рвут головы, но все-таки, знаете, реже.

Батальонный выслушал эту тираду с немалым интересом. Настоящий, кабинетный начальник сейчас должен побагроветь, раздуть ноздри, ножкой о ковер притопнуть...

Ковра в кабинете не оказалось, и Лунин багроветь не стал. Поглядел иронично, кивнул на стулья.

— Садитесь, товарищи. Ну, прямо как у Николая Тихонова. «Гвозди б делать из этих людей». И молотком забивать — по самую шляпку.

Когда гости устроились, товарищ Лунин присел и сам, но не за стол, а рядом, оседлав верхом стул.

— Вы, стало быть, товарищ Тулак, — кивнул он ротному. — Ивану Тулаку, который в Царицыне главкомом был, часом не родич?

Семен лишь развел руками. Фамилия у него была редкая, но главкомов в родне не числилось.

— Вырыпаев, — представился батальонный. — Имею родственников и однофамильцев по обе стороны фронта. Могу подробнее...

— И я могу, — вздохнул работник Центральной контрольной. — Я ваше личное дело только что

листал. Стало быть, Вырыпаев, который у Каппеля воевал, ваш двоюродный брат?

Ротный опасливо покосился на сослуживца, но тот ухом не повел.

— Так точно, Василий Вырыпаев, на восемь лет меня старше. Виделся я с ним два раза в жизни и родства никогда не скрывал. А что, уже пора?

— Некоторые пробуют, — Лунин равнодушно пожал плечами. — Но, знаете, Контрольная комиссия — она вроде английского бульдога. Если вцепится, то уже не отпустит до получения результата. На всякий случай напомню, что зовут меня Николай Андреевич, но обращаться можно по имени, по фамилии, на вы и на ты, как больше нравится. Все эти буржуазные условности суть ерунда, главное в общении — тот самый результат.

Холодный пристальный взгляд скользнул по гостям, и тем стало не слишком уютно.

— Теперь по интересующему нас всех делу. Успели с ним ознакомиться?

Сотрудники Техгруппы вновь переглянулись, но уже без особой уверенности.

— В самых общих чертах, — рубанул Семен Тулак. — Амебы... Красные амебы содержат фото... фотосинтетические пигменты. Они имеют эти... ложноушки... Виноват, ложноножки, необходимые для распространения этой гадо... То есть этого всего дела по организму. Они, амебы, вначале в кровь вводятся, потом оседают на стенках сосудов, по которым эта кровь течет. Затем они, как эти самые... моноциты, адге...ад-ге-зи-ру-ю-тся на стенках капилляров, мигрируют через эндотелий в рыхлую соединительную ткань и уже там постоянно живут, так сказать, со всеми удобствами. Когда освоятся,

то протискиваются через стенки, расползаются по соединительно... соединительно-тканному слою кожи, и там уже фото... фото...

— Фотосинтезируют, — негромко подсказал Николай Андреевич. — С научной частью проекта я знаком. Вчера специально проштудировал статью Михаила Семеновича Цвета, чтобы чуток разобратся. Мудрено, однако понять все же можно. Вы, товарищи, представляете разницу между реакционной буржуазной носологией и прогрессивной носунтологией?¹ То-то!

Вырыпаев слотнул. Образ вооруженных ложноножками амёб, десантирующихся на стенки кровеносных сосудов, произвел на него впечатление.

— А еще там с деньгами неувязка, — осмелел цыганистый. — Каждый год под это дело давали все больше, а отчетов никаких нет. Вот, к примеру, «смета расхода выделенных по спецсчету средств за 1922-й год...».

На этом его познания определенно исчерпались, и Семен предпочел сделать многозначительную паузу. Лунин посмотрел на него с немалым интересом.

— Память у вас, однако, фото... фотографическая. Не смущайтесь, я и сам многое не понял. И, между прочим, не пойму, пока вы мне не принесете все документы. Но суть не в амёбах. В начале 1918 года известный ученый Берг обратился в Совет народных комиссаров с очень интересным

¹ Носология — отдел медицины, посвященный распределению болезней. Носунтология — отдел ее же, изучающий личность больного.

предложением. Профессор Владимир Берг... Слышали о таком?

Семен предпочел промолчать, Вырыпаев же, немного подумав, кивнул:

— Так точно. Когда мы изучали физику по Краевичу, наш учитель рассказал о молодом ученом, с которым вместе зачислял Санкт-Петербургский университет. Он еще пошутил, что на сей горе будет построено новое естествознание. «Берг» — по-немецки «гора».

Лунин встал, подошел к столу, быстрым движением взял сверху какой-то листок.

— Берги... Три брата, внучатые племянники адмирала Маврикия Берга, главного командира Черноморского флота, дальние родичи покорителя Туркестана генерала Кауфмана. Карл, Федор и Владимир, все трое — ученые-физики, младший известен также как биолог-экспериментатор. Ваш учитель, товарищ Вырыпаев, говорил о Карле Берге, остальные братья учились за границей. В настоящее время Федор Берг где-то в эмиграции, Карл жил в Париже, потом вернулся в Столицу и в марте 1921 года погиб в результате неудачного научного эксперимента. Владимир никуда не уезжал, к советской власти был всегда лоялен, три месяца назад подал заявление в РКП(б). Рассмотрение отложили из-за неявки заявителя на парткомиссию... Так вот, товарищи, младший Берг предложил советскому правительству создать медицинский центр по лечению последствий длительного голодания.

— Это как? — не удержался Семен. — А чего их лечить? Кормить людей надо, вот и все дела.

— Берг обещал сделать человеческий организм менее восприимчивым к голоду, а если получится,

уменьшить зависимость от привычной еды до минимума.

— Красными амебами, извините, питаться? — осторожно поинтересовался Виктор.

Николай Андреевич неопределенно хмыкнул.

— Данный вопрос, товарищ Вырыпаев, следует задать вашему коллеге. Все документы у него. Для Центральной контрольной комиссии важно то, что на финансирование объекта, так называемого ге-лиотерапевтического санатория «Сеньгаозеро», за эти годы ушло средств больше, чем на институт академика Павлова. Результаты нам неизвестны, отчитываться Берг не пожелал, даже на парткомиссию не приехал. Поэтому с подачи ЦКК и Центральной ревизионной комиссии Научпромотдел поставил вопрос о прекращении финансирования. Зачем дело передали в Техгруппу, мне, признаться, не слишком понятно.

— А для того, чтобы мы во всем как есть разобрались! — отрубил Семен Тулак, вставая. — Разобрались и доложили. Разрешите приступить к исполнению, товарищ дивизионный комиссар?

— На Польском фронте были? — понял Лунин. — Приказывать вам не могу, это забота товарища Кима. К сожалению, он порой ведет очень странную политику. Товарищи, позиции мы, кажется, обозначили. Сейчас я иду к Валериану Владимировичу Куйбышеву, пусть он и решает. Если в результате вас командируют куда-нибудь на Чукотку, виноват буду не я.

Николай Андреевич говорил негромко, но настолько убедительно, что сотрудникам Техгруппы почудилось, будто паркет под ногами внезапно покрылся светло-зеленым тундровым мхом. Красный ко-

★ мандир поежился, словно от полярного ветра, глубоко вздохнул.

— Николай! Будь человеком, дай нам пару дней. Мы же ерундой занимаемся, вечными двигателями, всякими Блаватскими, обезьян каких-то ловим. А тут — интересное дело, настоящее. Мы туда, в «Сеньгаозеро», съездим, все узнаем и тебе доложим. Думаешь, не справимся? На фронте я полк из окружения выводил!..

— Из полка, насколько я знаю, осталось двести тридцать человек, половина даже без винтовок, — резко бросил Лунин. — Ты, товарищ, меня на эмоции не бери, мы не на митинге, и сейчас не декабрь 1917-го. Гнилой компромисс, тобой предложенный, отвергаю. Приказать, как я уже говорил, не могу, а совет дам. Побереги свое упорство на будущее и рогами вперед не лезь. Не ваше это дело. С товарищем Кимом мы как-нибудь поладим, а тебе по полной достанется.

Виктор Вырыпаев уже открыл рот, чтобы напомнить случай с Игнатишиным, который тоже почему-то оказался «не их», но вовремя прикусил язык. Могло выйти еще хуже.

— А вообще-то рад познакомиться, — глаза бывшего комиссара блеснули. — Хорошо, что у нас в Центральном Комитете такие равнодушные товарищи. Но, хлопцы, поберегите головы! Сейчас на любой мелочи погореть можно, время уж больно мерзкое. «Письмо к съезду» вам подбросили? Вот и делайте выводы, причем в самом практическом смысле.

Рукопожатие Николая Андреевича было такое же, как и речь — резкое и твердое.

* * *

Поручик выходил из кабинета не без некоторого смущения. Лунин напомнил ему не помянутого бульдога, а воплощенный кошмар его красного коллеги — Крокодилу, худую, злющую от голода и необыкновенно цепкую. Такой действительно не отпустит, станет рвать «до результата». Разговор временами подходил к опасному краю. Сшивая своего Голема, доктор Франкенштейн старался держать его подальше от Южного фронта, где воевал сам, а посему отправил на Польский — как раз туда, где комиссарил Лунин. Теперь ложь становилась опасной. Документы не вызывали сомнений, однако розыск живых свидетелей был для члена ЦКК несложным делом. Молодой комиссар был прав — ветер в Центральном Комитете крепчал. Однако отступить от задуманного поручик все же не собирался.

Он тоже не признавал «гнилые компромиссы».

3

— Хорошо! Спасибо, завтра утром забегу. Спасибо! Коммунистический привет!..

Левая рука ротного, совершив сложное движение, безошибочно отправила черную телефонную трубку на место.

— А разрывной им всем в глотку, дорогие товарищи!

Сделав этот важный вывод, Семен Тулак присел прямо на краешек стола. Виктор Вырыпаев, читавший очередной документ из «обезьяньей» папки, оторвал взгляд от бумаги.

— Выпишут командировку?

— Уже! — Цыганистый довольно усмехнулся. — Я по Научпромотделу боевую тревогу объявил, до товарища Кржижановского достучался. Дают командировку на двоих — и телеграмму в Шатурский уезд, чтобы содействие оказали. Ох, забегают уездные начальнички! Кстати, ты не едешь.

Батальонный лишь пожал плечами и вновь углубился в бумаги. Товарищ Зотова и вовсе не отреагировала, будучи занятой чтением газеты «Правда». Семен немного помялся, кашлянул.

— Ты, Виктор, не обижайся. Мне в помощь не умный требуется, а совсем наоборот. Чтобы вещи таскал и, если надо, мог бы кого придушить. Вроде Саши Поскребышева, который инструктор...

— Товарищу Вырыпаеву обижаться незачем, — перебил его хриплый бас. — А вот я, между прочим, могу.

Ольга Зотова отложила газету и неспешно встала. Ротный, так и не договорив, умолк, но рот закрыть отчего-то позабыл.

— Чего ж это получается, товарищ Тулак? Дискриминация по половому признаку или, может, политическое недоверие?

Бывший замкомэск оглядела комнату, погладила «ремингтон» по черному боку, затем нагнулась и без особых усилий подняла стул за ножку.

— Могу до окна добросить. И в окно тоже могу.

— Не возражаю, — одобрил альбинос, по-прежнему изучая документ.

Семен Тулак, убедившись, что помощи ждать не от кого, поспешил слезть со стола. Зотова стояла недвижно, как вкопанный в землю рельс. Массивный старый стул в ее руке еле заметно подрагивал.

— Между прочим, товарищ Тулак, меня ко вся-

кому начальству запускать очень полезно. Поговортят со мной малехо — и добреть начинают. Я в эскадроне пленных всегда лично потрошила.

Семен обреченно вздохнул:

— Вы это... Вначале стул на место верните.

* * *

Вечер выдался неожиданно теплым. Тучи ушли, освобождая небо, и первые звезды робко взглянули на усыпанную желтыми огнями Столицу. Проектор, установленный на одной из башен Главной Крепости, равнодушно поводил белым оком, освещая мокрый скользкий булыжник.

Поручик никуда не спешил и решил прогуляться вместе с краскомом. Не без задней мысли — хотелось кое о чем договорить. Командир РККА возражать на стал, и они, не слишком торопясь, обогнули черную громаду Покровского собора.

— Говорят, скоро снесут. — Краском кивнул на неразличимые во тьме шатровые маковки. — Демонстрациям тесно.

— Не удивлюсь, — как можно равнодушнее бросил поручик.

Остановились, помолчали. Первым заговорил батальонный:

— А я, знаешь, и сам ехать не собирался. У меня завтра встреча, важная или нет, еще не знаю. Игнатишина из Цветаевского музея помнишь? Я в его фонде свой номер телефона оставил, но не служебный, а который в общежитии. Вчера позвонили. Кто-то меня очень хочет видеть.

— Револьвер возьми, — посоветовал Семен Тулак. — Рисковые мы с тобой все же ребята... Кста-

ти, в этом деле, про амёб которое, упомянуто постановление ЦК по науке от января 1920-го. Якобы секретное. Слышал о таком?

— Читал, — усмехнулся Виктор Вырыпаев. — В одном из документов есть упоминание. Постановление от 20 января 1920 года «Об осуждении практики злоупотребления некоторыми видами научных работ».

— Ну и название, язык сломать можно. Как ты его запомнил?

— А у меня память тоже фото... фотографическая. Ну, будь готов!

— Всегда готов!

4

Револьвер, табельный «наган», бывший батальонный сдал при демобилизации вместе со всем прочим стреляющим железом. Последние полгода службы он таскал с собой целую коллекцию — от весьма популярного на фронте «германца» — «маузер номер два» 1908 года, до куда менее известного японца «хино». Поразмыслив, Виктор из всего этого богатства оставил себе «браунинг» 1900 года, легкий, удобный, практически безотказный, к тому же высочайше рекомендованный офицерам армии и флота для ношения вне строя. С регистрацией проблем не было — членам РКП(б) не только разрешалось, но даже предписывалось иметь личное оружие.

Теперь пистолет лежал во внутреннем кармане. Чтобы извлечь его оттуда, достаточно было расстегнуть один крючок на шинели.

— Алло? Барышня, благоволите номер...

Как все предусмотрительные люди, Вырыпаев обеспокоился всеми возможными мелочами. На службе был взят отгул под вполне приличным предлогом — необходимостью визита к лечащему врачу. Разрешение на оружие Виктор захватил с собой, равно как «непробиваемое» удостоверение Центрального Комитета. Для пущей перестраховки телефонировал он из общежития, но не своего, а соседнего.

Номер телефона Вырыпаеву продиктовал коллега покойного Игнатишина. Звонить было велено между десятью и одиннадцатью утра.

Соединили сразу, и батальонный принялся считать гудки. Второй... пятый... седьмой. Щелчок. Он ждал привычного «Слушаю» или «Алло», но трубка молчала. Подождав немного, альбинос попробовал сам:

— Алло! Здравствуйте, мне по этому телефону...

— Здравствуйте!

Голос был женским. От неожиданности Виктор даже не сообразил, кто с ним заговорил — девушка или старуха.

— В музее вы назвали свою фамилию...

— Вырыпаев, — заторопился батальонный, — Виктор Ильич Вырыпаев.

Он хотел было назвать и место работы, но вовремя сдержался. Поминать по городскому телефону Центральный Комитет было небезопасно.

— У вас должна быть особая примета.

Кажется, та, что на другом конце провода, не слишком молода. Или, внезапно подумалось, после серьезной болезни.

— Так точно! — альбинос невесело усмехнулся. — На лице справа. А еще у меня белые брови,

на мне офицерская шинель и фуражка. Но если вы изволите назначить встречу, то имейте в виду, что Столицу я знаю плохо.

Трубка вновь умолкла. Виктор хотел предложить randevу на одном из вокзалов, где легко укрыться от чужих глаз, однако неизвестная заговорила первой.

— Возле Ваганьковского кладбища. Напротив входа, где продают цветы и венки. Через час быть сможете?

Виктор вспомнил забытые людьми столичные трамваи, затем прикинул, что лишний червонец на извозчика у него найдется, и решительно выдохнул.

— Буду.

В хитросплетениях улиц и переулков Столицы Виктор действительно разбился скверно. Однако о городе знал немало — читал, а еще больше слышал. По странному совпадению пару дней назад ему рассказывали именно о Ваганьково. Сосед по коридору, молодой «опер» из уголовного розыска, пригласил на прощальную вечеринку по случаю грядущего переезда в отдельную комнату ведомственного дома. Пили крепко, трепались обо всем подряд. Сыскарь, приняв свои законные, принялся рассказывать жуткие байки из столичной криминальной жизни. Ваганьковское кладбище поминалось им постоянно, даже чаще, чем легендарная Хитровка.

«На базарчик, который у входа, попадете — ничего не покупайте. Там все из могил, даже мясо в пирожках. И на самом кладбище осторожней будьте, не то пирожками станете».

Как на грех, первым, кого увидел Виктор, расплатившись с извозчиком, оказалась дебелая бабка с огромным железным подносом. «Пирожки горячие-е-е! С мясом, с требухой, с горло-о-о-ом! Пов-

кусней, чем при старом режиме-е-е!..» Батальонный невольно вздрогнул и поспешил пройти дальше, в печальный ряд, где торговали венками. Если верить всезнающему оперу, все они были краденые, только что из-за желтой кладбищенской стены. Чуть дальше находился небольшой «толчок», где по воскресеньям, по утверждению все того же сыскаря, продавали снятые с покойников костюмы, обувь, включая пресловутые белые тапочки, и даже детские игрушки. Мысленно ругнув говорливого милиционера, Виктор, прикинув, сколько пирожков получится из отставного командира РККА, на всякий случай расстегнул крючок шинели.

— Вы — Виктор Вырыпаев?

Голос прозвучал справа, и альбиносу пришлось повернуться, чтобы увидеть незнакомку.

— Да, это я.

Он ошибся, хотя и не сильно. Женщине было около тридцати, выглядела же она еще старше. Густая, не слишком удачная косметика на бледном худом лице, больше похожая на театральный грим, приталенное черное пальто, круглая шапочка с узкими полями, тоже черная, как и сумочка из крокодиловой кожи. На темной ткани пальто, чуть ниже воротника — большая бронзовая брошь. Бабочка-махаон, два красных камешка, два синих.

— Если вы из ГПУ, разговор у нас не получится.

Темные глаза смотрели настороженно и недобро. Виктор прикинул, что доставать удостоверение среди шумной толпы не слишком удобно. Кроме того, в музее знают место его службы. Тогда к чему вопрос?

— Свои бумаги я вам покажу позже. Но у со-

трудников Госполитуправления могут быть любые документы. Решайте сами.

Женщина немного подумала, сжала губы.

— У меня нет выбора. Встретимся у входа в кладбищенскую церковь. Я пойду первой.

Через мгновение ее уже не было. Батальонный остался на месте, прикидывая, не разумнее ли немедленно вскочить на подножку проезжающего мимо трамвая. Пирожки не пирожки, но места здесь и впрямь непростые. Еще бы знать, за что рискуешь...

За кладбищенскими воротами было мокро и грязно. Кое-где лежал почерневший ноздреватый снег, мраморные лица могильных ангелов казались печальными и вместе с тем равнодушными. Мертвым не было дела до живых.

Внезапно молодой человек ощутил странную неуверенность. Он не верил в бога, не обращал внимания на приметы, Смерть же воспринимал просто как границу между «я еще» и «меня уже». Большое кладбище посреди города было для него огороженным забором пространством, где в самом неудачном случае можно обратиться в начинку для пирожков. Но в эти минуты холодное безразличие мертвых надгробий показалось ему слишком нарочитым, пугающим. Смерть словно затаилась в ожидании неосторожной жертвы. Еще один шаг, еще одно влажное от сырости надгробие, еще одно старое облупившееся фото. Мертвые лица, мертвая улица, мертвый город.

Некрополис...

Незнакомку он встретил прямо на аллее.

— Возле церкви слишкомлюдно. — Женщина поморщилась и без особой нужды поправила ба-

бочку-брошь. — Я не сильна в конспирации. Сейчас мы свернем куда-нибудь в сторону, и вы покажете документы.

Возле очередного мраморного ангела, спрятавшегося за чугунной оградой, она остановилась и молча протянула руку в черной перчатке. Вырыпаев, тоже не сказав ни слова, достал лист восковой бумаги с грифом Центрального Комитета. Читала она долго, затем, вернув документ, внезапно посмотрела прямо в глаза:

— Товарищ Ким курит?

— Трубку, — вздохнул Виктор, решив ничему не удивляться. — При мне не курил, но упомянул табак «Autumn Evening».

Незнакомка кивнула:

— Хорошо. Меня зовут Доминика. Я сестра Георгия Васильевича Игнатишина. Имени не удивляйтесь, матушка удружила — назвала в честь подружки детства.

— Очень приятно, — Вырыпаев коротко поклонился. — Если честно, меня удивляет совсем иное. К чему такие сложности? Если вам нужен товарищ Ким, обратились бы прямо к нему.

Ответом был изумленный взгляд.

— Простите, как? Постучаться в ворота Спасской башни? Георгий надеялся, что письмо в ваш Научно-промышленный отдел не станут перлюстрировать, особенно если его напишет Вася Касимов.

— «Рисурс», — вспомнил альбинос, — «Энергетический и прочий рисурс». Надпись на конверте — условный знак?

— Условный? — Доминика удивилась еще больше. — Конечно, нет. Мы просто хотели дать знать товарищу Киму. Его телефон наверняка слушают,

личную почту читают, оставалось написать прямо в отдел. Но мы ошиблись. Вы пришли слишком поздно, Георгия убили, Василию едва удалось бежать. А главное, эти уже все знают. Надеюсь, хоть сейчас их здесь нет...

— Их? — не выдержал Виктор. — Доминика, чекисты подчиняются Центральному Комитету, выполняют его распоряжения...

— И вы в это верите? Господин Вырыпаев, не кажитесь излишне наивным, иначе мои подозрения только укрепятся. Поторопитесь, у нас не так много времени.

Доминика кивнула в сторону узкой длинной аллеи и, не дожидаясь своего спутника, пошла первой. Виктор мысленно отметил «господина» и поспешил вслед за женщиной. Странное дело! В который уже раз его упрекали в излишней наивности, причем совершенно зря. ГПУ — «Господи, Помогите Убежать!» — стало всеобщим пугалом, ничуть не меньшим, чем его славный предшественник «Всякому Человеку Капут». Но щупальца не действуют отдельно от мозга.

Однако очень скоро молодой человек стал думать совсем о другом. Аллея была совершенно пуста, и он вновь ощутил холодное равнодушное дыхание Некрополиса. Желтые прошлогодние листья под ногами, рыжая ржавчина старых оград, почерневшие остовы цветов на грязном камне... Небытие выглядело слишком материально, выпукло, и бывший батальонный внезапно подумал, что пугающая всех Смерть вовсе не подводит конечный итог. За чертой «меня уже нет» существует еще что-то, трудноуловимое, но вполне реальное...

— Пришли!

От неожиданности Вырыпаев вздрогнул. Затем опомнился, с силой провел ладонью по лицу, прогоняя бредовые мысли, попытался улыбнуться.

— Вот и хорошо. А куда пришли?

Доминика молча кивнула в сторону огромного серого склепа, издали напоминавшего часовню. Над высокой железной дверью теснились затейливые церковнославянские литеры, в небольшой круглой нише грустил коленопреклоненный ангел с отбитым крылом. Покосившийся крест на обитом медью куполе, осколки витражных стекол в черных оконных глазницах, мраморная доска со следами исчезнувшей позолоты...

Слева и справа от входа — каменные кресты. Почетный караул.

Наваждение сгнуло. Виктор привычно оценил обстановку, прикидывая, как должны звучать первые пункты Боевого приказа. Итак, противник отступил в самый центр малонаселенного зеленого массива. Низкая видимость, а также отсутствие агентуры резко ограничивают возможности разведки, визуальные данные не слишком определены. Погодные условия — тепло, очень сыро, почва влажная...

Знакомые, хоть и не слишком уместные в данный момент, формулировки успокоили окончательно. Крючок на шинели расстегнут. Порядок!

— Вы чего-то опасаетесь, Виктор?

Доминика расценила его молчание совершенно иначе. Батальонный не дрогнул лицом. Был «господином», стал «Виктором». Интересно!

— Здесь похоронены давние друзья нашей семьи. Ключ от склепа сейчас у меня, я тут вроде сторожа. Захожу иногда, смотрю, все ли в порядке. Надеюсь, они не обидятся за то, что я спрятала за

этимися стенами одну ценную вещь. Больше нигде, даже в фонде у Гоши... у Георгия Васильевича оказалось небезопасно. Кстати, он был против этого места. Гоша, увы, стал под конец законченным мистиком, толковал о каких-то энергиях, флуктуациях, нематериальных воздействиях. Вася Касимов над ним все время подшучивал, мол, такой ученый человек — и верит в бабкины сказки.

Слова звучали убедительно, но Вырыпаев решил не торопиться. Женщина внезапно стала слишком говорливой. А ведь по делу еще ничего не сказано.

— Давайте сначала, — как можно спокойнее предложил он. — О какой ценной вещи идет речь? Как она у вас оказалась и почему...

— Мы зря тратим время! — Доминика резко вздернула голову. — Извините, Виктор, но детали — не ваша забота. Сейчас мы зайдем внутрь, вы мне немного поможете, а потом отправитесь прямо к товарищу Киму. Из-за этого прибора уже погибли люди. Его привез в Россию, в Петроград, один хороший человек, ученый. Передать не успел, его убили вместе со всей семьей. Прибор похитили, но наши друзья сумели его вернуть. Теперь не стало Гоши, за мною уже следят... Чего мы ждем?

Она вновь кивнула на склеп и прошла вперед, к серым ступеням. На миг задержалась возле одного из крестов-караульных, постояла, зябко повела плечами. «Правый, — без особой нужды констатировал Вырыпаев, — чуть пониже того, что слева».

* * *

Ключ оказался огромным, чуть ли не в локоть размером. Молодой человек прикинул, где Доминика его прятала. В сумочку едва ли влезет.

— Помочь?

Женщина покачала головой, поглядела вверх, на маленькую металлическую иконку, укрепленную над дверью, но креститься не стала. Вставила ключ, провернула.

Замок угрожающе закрипел, но открылся сразу. Из-за приоткрывшейся двери пахло густым духом тлена.

— А вот теперь помогите. Петли давно не смазывали.

Альбинос кивнул и решительно взялся за массивную стальную скобу, заменявшую дверную ручку. К его удивлению, тяжелая створка отворилась почти бесшумно. И сразу же потемнело — чернота за порогом склепа выплеснулась наружу, затопляя ступени. Гнилостный запах стал сильнее и резче. Только сейчас Вырыпаев осознал, куда придется зайти. Нет, не зайти — *сойти под могильную сень*.

— Фонарик есть? — с излишней бодростью в голосе поинтересовался он.

— Нам все будет видно, — нетерпеливо бросила женщина. — Там окна. Пойдемте!

За порог она шагнула первой. Батальонный ощутил нечто вроде запоздалого приступа стыда. Фонарик ему подавай! Еще бы прожектор потребовал.

— Иду!

В склепе действительно оказалось не слишком темно. Из разбитых окошек под потолком сочился бледный дневной свет, к тому же дверь оставалась открытой — четкий белый четырехугольник в густой раме из тьмы. Оглянувшись, Виктор впервые пожалел, что пошел на кладбище один, однако тут же вспомнил, что аллея совершенно пуста, бояться нечего, вдобавок он вооружен.

— Ну, что тут?

Вопрос показался явно лишним. Под могильной сенью были могилы — несколько серых запыленных плит, врезанных прямо в пол. Надпись на ближайшей оказалась тоже на церковнославянском, как и та, что была над входом, но внизу стояла понятная дата — «1899». Плит было пять, четыре большие, одна совсем маленькая. Шестая могила находилась в дальнем углу — громоздкий беломраморный саркофаг. Гладкие стенки, гладкая крышка. Ни букв, ни цифр, ни креста.

Вдоль стен темнели венки — старые, полусгнившие, осыпавшие пол желтой мертвой хвоей. Убирать их почему-то не стали, оставив распадаться в сыром сумраке склепа. Тлен к тлену...

— Нужно отодвинуть крышку. Помогите, мне одной не справиться.

Негромкий голос отозвался гулким неожиданным эхом. Доминика уже стояла возле саркофага, положив руку на пыльный камень.

— В прошлый раз этим занимался бедный Гоша. Упокой его...

Она поднесла руку ко лбу, но креститься вновь не стала — как и поминать Творца. Виктор вздохнул и решительно шагнул вперед. Он ждал ледяного холода, но камень оказался неожиданно теплым. Мрамор словно сопротивлялся, не желая поддаваться могильной сырости. Сухая едкая пыль облепила пыльцы.

Доминика тоже коснулась крышки, задержала на мгновение ладонь.

— Сдвигаем влево, в сторону входа. По счету «три».

Пристроив пальцы поудобнее, на остром каменном ребре, Виктор запоздало вспомнил, что такие

нагрузки ему ни к чему. Еще пару лет назад он, не задумываясь, разобрался бы с плитой без всякой женской помощи. Камень не казался слишком толстым, навалился, пару раз толкнул — и всех дел. Но война обошлась дорого. Изуродованное лицо, слепой мертвый глаз, строжайший запрет поднимать тяжести, бегать, курить и даже читать больше двух часов подряд. К тому же на левую, сложенную из кусочков кисть надежды было мало. Врач, к которому он сегодня не попал, в их прошлую встречу особо оговорил все эти запреты. «Берегите себя, товарищ командир. Крепко берегите!»

Но отступить было поздно. Гражданина Игнатишина, подсобившего своей сестре в прошлый раз, уже не позовешь.

— Раз, два... Три!

Первый толчок не дал результата. Плита даже не шевельнулась, зато в ушах зазвенели невидимые колокольцы, а свет, и без того неяркий, резко пошел на убыль. Вырыпаев сжал зубы, на миг оторвал ладони от камня.

— Еще! Раз, два...

Внезапно звон колокольцев сменился пароходной сиреной. Полутьма склепа вспыхнула ослепительным белым огнем, и Виктор Ильич Вырыпаев почувствовал, что падает. Он ничуть не удивился, запоздало выругав себя за ненужное гусарство. Станным было другое. Падал он очень медленно, неспешно, успев за это время не только осудить свое легкомысленное поведение, но и совершить множество поступков.

Прежде всего он бросил взгляд в сторону входной двери и заметил две узкие черные тени. Они не очень походили на людей, однако думать было

некогда, и батальонный привычно бросил руку за отворот шинели. Незванные гости отреагировали мгновенно.

— Они!

— Ты — офицера, я — девку.

Голоса тоже не слишком напоминали живую человеческую речь. Молодой человек даже подумал, что слышит старую граммофонную запись. Почему-то увидалась огромная черная пластинка, и две острые иголки, направленные прямо ему в сердце.

Потом он увидел пули — совсем близко, у самого ворота шинели. Кажется, он еще нажал на спусковой крючок, раз и другой — и поразился тому, что все-таки успел выхватить «браунинг».

Наконец, он упал. Но даже тогда сознание погасло не сразу. Виктор успел почувствовать, что с ним сейчас произойдет что-то очень важное. Он вспомнит... Нет, он забудет!..

* * *

— Господь милостив к бунтовщикам и разбойникам, потому как сам вырос на Хитровке. Сам свинец заливал в пряжку, сам варил кашку. Этому дал из большой ложки хлебнуть, этому из ложки поменьше, но два раза, а этому со дна котелка дал черпнуть. Сам бродит, ходит, голодный, но довольный, на крышу залезает, голубей гоняет...

Ему пели колыбельную — негромко, сухим старушечьим голосом, почти не разделяя слов. Напев был незнакомый, слегка заунывный, более походивший на плач. Колыбельная... Сон манил, звал укрыться черным одеялом беспомыслия, но стран-

ные слова не пускали, заставляли держаться за острый край тяжелой могильной плиты...

— *Соседней яблони яблоки кислые, сами на ладонь просятя — Господь через забор лезет, морщит переносицу, а тут Ванька Каин — жадный, сорок лет в обед стукнет, лезет с двустволкой через крыжовник, хрипит, лает. Господь видит такое дело и смело прыгает через Каина, теряет яблоки, они из рубахи, как живые, катятся, но донес-таки три-четыре самых кислых, самых вкусных...*

Старуха спорила со Сном, не давала уйти, забиться. Виктор не знал, кого слушаться, на чей зов идти. Голос советовал остаться, открыть глаза, но сил не было, а черное одеяло напоздало, давило, превращаясь в холодный неподъемный мрамор.

— *Потом на обрыве делил на всех поровну, кусали бока розовые, брызгало, будто золотом на закате, а Господь стоит, улыбается, только сердце у него за нас мается, но виду не подает — айда купаться! Прямо с обрыва прыгают оборванцы в реку. Господь думает: «Вот теперь я все дал человеку». А человек плывут, барахтаются, балуются, вечерняя река ленивая такая, небо в лица звездами бросается...*

Река и в самом деле была где-то совсем рядом. Широкая, черная, с низкими песчаными берегами. Одеяло-плита внезапно стала челноком, готовым заскользить вниз по течению прямо в клубившийся над водой белесый туман. Уйти, уйти, уплыть...

— *...Все хорошо, хорошо все, песок тихонько шуршит, под пригорком Вечный Жиг, на пригорке Каин — далека дорога, недалеко до порога. А у раба божьего, у мальчонки, глаза сами закрываются, сон начинается, про то, как Господь собрал войско из*

гвоздя и доски, всех чертей согнал в сарай, спел им песню, баю-бай, а наутро у чертей ни рогов и ни когтей...

* * *

— Господин Вырыпаев! Господин Вырыпаев! Виктор!..

Еще не открыв глаза, батальонный почувствовал что-то очень твердое под головой, словно он лежал на сумке с ручными бомбами. А еще батальонный учуял запах свежей крови и понял, что его лицо, справа, где шрамы, сильно испачкано.

— Виктор! Да очнитесь же, Виктор!

Глаза открылись легко, и так же просто шевельнулись губы.

— Да... Я — Виктор Ильич Вырыпаев. Вы — Доминика, вас назвали в честь подруги матери.

Лицо женщины было совсем рядом, и молодой человек вспомнил, что ему не понравился ее грим. Странно, теперь Виктору так не казалось. Обычное живое лицо, почти без всякого макияжа, только губы слегка накрашены.

Он легко привстал, посмотрел назад и вместо сумки с гранатами увидел другую, знакомую, из крокодиловой кожи. Она и служила ему изголовьем. Ноги слушались плохо, и Виктор поспешил опереться о пыльный мрамор саркофага. Крышка была сдвинута в сторону. Его правое запястье оказалось испачкано кровью, несколько капель попали на серое шинельное сукно.

На лице — тоже кровь. Он не видел, но чувствовал.

— У вас кровь носом пошла. — Доминика покачала головой. — Очень сильно, я испугалась. Надо было сообразить, что вы после ранения...

— Скажите сразу — инвалид.

Вырыпаев поглядел на ровный четырехугольник входа, бросил беглый взгляд на стены. Ни трупов, ни следов от пуль, разве что небольшое темное пятно почти над самым полом. Прежде его, кажется, не было.

— У меня был бред, — равнодушно проговорил он. — Какие-то двое, стрельба. И еще — меня убили.

— Извините!

Ладонь в черной перчатке легла ему на грудь.

— Вы упали, пошла кровь... Я не знала, что делать, звать на помощь некого, мы же на кладбище. Как вы себя чувствуете? Чемодан поднять сможете?

Чемодан? Если Виктор и удивился, то не слишком. Конечно, они же сюда за какой-то вещью. Вещи принято переносить в чемоданах.

— Вот!

Чемодан приземлился у его ног — небольшой, фибровый, с треснутой коричневой ручкой. Вырыпаев подумал, что неплохо бы расспросить странную женщину подробнее. Пусть все, что он видел и слышал, — бред, но откуда пятно на стене... И пистолет. Он же стрелял!..

Однако переспросить батальонный так и не решился. Чемодан оказался не слишком тяжел, как раз по руке. Виктор подержал его на весу и шагнул к выходу.

Оборачиваться он не стал.

* * *

Прощались прямо на аллее. Женщина явно спешила. Велев передать чемодан товарищу Киму, причем как можно скорее, она зачем-то оглянулась,

а затем попросила Виктора отвернуться. Он не стал спорить и принялся смотреть на противоположный конец аллеи. Там было пусто и сумрачно. Кажется, вечер уже близко.

— Прощайте, — донеслось сзади. — К сожалению, вам придется все забыть, Виктор. На время, потом я вас найду. Некоторые тайны слишком тяжелы для людей. Не поворачивайтесь, пока я не уйду. И больше никогда не смейте сюда приходить. Слышите? Никогда!..

Виктор честно подождал несколько минут, затем взял чемодан, но внезапно замер. Что-то не так. То есть все не так! «Браунинг» пах свежей гарью, три патрона исчезли. Странно, даже в бреду он стрелял только дважды...

Надо было спешить подальше от сырости Некрополиса, но что-то не пускало. Когда он поднимался по ступенькам, то успел заметить...

Крест справа! Тот, что чуть пониже!..

У черного гранитного подножия — маленький серебристый венок, чуть выше — две засохшие розы. Их положили давно, вероятно, еще осенью, и Время уже превратило цветы в гниющий тлен. Еще выше — фотография в облупившейся рамке, лицо молодое, незнакомое, очень печальное. Надпись — старое сусальное золото. «Киселева Доминика...»

Виктор вытер со лба холодный пот. Подруга матери, вероятно, это она.

«Киселева Доминика Васильевна. 1884 — 1910»

Имя и отчество совпадали, но в этом не было ничего невозможного. Да, это она — та, в честь которой назвали его странную знакомую. Вырыпаев решил, что пора уходить, но тут его взгляд скользнул выше.

...Над золотыми буквами распростер крылышки вырезанный в твердом граните махаон. Неведомый мастер украсил изображение маленькими огоньками. Два красных камешка, два синих...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Сеньгаозеро

1

— «Звените, струны моей гитары, мы отступили из-под Самары!» — немелодичным басом пропела Ольга Зотова, скользя взглядом по приближающейся станционной платформе. — А вот и ГПУ! Не по нашу ли душу, товарищ Тулак? «Ах, шарабан мой, американка!..»

Семен не без опаски покосился на свою спутницу. Зотова пела всю дорогу, делая лишь небольшие перекуры. Время от времени спохватывалась, обещала прекратить, но вскоре вновь принималась за свое. Слушать ее было жутковато, однако имелась и польза. В Шатуре, где довелось заночевать, комендант местного железнодорожного общежития уперся, не желая предоставлять комнату сотрудникам «чужого» ведомства. Замкомэск запела про гимназистку, и на втором куплете вопрос был решен.

Иногда, желая разнообразить репертуар, Зотова принималась за романсы. Случайные попутчики бледнели и отступали в глубину вагона.

И вот станция Черусти. Название звучало тревожно, к тому же мелькнувшая на платформе шинель с зелеными «разговорами» свидетельствовала

о том, что кавалерист-девица совершенно права. Семен мог лишь удивиться. В телеграмме Научпромотдела содержалась обычная в подобных случаях просьба о «всяческом содействии». Не иначе такое им решили оказать сотрудники популярного ведомства. Бояться было совершенно нечего, но бывший ротный все же насторожился. Рядом с серой шинелью он успел заметить другую, цвета маренго. Милиция? А она зачем?

Резкий толчок, короткий гудок паровоза. Поезд, отчаянно заскрипев, остановился.

— Все на выход, бодро, весело, хорошо! — пробасила товарищ Зотова, подхватывая чемоданчик своего спутника. Собственное ее имущество уместилось за плечами в солдатском вещевом мешке. Семен не стал спорить, хоть и чувствовал немалое смущение. Денщиков он никогда не держал, к тому же бравый замкомэск, как ни крути, была нежного полу.

На платформу представительница нежного полу прыгнула первой, ненавязчиво поддержала своего спутника под локоть, помогая сойти, затем быстро оглянулась.

— Ага! Уже шагают. Вы, товарищ Тулак, слабыны в разговоре не давайте. Они, как собаки, наглость и силу уважают.

К ним действительно приближались двое: высокий в шинели серой и маленький в шинели темной, цвета маренго. Высокий был при «маузере», на боку у маленького нелепо смотрелась тяжелая пашка.

Семен поправил бесполезную правую руку в кармане, вспомнил, где спрятаны документы, и решительно шагнул вперед.

— Здравия желаю! Вы из Столицы? Товарищ Зо-

това и товарищ Тулак? Разрешите ваши удостоверения.

Спрашивал высокий, в шинели с зелеными разговорами и темно-синем суконном шлеме. Ротный уже собрался достать бумаги, но не успел.

— Мандат на право проверки! — мрачным голосом проговорила Ольга Зотова. — Заодно и представьтесь. Не будем нарушать, товарищи.

Высокий недоуменно моргнул, зачем-то поглядел на маленького. Тот моргнул в ответ.

— Оперуполномоченный ГПУ Синцов. Со мной участковый инспектор Громовой.

Вдвоем они смотрелись странно. Синцов был плечист, хмур и бледен, милиционер, напротив, тонкок в гости, рыж и весь засыпан веснушками.

— Мандаты, товарищ Зотова, на прошлой войне остались. Удостоверение могу показать.

Взаимное изучение документов прошло чинно и даже церемонно. Наконец, оперуполномоченный удовлетворенно кивнул.

— Порядок! Не удивляйтесь, товарищи. Мы не просто бдительность проявляем, тут случай особый... Товарищ Громовой, возьмите вещи у нашей гостьи.

Инспектор потянулся к чемодану.

— Отставить! — коротко бросила Зотова, и товарищ Громовой отдернул руку. Оперуполномоченный усмехнулся и взял чемодан сам. На этот раз комэск не возражала.

— Предлагаю пройти в буфет. Не Столица, но пристойно позавтракать вполне можно. Заодно и поговорим. Кстати, мы недавно конфисковали большую партию самогона. Не желаете поучаствовать в экспертизе?

В станционном буфете не было ни души. Буфетчик, принеся требуемое, вял ясному намеку и тоже поспешил исчезнуть. Ничто не мешало разговору.

— Картофельный, — безошибочно определила Ольга Зотова, ставя пустой стакан на столик. — Мы такой в госпиталь отправляли для медицинских надобностей. Но ничего, бодрит. Чуть позже я бы повторила, если поддержите.

Не пьющий после ранения Семен поглядел на нее с немалым уважением. Местные товарищи закивали, твердо обещая содействие. Ротный понял, что пора переводить разговор в деловое русло.

— Гелиотерапевтический санаторий «Сеньгаозеро», — прокашлявшись, начал он. — Нам, собственно, туда.

— Так точно, — усмехнулся Синцов. — Аккурат в Шушмор. Лучше, как говорится, поздно, чем никогда.

— Поздно? — не понял Тулак.

— Шушмор? — удивилась Зотова.

* * *

Когда в тревожном 1918-м из Столицы пришло сообщение о предстоящем строительстве в уезде важного научного объекта — санатория для интенсивного оздоровления трудящихся с использованием передовой науки, — гелиотерапевтики, местные власти вначале не поверили. До того ли? Средств не осталось даже на сельские больницы, надвигалась эпидемия тифа, к тому же хватало хлопот с работами на Шатурской электрической станции. Председатель уездного Совета был командирован в

центр для разъяснения, вернулся — и еще более запутал дело. Ему, как и всему местному руководству, велено было не вмешиваться и не интересоваться, ограничившись «оказанием всяческого содействия».

Вскоре появились и строители. Быстро объехав весь уезд, они известили Совет, что для возведения объекта будут использованы старые корпуса стекольного завода братьев Бибиковых. Местные ахнули, но спорить не решились. Столичному начальству виднее. Решили сунуться напрямик в Шушмор — значит, так тому и быть.

— Гиб-блое место, — пояснил участковый. — Сам я родом из Пустоши, это верстах в трех на юг. Шушмор — речушка такая, мелкая, курица в б-брод перейдет. А по ней и м-место назвали. Г-глушь, т-торфяники и вообще.

Бедняга слегка заикался, преодолевая несогласные с ним согласные.

Как выяснилось, дело все же не в болоте. Местность была вполне проходимой, даже проезжей. Недалеко пролегал Коломенский тракт, от него ответвлялись несколько грунтовок, одна из которых вела напрямик к заброшенному предприятию. Лет двадцать назад тульские скоробогачи Бибиковы соблазнились высоким качеством местного песка и начали возводить завод. Ничего не получилось. Рабочие шли на службу неохотно, а потом и вовсе принялись разбегаться. Всему виной был Шушмор.

— Разбойники там гужевались, — вступил в разговор оперуполномоченный. — По-нынешнему если — бандиты. Шайка небольшая, но отчаянная. Землянки посреди торфяников понастроили, чтобы прятаться ловчее, а ночами прохожих резали.

— Труп в т-трясину — и поминай как звали, — подхватил товарищ Громовой. — Народ у нас темный и п-пуганый, сразу про леших да чертей сказки сочинять принялся. Н-несознательный — ужас.

Разбойники ушли, но слава осталась. Завод пришлось забросить, дорога заросла сорняками, но приезжих из Столицы это ничуть не испугало. Их вполне устраивала глушь, торфяные болота и малолюдь. Строительство шло быстро, причем работали не местные, а чужаки. По слухам, среди них было немало китайцев и даже индусов, застрявших в революционной России со времен империалистической войны. Немногих любопытных отваживала охрана, вначале латыши, а затем подразделения ЧОН. Они и остались сторожить санаторий. На грунтовке разместили кордоны, перекрыли лес, пускали же только по особым мандатам. Главным был некий суровый товарищ, которого местные власти боялись пуще столичной инспекции.

— Зверь-человек, — рассудил участковый. — Чистый К-колчак!

— «Мундир английский, погон российский...» — негромко пропела товарищ Зотова на мотив все того же «Шарабана».

— Погон, кажется, французский, — попытался уточнить гэдэушник, но кавалерист-девица и бровью не повела.

— У французов, товарищ Синцов, погоны в полном отсутствии. Сама видела, когда «пуалю» под Херсоном рубала. Так что погон российский, а вот табак действительно японский. «Мундир сносился, погон свалился, табак скурился, правитель смылся! Ах, шарабан мой, американка!..»

По этому поводу возникло мнение, что экспертизу самогонного конфиската следует продолжить. Семен, чувствуя, что разговор медленно, но верно уплывает явно не туда, поспешил уточнить главное. Что такое Шушмор, уже понятно. Но почему поздно?

Местные переглянулись.

— Так мы же писали, — удивился Синцов. — Я — по своему начальству, товарищи из укома — по партийному, прямо в Столицу. Не знаете разве?

Настало время переглядываться гостям.

Санаторий «Сеньгаозеро», названный по имени ближайшего водоема, открылся в сентябре 1918-го, как раз в день взятия Казани. Шум, вызванный строительством и нашествием чужаков, постепенно стих. Строители частью уехали, частью же были переброшены на возведение Шатурской электрической станции. Служащие и пациенты санатория вели себя тихо, не выходя за пределы охраняемой зоны. Слухов, конечно же, хватало. Жители окрестных деревень, помня мрачную славу Шушмора, шептались, что за высоким санаторным забором творится невесть что. То ли мыло из людей варят, то ли, напротив, из мыла таковых лепят, электричеством оживляют и пускают бродить по болоту.

Ездили в санаторий нечасто, еще реже в «Сеньгаозеро» пускали местных. Побывавшие там, главным образом врачи из уездной больницы, на распросы отвечали односложно. Никаких особых чудес в санатории нет, лечат в нем «квельх» — ослабленных голодом детей и подростков, зато оборудование новейшее, иностранное. Главный же, Зверьчеловек, он же Колчак — известный ученый, физик и врач. Фамилия у него немецкая, а потому не-

сколько подозрительная, зато имя-отчество вполне свои, русские.

Владимир Иванович Берг.

— Он самый, — кивнул Семен Тулак. — Так в чем вопрос, товарищи? Нам этот Берг и требуется.

— Т-так уехали же! — развел руками рыжий. — В-все! Д-две недели назад.

Федя Громовой вернулся с фронта в 1920-м. Работать участковым согласился сразу, тем более места были знакомые, считай, родные. Служба поначалу не казалось трудной. Ни в деревне Пустошь, ни в окрестных лесах ничего подозрительного не гнезилось. Разбойники давно вывелись, дезертиры потянулись в уезд, прослышав про амнистию, классовых же врагов уконтропупили еще в 1919-м. Из всех бед — только «фулюганы» да самогонщики. С подобной публикой бывший фронтовик, несмотря на малый рост и веснушки, разбирался без особого труда. В общем, все путем — если бы не Шушмор.

Для начала участкового задержала охрана. Возмущаться не дали — обезоружили и уложили носом в траву, продержав так до прихода смены. Жаловаться отсоветовали, более того, предупредили, что в следующий раз пристрелят на месте. Рыжий внял и с тех пор обходил кордоны стороной. Глазастый парень успел заметить, что форма у бойцов похожа на ту, что носят Части особого назначения, но все же иная. Петлицы черные, однако вместо привычных букв «Ч.О.Н.» иные — «Ч.С.Р». Нагрудного знака нет, и нашивка на рукаве не похожа.

Глубже вникать Федя не стал, решив держаться от «Сеньгаозера» подальше. Получалось не всегда. Дважды объявляли тревогу. Бойцы с черными пет-

лицами прочесывали лес и окрестные села. Что искали, неведомо, но страх наводили немалый. По избам шептались, что «мыльные люди» из таинственного санатория, взбунтовавшись, устроили массовый побег. Участковый на провокационные слухи не реагировал, но сам терялся в догадках.

Постепенно к санаторию привыкли. В начале 1920-го Зверь-человек Владимир Берг посетил окрестные деревни, встретился с любопытствующим народом и прочитал лекции про безграничные возможности современной медицины. Люди мало что поняли, но к «Колчаку» подобрали. Врачи из санатория начали объезжать уезд для обследования больных и даже здоровых, называя это мудреным словом «диспансеризация». Лекарства давали бесплатно. А прошлой осенью обитатели родной для Феди Громового Пустоши смогли лично познакомиться с «мыльными людьми». Группа выздоравливающих из «Сеньгаозера» добровольно вызвалась помочь на покосе инвалидам войны и солдатским вдовам. Ребята и девушки выглядели здоровыми, веселыми и ничуть не «квелыми». Если что и смутило, так их странный «арапский» загар.

Все кончилось месяц назад, в феврале. Местные уже знали, что поздней осенью большая часть обитателей санатория перебирается на юг, в теплые края. Так было и теперь, но среди зимы начали собираться в дорогу все остальные. Из уезда подкатили рычащие американские грузовые авто, у крестьян мобилизовали подводы, и к началу марта санаторий опустел. Охрану сняли не сразу, однако неделю назад исчезла и она: «Сеньгаозеро» опустело.

— Оно, конечно, сп-покойнее стало, рассудил

участковый. — Но грустно как-то. Об-бжились, привыкли.

— Это вам, товарищ Громовой, спокойнее, — Синцов неодобрительно покачал головой. — А кому и расхлебывать придется. Санаторий-то ни по каким документам Наркомздава не проходил. И деньги шли непонятно откуда.

«Смета расхода выделенных по спецсчету средств за 1922 год...» — вспомнилось Семену.

— ...Мы это знали, но приказ имели — не вмешиваться и вредные слухи пресекать. А теперь из Столицы бумага прикатила, расследование будет. Кто крайним окажется? Неужто тот, кто честно приказ выполнял?

При этих словах оперуполномоченный многозначительно взглянул на гостей.

— У нас так в Курске было, — хриплым басом заговорила товарищ Зотова. — В сентябре 1919-го. Город крепко держали, одних бронепоездов восемь единиц имелось. А из штаба, с самого верха, приказ: отступить, сохраняя живую силу, причем немедленно. Отступили, все бросили, а потом — трибунал. И начдив наш погорел, и комиссар, и даже кто поменьше. Потому я приказы глупые никогда не сполняла. Что так трибунал, что этак, но пусть уж лучше за успех судят, чем наоборот.

Мрачный гэдзүшник Синцов после этих слов стал еще мрачнее. Участковый же, напротив, не ду- мал унывать.

— За что т-трибунал? Порядок на вверенной м-местности обеспечили? Об-беспечили. Сигнализи- ровали наверх? Так точно, т-телеграммы регулярно слали. Г-главное, квитанции с почты не п-потерять.

Семен Тулак слушал вполуха, не пытаясь возра-

жать. Оптимист Громовой напрасно надеялся на почтовые квитанции. Подвернешься под горячую руку, назначат крайним — и поедешь на Чукотку мох топтать, как и обещал комиссар Лунин. Ротный уже трижды успел пожалеть, что не послушался строгого начальника из ЦКК. Что теперь они скажут в Столице? Съездили впустую, зря потратили казенные средства, людей переполошили. Это в самом лучшем варианте.

Но может быть и хуже. Техгруппа опять опоздала, как и с погибшим Игнатишиным. Обитатели «Сеньгаозера» начали собираться в дальний путь как раз в те дни, когда история с таинственным санаторием заинтересовала Центральный Комитет. «Случайностей не бывает, учтите, особенно в нашем деле». Товарищ Ким словно в воду глядел.

А еще цыганистый помнил о красных амебах с ложноножками, фотосинтетических пигментах и работах выдающего русского биолога Михаила Семеновича Цвета. Нет, товарищи, не все так просто!

Между тем на столе вновь появилась бутылка с самогоном. Оперуполномоченный, уже не скрываясь, предложил данный конфискат уничтожить, затем перейти в более удобное место для продолжения, а наутро совместно набросать отчет. Судя по всему, в этом и состоял его боевой план.

— Мы к окопам подходили,

Каждый место занимал.

— Тише, братцы, размещайтесь,

Чтобы Врангель не слышал, —

выразительно пропела товарищ Зотова, вертя в пальцах пустой стакан. Милиционер понял намек и взялся за бутылку. Синцов пододвинулся поближе, явно готовясь присоединиться:

— Пулеметы затрещали,
Нельзя голову поднять.
Очень много там убитых,
Нужно трупы подбирать.

Шлеп! Недвижная правая ладонь ротного упала на стол.

— Когда выезжаем? — поинтересовался Семен Тулак.

* * *

В Пустошь отправились двумя подводами. Ехать предстояло не один час да еще по вязким мартовских проселкам, поэтому лошадей решили не перегружать. Разместились по двое: милиционер с ротным и товарищ Зотова с неразговорчивым бородатым мужиком, отзывавшимся на «дядька Никифор».

Оперуполномоченный остался на станции, сославшись на неотложные дела. Никто этим не огорчился.

— Н-но, м-мертвая! — взмахнул вожжами в воздухе Федя Громовой, и маленький караван тронулся.

Станция осталась позади. Дорога стелилась через негустой березняк, перемежаемый плоскими пятнами торфяников. Снег еще не сошел, почерневшие ноздреватые сугробы сползали к самой грунтовке. Лошади не без труда преодолевали грязь, и возницам приходилось взбадривать их вожжами. Ответом было полное обиды ржание. Низкое серое небо спустилось, казалось, к самым вершинам берез, время от времени сочась холодным мелким дождем.

Ольга Зотова удобно устроилась на сене, подложив под голову вещевой мешок. Легкая тряска убаюкивала, тяжелые тучи укрывали, словно мягкое пу-

шистое одеяло. Девушка достала из кобуры кисет, немного подумала, спрятала обратно, улыбнулась.

Поглядела на возницу.

Санитарам не под силу,
Много раненых бойцов:
Кто с простреленной рукою,
Кто с оторванной ногой.

Спина в тулупе дернулась. Товарищ Зотова, вновь усмехнувшись, резко привстала:

— Дядька Никифор! А давно разбойники из Шушмора убрались?

— Ась?

Девушка немного подождала, но продолжения не последовало. Бывший замкомэск закусила губу.

— Знаешь, у нас в разведотделе пленных сыромятной плетью по филейным частям пользовали, чтоб на допросе не запирались. А мне вот не нравилось, хлопотно оно и долго. Я иначе делала. Берешь пулеметный шомпол, на огне докрасна калишь...

Спина вновь дрогнула.

— ...А потом — прямо в волосатую ноздрю! Но не сразу. Сначала понюхать даешь, потом к зрачку подносишь, чтобы полюбовался...

На этот раз отозвалась лошадь. Кажется, дядька Никифор переусердствовал с вожжами.

— Но такому, как ты, недобитку кулацкому, этого мало будет. Я тебе для начала кое-что отрежу. Вот прямо сейчас остановимся и приступим. Ты не надейся, никто тебя не защитит. Я контуженная, только что из скорбного дома, меня там на цепи держали и собачьим мясом кормили. Так чего тебе из твоих причиндалов не жалко?

— А?!

На девушку смотрела перепуганная бородатая

физиономия. Лошадь, почуяв волю, рванула в сторону, а потом и вовсе встала.

— Вот и приехали! — удовлетворенно прохрипела кавалерист-девица. — Чего пялишься? Давай, контра недобитая, рассказывай про свой болотный Шушмор. Чего там на самом деле есть, чего — нет. А я пока ножик достану.

Через несколько минут телега вновь тронулась, но уже не так споро. Кажется, возницу что-то сильно отвлекало.

* * *

Привал сделали через час посреди густого многолетнего ельника. Подоспела необходимость заглянуть за лесную опушку, а заодно и перекурить. Когда первая часть плана была выполнена, товарищ Зотова подошла к соседней телеге, оставив дядьку Никифора в глубоких раздумьях. Тем временем участковый, зайдя на обочину, набивал самокрутку — внушительного вида «козью ногу». Замкомэск одобрительно кивнула и достала кисет.

Некурящий Семен отошел подальше, стараясь не сильно испачкать сапоги.

— А не скажете ли, товарищ Тулак, как у нас на службе с культуркой? — поинтересовалась кавалерист-девица, сделав несколько глубоких затяжек. — Театры там, балет, музеи опять же. Или хотя бы на концерт? Контрамарки нам полагаются?

Ротный даже не сразу нашелся что ответить.

— Ну... Оно надо бы, конечно. Позавчера афишу видел — хор братьев Зайцевых приезжает. Вернемся, позвоню Грише Каннеру...

— Как ударит по окопам,
Лишь осколки дребезжат,
Пулеметчики, за дело,
Пулеметы в ход пушай, —

задумчиво пропела товарищ Зотова, глядя прямо в серые тучи. Затем с удовольствием затянулась, выпустив трепещущее сизое кольцо дыма.

— А у вас, товарищ участковый, как с культурной программой на вверенной территории? Музеи разные, памятники старины?

— Да какое т-там... — начал было Федя, но внезапно осекся. Девушка заметила, оскалила крепкие зубы.

— А как же Волосатые Камни, товарищ?

— А?!

Получилось ничуть не хуже, чем у дядьки Никифора. Зотова быстрым движением переместила самокрутку в уголок рта, развернулась:

— Товарищ Тулак! Врут они нам про Шушмор, все врут! Сговорились, саботажники, сначала сподить думали самогонкой своей вонючей, а потом байку про бандитов сплели. Не слишком тут уважают Центральный Комитет! А ты, товарищ Громовой, форменный говнюк, да еще в шинели.

— П-попрошу! — жалобно воззвал участковый, хватаясь за шашку. — Я при исполнении, я — работник м-милиции.

Кавалерист-девица шагнула ближе, нежно погладила Федю по маренговой груди.

— Милиция-полиция... У нас в полку чекист ошивался, вроде тебя, хитрый больно. Так мы подождали, пока врангелевцы в тыл зайдут, чтоб начальству не до нас стало, раздели субчика до исподнего, отмалахитили от души, а потом в ночное пустили. Фо-

нарь на шею — и в степь. Надо же было хлопцам в стрельбе наловчиться?

— Это н-не я!

Бедный Федя подался назад, отступился — и сел прямо в грязь.

— Конечно, не ты, — ласково проговорила девушка, наклоняясь над поверженным. — Это все Антанга и ее наймиты. На чем тебя подловили? На растлении несовершеннолетних? Соседкину внучку на сеновал затащил, кобелек?

— Н-нет, нет, н-нет!.. Эт-то н-не я. П-приказали! М-не приказали, д-другим тоже...

Слушать такое было неприятно, а понимать трудно. Зотова поглядела на ротного, и тот поспешил подойти. В три руки они выдернули работника милиции из грязи, встряхнули как следует и поставили на ноги.

— Давай все начистоту, только лгать больше не вздумай, — грозно прохрипела замкомэск. — И учти, твоего дядьку Никифора я уже расколола. Услышу, что если врешь — для начала нос откушу.

— Зря вы т-как, — вскрикнул парень, без особого успеха пытаясь счистить грязь с казенного обмундирования. — Вы же сами — п-подневольные, понимать д-должны. И ничего такого м-мы не скрывали. Ну, Камни, ну, В-волосатые. В-вообще-то, они не К-камни, а Камы.

Урочище обходили стороной — так с самых давних времен повелось. Первое, чему детей в деревнях учили, когда те только бегать начинали: «Только не в Шушмор. Не возвернешься!» Почему, поясняя-

ли неохотно. Самых маленьких пугали огромными змеями, что в норах под камнями живут. Тех, что постарше, — мертвяками. Сползаются, мол, в урочище все грешники с окрестных погостов. Взрослым же и без пояснений ясно было. Шушмор — от одного имени дрожь по телу идет.

Особо любопытные, а также изрядно хмельные, в урочище порой забредали, а после до самой кончины удалью хвалились. В Шушморе бывал, никаких страхов не видал! Змеи, правда, встречались, но самые обычные, мертвяков же и след простыл, обратно по погостам расползлись. Зато папоротники там чуть ли не с взрослую ель размером, целый лес, заблудиться можно. И березы дивные, *квадрифолием* растут. А еще по ночам небеса светятся, и от того на душе радость настает. Но самое интересное в Шушморе — камни. С дюжину их, все огромные, колеру же непонятного. Вроде бы и красные, и лиловые, и всех иных цветов разом. Не лежат, а стоят — вкопаны в давние времена, и не абы как, а ровным колом. А посередине всего — холм, травой да кустарником заросший. То ли могила, то ли старое капище.

Рассказчиков слушали с открытым ртом, но проверять их байки не спешили. Не все возвращались, одному везло, другой так в Шушморе и оставался.

Местные священники с гласом народным были полностью согласны. Некий батюшка, старых летописей начитавшись, рассказал прихожанам, что в давние годы назывались те камни Волосатыми Камами. И не потому, что волосья из них росли, а в честь подземного беса Волоса, коего языческие предки богом почитали. Чур, вражье наваждение, чур!

★

Времена, однако, менялись. При царе Александре Освободителе приехали в Пустошь ученые люди из самого Петербурга — песни и сказки записывать. Про Шушмор они слышали, и в первый же день поспешили в урочище. Вернулись живые и довольные, чуть ли не целую тетрадь исписав. Местным пояснили, что страхов там никаких нет. Папоротник и вправду уникальный, реликтовый, не иначе эндемик. Березу же, *квадрифолием* растущую, и в иных местах увидеть можно, как в здешнем уезде, так и в соседних. А почему дерево в сечении не круглое, а квадратное, то к ученым ботаникам вопрос. Не иначе хворь такая.

Камни же в урочище — самый обычный розовый шпат. Вероятно, свезли их языческие предки со всей округи, дабы капище возвести. Велесу-Волосу или кому еще из старых богов, сказать сложно. А все вместе — уникальный природный и исторический памятник, что и было записано в отчете.

Взялись за Шушмор и местные краеведы. В «Шатурском вестнике» напечатали статью, в которой пересказали вычитанную где-то историю про хана Батыя. Будто вел он свои тумены по Мещере прямо на столичный град Владимир, но у Шушмора встретил сильный отпор. Много монголов сгнуло, нашел свою смерть и ханский родич, правая Батыева рука. На месте его гибели пришельцы насыпали холм и камни вкопали. С тех пор и гневаются неупокоенные духи степняков, не могут забыться в чужой земле.

Бояться перестали. В уезде кипела жизнь, строились дороги, заезжие богатеи Бибиковы надумали ставить стекольный завод. Его Величество Прогресс все ближе приближался к заповедным лесам,

позвякивая тяжелой мошной. Не остановить, не удержать! Обитатели окрестных деревень не спорили, но некоторую опаску держали, старики же и вовсе ждали беду. Прогресс прогрессом, а Шушмор — Шушмором.

Так и вышло. О таинственном урочище вновь заговорили, но уже не фольклористы, а репортеры уголовной хроники.

* * *

— Я, как д-должность принял, в уездном архиве в-все дела переглядел, — вздохнул участковый. — Сознательному да п-партийному во всякого В-волоса верить стыдно, но это, т-товарищи, никакие не б-байки. Там дел по Шушмору — п-полка целая, из каждого — баскервильская с-собака получится, как у Конан Д-дойля...

Летом 1885 года в Шушмор выехал член земской управы Курышкин по каким-то своим земским делам. Путешествовал он на подводе вместе с возчиком Герасимом Кудриным. Ехали — не доехали. Искали их целый год, но без всякого успеха. «Дело» уложили на архивную полку, высокому же начальству доложили, что, вероятно, не обошлось без разбойников. Недаром поблизости знаменитая Гуслицкая волость, родина самого атамана Чуркина.

Через два года пропал обоз — четыре телеги да пять человек во главе с приказчиком Иваном Рюминым, служившим на заводе Бибиковых. И вновь ничего не нашли, обвинив по всем беднягу-приказчика, брат которого когда-то судился по убийному делу.

В 1893 году исчез почтальон Федотов, тремя го-

дами позже — землемер Родинов, еще через год — местные крестьяне Гужов и Сидоров, подрядившиеся работать на Бибиковых. После этого с завода началось повальное бегство.

— Д-девятнадцать случаев, — резюмировал Федя Громовой. — И еще пять под в-вопросом. Все на разбойников списано, но те т-тоже Шушмора боялись. В 1901-м одна шайка к нам забежала, схорониться д-думала. И как в омут. Н-надежно спрятались!

Завод закрыли, Шушмор стали обходить стороной. Только перед самой Великой войной в Пустошь приехала научная экспедиция. На этот раз у гостей из Петербурга были не только тетради, но и какие-то сложные приборы. Для пущего бережения ученых мужей сопровождал десяток бородатых казаков. Шушмор и его окрестности обследовали три дня, после чего главный — без бороды, но с усами и в немецких окулярах — поднял к небу палец и важно провозгласил:

— Геомагнитная аномалия!

Маленький Федя, присутствовавший при этой сцене, на всякий случай перекрестился.

Зато сказанное после было понятно даже Феде. Ученый муж блеснул окулярами и, оставив надменный тон, посоветовал «господам местным жителям» не посещать центр помянутой аномалии, где исходящие из земных глубин токи наиболее активны. Почему, объяснять не стал, лишь намекнул на ведомые пока мудрым людям (и даже другу какого-то Горацио) тайны. Была извлечена карта, которую немедленно принялись изучать местные грамотеи во главе с учителем и священником из соседнего села. Центр аномалии оказался похож на лужу с

неровными краями, накрывшую перекресток двух грунтовых дорог, одна из которых вела к заброшенному стекольному заводу. Само урочище и пугавшие всех Волосатые Камы оставались несколько в стороне. По мнению владельца немецких окуляров, все пропавшие оказались на несчастливом перекрестке в особо опасный, хотя и непонятный современной науке, момент.

Меры приняли немедленно. Дороги перекопали, сквозь лес прорубили новые просеки, и вскоре опасное место заросло огромными темно-зелеными папоротниками.

Теперь карта лежала в сейфе у Федора Громового. Два года назад ее затребовали в уезд и вернули уже обрезанной. Чьи-то бдительные ножницы отсекали край с фамилией и подписью ученого мужа.

У тех, кто в 1918-м начинал строить санаторий, такая карта тоже имелась. От робкого предупреждения, сделанного местными властями, приезжие просто отмахнулись. А вот Зверь-человек Владимир Иванович Берг чиниться не стал, пояснив ситуацию на конкретном примере. Кобры, гадюки и прочие гады тоже весьма опасны, заявил он, но яд их поистине целебен. Главное — знать подход и не бояться.

Злосчастный перекресток оказался за высокой строительной оградой. Что там теперь, никто так и не узнал.

* * *

— Да, дела! — резюмировал Семен Тулак. — Но от нас чего скрывать было? Так бы и сказали: непонятный науке случай. Зачем про разбойников врать?

— А я, кажется, знаю, — хмыкнула товарищ Зо-

това, затягиваясь ароматной махоркой. — Кто-то на самом верху секретность разводит. Только от кого скрывают? От лорда Керзона или от Центрального Комитета?

— Н-нет, нет! — милиционер отчаянно махнул рукой. — Нам п-приказали пресекать н-нежелательные слухи. Чтоб не болтали, будто у нас в уезде по д-дорогам опасно ездить. Ну и «Сеньгаозеро» — тоже секрет, н-недаром его т-так охраняли.

Бывший замкомэск понимающе кивнула, растянула обветренные губы улыбкой:

— Конечно, конечно... А в самом Шушморе сейчас что?

Федя вздрогнул, побледнел, но собрался с силами и храбро выдохнул:

— А н-ничего! Вы, товарищи, своими д-делами занимайтесь, а еще лучше — уезжайте, прямо с-сейчас. Д-документ какой хотите подпишу, и товарищ Синцов п-подпишет. Уезжайте, н-незачем вам в Шушмор заглядывать!

Перед тем как тронуться в путь, Семен и товарищ Зотова отошли подальше от дороги. Кавалерист-девица недоверчиво оглянулась, клацнула крепкими белыми зубами.

— Расстреляла бы! И того и другого, чтоб неподводно было. В глаза врут — и не боятся, морды кулацкие. Думаю, в Пустоши у них самое кубло. У тебя хоть оружие есть?

Семен хотел напомнить техническому работнику о субординации, но затем решил, что есть дела поважнее. Левая рука нырнула в карман галифе.

— «Маузер номер один». А у тебя?

— Не ношу, — прохрипела замкоэск, резким движением забирая пистолет. — Уже два года. Вра-

чи запрещают. Знаешь, за что меня на Канатчиковую дачу забрали?

Ротный хотел уйти от ответа, но не сдержался.

— Соседей по коммунальной кухне перестреляла. Из-за примуса.

Лицо девушки дернулось, пошло темными пятнами.

— Рассказали, значит? Или мое личное дело читал? А если читал, знать должен...

— Ничего не читал, ничего не знаю, — отрезал Семен. — Ты спросила, я ответил. Считаю, пошутил. Если что не так, извини.

Ольга кивнула, отвернулась, поглядела в низкое серое небо.

— Это ты меня извини. Лечили-лечили, не вылечили. Когда стрелять начнут, героя из себя не строй — сразу на землю падай, чтобы под глупую пулю не попасть. Я уж сама разберусь. А в соседей я и вправду полную обойму выпустила. Одного до смерти, троих в Градскую больницу увезли. Только не из-за примуса. Ты, товарищ Тулак, неженатый? А вот мне не повезло, окруженный попался. Такая вот у гимназистки седьмого класса фортуна... «Пила, гуляла я без помехи, но обобрали мерзавцы-чехи. Ах, шарабан мой, американка!..»

* * *

Первым «квадрифолическую» березу увидел Семен Тулак. Дерево как дерево — белая кора, черные пятна, только квадратное. Ротный покосился на сидевшего рядом милиционера. Тот понял, дернул плечом, поглядел через дорогу. Там тоже были березы, целый «квадрифолический» выводок. К самой опушке подступили, вот-вот в пляс пойдут.

Семен прикинул, что могут поддельвать здешние гигантские змеи. Зимой им положено спать, но на исходе март, самое время просыпаться и выползать за добычей. Может, одна такая как раз заняла позицию под ближайшей березой. Вот сейчас голову высунет...

Ротный подумал и махнул рукой. Пусть ее! От судьбы не уйдешь, не змея проглотит, так начальство схарчит, такая у него, как выражается замкомэск, фортуна. Ротный вспомнил грозного комиссара Лунина и внезапно понял, что тот совсем не прост. Не для того ли Чукоткой пужал, чтобы Техгруппе скипидара под хвост плеснуть? Самому не разобраться, послать некого, так пусть иные поработают, в грязи измажутся. Хитрые они, начальники, подходам научены!

Семен хотел поинтересоваться у милиционера, кто именно приказал молчать о Шушморе, но внезапно увидел дом, обычную неказистую избу-пятистенок. Над красной кирпичной трубой вился еле заметный дымок.

— П-подъезжаем, — сообщил товарищ Громовой и как-то странно усмехнулся. Ротный тут же пожалел, что отдал свой «маузер», оглянулся, сообщая, далеко ли вторая телега...

— Стоять на месте! Не двигаться!..

Улыбка участкового стала еще шире. Он опустил вожжи, хмыкнул:

— Говорил же, не стоит в-вам ездить!

...Двое справа, один слева. Серые шинели, черные петлицы, короткие кавалерийские карабины, на поясах — штык-ножи от японской «Арисаки». Где прятались, сразу не поймешь. «Секрет» по всем уставным правилам.

На темном бархате петлиц три яркие желтые буквы — «Ч.С.Р.»

— Сняли, значит, охрану, — констатировал Семен Тулак. — Жаль, тебе товарищ Зотова нос не откусила.

Улыбку милицейского лица словно волной смыло.

— Сто-о-ой!

Один из бойцов шагнул вперед, останавливая вторую телегу. И в тот же момент послышался отчаянный крик дядьки Никифора:

— Хватай ее, служивые! Веревками бабу лихую вяжи, иначе всем кровя пустит, немилосердная!..

Дозорные переглянулись, не понимая, о ком речь, — издали товарищ замкомэск не слишком походила на женщину. На миг Семену стало не по себе. А если «немилосердная» и в самом деле пистолет достанет?

— Старшего позовите, — вздохнул он. — И опустите «винтаря», раз в год и палка сухая стреляет.

Он прислушался, но сзади было тихо. Пуцание кровей временно откладывалось.

— Командир 2-го учебного батальона Фраучи. Здравствуйте, товарищи. Могу взглянуть на удостоверение?

Командир Фраучи оказался высок, широкоплеч и неожиданно вежлив. Лицо умное, интеллигентное, но отчего-то красное, словно после ожога. Семену тут же вспомнился «арапский загар». Может, этот тоже из санатория?

Документы ротного изучались долго и тщательно. Наконец Фраучи кивнул, вернул бумаги, виновато улыбнулся:

— Нестыковочка вышла. Нас не предупредили, что будут представители из Центрального Комитета. Что же, вы, товарищ Громовой, молчали?

— Оп-пять я? — в отчаянии воскликнул милиционер. — То подписку т-требуют, чтобы не разглашал н-ни в устном, ни в п-письменном, то нос хотят откусить!

— И откушу. А еще кое-что на шомпол намотаю и собакам скормлю.

Кавалерист-девица подошла к телеге, протянула удостоверение.

— А я вас помню, товарищ Фраучи. Перекоп, седьмое ноября 20-го, аккурат революционный праздник. Нас тогда 51-й дивизии Блюхера придали. А вы были с ротой курсантов.

— Так точно! — Краснолицый подбросил руку к «богатырке». — Рад вас видеть в добром здравии, товарищ Зотова.

— Ага, в здравии. Слышите, как хриплю? Что же тут происходит, товарищ Фраучи? Я уж решила, будто белобандиты засаду устроили, в форму нашу переоделись. Ну, думаю, сейчас стану валить. Если б вас не узнала...

Девушка смерила взглядом бойцов в серых шинелях и выразительно кашлянула.

Поговорили уже в самой деревне. Товарищ Фраучи квартировал в небольшой избе рядом с единственной в Пустоши москательной лавкой. Поскольку кулака-лавочника разъяснили еще в 1919-м, дом пустовал и теперь был занят бойцами в серых шинелях.

Объяснились откровенно, ничего не скрывая. Товарищ Фраучи осудил двурушничество участкового, однако тут же нашел смягчающие обстоятель-

ства. Подписка о неразглашении — документ суровый, что и вынудило Федю Громового в очередной раз соврать. Охрана ушла, но не вся, несколько бойцов во главе с командиром получили приказ остаться в деревне.

— Мне поручена охрана территории санатория, — неторопливо рассказывал Фраучи. — Все посты внутри ограждения, кроме главного, сняты, имущество вывезено, но мы контролируем движение на дорогах и следим, чтобы на объект не попадали посторонние. Это первое. Второе — обеспечиваем безопасность научной экспедиции.

— Значит, здесь еще и экспедиция! — не преминула вставить Зотова. — Скоро детишек на экскурсии возить станут. Только в ЦК почему-то ничего не знают.

— Экспедиция из Академии наук, — пожал широкими плечами военный. — Велено пропустить и всячески содействовать. Товарищи! Мы же не партизаны какие, мы — Части стратегического резерва, приказы получаем из Столицы...

«Ч.С.Р.» — вспомнил Семен. О стратегическом резерве Красной армии разговоры ходили, но крайне смутные. Кое-кто утверждал, что бойцов с черными петлицами готовят к штурму Европы в близкий час Мировой революции. Родилось даже название: РККА-2 или Вторая Армия. Более осторожные такое предположение отвергали. Ч.С.Р., по их мнению, обычные кадрированные части, созданные в ходе сокращения вооруженных сил. Однако ни в одном официальном документе военного наркомата эти войска почему-то не упоминались.

Бывший ротный прикинул, от кого Вторая Ар-

★ — мия может получать приказы. Из ведомства Троцкого, из ГПУ или прямо из Центрального Комитета?

— В санаторий пустите? — поинтересовался он. Фраучи на миг задумался.

— Отчего и нет? Не стану препятствовать, смотрите. Но главный пост — это охраняемая территория, туда нельзя. Если хотите, сходим вместе. Кстати, возьмем товарища Соломатина, начальника экспедиции. Я ему обещал. Возражений нет?

Командир учебного батальона улыбался, Семена же так и подмывало сказать в ответ какую-нибудь гадость. Краснолицый сразу показал, кто здесь хозяин. Ни он, ни его начальство в грош не ставили всемогущий ЦК.

Ругаться бывший ротный все-таки не стал, даже нашел в себе силы улыбнуться в ответ.

— Кто-то решил показать нам санаторий, — негромко заметила Ольга, когда товарищ Фраучи вышел, дабы распорядиться. — Но только издали, вроде как намекнуть. Не нам, мы — пешки мелкие, а самому товарищу Киму или даже кому по выше.

— Ага, — вяло откликнулся Семен, — проведут под конвоем, шаг влево, шаг вправо.... А еще хотят нам этого Соломатина предъявить. Или нас — ему, чтоб в гербарий вставил.

Кавалерист-девица прокашлялась, вытерла потрескавшиеся губы.

— Ненавижу интеллигентов в галошах!

Немного подумав, прибавила:

— А еще за нами наблюдают. Не те, что с черными петлицами, а другие. Заметила, когда документы проверяли. В кустах кто-то прятался, слева от доро-

ги, сидел тихо-тихо, почти не дышал. Может, у меня и сдвиг по психической линии, только на фронте паранойя мне не один раз жизнь спасла.

3

— Вы не из наркомпроса, товарищи? Очень жаль. Тамошнее начальство отличается какой-то особенной чиновничьей ленью. Я уже дважды писал им о Шушморе, о том, что нужно переоформить охранный лист, а мне даже не ответили.

Столь ненавидимый Ольгой Зотовой интеллигент в галошах оказался обут в высокие охотничьи сапоги. К сапогам прилагался длинный прорезиненный плащ и английское кепи. Вопреки всем традициям ученый муж не имел ни очков, ни портфеля, росту же оказался саженого, почти на голову выше солдатских «богатырок». Прямо-таки не интеллигент, а Дядя Достань Воробышка.

— Соломатин Родион Геннадьевич, сотрудник сектора этнографии малых народов Академии наук. Очень приятно!

Для того чтобы позать руку новым знакомцам, исследователю малых народов довелось согнуться чуть ли не в пояс. Ротный, будучи абсолютно среднего роста, завистливо вздохнул.

— А вы, товарищ Соломатин, на одного полковника похожи, — рассудила кавалерист-девица. — Такой же, извините, гренадер. Взяли его наши под Александровском и на размен определили. Куда же еще его, контру, девать? А полковник заартачился, мол, не пойду, пока последнюю не нальете. Мы ему кружку, а он, кость белая, на котелок кивает. Где котелок, там второй...

Ольга внезапно улыбнулась.

— Наутро, когда очухались, в блиндаже ни полковника, ни наших винтовок. А посреди стола — соленый огурец. Мы на этого беляка даже не обиделись.

Достань Воробышка развел руками

— Увы, барышня! На такой подвиг я совершенно, органически не способен. Огурец я бы без сомнения съел, да-с.

— Как вы меня назвали? — насторожилась Зотова. — Барышней?!

Потом подумала и махнула рукой.

— Называйте, не жалко. Хорошо хоть не «мамой».

Фраучи, терпеливо дождавшись завершения церемонии знакомства, предложил вернуться к хорошо знакомым телегам. На этот раз пришлось ехать без возниц — дядьке Никифору и милиционеру с громкой фамилией доступ на территорию «Сеньгаозера» был закрыт. Обошлись легко, кавалерист-девица мигом поладила с кобылой, пригласив к себе в спутники краснолицего командира, а на второй телеге, ко всеобщему удивлению, вожжи взял Родион Геннадьевич. Вместо привычного «Н-но-о!» ученый почему-то скомандовал: «Хэш!» Лошадь удивленно заржала, но подчинилась.

Ехали недолго, сначала по знакомой грунтовке, потом свернули на узкую просеку в густом старом березняке. Сразу за перекрестком их встретил часовой, скучавший возле деревянной «рогатки». Семен прикинул, сколько у краснолицего может быть бойцов. Фраучи — командир батальона, и не простого, а учебного. По-старому если, никак не ниже

полковника. Значит, у него здесь не взвод и даже не рота.

Метрах в ста за «рогаткой» Фраучи, велел остановиться, указал на ведущую прямо в лес дорогу:

— Сюда, товарищи. Прошу!

Теперь шли пешком. Семен шагал вслед за краснолицым, чувствуя себя не самым лучшим образом. Получалось, что не он шел, а его вели. Зотова тоже хмурилась, то и дело поглядывая по сторонам. Родион Геннадьевич, напротив, улыбался и даже пытался шутить. Наконец, дорога уперлась в тяжелые железные ворота. Над широкими створками красовались огромные белые буквы: «Гелиотерапевтический санаторий «Сеньгаозеро» — страж и оплот здоровья трудящихся». Ниже, литерами помельче: «Победа над голодом — победа над смертью!»

Гости молча переглянулись. Владимир Иванович Берг, физик и врач, явно не мелочился.

После таких авансов можно было ожидать любых чудес. Семен Тулак заранее приготовился к чему-то невероятному, даже пугающему, однако за воротами их встретил самый обычный санаторий. Два краснокирпичных корпуса, оставшиеся от стекольного завода, несколько небольших одноэтажных домиков недавней постройки, а за всем этим что-то огромное, напоминающее склад или скорее ангар. Ротный мельком удивился. Аэропланы там держали, что ли? Но в целом ничего интересного. Дорожки в гравии, заброшенные цветочные клумбы, теннисный корт за невысоким забором.

Тихо, пусто, скучно.

Фраучи предложил зайти в любой корпус на выбор. Разницы, по его словам, нет никакой. На первом этаже палаты побольше, на десяток коек, на

втором поменьше, для двоих-троих. Всего в санатории числилось не менее сотни больных и до четырех десятков obsługi. Врачи жили здесь же, в маленьких домиках. В том, что посередине, обитал сам товарищ Берг.

Семен слушал не слишком внимательно. В том ли доме, в этом, велика ли разница? Он уже успел заметить, что стекол в окнах корпусов нет. Не выбиты, а извлечены аккуратно для дальнейшего употребления. Экономные люди здесь работали! Но раз стекла вынули, то чего еще искать? Небось и пол подмели, и хлоркой для верности посыпали. Если и водились здесь красные амебы с ложноножками, то след их давно простыл. Была гелиотерапевтика, да вся вышла.

— Так куда направимся?

Фраучи улыбнулся, взглянул выжидательно. Тулак дернул губами в ответ и вдруг представил, что именно ему поручили эвакуировать санаторий. Нет, воинскую часть! На что он первым делом будет смотреть? Ясное дело, оружие, огнеприпасы, личный состав, секретные бумаги... Амебы, само собой.

Ротный сделал строгое лицо, покосился на кавалерист-девицу.

— А на кухню!

Если краснолицый и удивился, то виду не подал. Быстро осмотрелся, указал на левый корпус.

— Там. В подвале.

* * *

Гостей встретила ложка, лежавшая прямо на пороге. По бедняжке от души потоптались чьи-то сапоги, превратив в безнадежную калеку. Еще одна, только целая, лежала чуть дальше, возле стены.

Ротный еле сдержал усмешку. На что-то подобное он и рассчитывал. Никогда на кухне порядка нет! Между тем Зотова подняла ложку-калеку, повертела в руках, протянула Фраучи. Тот брать не стал, пожал широкими плечами.

— Три наряда вне очереди!

— Позвольте?

Ученый муж Достань Воробышка явно заинтересовался находкой. Поскреб пальцем по металлу, поднес к глазам, подумал немного, вернул.

— Благодарю, барышня!

— De rien¹.

Семен не поверил своим ушам. Не тому, что гимназистка седьмого класса ответила по-французски. Голос! Ни тебе хрипа, ни баса. Чудеса!

— А там, кажется, что-то есть!

Фраучи быстро прошел вперед, к огромной кирпичной печке. В ней самой не было ничего необычного, зато рядом, прямо на кафельном полу, стояли два больших котла: один помят, второй изрядно грязен.

— Пять нарядов, — прокомментировал военный не без брезгливости.

Семен подошел ближе, пригляделся, для верности ткнул пальцем. Металл был холодным и липким, захотелось сразу же помыть руки, желательно с мылом.

— Никак нет, товарищ батальонный. Это уже сразу на трибунал тянет.

— Что за кровожадность, товарищи? — подивил-

¹ Не за что (франц.).

ся Родион Геннадьевич, подходя к брошенной утвари. — Обратимся к вопросу с научной точки зрения. Прежде всего перед нами предметы, имеющие отношения к изготовлению пищи. Выполнены из алюминия...

Внезапно он умолк, недоуменно покрутил головой.

Обернулся.

— Алюминий? Позвольте, сколько же это должно стоить?

Семен усмехнулся:

— На буржуйском Западе — не так и много. Только вот беда, в России такое не производят. Выходит, из-за границы везли? И котлы, и ложки? Богато живут «мыльные» товарищи, не бедствуют.

Именно производству алюминия было посвящено одно из «вермишельных» писем, читанных им буквально накануне. Некий инженер-партиец жаловался на бюрократов в ВСНХ, не желающих финансировать работы по внедрению в СССР метода Холла — Эру, позволяющего получать алюминий электролизом глинозема. Бдительный автор бил тревогу и намекал на саботаж.

— Насколько я понимаю, кое-кто из присутствующих приехал сюда не только ради тайн научных. — Голос Фраучи стал резок и строг. — Поэтому подойдем к вопросу иначе. Приказ нарушать я не буду, но охотно помогу в пределах возможного. Поделюсь некоторыми наблюдениями. Здесь много алюминия. В кладовке осталось несколько больших бидонов, в мастерской — какие-то крупные сборные детали, стойки с поперечинами, профили. Можно только представить, сколько было увезено. Затем — электрические розетки. Почти все они сня-

ты, но в одном из корпусов остались три штуки. Таких я еще не видел. Форма, размер, а главное, материал — не металл, не дерево, что-то твердое и очень легкое. Можете смело докладывать, что в «Сеньгаозере» творились странные вещи. Точнее, творятся.

Краснолицый немного подумал, кивнул.

— Пустить вас на главный пост не имею права. Но подпустить могу. Пойдемте!

4

Возле ангара их встретила охрана в знакомых серых шинелях с черными петлицами. Пост стоял у ворот, огромных и тяжелых, словно в паровозном депо. Фраучи подошел к бойцам, отдал какой-то приказ, затем повернулся к гостям.

— Стойте на месте, отсюда все будет видно. Внутри заходить категорически запрещено. Честно говоря, я бы и не решился. Хорошо еще, что мы здесь ненадолго, обещают скоро прислать смену. Мне эти секреты и самому не по душе.

Ворота дрогнули и начали медленно отъезжать в сторону. Внезапно Семену вспомнилась помянутая в недавнем разговоре с Вырыпаевым Большая Крокодила. А вдруг зеленая там? Пусть не она лично, а еще какое-нибудь чудище, допотопный страж Шушмора? Откроются ворота, выглянет на свет божий зубастое рыло, облизнется, предвкушая близкий обед. Острые белые зубы, длинный раздвоенный язык, глазища в желтом огне. А вокруг — красные амебы. Шипят, тянут свои загребущие ложноножки...

Он и сам не заметил, как рассмеялся. Невеликая

выйдет тайна! Ради зубастой твари не стали бы звать бойцов из стратегического резерва.

— Есть! — внезапно проговорила Ольга Зотова. Она первой увидела свет.

* * *

...Черная тьма, белый огонь — казалось, в глубине ангара кто-то включил мощные прожектора. Но свет шел не со стороны, не сверху, а снизу, от самой земли, не растекаясь по пространству, но отливаясь в огромную мерцающую полусферу. По ее поверхности то и дело пробегали острые языки протуберанцы, росли, тянулись вверх, опадали... Ни стука, ни шороха. Белый огонь горел беззвучно, отдавая лишь легким звоном в ушах и слабым, едва уловимым запахом озона. Сверкающий купол рос, заполняя все пространство, тьма отступала в дальние углы, сжималась, таяла. Наконец, остался лишь огонь, невыносимо яркий, белый, горячий...

Вспышка! По холодной мартовской земле словно пронесся жаркий смерч. И тут же все исчезло, разом, как будто некто всеильный опустил тяжелый холодный занавес. За открытыми воротами — только безвидная черная мгла.

Уходить не хотелось, не тянуло и говорить. Стояли, молчали, думали. Наконец, Фраучи махнул рукой караульным. Те поняли и занялись воротами.

Негромкий железный лязг, грохот засовов... Семену отчего-то стало не по себе, как будто его самого оставили там, в глухой темноте, наедине с вечной ночью.

— Скрывать такое — преступление перед наукой. Нет, перед всем человечеством!

Все посмотрели на Родиона Геннадьевича, но тут же поняли — говорит вовсе не он.

— Приказы, подписки, караулы, солдатики оловянные... Мы, как лилипуты, связавшие Гулливера.

Ольга Зотова махнула рукой, резко повернулась.

— Пошли отсюда, ротный. Как в душу наплевали!

Семен нагнал свою спутницу только на проселке, где ждали телеги. Девушка молча курила, глядя в низкие тяжелые тучи. На негромкое покашливание не обратила внимания, но затем повернулась, бросила «козью ногу» прямо в грязь.

— Извини! Такую, как я, и вправду на цепи держать нужно. Но мне вдруг в голову взбрело, только не смейся...

Помолчала, дернула щекой.

— Когда мы с тобой бойцов на смерть вели, чего им могли пообещать? А ни хрена, потому что ни в ад, ни в рай не верим. Не им обещали — детям и внукам. Мы сдохнем, под траву уйдем, зато другим, потомкам нашим, всеобщее счастье выйдет. Коммунизм или как иначе оно зовется, не так важно. И вот победили, завоевали — и под семь замков заперли. А у ворот караул, собачки и «колючка», как на Перекопе.

Ответить было нечего. Конечно, ни собак, ни перекопской «колючки» в «Сеньгаозере» не было и в помине, но лиха беда начало.

— Не расстраивайтесь, Ольга!

Родион Геннадьевич Достань Воробушка определенно слышал конец разговора.

— Гулливера бечевками не удержать. Все эти запреты не прочнее гнилой пробки, поверьте. Если хотите, завтра я вам и вашему спутнику кое-что покажу, может, и понравится.

— Покажете, тогда и решим. — Бывший замкомэск отвела взгляд. — Только вы уж, товарищ Соломатин, определитесь — «барышней» будете звать или по имени.

* * *

Возвращались вновь на телегах, но на этот раз кавалерист-девица предпочла ехать с сослуживцем. Спорить никто не стал. Ротный подумал было, что Зотова не хочет разговора с посторонними, но вскоре догадался: дело в чем-то ином. Где-то на полдороге девушка мягко придержала лошадь, остановилась, соскочила прямо в грязь. Фраучи, ехавший на первой телеге, обернулся, но замкомэск властно махнула рукой:

— Езжайте, нагоним!

Вскоре они остались одни. Зотова достала кiset, подержала на ладони.

— Может, и вправду курить меньше надо? Семен, ты не оборачивайся и движений резких не делай. Хочешь говорить, говори тихо. Лады? А то вдруг у этих лесных героев оружие имеется?

Ротный невольно вздрогнул, представив, как за деревьями кто-то невидимый ловит его в черный прицел.

— Кстати, у меня не паранойя. Я же тебе говорила, слышу хорошо. Уже версты полторы вровень с нами бегут.

Семен хотел поинтересоваться, кто именно. Красные амебы с ложноножками? Одичавшие «мыльные люди»? И как бегут, напролом по мокрому безрельзу? Но заговорил совсем о другом.

— Видела, где ангар стоит? Там лес рядом, а в

лесу — старая просека. Молодняк вырос, но все равно заметно. А напротив еще одна. Это же перекресток! Тот самый, который...

— ...Центр аномалии, — без особого интереса кивнула кавалерист-девица. — Ге-о-маг-нит-ной. Пусть в этом профессора разбираются, а мы люди военные, к конкретике приучены... Ага, уже тут... Ты, ротный, только не пугайся

Она запрокинула голову, прислушалась и внезапно завела хриплым басом на мотив «Среди лесов дремучих»:

— Мы долго голодали
По милости царей
И слезы мы глотали
Под тяжестью цепей.

Замолчала, повернула голову. Улыбнулась:

— Настало время, братья,
Всех палачей разбить,
Чтоб старый мир проклятый
Не мог бы нас душить.

Ответом лишь легкий шорох на лесной опушке. Девушка соскочила с телеги, взмахнула рукой:

— Народ! Хватит прятаться. Мы не вредные, мы — свои!

— А вы тетя или дядя?

Семен быстро оглянулся. Кажется, там, на самой опушке, за близкими кустами. Голос молодой, звонкий. Неужели ребенок?

— Я Ольга Вячеславовна Зотова. Дядя тоже в наличии, товарищ Тулак Семен Петрович. Ты нас не бойся.

— Вот еще! — обиделся голос. — Чего мне вас

бояться? Я Четверик Наталья. Мне очень-очень нужна кварцевая лампа. У вас нет?

На этот раз даже кавалерист-девице было нечего ответить. Там, за деревьями, поняли.

— Жалко!.. А в Столицу отвезете? В городе лампы всякие есть.

Ротный решил, что пора вмешаться. Ситуация, при всей ее необычности, почти что разъяснилась. Здоровым кварцевая лампа не нужна — это раз. Два — в близлежащих деревнях о таковой никто даже не слышивал. Раз и два — сколько будет?

Он слез с телеги, сложил ладони рупором:

— В Столицу отвезем.. А куда все остальные уехали? Из «Сенгаозера» которые?

Опушка долго молчала, наконец послышалось неуверенное:

— На Кавказ вроде. А я от них убежала, не хочу, чтобы на мне опыты ставили. Когда уезжать будете, я вас найду. Только не отдавайте, они меня резать станут!

Легкий шелест на опушке. Невидимая гостя ушла.

— «Резать станут», — шевельнул губами Семен Тулак. — Вот тебе и амебы!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Фантомас и его комиссар

1

«Чекисту биография не положена, — обмолвился как-то Феликс Дзержинский, — только некролог». Потом, подумав, уточнил: «Если заслужит».

С некрологом тоже не все ясно. Для начала фа-

милія требуется, имя с отчеством, год рождения. А если отчество два? Леонид Семенович Пантелкин в военных документах числился Ивановичем, в бумагах Псковской железнодорожной ЧК — Пантелеевым. Год рождения тоже плавал. Когда молодого чекиста готовили к засылке в немецкий «концентрак», три года сами собой прибавились, на «железке» контролеру Пантелееву год пришлось потерять. А вот бандит Фартовый имел не только несколько лиц, но и целых две головы. Одна все еще принадлежала бывшему чекисту, вторая, став социалистической собственностью, лениво плавала в банке с эфиром, куда ее отправили злопамятные питерские «опера».

Если о самом себе ничего наверняка не знаешь, что сказать о ком-то ином? Особенно если этот «кто-то» — Блюмкин.

Симха-Янкель Гершев, Яков Григорьевич. Для своих, для близких — Яша, Яшенька. Или еще проще — Блюмочка. Оперативный псевдоним — Живой, иногда Не-Мертвый. Росту высокого, реже — среднего, в гетманском Киеве 1918-го имел кличку Коротышка. Волосом черен, рыж, пару раз хаживал и блондином. Цвет глаз на выбор, разве что зелеными никогда не казались. Порою толст, чаще — тонок, однажды был принят за атлета-гиревика. Про возраст лучше не спрашивать: в бумагах одно, на лице — совсем иное, а если поговорить, что-то третье выйдет.

С анкетой — сплошные вопросы, что никак для некролога не годится. А уж если дело до службы дойдет, то, что ни пиши, все неправда. «Был беззаветно предан делу партии». Какой партии? В начале 1918-го, когда они знакомство с Леонидом свели,

числился Яша Блюмкин пламенным большевиком со стажем аж с декабря дореволюционного 1916-го. В мае, в Столицу перебравшись, Яков был уже убежденным социалистом-революционером. Именно левый эсер Александрович, в ту пору заместитель Дзержинского, стал проталкивать молодого работника на самый верх. Эсером Яша и прославился, отправив на тот свет посла Мирбаха. Зато в конце победного 1919-го герой-партизан Блюмкин, вернувшись с Южного фронта, получил в парткомиссии чистые документы с непрерывным стажем все с того же дооктябрьского декабря.

...Леонид не слишком удивлялся — с ним самим и не такие чудеса случались. Когда питерские легавые, узнав фамилию Фартового, кинулись в чекистский архив, то не нашли ни единой фотографии оперуполномоченного Пантелкина. Только псковские товарищи оплошали, забыли стеклянный негатив разбить. Так по единственному снимку (в кепке, в бекеше и с руками в карманах) Фартового и ловили.

Итог в некрологе тоже подвести непросто. Хорошим был чекистом — или просто паек получал, от фронта скрываясь? Бывший старший оперуполномоченный мог честно ответить: все порученное исполнял точно и в срок. За это и ценили, и награждали, и от начальства, если требовалось, прятали. Яков Блюмкин все задания проваливал, причем с блеском и превеликим шумом. То казну целой армии расхитит, то посла прикончит, то Осипа Мандельштама напугает до полусмерти. Скандал на скандале сидит, трибуналом погоняет, не чекист, а сплошная ходячая неприятность. Сам Дзержинский не реже раза в год гремел кулаком по столу: «Гнать

Блюмкина-мерзавца из ВЧК! Поганой метлой. Так есть!»

Вот за это Блюмочку ценили вдвое.

Последний раз виделись в начале 1921-го, наско-ро, не успев даже хлебнуть казенного спирта. Яша торопился в Персию, дабы помочь тамошним товарищам в деле построения Гилянской Советской республики. Леонид сразу понял, что Гилянская скоро завалится с превеликим треском, а Блюмочке поручат что-то еще более глобальное. Сейчас, в марте 1923-го, Яков должен быть как минимум наместником где-нибудь в Монголии или Синьцзяне. О таком действительно поговаривали, однако старый знакомый оказался почему-то здесь, в тюремной камере.

Что скажешь, Блюмочка?

* * *

— Куда ты, Ленечка, фрак свой спрятал? Ты же, говорят, в Питере форс держал, под джентльмена работал. Манишка, манжеты, запонки с сапфирами, трость с накладкой серебряной. Не бандит Фатовый, а какой-то Арсен Люпен. Или врут? Вид у тебя, извини, больно уж пролетарский.

Леониду вспомнилась собственная старая шутка: увидеть утром Блюмкина и не дать в морду — день пропал. Тогда обошлось без драк, но желание не забылось.

— Не молчи, Леня. Я, знаешь, человек не слишком терпеливый.

Бывший старший оперуполномоченный покосил на бывшего друга. И так бывает: ни разу не ссорились, а жизнь развела. Жизнь и смерть.

— Потерпишь, Яша. Куда тебе деваться?

Яков покачал черной головой, стер с лица глупую улыбку.

— Ну, здравствуй, Пантелкин! Рад, что ты жив, остальное, как говорится, приложится.

Руку пожимал от всей души, с хрустом. На миг почудилось Леониду, будто не бывший, а самый настоящий друг-товарищ заглянул на тюремный огонек. Не было у него в Чрезвычайной комиссии никого ближе Жоры Лафара и веселого одессита Якова. Вместе в путь отправились, да не вместе пришли.

— Я тоже рад, Яша. Приятно, когда свой своего на расстрел провожает.

Блюмкин пошевелил толстыми губами, но улыбаться не стал. Скользнул взглядом по камере, словно жилье снимать собирался, носом длинным дернул.

— Мы с тобою оба везунчики, Леня. Лучше в смертной камере, чем в казенном гробу. Меня к расстрельной стеночке трижды прислоняли, бомбу кидали прямо в койку, один раз стрихнин подсыпали. А я, как видишь, еще бегаю. Такой вот мазал¹, как говаривали мои предки с Молдаванки. Кстати, это тебе.

Широкая волосатая кисть нырнула в карман кожанки, долго там рылась, извлекла коробку папирос:

— Презент!

По желтой этикетке — красная полоска наискось.

¹ Судьба (идиш).

— «Пачка», — прочитал Леонид вслух. — Где ты только такую дрянь покупаешь?

— Нигде кроме, как в Моссельпроме! — расхохотался Блюмочка. — Бери, не брезгуй. Дымишь, значит, пока живой!

Из кармана появились еще две «Пачки», затем рука, чуть помедлив, вынула зажигалку.

— Курнем, Леня?

Щелчок вышел резкий и громкий, словно выстрел в пустом подвале.

— А насчет фрака я почти не шутил. Есть у нас молодой да писучий, Лева Шейнин, хочет про Фартового чуть ли не роман изваять. Сунулся к начальству, а ему намекнули, что старшего оперуполномоченного Пантелкина поминать не след, и многое иное тоже. Вот он и выдумал фрак. Ты у него станешь телеграфистом, проигравшим в рулетку казенные деньги...

Леонид слушал всю эту ерунду вполуха, стараясь не пропустить момент, когда Блюмочка заговорит о деле, всерьез. Прием старый, всем следователям ведомый. Заморочить голову, задурить до звона в ушах, а потом — вопросец с ходу да с жару. Ответ неважен, интересна реакция.

— В Питере сейчас чистка. Всю группу, что тебя ловила, по Союзу рассылают. Дальше едешь — тише будешь! Они, бедняги, орденов ждали... А знаешь, откуда фото в газетах появилось? Труп в морге взяли, чуть ли не первый попавшийся, и гримировать принялись. Есть старая полицейская метода, при опознаниях применялась. На снимке — и не отличить, даже глаза как у живого... Кстати, ты по «Фиалке» работал?

Папироса в руке даже не дрогнула. Леонид стряхнул пепел, удивленно повернулся:

— Это когда Юденич на Петроград шел, октябрь 1919-го? Подпольное правительство профессора Быкова? «Фиалка» — это связная Поля Дюкса. Я тогда отвечал за переброску через фронт...

Не договорил — с Блюмкиным взглядом встретился. Нехорошо смотрел бывший друг Яков.

— Значит, работал, — дернулись толстые губы. — Врать ты умеешь, Леня, но только очень уж штатно. Связную «Гортензия» звали, не с твоей памятью цветики-лютики путать. Не удивляйся, я все твои дела пересмотрел, прежде чем сюда наведаться. Нет, не про Юденича речь и не про октябрь. Летом 1918-го Георгий Лафар несколько раз приезжал в Петроград. Не поверю я, Ленечка, что вы с ним не виделись. Своих людей у него в Питере, считай, и не осталось. Как было тебя на помощь не кликнуть?

Солгать не удалось. Леонид прикинул, для кого может стараться его бывший друг Яша. Для гражданина начальника Секретно-оперативного управления? Едва ли. Блюмочка летает высоко, лошадь в петлицах — не его масштаб.

— «Фиалка» — это папка. Я ее не открывал, не читал, содержимым не интересовался. Описать могу. Не слишком толстая, желтый картон, белая наклейка, надпись черными чернилами...

Блюмкин вздрогнул, приоткрыл рот. Сглотнул.

— ...Под словом «Фиалка» — дата, тоже чернилами. Май 1918-го. Тесемок нет, папка перехвачена резинкой...

— Ре-зин-кой, — задумчиво повторил Яша. — Дуракам — счастье, а умным — забота. Это я, Ле-

нечка, не о тебе. Когда Георгия посылали на юг, к французам, он что-то чувствовал. А может, и знал, что сдадут, чужими руками прикончат. Я тогда, после Мирбаха, был в бегах, прятался у гетмана на Украине, братцы-эсеры меня неплохо опекали. Предложил я ему уйти, если надо, и за кордон помог бы выбраться. Георгий отказался...

Леонид называл старшего друга Жорой. Блюмкин — только полным именем.

— Он решил подстраховаться. «Фиалка» — одно из нескольких очень важных дел, к которым Георгий имел отношение. Сейчас эта страховка стоит еще дороже. Как говорят верящие в товарища Бен-Пандиру, яичко к Христову дню.

Леонид прикрыл глаза и вновь увидел мертвое лицо Жоры Лафара. Белые губы сжаты, резкие морщины рассекли желтый восковой лоб, неподвижные слепые глаза смотрят в вечность. «Умри ты сегодня, а я — завтра». Его друг понял это слишком поздно.

— Здешние идиоты, Леня, мечтают вышибить из тебя показания на верхушку Питерского ГПУ. Тамошние товарищи подложили совершенно не кошерную свинью руководителю Петросовета Зиновьеву. Свинья в данном конкретном случае — это, извиняюсь, ты, точнее, страшный и ужасный бандит Фартовый. Ой вэй! Зиновьев — человек очень обидчивый, у него хватает друзей в Столице. Пусть его! Однако схарчить товарища Мессинга — дело, может быть, и нужное, но это мелко, мелко, мелко!..

Блюмкин шагнул ближе, посмотрел прямо в глаза. Уже не голос — шепот.

— Леня, Ленечка! Не выжить тебе без меня, не

спастись. Тюрьма эта — особая, для таких, как мы с тобой, строена, из нее не бегут. Помоги мне, а я тебе помогу, выручу. «Фиалка» — не папка, не буквы на бумаге. Это — имя, Леня, очень-очень важное имя. Георгий не зря документы прятал, только не спасли они его. А тебя спасут, вот увидишь. Отдай, Леня! Скажи, где прячешь! Скажи!..

Леонид отстранился, подошел к двери, что есть силы ударил кулаком.

— Охрана!

Затем обернулся, взглянул прямо в черные зрачки:

— Мы в камере вдвоем, я и один «бывший», из тех, что поуменее. Его тоже ломали. И знаешь, что он мне сказал? «Если бы над прахом вашего друга хотели надругаться, вы бы согласились указать дорогу к его могиле?» А я еще понять не мог, как такое бывает?

* * *

Во сне Леонид бежал по крыше. Подошвы били в гулкое железо, в глаза смотрело яркое полуденное солнце, в ушах — свист ветра и револьверный лай. Быстрее, быстрее, быстрее... Погоня близко, настигает, дышит в затылок.

Беги, Ленька!

В жизни так убегать не приходилось. Еще в 1918-м, на первых облавах, молодой чекист понял, что способ этот больше для американской фильма. Крыша — она неровная и обрывается в самый неподходящий момент. Дворами да подворотнями уходить куда сподручнее, главное — город знать и дышалку иметь хорошую. А после и на собственной шкуре испытал, когда за Фартовым великий гон на-

чался. А еще надежнее не стаптывать подметки, а вовремя за угол завернуть, выхватить «маузер номер два» и подождать, пока загонщики подоспеют. Не на того зверя охотитесь!

Но это в жизни. Сейчас же был сон, под ногами гремела кровля, крыша изгибалась, то вздымаясь вверх, то падая уклоном, а враг наступал, шершнупули уже не свистели — гудели, а впереди была пропасть. Не питерский двор, булыжником мощенный, не морская глубина, где утопили Жору Лафара, а безвидная бездна, в которой нет ни дна ни покрывки. «Тогу богу», как говаривал Яша Блюмкин, когда-то учившийся в одесской Талмуд-торе у знаменитого Менделе-Мойхер-Сфорима. То, что было до Творения, неосязаемое, неживое, не имеющее имени. Сейчас все кончится, он добежит до самого края, ударится об острый солнечный луч... Все! Разверзнется твердь, оборвется сердце, зайдет горло в крике... Что может быть хуже Смерти? Только Смерть и Забвение.

Пот на лице, гулкий стук крови в ушах, радостные вопли загонщиков... Не будет больше Леонида Пантелкина. Не вспомнят, не помянут, изымут из бытия, словно фотографии из личного дела. Не рождался, не жил, даже не умирал.

Тогу богу. Ни дна ни покрывки.

Просыпайся!

* * *

— Не спится, Леонид Семенович?

Пантелкин смахнул со лба пот, вдохнул поглубже, затем резко выдохнул, прогоняя кошмар. Тьма смертной камеры внезапно показалась уютной,

почти домашней. Все лучше, чем беспощадное последнее солнце.

— Спится. И снится. Да такое, Александр Александрович, что я прямо сейчас перекурить намерен.

Леонид нащупал початую «Пачку», потом вспомнил, что ни спичками, ни зажигалкой так и не обзавелся, и в который раз ругнул незлым тихим словом Блюмочку. Решил вербовать, так хоть на «дачку» не поскупись!.. Как говорят питерские урки, жадные долго не живут.

— Держите!

Артоболевский догадался сам. В темноте вспыхнул маленький трепещущий огонек. После первой же затяжки стало легче. «Пачка», как Леонид и подзревал, оказалась сущей дрянью, но не в этих же стенах перебирать харчами! Будь он действительно Арсен Люпен...

— Я, пожалуй, к вам присоединюсь.

Теперь во тьме светили два красных уголька — два хищных глаза.

— Вам, Леонид Семенович, профессиональный вопрос задать можно?

Бывший чекист улыбнулся в темноте.

— Сколько угодно! Какие, к примеру, взятки берут в уголовном розыске. Или на «железке». Хотите расскажу, как лучше доставить вагон с контрабандным сахаром из Пскова в Екатеринбург? Могу и по вашей части. Есть один умелец на Лиговке, он для фраеров ушастых липовые древности штампует. Хвастается, что при царе в Лувр пару цацок загнал.

Кажется, археолог не сразу нашелся, что ответить.

— Ну и работа у вас! — наконец, проговорил он. — Насчет Лувра было бы интересно. В свое время некий Гохман продал тамошним знатокам тиару скифского царя Сайтаферна работы наших одесских ювелиров. Шум был изрядный. Так что не удивлюсь... Но я о другом. Про ваше ведомство ходят ужасные слухи. Допускаю, что очень многое из этого — правда. И не потому, что большевики как-то по-особенному плохи. Контрразведка всегда была организацией весьма и весьма специфической. Но вы же реалисты! Разве может сыщик рассчитывать в своей работе на какого-нибудь домового или кабиаса? Скажу больше. У вас принято для построения вашей Всемирной Коммуны вызывать, к примеру, джинна? Я не шучу, Леонид Семенович. Что скажете?

На этот раз пришлось крепко задуматься старшему оперуполномоченному.

— Не слышал о таком, — наконец рассудил он. — У нас, напротив, приказ был всех этих спиритов и прочих хиромантов-гадалок под контроль брать и сокращать по возможности. Не только из-за социальной вредности. Насчет контрразведки не знаю, а вот жулики и даже шпионы среди этих ворожбитов попадают через одного. А по поводу джинна... Я в феврале 1917-го мальчишкой еще был, но помню, как в хлебных очередях бабы мерзли, как по мужьям-фронтовикам выли. И как солдатики из питерского гарнизона на войну идти не хотели, смерти от германца боялись. Зачем джинна тревожить?

— Вот и мне так казалось.

Легкий шум в темноте. Шаги по камере. Яркий глаз-огонек.

— За что меня арестовали, к чему хотели принудить, в данном случае не так и важно. Допустим, я знал некоего человека — или ваши сослуживцы думали, что знал. Дальше — типичная интеллигентщина. Не скажу, не назову, не помню... Били, хотя и не до полусмерти, пить не давали, болтунов в камеру подсаживали. Я совершенно не удивлялся — народовольцы в своих мемуарах рассказывали вещи и пострашнее. Но вот однажды меня вызвали не к следователю, а к некоему важному лицу. Фамилию и все прочее не называли, однако помощник обратился к нему по имени-отчеству. Скорее всего он Иванович. Внешность не слишком приметная, но попробую... Худой, уши слегка оттопырены, нос длинный, нижняя губа самая обычная, верхняя — очень тонкая. Неглупые глаза, очень чистая русская речь. Но не петербуржец, не москвич — южанин.

— Интеллигентщина, говорите? — не выдержал Леонид. — Да вам бы, Александр Александрович, в сыскное!

— Узнали? — Красный огонек замер.

— Я же в Питере служил, — самым естественным тоном пояснил бывший чекист. — У нас там свое начальство, а это — столичные. Просто очень уж удачный портрет вышел, хоть сейчас в розыск.

И на этот раз он лгал «форматно», без всякого изыска, но рядом не было Блюмкина.

— Вначале сей Иванович принялся сокрушаться о моей горькой доле. Лучше бы, конечно, он этого не делал, сразу «Сон Попова» вспомнился. Не читывали, Леонид Семенович? Очень советую. Там представитель вашей профессии лихо разделяет одного бедолагу.

— О юноша! — он продолжал, вздыхая (Попову было с лишком сорок лет), —
Моя душа для вашей не чужая!
Я в те года, когда мы ездим в свет,
Знал вашу мать. Она была святая!
Таких, увы, теперь уж боле нет!
Когда б она досель была к вам близко,
Вы б не упали нравственно так низко!

— Это где Попов штаны забыл надеть, когда к министру поехал? — вспомнил Леонид. — Мы эту вещь в типографии набирали. «Чтец-декламатор для народных домов», по 15 копеек экземпляра.

— Ну, вот-с. Столь близкого знакомства у нас не обнаружилось, однако сей Иванович внезапно упомянул некоего Мокиевского. Мы с этим господином действительно встречались, и данный факт я признал. Но затем чекист меня удивил. Он поинтересовался, ведомы ли мне «великие», как он изволил выразиться, способности данной личности. Тут я, признаться, прикусил язык. Мокиевский — известный чудака. Вообразил себя медиумом и чуть ли не прорицателем, проводил столоверчения, дух Калиостро вызывал. Я до сих пор уверен, что все сие требовалось, дабы завоевать сердце одной дамы. Посему ответил я весьма неопределенно, мол, человек хороший, да не всеми понятый. Ух, вы бы видели, что началось!

Красный огонек погас и почти сразу же вспыхнул вновь.

— Вторая подряд, это уже определенно сверх нормы... Чуть ли не целый час Иванович пел осанну господину Мокиевскому, только что с Христом не сравнивал. Ясновидец, пророк, новый Нострадамус... А потом заявил, что научно-техническая отсталость бывшей Российской империи представля-

ет угрозу для Мировой революции. Быстро догнать Запад невозможно, поразить на поле боя — проблематично. Посему единственный способ одержать победу — это овладеть магическими и прочими нематериальными методиками. С их помощью и надлежит сокрушать всемирный империализм. А поскольку господин Мокиевский меня знает и даже рекомендует, мне, столь виноватому перед властью рабочих и крестьян, предоставляется уникальный шанс сохранить голову на плечах — завербоваться в красные маги. Как вам?

— Никак, — на этот раз совершенно искренне ответил Леонид. — Один из рекомендуемых приемчиков при работе с «бывшими». Начал он с магии, а под конец наверняка поинтересовался, где вы храните ручной пулемет. Угадал?

В темноте рассмеялись.

— Не совсем. Пулемет я бы отдал, голова дороже. Но вы правы, кончилось все ясным и конкретным предложением, причем вполне земным и материальным. Помните, я рассказывал про путешествие с капитаном Корниловым? Оно-то мне и аукнулось. Я ответил «нет» — и получил возможность свести знакомство с вами. Ну, не буду более надоедать. Спокойной ночи!..

Леонид ответил, прилег на жесткие нары, закинул руки за голову. Как ко всему привыкаешь! Вчера расстрела ждали, а теперь «спокойной ночи». Самому спать не хотелось. Там, под темной пеленой, его ждало беспощадное горячее солнце, гремящее железо под ногами, враги за спиной, пули-шершни над ухом. Лучше уж здесь, в милосердной темноте. У Александра Александровича нервы определенно покрепче.

Бывший чекист усмехнулся. Все-таки интеллигент! Был бы приказ, точно разговорил бы седого. Обо всем выведал, все тайны бы раскрыл. Только зачем? Чужая работенка, да еще и паскудная. Леонид прислушался. Сосед дышал тихо и ровно. Спит — или притворяться мастер. Оно вроде сейчас и без нужды...

Старший уполномоченный замер. Минутку! Что-то он пропустил, не обратил внимания... Леонид быстро перебрал в уме главные узелки разговора. Все правильно, все умно... Стой!

Седой археолог второй раз подряд отрекался от домовых, кабиасов и прочих джиннов, причем без всякого на то повода. Прямо-таки убежденный материалист похлеще всякого Фейербаха. Добро б еще он, Пантелкин, соседа по камере на спиритический сеанс приглашал! Зачем убеждать убежденного? Нет, Александр Александрович, правильно вас следователь не отпустил, непростой вы человек, с хитрым двойным донышком! Красные маги, значит?

* * *

На этот раз Гипнос, языческий божок сновидений, был добр к чекисту-смертнику. Когда Леонид все-таки забылся, ему не довелось бежать по гремящей железом крыше. Он увидел комиссара батальона Сеню Гаврикова — при полной форме, при оружии, с орденом, еще не сданным в Особый отдел. Они только что познакомились, только что получили приказ.

— Бандитов, значит, изображать будем? — Лицо комиссара морщится, темнеет. — Понимаю, что нужно, что для пользы дела... Все понимаю! У нас на

Южном фронте случай был. В городишке одном, название уже не упомяну, настроения вражеские зафиксировали. А беляки уже совсем рядом, в двадцати верстах. Наш полковой чекист собрал отряд, передел деникинцами и в город въехал чуть ли не на белом коне. Вся чистая публика, понятно, набежала с цветочками, хлеб-соль преподнесли. Устроили бал и, как говорится, среди шумного бала случайно... Никого не пощадили, даже девчонок-гимназисток. На следующий день чекисту — благодарность, а наутро, после того как благодарность обмыли, нашли его аккурат на ближайшей осине с вожжами на горле. То ли сам сделался, то ли кому другому мысль светлая пришла...

Гаврикова убил инспектор угро Кондратов — застрелил без предупреждения, в спину. В протокол вписал «сопротивление при аресте».

2

В чертей, ведьм и прочую пакость Леонид Пантелкин, конечно же, верил, но исключительно в земной их ипостаси. Дурные и злые люди встречались настолько часто, что искать их подобия в иных мирах казалось совершенно излишним. В глубине души Леонид считал, что ни один рогатый и хвостатый не додумается до половины тех ужасов, которые довелось повидать за не слишком долгую жизнь. Убивали, предавали, мучили и воровали человеки, не дьяволы. Появление же какого-нибудь кабиаса или овинника было бы воспринято им исключительно как очередное диво матушки-природы. Велик мир, всем наполнен, отчего бы не жить в нем, к примеру, лешим с домовыми?

Но вот нечто, над человеком стоящее, Леонид признавал. Не Бога — Тот, ежели вправду существует, слишком далек и велик. Что Ему маленький грешник-таракашка, нолик без единицы? Но «кто-то» за его затылком все же дышал, присматривал, подсказывал, ободрял, если требовалось. Главное же, предостерегал. Потому и «рисовал» бывший чекист людей с первого взгляда, причем ошибался крайне редко. Посмотрит, послушает — и подсказку получит. Без этого давно лежал бы Пантелкин под тремя аршинами суглинка. Раза три точно спасло. В первый — когда через немецкие посты пробирался в апреле 1918-го. Проводника-белоруса верные друзья рекомендовали, жизнью ручались. Поглядел на него Леонид, прислушался... После сам и расстрелял, когда измена открылась. И в Питере спасло, в нынешнем феврале. Не пошел Леонид в засаду на Можайской улице, у самого подъезда отвернул. Двое деловых, что вместе с ним ночлег искали, не послушались, да и погорели. Пантелкин же, понимая, что терять нечего, позвонил из случайного телефона прямо в приемную товарища Мессинга, начальника питерского ГПУ. Нужные слова произнес, подождал, пока секретарь спирт нашатырный нюхнет...

«Везуч же ты, Фартовый!» — изумлялся старшой конвоя, в Столицу его доставлявшего. Нет, не везуч, просто слушать умел да в подсказку верил. Потому и Смерти не слишком боялся. Для всех Она — гость нежданный, Пантелкин же Ее слышал. Страшно, конечно, но все же лишняя минута перед встречей есть. А за минуту много чего успеть можно.

Своего соседа, седого археолога, Леонид теперь «срисовал» во всех деталях. Опасный человек, не-

простой — но не по его, Пантелкину, душу. Врозь им к Смерти идти, пусть даже и к одной стенке.

— На выход, без вещей! Быстрее!..

Бывший старший оперуполномоченный кивнул Артоболовскому, попытался улыбнуться, шагнул к двери.

— Счастливо, Леонид Семенович! — сзади донеслось.

— Руки за спину! Пошел!..

Хлопнула дверь камеры, плеснула в глаза коридорная серость. Почему-то не захотелось идти. Леонид уже понял, что не на смерть зовут, но все равно словно шепот над ухом слышал. Берегись, берегись, берегись...

Пятизарядный «бульдог» по-прежнему в кармане. Это тоже не слишком радовало. В обычной киче уже десять раз бы обыскали, до нитки все вытрясли. Непонятно! А если непонятно, втрое беречься требуется.

— Пошел, пошел! Быстрее!..

Лестницы, лестницы... Если бы не ступени, Леонид бы давно закрыл глаза. На что смотреть, чем любоваться? Это не Туркестан, где даже лохматые псы клады ищут...

— Стой!

Камера — еще одна. Дверь приоткрыта, изнутри — густой кофейный дух.

— Заходи, товарищ Пантелкин!

* * *

Леонид впервые выпил кофе в феврале 1918-го. До того времени знал, что есть такой «кофий», барский напиток, холуями прямо в постель подавае-

мый. Пролетарии же чаем обходятся и господский обычай презирают.

Жора Лафар был с этим принципиально не согласен. «Patriots drink just coffee», — сказал он на незнакомом языке и повел Леонида прямо в кафе «Норд», что на Невском. Занял столик в углу, сделал заказ официанту, быстро огляделся:

— Ленька, хочешь с Блоком познакомлю? С тем, который «Двенадцать» написал?

Втроем кофе и выпили.

— Заходи, заходи, товарищ. Кофе будешь? У меня тут целый кофейник.

На кофейник Пантелкин и взглянул первым делом. Хорош! Медный, длинноносый, а ручка дивная, словно дверная. Старая вещь, не иначе на обыске взяли.

Кофейник обосновался на столе при двух фаянсовых чашках. За столом — табурет, впереди еще два, все к полу привинченные. Непростая камера! Посреди — хиляк очкастый при темно-зеленых петлицах.

— Я Петров Константин Ферাপонтович. Но ты меня по фамилии зови, оно проще будет. Так я кофе, значит, налью?

Леонид не стал спорить. Когда еще на киче такое выпьешь?

— Валяй, Петров. Только без сахара и без сахараина, иначе весь вкус уьешь.

Хиляк поглядел уважительно.

Про сахарин (сахар тогда днем с огнем было не сыскать) Леониду в первый же вечер в «Норде» рассказали. «Бариста», кофейный человек, по просьбе

Жоры целую лекцию прочел, а после Блок еще добавил. А как первую чашку выпили, Лафар подмигнул и поздравил «со вступлением в клуб».

После молодой чекист еще трижды в «Норде» бывал, но каждый раз с обыском.

— Ты, товарищ Пантелкин, меня извини, что с задания срываю. Дело уж больно важное. Я к самому зампреду ГПУ ходил, визу получал, чтобы, значит, тебя привлечь. Очень нужно одного гражданина по полной раскрутить. Без «очняка» — никак. Ты уж войди в положение, помоги, значит.

Леонид пил кофе, ничего не понимал и терпеливо ждал какой-нибудь гадости. Хиляк в очках был юрок, деловит и противен. Такие сперва «кофием» угостят, а после связанного каблуками по ребрам охаживают. Ну, прямо Серега Кондратов, инспектор уголовной бригады из Питера. Тот, правда, сначала ребрами занялся, после уж кофе предложил. Зато похож — и очки железные, и глазки-путовки за стеклами так же моргают. Прямо-таки брат двоюродный.

— Так что, товарищ Пантелкин, проводим «очняк». Я тебя «гражданином» именовать буду, ты уж, значит, не обижайся. Надо, надо одну личность разъяснить!

Леонид понял: не шутит очкастый. То ли совсем дурак, то ли хитрый расчет имеет. Неплохо бы его самого разъяснить. Значит.

— Петров, я ведь арестованный, в тюрьме сижу...

Гэпэушник даже глазом не моргнул.

— В прошлом октябре меня, между прочим, судили. Высшая мера пролетарской защиты! Я из «Крестов» бежал...

— Так точно, товарищ старший оперуполномоченный!

На лице любителя кофе образовалась улыбочка, подобострастная и одновременно слегка снисходительная.

— Ты бы, товарищ Пантелкин, на документик взглянул. Там виза Иосифа Станиславовича Уншлихта, заместителя председателя ГПУ. Меня ко всем, значит, материалам по Фартовому допустили. Посмотри, убедись!

Леонид поставил пустую чашку на стол и принялся разглядывать потолок. На что, интересно, рассчитывает этот хиляк? Что он сейчас ради какого-то «очняка» начнет колотиться? Признает, что участвовал в операции, сообщников назовет, руководителей? К стенке уже ставили, теперь с кофеем решили попробовать?

— Ты, товарищ Пантелкин, себя мало ценишь. Знаешь, как тебя на самом-самом верху уважают? А что на киче сидишь — это ерунда, обычное недоумение. Просто не с тем человеком поговорил. Такого, как ты, значит, не испугаешь, к тебе нужно с доверием и с пониманием. Знаешь, на чем мягче всего мириться? На трупе врага. Потопчемся вместе, как по твоим ребрам когда-то топтались, колосинный, значит, загоним. Глядишь — и сотрудничество наладится.

Мягко лилась речь, приветливо пялились оловянные пуговки за синеватыми немецкими стеклами, узкие губы кривились усмешкой. Леонид присмотрелся — и поверил. Этот очкатый и в самом деле станет на трупе плясать да еще других с собой позовет. С таким даже говорить опасно — голосом отравит. Молчать, молчать, ни слова!

Не получилось. Губы сами собой дернулись:

— На ком плясать будем?

Петров хихикнул, подошел к двери камеры, выглянул.

— Конвой! Заводи!..

* * *

Не завели — втокнули. Человек остуился, попытался ухватиться скованными руками за стену, с трудом устоял.

«Наручники! — поразился бывший бандит Фартовый. — Немецкие, откуда только взяли? У нас такое только в книжке увидишь».

Удивлялся он не зря. На госте были не хорошо знакомые «браслеты» с цепочкой, а нечто прямоугольное, блестящего темного металла, не позволяющее скованным рукам даже шевельнуться. Впрочем, сталь на руках была явно лишней. Сразу понятно: драться не полезет, на «рывок» не уйдет. Мал был ростом следователь Петров, хил и щупл, однако гость оказался даже его жиже, худой, мелкий, желтолицый, ни мяса, ни жил. Очки имелись, но вместо двух окуляров остался всего один, да и тот сидел на носу с немалым перекосом. Зато синяками украсили, трудов не пожалели. На что был привычен бывший старший оперуполномоченный, но и ему не по себе стало. От души молотили, не пожалели силушки!

За что так бедолагу?

— Проходите, проходите! — медом мазал гэпэшник. — Пальтишко снимите, тепло у нас, уютно. И кофе есть, и папироска...

А сам к Леониду повернулся и подмигнул. Смот-

ри, мол! Пригляделся Пантелкин — да так и сел на привинченный к полу табурет. Нет, быть не может! Или эти штукари мысли сквозь череп читать научились?

— Присаживайтесь прямо к столу, просим, просим... Мы, значит, очень убедительно просить умеем.

Гость спорить не стал, к столу подошел, ткнулся скованными руками в столешницу, осторожно присел на край табурета. При этом так поморщился, что сразу стало понятно — не только по лицу били.

— Ну, будем, значит, знакомиться. — Петров удовлетворенно потер руки. — Хоть вы и встречались, но порядок нарушать не станем. Итак, гражданин Пантелкин, узнаете ли вы этого человека?

Леонид набрал в грудь побольше воздуха.

Выдохнул.

— Коңдратов Сергей Иванович, инспектор 1-й бригады питерского утра.

Петров удовлетворенно закивал.

— А вы, гражданин Коңдратов, узнаете...

— Сволочи! — тихо, не поднимая головы, проговорил человек. — Какие же вы все сволочи!..

3

К весне 1922-го операция «Фартовый» покати-лась под укус. Первым понял это Сеня Гавриков, недаром в комиссарах побывал. Вначале только хмурился, а потом изложил, гладко, как будто на лекции. Не туда свернули! Одно дело авторитетный «иван», совсем иное — монстр, которым детей пугают. Питерские газеты про что иное и печатать забыли. Фартовый, Фартовый, Фартовый — чуть не на каждой странице. Десятка три самых серьезных

«деловых» Пантелкин с товарищами к этому времени уже оприходовали, однако великая слава «пролетарского Робин Гуда» зазывала на скользкую дорогу сотни новобранцев. Добыча казалась близкой и беззащитной. Жирные наглые «совбуры» — кто за них заступится? «Эх, яблочко да проспиртовано! Нэпман сейфу прикупил, ждет Фартового!..» Думали так многие. «Руки вверх, я Фартовый!» — популярнее этих слов в городе не было. «Фартовых»-тезок же к этому времени объявилось не менее шести душ, причем двое были явные психи, стрелявшие при налете даже в домашних кошек. В знаменитого бандита играли дети, бойкие писаки уже успели сочинить четыре романа, причем один умудрились издать в Риге, у эмигрантов.

А в народе объявилась немалая шаткость. Те, что духом послабее, бежали на базар за пудовыми замками. Кто духом потверже и поумнее, выводы делал, иногда даже вслух.

Трудно стало в городе жить!
Слишком много добра понабрали...
Только
Не для бедняков,
Помнишь, как мы голодали?

Революция еще не кончена!
Пусть погоняются с гончими!¹

Сегодня — стихи. А что завтра? Ничего хорошего не видел в этом завтра комиссар Гавриков. Одним словом, или ошибка, или, того хуже, провокация.

Леонид не витал в таких облаках. Руководству, в

¹ Елизавета Полонская. «В петле». Поэма про Леньку Пантелеева.

конце концов, виднее, политика — дело сложное и непонятное. Но операция становилась неуправляемой, опасной. Тапi губу — зупа paskudny. Вместо «красивой работы» выходила большая кровавая беготня своих за своими. Стрелять в питерских оперов не было ни малейшего желания. Перебьют друг друга — кому на радость?

«Эх, яблочко! Куплю провизии. Подожду конца большевизии!»

А еще Леонид ненавидел бандитов. И раньше не любил, но теперь, когда присмотрелся, по хазам да малинам пожил, вообще перестал за людей считать. Тупое зверье, на таких патроны тратить жалко!

Начальство соображение выслушало очень внимательно и приняло меры.

* * *

— ...Гражданин Кондратов! Знали ли вы, что присутствующий здесь Пантелкин Леонид Семенович, известный вам как Пантелеев Леонид Иванович, является старшим оперуполномоченным Госполитуправления?

Мед кончился, голос Петрова скрипел, как гвоздь по стеклу. Очки уткнулись в чистый лист протокола, перьевая рука острым птичьим клювом зависла над бумагой.

— Нет. И сейчас не верю. Мне сообщили, что Пантелеев служил в ЧК рядовым сотрудником, был уволен за воровство.

Клюв! Перо радостно заскользило по бумаге.

— Мне был предоставлен протокол партийного собрания об исключении этого... этой личности из РКП(б). Документа об увольнении я не видел.

Кондратов отвечал нехотя, еле цедея слова. Смотрел в сторону, головы не поднимал.

— А вы, гражданин Пантелкин, будучи арестованным в сентябре прошлого, 1922 года, сообщили следствию о своей работе под прикрытием? Хочу напомнить, что гражданин Кондратов неоднократно допрашивал вас в отсутствии иных, значит, сотрудников угро, причем протокол не велся.

Леонид чуть было не напомнил о двух поломанных ребрах, но вовремя прикусил язык.

— Ответить не имею возможности.

Вспомнился его седой сосед. «Типичная интеллигентщина. Не скажу, не назову, не помню...» Не интеллигентщина, Александр Александрович, а самая правильная линия поведения. Лишним словом обмолвишься, клюнет перышко, царапнет бумагу... Сам погоришь и других за собой потащишь.

— Однако в составленных во время следствия протоколах, вами подписанных, вы обстоятельств, изложенных выше, ни разу не коснулись. Подтверждаете ли...

— Ничего он не говорил! — Кондратов резко встал, пошатнулся, схватился пальцами за край стола. — Если сказанное правда, я требую расследовать эту страшную провокацию. Пантелеев — бандит, на нем крови — не отмыть!..

— Соблюдайте порядок! — Петров болезненно поморщился. — А вас не удивил полученный приказ о том, что присутствующего здесь Пантелкина, а также граждан Гаврикова и Варшулевича надлежит брать, значит, только живыми, причем без стрельбы?

— Я... Я думал, что они нужны для суда. Но... Меня действительно удивило, что нашей бригаде

отказались предоставить справки по Гаврикову и Варшувевичу. Но я ничего не знал, не подозревал даже!..

Не подозревал — и не должен был. Старший оперуполномоченный еле заметно усмехнулся. Когда он доложил о своих сомнениях, человек, руководивший операцией «Фартовый», положил перед ним несколько книжечек-брошюрок с названиями на непонятном французском языке. «Fantomas», — не без труда разобрал Леонид. Начальник пояснил, что книжонки глупые, насквозь буржуазные, но историю излагают занятную. Главный герой — злодей Фантомас, «деловой» из Парижа. Как Арсен Люпен, только страшнее. При нем — не слишком умный, зато упорный полицейский, комиссар Жюв, стремящийся злодея изловить. Несознательный читатель герою-злодею сочувствует — но и комиссару сочувствует, и в целом выходит равновесие. Так отчего же не использовать передовой западный опыт?

Фартовый-Фантомас уже в игре. Пора выпускать недотепу Жюва.

Через несколько дней Сергей Кондратов был введен в руководство 1-й следственной бригады, созданной для уничтожения банды Фартового. Газеты спешили с похвалами новоназначенному комиссару Жюву. «Я тебя поймаю, злодей Фантомас! Ха-ха-ха!»

* * *

— Итак, граждане!...

Петров не спеша поднялся, сверкнул очочками, поднес к носу бумагу.

— Вы, Кондратов, категорически утверждаете,

что не знали о работе гражданина Пантелкина на ГПУ. Вы, гражданин Пантелкин, этого не отрицаете...

Стеклашки очков выжидательно блеснули.

— Так точно, — выдохнул Кондратов. — Я был уверен, что Пантелеев — опасный бандит. И сейчас уверен.

Леонид вместо ответа пожал плечами.

— В таком случае, — голос окреп, заискрился плохо скрываемым торжеством. — У следствия есть все основания обвинить вас, гражданин Кондратов, в пособничестве побегу присутствующего здесь гражданина Пантелкина из тюрьмы «Кресты», в дальнейшем саботаже его поисков, а также в сокрытии факта отъезда помянутого Пантелкина из Петрограда с инсценировкой его гибели при аресте...

Кондратов вновь вскочил, шумно вдохнул воздух...

— Сидеть! — Голос-ветер ударил в грудь, толкнул, бросил обратно на табурет. — Вам лучше, значит, дослушать, гражданин Кондратов. Причиной вашего преступного поведения стало получение вами взятки от присутствующего здесь гражданина Пантелкина, которого вы считали опасным бандитом. Взятка была дана золотом и ювелирными изделиями на большую сумму...

— Ложь! — четко и твердо отрезал инспектор. — Ложь и клевета!

Петров сочувственно кивнул, расплылся в усмешке.

— Конечно, конечно... Но я продолжу. Помянутый... Давайте проще, чего, значит, язык ломать? Ты, Пантелкин, приехал к тебе, Кондратов, прямо домой по адресу...

Острый взгляд скользнул по бумаге.

— Ага! Станция Славянка, улица... Далеко ехать, значит, пришлось. Ты, Кондратов, на службе находился, зато дома пребывала твоя супруга Кондратова Елена Федоровна. Было?

— Ну и что? — вздернулся «комиссар Жюв». — Ну, приехал...

Осекся. Петров же вновь расплылся в улыбке.

— Ничего, гражданин, ровным счетом. Пустячок. Бандит, которого ты на следствии ногами метел, из смертной камеры бежит. А потом тебе, значит, визит вежливости наносит, ровно лорд какой английский. Пантелкин! Приезжал?

Леонид вновь повел плечами. Было! Хотел предостеречь, чтобы озверевший после его побега Жюв не слишком рьяно подставлял питерских оперативников под пули. Толковых и храбрых ребят было жалко. Визит вполне в манере злодея Фантомаса. Все равно не поймаете. Ха-ха-ха!

— Значит, признаешь. Чего там, супруга подтвердила, даже соседи. Тебе это не показалось странным, Кондратов? Опасный, как ты называешь, бандит приезжает прямо по домашнему адресу, никого не трогает, смертью не грозит, чаем с вареньем угощается.

Инспектор не ответил, даже не шелохнулся.

— Не казалось тебе, Кондратов, потому как ты того и ждал. Во время разговора ты, Пантелкин, передал Кондратовой Елене Федоровне саквояж с ценностями, как я, значит, уже говорил, с золотом и ювелирными изделиями. Сумму пока назвать не могу, считают еще. Но много, ой, много!

— Ложь! — повторил инспектор, не поднимая головы. — Страшная ложь! Одного понять не могу:

за что меня гробите? За что бригаду разогнали, ребят из Питера выслали? Чтобы грязную свою работу спрятать?

Петров черкнул пером, отложил ручку, пошевелил пальцами.

— Устаешь, значит, ерунду всякую записывать. Ты, Кондратов, на понт не бери, ты факты пересчитай. Или мне помочь? Фартовый из «Крестов» бежал? Вы его всей бригадой три месяца ловили-ловили, да не поймали? О его смерти ты рапортовал?

— Не я... Начальство. Моего рапорта даже ждать не стали.

— Конечно, конечно, — голос следователя вновь стал мягким, медовым. — Начальство, значит, гадит, сочувствую, сочувствую... А что в результате? Где пребывал бы сейчас Фартовый, когда бы не бдительность органов? На малине гужевался, за твое здоровье пил? А если я, значит, крупно не прав, объясни, сделай милость.

Леонид слушал, ловил интонации и все не мог понять, что здесь не так. Могли сыскаря за чужие грехи захомутать, липовую статью навесить? Очень даже могли, комиссар Жюв из французской книжки тоже на киче посиживал. По мордасам надавали? У легавых это вообще запросто, вместо «доброе утро». Разве что с наручниками перебор. Из Германии, что ли, выписали за валюту?

— Так что скажешь, Кондратов?

Инспектор с трудом приподнялся, уткнул скованные руки в стол, вздернул острый подбородок.

— Правду, гражданин следователь. По той причине все это, что Фартового ваши вели, гэпэушники, с самого первого дня, а может, и раньше. Адреса подкидывали, от засад страховали, грабленное в

ваши же сейфы и подвалы стаскивали. Интересно, знает ли товарищ Дзержинский, чем его орлы заняты? А тебе, Фартовый, я вот чего скажу...

Кондратов шагнул вперед, ударил ненавидящим взглядом:

— Гаврикова я лично убил. Варшувевича мои ребята прикончили. И с тобой разберемся. Думаешь, не знаю, где твоя сестра живет? Как ее детей кличут? До седьмого колена, Фартовый! Всех твоих, кто бегают и дышит. Понял?

— Понял...

Леонид тоже встал, поглядел сверху вниз на очкастого хляка. Зря это ты, Кондратов. Ой, зря!

— Гражд-да-не! — громким фальцетом вмешался Петров. — А ну не горячиться! Прошу, значит, сесть... А ты, Кондратов, прежде чем зряшные вещи говорить, ответ дай. Выходит, Фартового мы тебе подкинули? А это — твоей супруге в сарай отнесли? Гляди сюда!

Легкий стук — следователь приоткрыл ящик стола, достал желтоватый листок машинописи.

— Это, граждане, протокол с перечислением найденных у гражданки Кондратовой ценностей. А это — для пущего, значит, реализма.

На столе вспыхнули огоньки, белые, красные, зеленые. Их нес маленький кораблик — испанская каравелла под желтым сверкающим парусом.

Золотой корабль, самоцветные огни...

— Ювелирное изделие XVIII века работы голландских мастеров. Стоимость по предварительной оценке...

Старший уполномоченный, не отрываясь, глядел на маленькое золотое чудо — знакомое, уже где-то виденное. Тогда он не стал рассматривать, просто

бросил в мешок. Игрушки бандита Фартового... Блеск старинных камней завораживал, не позволяя отвести взор. И в то же время чудо было вполне реальным, истинным, его можно взять в руки, потрогать, оценить.

Золотая каравелла не могла лгать. Ему тоже не лгали. Злодей Фантомас отомстит незадачливому комиссару Жюву — за себя, за комиссара Гаврикова, за всех тех, кого сгубил этот злобный недоморок. До седьмого колена, значит?

— Итак, гражданин Пантелкин, будем оформлять. Состав преступления ясен, надо лишь подписи поставить. С этого, значит, кораблика и начнем. Подтверждаете ли вы, что вам знакома данная вещь, а именно ювелирное изделие работы голландских мастеров...

На столе — еще одна бумага, протокол очной ставки. Ретивый Петров наверняка написал его заранее, даже рассказывать ничего не придется.

— ...Изъятая вами на квартире гражданина Щепкина Иллариона Константинова...

Старший уполномоченный медленно шагнул к столу. Разноцветные огоньки манили, притягивали, не давали отвести взгляд.

— Подпишешь — всем твоим родичам хана, — ударило в спину. — Я в Питер передам, чтобы с твоей старшей племянницы начали. Кинут ее в наш домзак, в общую камеру к уркам...

— Уже усвоил, — не оборачиваясь, бросил Леонид.

— А тебя и здесь найдут, сволочь! Найдут!..

Кондратов уже не кричал — орал во все горло, заходясь визгом.

— Найдут! Найду! Найдут!..

— ...По адресу: Петроград, Кирочная, дом восемь... — невозмутимо продолжал Петров, уткнув очки в протокол. — Этаж... Этаж, значит, третий, квартира...

Леонид протянул руку к золотому кораблику, но дотронуться так и не решился. Пусть плывет!

— Ну, товарищ Пантелкин, подписывай, значит.

Петров положил бумагу на стол, развернул, макнул ручку в чернильницу.

— С твоим свидетельством, товарищ Пантелкин, мы враз этого субчика, значит, разъясим. Ты подпишешь, он подпишет...

Бывший чекист согласно кивнул, с трудом оторвал взгляд от переливающихся огоньков, взял ручку, поглядел на маленькую капельку на конце пера.

«Я подпишу, он подпишет... В наручниках?»

Капелька дрогнула, неслышно шлепнулась о столешницу. «Щепкина Иллариона Константинова...».

«По адресу: Петроград, Кирочная, дом восемь».

Кирочная?!

«Кирочная, дом восемь, товарищ Пантелкин. Всех, кто в квартире. Повторяю — всех, это приказ. Имитируете налет, но искать будете вот что...» Чемоданчик... Материал твердый, гладкий, рукой приятно гладить, на ровной поверхности несколько отверстий, как розетки, но размер иной. Адская машина...

Злодей Фантомас не мог передать золотой старинный кораблик взяточнику Жюву. Все, взятое на Кирочной, в тот же день было отдано старшим оперуполномоченным Пантелкиным руководителю операции. Леонид вновь поглядел на золотую каравеллу. «Для пущего, значит, реализма». А ведь у

этих шукарей почти что получилось! Разве что с наручниками перестарались.

— Гражданин следователь! В присутствии инспектора 1-й бригады уголовного розыска города Петрограда Кондратова Сергея Ивановича делаю официальное заявление...

Бывший чекист отошел от стола, полюбовался вытянувшимися физиономиями затейников-легашей, чуть было не обывравших самого Фартового. Только «чуть» не считается.

Значит.

— ...Никаких взяток гражданину Кондратову я не давал и не предлагал. Показанную мне вещь вижу впервые в жизни. По адресу, вами названному, никогда не бывал, и он мне неизвестен.

Вновь вспомнился сосед, седой археолог. «Типичная интеллигентщина. Не скажу, не назову, не помню...» Именно так, Александр Александрович.

— Больше ничего по изложенному вами делу показать не могу. Все!

Выдохнул, улыбнулся, сел на табурет. И даже ногу за ногу закинул. Что скажете, товарищи?

Молчали долго. Наконец Кондратов тряхнул скованными руками, с омерзением поглядел на стальные браслеты, подошел к столу.

— Петров, сними эту дрянь, давит сильно. Говорил же, ничего у нас с ним не выйдет.

Гэпэушник полез рукой в карман, долго рылся, кривясь и чертыхаясь вполголоса.

— Ключ... Тут лежал, точно. Или не в этом кармане? Вот притча, найти не могу!.. Слушай, Пантелкин, давай начистоту. Говори, где машинка с Кирочной и, честное слово, сегодня же тебя отпус-

тим. Насчет резолюции товарища Уншлихта я не шутил...

— Наручники! — попытался было напомнить Кондратов, но следователь только бровью дернул.

— Мы знаем, Пантелкин, кому ты все вещи с нужных адресов сдавал. Но тот двурушник допроса ждать не стал, сам себя из табельного оружия решил. Видишь, не скрываю я, значит, ничего, правду говорю. Рыжевье и камешки, значит, нашли, а машинка уплыла...

— Петров!.. — воззвал забытый всеми «комиссар Жюв». — Ключ найди, давят сильно!

— ...А без этой машинки головы полетят, и твоя, товарищ Пантелкин, первая. Расскажи, выручи всех!

— Больше ничего показать не могу, — с удовольствием повторил старший оперуполномоченный. — Не забывай, Петров, под кличкой Фартовый не один я работал. С кем именно твой самострельщик дело имел, знать не могу. Налет на Кировную, как я помню, был в середине ноября, мы тогда только из «Крестов» бежали. Зачем мне было так рисковать? И не только мне. Тот, у кого вы рыжевье нашли, знал, что за Фартовым по всему Питеру охота, на улицу не выйдешь, разом срисуют. Я бы на его месте вызвал бы из Столицы группу, назвал адресок...

На этот раз он лгал правильно, сам Яша Блюмкин бы оценил. Главное же, нет у этих умников его признания. Нет — и не будет.

Ищите!

— Не слушай его! Сними наручники, сними! Я из этого мерзавца все выбью!..

Позеленевший от злости инспектор подскочил к

Леониду, попытался ткнуть скованными руками в грудь. Пантелкин шагнул в сторону.

— Ай-й-й!

Кондратов Сергей Иванович очутился на полу. Леонид отступил назад, не желая мешать, и услышал хруст под левым каблуком. Очкам незадачливого «Жюва» пришла полная и окончательная амба.

Фантомаса вызывали? Ха! Ха! Ха!

— Свисти конвой, Петров. Нечего мне тут больше делать. А начальству передай, что ни хрена они от меня не узнают.

Старший оперуполномоченный перешагнул через пытавшегося встать Кондратова, подошел к обитой железом двери, повернулся.

Хмыкнул.

— Zwei Clown im Zirkus!

4

«Кукушка лесовая нам годы говорит...»

Песню Леонид на фронте слышал. Вроде бы веселая, строим хорошо поется, но вот о чем поется? «Кукушка лесовая нам годы говорит, а пуля роковая нам годы коротит...»

Если за тобой гоняется целая банда, пиши пропало. Один в поле не воин, будь он хоть самим Ерусланом Лазаревичем. Как говорят поклонники английской народной игры «football», порядок всегда бьет класс. Все это Пантелкин усвоил крепко, причем на личном опыте. Без помощи питерского ГПУ Фантомас-Фартовый погорел бы сразу, много — через пару недель. А если банда не одна, а сразу несколько? Лучше это или хуже?

Камера оказалась пуста, только на нижних на-

рах, тех, что справа, лежало пальто его соседа. Значит, не «с вещами», может, вернется еще. Леонид сел прямо на холодный пол, обхватил голову руками, прикрыл глаза, попытался прогнать всплывшее из черноты огромное желтое пятно.

Лучше или хуже? Прокукуй, кукушка!

Ответ на поверхности плавал, словно труп в ночной Фонтанке. «Лучше» в его положении исключается. Хуже, понятно. Весь вопрос, насколько хуже. Желтое пятно перед глазами росло, в затылке и висках стучали маленькие злые молоточки, в горле было сухо и горько. Леонид попытался сглотнуть, закашлялся, с трудом проглотил немного сырого холодного воздуха.

...Не одна банда — целых три, причем неведомо, какая страшнее. Тут уж никакая кукушка не требуется, все и так яснее ясного. Особый отдел ГПУ хочет получить убойный материал на руководство питерского управления и самого товарища Мессинга. Черный Яша Блюмкин ищет бумаги Жоры Лафара. Не для себя, понятно, для кого-то с самого-самого верха.

...Знать бы еще, что за имя «Фиалка»!

Очкатые штукари охотятся за чемоданчиком с Кирочной. Бомбу с электрическими разъемами им подавай! Итак, три банды, и каждой он, Пантелкин, нужен, каждая его, смертника, без труда в кровавый порошок стереть может, а он пока жив-здоров. Не потому ли, что втроем душить и резать не слишком удобно?

Леонид открыл глаза, но желтое пятно не исчезло, только слегка побледнело. Он решил было перебраться на нары, но потом махнул рукой. Какая разница? «...А пуля роковая нам годы коротит...»

Банд на самом деле больше. Бывший чекист вспомнил о револьвере в правом кармане. Этим, благодарителям неведомым, от него тоже что-то нужно. А есть еще питерские легавые, мечтающие отомстить неуловимому Фантомасу.

Раз-два-три-четыре-пять!.. «Кукушка лесовая...»

Замок заскрипел, дверь камеры отворилась, но старший оперуполномоченный даже не поднял головы. Кажется, сосед вернулся. Точнее, вернули.

— Не слишком хорошо, Леонид Семенович?

Голос археолога был спокоен, словно тот из синематографа пришел, над фильмой комедийной вволю насмеявшись.

— Не слишком.

Леонид нехотя привстал, повернулся. Замер.

— Господи! За что же так?

Редко Пантелкин поминал Творца, а вот сорвалось-таки с губ. Было лицо у Александра Александровича Артоболовского, не стало лица. На левой скуле швы, грубые, кое-как наметанные, справа сплошное синее пятно, на верхней губе — запекшаяся кровь. Умывался, видать, да не отмылся.

Не одному Фартовому кукушка куковала.

— Ничего! — Археолог дотронулся до рассеченной скулы, поморщился. — Выглядит страшнее, чем на самом деле. Между прочим, тот господин, что мне метки оставил, вас изволил помянуть. Покажитесь, мол, Пантелкину, пусть и ему намек будет. Может, знаете? Крепкий такой, черноволосый, глаза темные...

— ...И нос из Одессы-города.

Леонид отвернулся, в окошко, что под самым потолком, поглядел. Ничего не увидел, кирпич да ре-

шетки. О кукушке, что раскуковалась сегодня, подумал. Сказать? Не говорить?

— Александр Александрович! Тот человек... Я его хорошо знаю. Считайте меня кем угодно, хоть «наседкой», хоть провокатором, только выслушайте. Если от вас требуют чью-то жизнь, я не советчик, такое каждый для себя решать должен. Но если дело в другом... Деньги, оружие, карты секретные, рецепты какие-нибудь — отдайте! Пугать не стану, но — отдайте!..

А самому подумалось: не для того ли к седому посадили? Ведь от души советует, не по долгу службы, такое в их деле дорогого стоит.

Археолог присел на нары, приложил жестяную кружку к тому, что было лицом, подержал, поставил на место.

— Требуют отдать жизнь... Возможно, и нет, но... Во время путешествия с господином Корниловым случалось всякое. Однажды мы заплутали в горах на юго-западе Кашгарии, чуть не погибли, а в результате попали в долину, которой не было на картах. Там оказался буддийский монастырь, очень старый и почти пустой. Четверть века назад в нем было пять монахов, все — глубокие старики. К нам отнеслись очень хорошо, помогли, показали окрестности, вывели на дорогу, что вела через горы прямо в Янги-Шар. С настоятелем мы даже подружались, очень умный, интеллигентный человек. Сразу скажу: никаких чудес, входов в загробный мир, светящихся статуй и блуждающих в ночи мертвецов-варда там не было и нет. Потом я заезжал в монастырь еще трижды, в последний раз в нем оставался лишь один монах. Наш друг настоятель, увы, скончался почти сразу после отъезда экс-

педиции. А теперь ваши чекисты требуют от меня указать дорогу. Зачем? Чтобы разрыть старые могилы? Как ведут себя эти господа в православных храмах, я уже видел. Нет, не хочу!.. Вот, собственно, и все.

— Чушь! — вполне искренне рассудил Леонид. — Какой-то монастырь, да еще в Китае? Они что, с ума посходили? Может, там все же что-то важное есть?

Артоболовский попытался улыбнуться разбитыми губами.

— Имя. Монастырю и его обителям не слишком повезло.

— Это как? — не удержавшись, хмыкнул Пантелкин. — Золотая обитель?

— Агартха.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Высокое небо

1

В эту ночь красному командиру приснилась степь. Еще ничего не видя и не слыша, он глубоко вдохнул знакомый теплый воздух, пахнувший ковылем и конским потом. Издали, из самых глубин памяти, донесся легкий, еле слышный стук колес рессорной таврической брички-тачанки. Ковыль внезапно запах ружейным маслом, тишина рухнула, взорвалась близкими разрывами гаубичных снарядов.

Яркий свет дня. Отблеск черного костра¹.

— Что ж ты удумал, товарищ Нечай? Хлопцев

¹ Черный костер — образ из романа Олеся Гончара «Собор».

моих на распыл определять? Да кто ты такой есть?! Сейчас я тебя вот этой самой рукой!..

Мундир с желтыми шнурами, матросская бескозырка набекрень, рука «наган» сжимает, а в синих глазах гнев, как Черное море. Не человек — бомба с фитилем. Рванет — и лететь кровавым клочьям. «В мелкое какаду», как шутит братва-клешники.

— Много о себе вообразил, Нечай! Я есть кто? Я есть Феодосий Щусь...

— Ты, товарищ Щусь, пар зря из ушей не выпускай, — рубит в ответ атаман Нечай. — Потому как вся сила в свисток уходит без всякой пользы для дела революции. Твои орлы грабят да девок сильничают. Так что им за это, усиленный паек выдавать?

Попятился понятливый народ, за тачанку спрятался. Шутка ли, Щусь с Нечаем собачатся! Этак и до греха недалеко.

— Я! Я их стрелять должен. Не ты, а я, потому как я есть их боевой командир!

Кулачище лупит по гусарскому мундиру, пальцы цепляют желтый шнур, дергают что есть силы.

— Я!!!

Не спорит атаман Нечай, соглашается.

— Ловлю на слове. Ты и расстреляешь. Живы они, на телеге, связанные, скучают. Я, товарищ Щусь, субординацию знаю, а ты будто и в армии не служил. Не бандит же, революционный матрос.

— Живы? Ну, это... Ладно, сам и определю мерзавцев. Ты, товарищ Нечай... В общем, правильно поступил.

Гнев стихает, Черное море превращается в малый ручей, а после и он паром уходит в синее сентябрьское небо.

— Извини, товарищ. По-дурному вышло.

Рука Щуся горяча, как и только что погасший гнев. Второй месяц вместе воюют, уже и ссорились, и за грудки хватались, и шашками воздух секли. Мирились, понятно. Хороший он парень, Феодосий Щусь, если разобраться. Да и нельзя им ссориться, за одно дело кровь проливают.

— Доставай карту, товарищ Нечай. Будем думать, как Катеринослав проклятый братъ. И комиссара своего зови. Умный мужик и честный, если бы все коммунисты такими были.

Синее небо, желтая рожь, пыль над степной дорогой. Революционная повстанческая армия Махно идет освобождать Украину.

Горит черный костер.

— Смотри по сторонам, товарищ, — советует комиссар. — Примечай, на ус наматывай. И думать не забывай.

Смотрит по сторонам атаман Нечай, удивляется, пытается понять. Что не в банду попал, не к разбойнику Чуркину, ясно было сразу. Порядки у Махно правильные, армейские. Феодосий Щусь хоть и горазд орать, но за мародерство не милует. Потому и народ армию кормит, лошадей дает, с разведкой помогает.

Чекистов нет, хлеб у селян силком не вытряхивают, всюду — народная власть. Не «кулаки», о которых «Правда» с «Известиями» пишут, Батьке главная опора, а самый настоящий пролетариат. В личной махновской сотне — мариупольские да бердянские рабочие. Война, а школам помогают. Спектакли ставят, культпросветотдел лекторов шлет по полкам.

А главное — воюют. Как воюют хлопцы!

— Внимательно гляди, — повторяет комиссар. —
Ничего не упусти!

Смотрит атаман Нечай, бывший командир РККА, на вольный Остров Утопию, выросший среди таврических степей. «Ni dieu, ni maitre», — обмолвился как-то лохматый «анарх» из приблудившихся. Ни бога, ни господина. Значит, можно и так? Без начальников и начальничков?

Думает атаман.

— Готовы, хлопцы? Все готовы? На Катеринослав! Вперед! *Робы грязь!*..

Перестук колес, острый ковыльный дух, запах ружейной смазки, синее небо Украины, черное пламя костра...

Красный командир видел сон. Атаман Нечай улыбался во сне.

* * *

Поручик тоже видел во сне степь, но не дневную, а вечернюю, подернутую сизым туманом. Серые поздние сумерки, кровавый закат, холодная замерзшая грязь. Октябрь на середине, после знойного лета — холодная осень.

— Пить, товарищи, пить...

Рядом умирал «красный» — парень его лет с яркой нашивкой на рукаве шинели. Остальные, чужие и свои, молчали. Живые ушли вместе с войной на юг, куда откатился бой, здесь же осталась только Смерть.

— Пить!..

Поручик с трудом приподнялся, подполз, достал

флягу, капнул воды на сухие, растрескавшиеся губы. Веки дрогнули, открылись полные боли глаза.

— Беляк, значит... Кто... Победил кто?

— Ваши победили... Пей!

Поручик подождал, пока враг напьется, отхлебнул сам и присел рядом. Сил больше не было. Кровь заливала лицо, текла за ворот, а он не мог даже понять, куда попала пуля. Боль, боль, боль...

Полк погиб. Немногие уцелевшие бежали к Перекопу, их уже не догнать. «...Эскадрон по коням, да забыли про меня. Им осталась доля да казачья воля...» Невеселая старая песня неслышно поплыла над мертвой холодной степью, укрывая своим напевом правых и неправых. «...Мне ж осталась черная горячая земля...»

— Любо, братцы, любо, — шевельнул губами «красный». Поручик сообразил, что и в самом деле пытался спеть, и почему-то смутился.

— Не думал, что сегодня повестку получу. Еремеев я, из 30-й Иркутской. Колчака разбил, а на Врангеле срезался. Обидно!

Поручик хотел назвать себя, но пригляделся и понял: это уже лишнее. Красный командир Еремеев отбыл по повестке.

Надо было встать.

Он встал.

Хватило сил закинуть за спину карабин, поправить фуражку, сделать первый шаг. «Будет дождь холодный, будет дождь холодный, будет дождь холодный мои кости обмывать...» Нет, товарищ Еремеев из 30-й Иркутской, нам с вами пока не по пути. Повестку не выписали! «Будет ворон черный, будет ворон черный...»

В ушах шумело, боль никак не желала уходить,

перед глазами плясали оранжевые чертики. Он мог думать лишь о том, что надо идти. Второй шаг... пятый... двенадцатый.

Когда поручик оглянулся, было уже поздно. Черные всадники мчались прямо на него.

2

Телефон надрывался, но Виктор Вырыпаев не спешил поднимать трубку. Ничего хорошего от звонка он не ждал, настроение же и так с утра было препаршивым. К тому же всю внешнюю политику Техгруппы прочно узурпировал Семен Тулак, и батальонный опасался по неопытности влипнуть в очередную неприятность. Но цыганистый пребывал в нетях, а телефон упорно не желал умолкать. Выбора не было.

— Алло? Техгруппа, Виктор Вырыпаев.

— Товарищ Вырыпаев? — радостно откликнулась трубка. — Здоров будь! Каннер Гриша беспокоит.

Альбинос обреченно вздохнул. Все радости уже есть, Гриши Каннера не хватало.

— Семен в отъезде? Знаю, знаю. Как вернется, пусть брякнет, мне тоже интересно, чего там на Сеньгаозере. «Мне», как ты понимаешь, значит, не только мне. И не столько. А ты над чем работаешь? Над обезьянами?

Батальонный бросил взгляд на лежавшую перед ним папку. Если товарищ Каннер сквозь стены видит, зачем вопросы задавать?

— Алло? Так над обезьянами? Слушай, товарищ Вырыпаев, не затягивай, Инстанция очень интересуется.

— Да, — спохватился Виктор. — Над ними. Я бы давно закончил, но решил все расчеты перепроверить. Не по обезьянам — по деньгам. Там кое-что можно безболезненно сократить.

— Молодца! — одобрила трубка. — Значит, в целом рекомендуешь? Тогда вот что. Инстанция интересуется...

Вырыпаев чуть было не переспросил, какая именно, но вовремя сообразил. Выходит, у генсека новый псевдоним? Иосиф Виссарионович Инстанция?

— ...Как быть с постановлением «двадцать-один-двадцать»? Если подпадает, на политбюро могут вернуть, да еще со скандалом. Ситуация сейчас, сам знаешь какая. Царь Зверей рвет и мечет, зачем ему лишние кости подкидывать? Тем более наши с тобой?

Виктор понял, что пора звать переводчика. Если с Царем Зверей, который не просто Лев, а Лев Давыдович, все ясно, то «двадцать-один-двадцать»... Невидимый собеседник, кажется, сообразил, что слегка зарпортовался. Из черной мембраны слышался тяжелый, полный печали вздох:

— Непонятно? В документах должно быть, пересмотри еще раз. Ладно, намекну. Постановление. Важное. Двадцатого — первого...

Альбинос выругал себя за недогадливость. «Об осуждении практики злоупотребления некоторыми видами научных работ». Постановление ЦК от 20 января 1920 года.

— Понял, — заторопился он. — Об осуждении и всем прочем. Товарищ Каннер, а прямо сказать нельзя? Мы же не в подполье, в конце концов. Кстати, этого документа я не читал. И Семен не читал. Так что, рад бы ответить...

В ответ — новый вздох, тяжелее прежнего.

— Сообщу инстанции. А насчет подполья... Это ты не в подполье. Не уходи, скоро перезвоню.

Виктор послушал нервные короткие гудки, вернул трубку на место, без особой нужды сложил листы бумаги аккуратной стопкой. «Это ты не в подполье». Товарищи из аппарата ЦК явно заигрались в войнушку.

* * *

Чемодан был спрятан под кроватью в общежитии. Больше девать его было некуда, разве что отнести в камеру хранения на ближайшем вокзале. Придя на службу, Виктор первым делом поинтересовался, на месте ли товарищ Ким, однако начальник все еще пребывал в одной из своих бесконечных командировок. Хорошо, если вернется сегодня-завтра. А если нет? Убийцы Игнатишина едва ли останутся.

В милицию заявить? В ГПУ? Смерть хранителя фонда даже не стали расследовать.

Чемодан оказался заперт, и батальонный решил не любопытствовать. Судя по весу, не золото и не бомба, значит, пусть пока постоит, укрытый для верности трофейным британским плащом-накидкой. Иное беспокоило, не давая сосредоточиться на столь важном «обезьяньем» вопросе. После кладбища Виктор с трудом добрался до общежития, лег на койку, укрылся с головой серым казенным одеялом. Последняя мысль, перед тем как он рухнул в черную бездну сна, была не из самых удачных: «Свалюсь — не встану!» Однако утром батальонный проснулся вполне здоровым, без труда проде-

лал гимнастику, до работы шел пешком. То, что случилось в старом склепе, теперь казалось сном, причем не своим, а чужим, пересказанным неумело и наивно. Разверстый саркофаг, тени на пороге, колыбельная, похожая на заклятие, цветные огоньки на броши, цветные огоньки на кресте. Американская фильма, и только. *Все хорошо, хорошо все, песок тихонько шуршит, под пригорком Вечный Жиг, на пригорке Каин — далека дорога, недалеко до порога.*

Все можно было смело забыть, отложить в самый дальний уголок Памяти, если бы не странное чувство потери. Он забыл. Забыл что-то важное, очень серьезное, без чего трудно будет жить дальше.

Но что? Спросить не у кого, жаловаться некуда.

Виктор вдруг понял, что надо обязательно пересмотреть весь его нехитрый скарб, перечитать бу маги. Вдруг повезет? *Господь собрал войско из гвоздя и доски, всех чертей согнал в сарай, спел им песню, баю-бай, а наутро у чертей ни рогов, и ни когтей...* Колыбельную он запомнил с первого раза.

— Дзинь-дзин-дзин! — напомнил о себе телефон.

— Чтоб тебя! — пожелал ему альбинос.

Снимая трубку, он успел подумать, что плохи дела в ЦК с субординацией. Группа подчиняется товарищу Киму, а лезут в их дела все подряд. То суровый товарищ Лунин, то веселый товарищ Каннер. Незаменимые они, что ли?

— Алло? Это обратно я, Гриша, Гриша Каннер. Значит, товарищ Вырыпаев, слушай сюда. Инстанции должно, добро получено. Сейчас назову но-

мер комнаты в Сенатском корпусе, ты туда подойдешь, удостоверение предъявишь, где надо распишешься и что надо прочитаешь. А номер комнаты...

3

— Па-а-аберегись!

Слега — здоровенная жердь в два аршина длиной — со свистом рассекла воздух. Раз, другой, третий... Над поляной пронесся легкий шквал.

— Годится! — Ольга Зотова легко подбросила жердь на полметра вверх, поймала, перехватила поудобнее.

— Держи, Семен. Тебе в самый раз будет.

Ротный не без опаски протянул левую, почувствовал под рукой холодное, слегка влажное дерево, пристукнул слегой о землю.

— Благодарствую!

Слега была уже третьей, двумя первыми вооружились Родион Геннадьевич и сама кавалерист-девица. Она и настояла на этом. Кто же в лес без слегги ходит, особенно если в нем змеюки водятся? Да и против лихих людей пригодится.

Достань Воробышка посмеялся, но возражать не стал, присутствующий же при сборах краснолицый Фраучи целиком одобрил.

— Места там спокойные, — рассудил он. — Но мало ли что? Неделю назад два бойца как раз змею встретили. В марте месяце, между прочим. Здоровенная, чуть ли не в два метра. Семь патронов зря потратили.

Семен покосился в сторону лесной опушки. Поход в Шушмор теперь не казался ему легкой прогулкой. Взглянуть на Волосатые Камы очень хоте-

лось, однако неприятное чувство не оставляло с самого утра. Байкам несознательных деревенских бывший ротный не верил, но, как верно заметил их новый знакомый, мало ли что?

— Кстати! — Фраучи тоже поглядел на близкий лес, посерьезнел лицом. — Прежде чем пожелать вам счастливого пути, две просьбы. Одна — ко всем. Будьте, пожалуйста, очень осторожны, не сходите с тропы. Вторая же лично к вам, товарищ Соломатин. Извините, что напоминаю, но вы давали подписку. Кое о чем вам придется промолчать. Надеюсь, наши гости поймут.

Тулак и Зотова переглянулись. Хорошее начало!

— Про подписку помню, — кивнул ученый. — Но, может, вы сами скажете? Хотя бы о самом главном?

Краснолицый задумался, потом кивнул.

— Хорошо! Вы уже знаете о карте аномалии. Но это старая карта, год назад здесь работали специалисты и многое уточнили. Что именно находится под землей, пока неясно, но эта энергия прорывается наружу в двух местах. Одно вы уже видели, это бывший перекресток...

Ротный на миг прикрыл глаза, вспоминая огненную сферу. Белый огонь, черная тьма... Какая же мощь скрыта у них под ногами!

— А вторая, значит, Шушмор, — догадалась Зотова. — Сейчас к камням этим пойдём, а потом товарищ Громовой очередное дело заведет про таинственное исчезновение. Архив пополним, репортеров порадуем, если дознаются.

Странное дело, но эта перспектива, кажется, совсем не огорчала кавалерист-девицу.

Мужчины переглянулись.

— Поэтому не сходите с тропы и слушайтесь товарища Соломатина, — строго заметил Фраучи, — Родион Геннадьевич, на вас надеюсь.

Короткое прощание, и маленькая группа шагнула к близкой опушке. Впереди был пустой холодный ельник.

— Идите вслед за мной, — велел ученый. — Я — первый, вы по одному в затылок. Разговаривайте тихо, если что непонятное увидите, говорите сразу. И, пожалуйста, забудьте хотя бы на время об оружии. В таких местах оно, скажем так, не всегда помогает. Понятно?

— Та-ак точно! — грянул дружный ответ

Замкомэск улыбнулась, похлопала по правому карману шинели и подмигнула ротному. Тот понял намек и кивнул в ответ.

* * *

Семен Тулак шагал по тропе, бодро постукивая слевой, и прикидывал, чего будет писать в отчете. Материала набралось — завались, но опыт общения с начальством не вселял оптимизма. Главное — не что сообщаем, а как. Можно поднять грандиозный скандал о разбазаривании народных средств на весьма сомнительные цели. Много ли толку будет? Можно и совсем иначе. Мол, видели, зафиксировали факт, а за подробностями — к Владимиру Ивановичу Бергу и его неведомым покровителям. Захочется товарищу Киму шум поднять, пусть он и поднимает.

В госпиталях болтают о всяком — время и место располагают, особенно пока ждешь выписки. Кто о своих подвигах, кто о знакомых красавицах, кто

про мертвяков ходячих. Молодой командир из штаба Четвертой армии рассказал про Алгембу. Вначале решили — дама знакомая с иноземным именем, потом же, сообразив, что к чему, крепко призадумались. И ротный призадумался.

В декабре победного 1919-го Четвертая армия под командованием Михаила Фрунзе добила белоказаков генерала Толстова, загнав остатки его войска в глубь заволжских степей. Но сама никуда не ушла. Из Столицы, от самого Вождя, поступило распоряжение срочно начать строительство нефтепровода от Александрова-Гая до реки Эмбы. По названиям имя сложили: Алг-Эмба. Не было ничего: ни стройматериалов, ни топлива, ни в первую очередь труб. Но приказ начальника, как известно, закон для подчиненного.

Трубы решили изготавливать из дерева.

Строили больше года, деньги потратили, людей поморили. А потом взяли — и бросили.

Командир из Четвертой под долгу своей штабной службы имел возможность видеть важные документы. Подписку не давал, поэтому позволил себе процитировать вслух. Руководство строительством, как выяснилось, категорически отказывалось отчитываться о потраченных средствах «во имя достижения высших государственных интересов и обеспечения конечных успехов международной пролетарской революции».

Семен запомнил — такое не забудешь. Особенно если в деревянную трубу вылетело больше миллиарда. Золотом, не бумажками.

Кто знает, какие «государственные интересы» имелись в «Сеньгаозере»? На Алгембе — трубы де-

ревянные, тут — красные амебы с ложноножками наперевес, в алюминиевом баке плавают.

Бывший замкомэск Зотова размышляла совсем об ином. Лес ей нравился, чистый, строгий, полный хвойного духа. И путешествие по душе — невесть куда, к тайнам и двухметровым змеюкам. Но в любом деле требовалась ясность, а вот с ней-то были проблемы...

Сколько было их таких, отважных,
А теперь они в земле во влажной.
А какие были хлопцы званы,
Как огни, глаза у них сиялы.

Идущий сзади ротный удивленно хмыкнул. Где хрипота, где низкий бас? Ольга пела чисто и красиво, хоть сейчас в хор товарища Пятницкого.

Чудеса!

Девушка же не думала, как и о чем поет, наблюдения в уме перебирая, словно бомбы в под сумке. На «гражданке» говорят: доверяй, но проверяй. На войне такое не годится, там проще: стреляй — и не доверяй. Стрелять, однако, кавалерист-девице совсем не хотелось.

А казаки, баюны, вояки,
В седлах скачут, злые забияки,
Как напьются, так до бою рвутся,
А в постелях девки обождутся.

Прямо про ее эскадрон песня, про злых забияк, что легли костями от Царицына до Замостья. Порою Ольга, когда накатывали черные мысли, жалела, что не приложилась навечно к своим братьям-товарищам. Веял бы над нею степной ветер, пели непоседы-жаворонки... Кому она теперь нужна,

большая на голову орясина? Косорук ты, Иван Гаврилыч Барбович, Мертвый Генерал!

— Товарищ... Товарищ Соломатин?

— Слышу! — бросил ученый, не оборачиваясь. — Говорите, Ольга.

— Ваш родной язык — не русский. Акцент странный, я такого не знаю. Вначале показалось, что вы финн, но произношение иное. Думаю, в вашем языке много шипящих. Лошадям вы скомандовали «Хэш»...

Родион Геннадьевич рассмеялся.

— *Экшах, Хольги! Ас мариба дхор. Аст но — Рох кна Гхели.*

— Ай!

Семен Тулак не заметил подвернувшийся под ногу корень.

— Я дхар, Ольга, если точнее, серый дхар. С финнами дхары в очень дальнем родстве, но в языке много заимствований. Не думаю, что вы слышали о моем народе.

— «Рох кна Гхели», — задумчиво повторила девушка. — Кажется, догадалась. Ваше имя — Рох, сын Гхела. А я по географии учила! Остров Гхел, он где-то возле Африки.

Достань Воробышка вновь засмеялся.

— Я не оттуда. Если хотите, расскажу.

Поговорили через полчаса, во время короткого отдыха. Зотова привычным жестом расстегнула кобуру, но подумала и оставила кисет в покое. Воздух был уж больно хорош. Тулак покосился на девушку, ничего не сказал, однако задумался. Поездка шла товарищу Зотовой определенно на пользу.

— Извините, товарищ Соломатин, если зряшным вопросом огорчила, — первой заговорила она. —

Хотелось бы о вас побольше узнать, раз уж встретились и делом общим занялись. Я не из тех, у кого сдвиг на шпионах и двурушниках. А вот неясностей не люблю, от того регулярно мешки с тумаками огребаю. Вот сейчас, к примеру. На станцию приехали, словом с тамошними товарищами перекинулись, сразу поняла — врут...

— Это и я понял, — кивнул ротный. — Ты, Зотова, не оправдывайся. Задала вопрос товарищу, значит, ответ выслушай.

Оправдываться бывшему замкомэску было не в чем. После встречи с лесным «мыльным человеком» Семен стал относиться к ее словам более чем серьезно.

— Я ничуть не обиделся, — вступил в разговор Родион Геннадьевич. — А слух у вас, Ольга, превосходный. Вы — первая за много лет, кто сумел уловить акцент. Русский я знаю с детства, говорю и пишу совершенно свободно. Это, кстати, уже начало рассказа, если вы не догадались. Родился я в Якше, маленьком поселке в Вятской губернии. Места глухие, на всю округу — единственная церковно-приходская школа. И в ту не очень ходили, наш народ не слишком доверяет священникам. Но мне очень повезло. Я не только закончил гимназию, но и отучился четыре года в Санкт-Петербургском университете. В 1902-м по молодости и горячности принял участие в подпольном студенческом съезде, отправился в Киев. Речи, резолюции, прости господи... На обратном пути был арестован и отправлен, куда положено. Из университета, естественно, выгнали, я уехал домой и... Очень скоро оказался в тайге под Иркутском.

— Так вы «политик»? — изумился ротный. — А вы были за кого — за эсдеков или эсеров?

В ответ Соломатин только улыбнулся.

— Вы и спросили! Знаете, несколько лет назад, если точнее, в январе 1920-го, у меня была интересная встреча. Прямо посреди тайги я познакомился с Глебом Иннокентьевичем Семирадским, учеником и другом самого Менделеева. Сей муж науки был прямо-таки шокирован, когда узнал, что ваш покорный слуга был сослан по 90-й статье Уголовного уложения как закоренелый язычник. До сих пор помню: «публичная проповедь, речь или прочтение сочинения, распространение сочинений или изображений, побуждающих к переходу в другие вероисповедания или веры». Сам Победоносцев, не к ночи будь помянут, к моему делу клешню приложил. Господин Семирадский посчитал меня шаманом.

— А всякие гнилые интеллигенты за попов заступаются, — задумчиво молвила Зотова. — И расстреливать их нельзя, и вешать нельзя, и в проруби топить.

Родион Геннадьевич покачал головой.

— Надеюсь, Ольга, это не серьезно? Вы будете расстреливать и топить людей, возможно, не таких и скверных, а Церковь от гонений лишь окрепнет. Только наука победит мракобесие и варварство: Может, я идеалист, не знаю... Так вот, подхожу к главному. В шаманы я угодил за то, что попытался защитить от разрушения святыню нашего народа — Дхори Арх. Напечатал несколько статей, попытался собрать подписи, даже на митинге выступил. В тюрьме меня определили в камеру к раскольникам-беспоповцам. Это был ужас! Казалось, я

попал во времена пророка Аввакума... Вот так, сам к тому не слишком стремясь, я пострадал за то, что по происхождению серый дхар из рода Фроата Великого и Гхела Храброго, в память которого получил имя мой отец. Но они, наши древние вожди, в историю входили, а я скорее влип...

Ольга слушала внимательно, стараясь не смотреть ученому в глаза. Смутил странный контраст — мягкая, чисто «интеллигентская» ирония и скрытая, но хорошо ощутимая гордость. Дхар словно видел себя в долгой череде славных предков. Девушка была с ним вполне согласна. Не струсил ведь, не отступился. Молодец, дядька!

— В Сибири я учительствовал, потом 1905 год... Я вернулся, завершил образование в Германии, работал при Академии наук, изучал моих дхаров. Когда началась Смута, поехал в Сибирь, в то же самое село, на этот раз добровольно. Думал, там будет спокойнее... В 1921-м вернулся, продолжаю работать, сотрудничаю с наркомпросом и составляю учебники для дхарских школ. Это обо мне, раз уж спрошено... А теперь о моем народе. Как вы уже поняли, мы называем себя «дхары». Что интересно, в Индии есть одноименная провинция, но это очевидное совпадение. Дхары — автохтоны севера России, народ финно-угорской языковой семьи...

Одеяло туч разошлось, впуская в мир яркую весеннюю синеву. Первый робкий солнечный луч прорвался сквозь густые еловые кроны. Вместе с ним пришел ветер, весело зашумев густой хвоей. Лес словно ожил, прощаясь с долгой зимой.

Двое в старых офицерских шинелях слушали слова Роха, сына Гхела из племени серых дхаров.

* * *

На этот раз первой «квадрифолическую» березу заметила Ольга. Всмотрелась, покрутила головой:

— Товарищ Соломатин. Квадратная! В смысле, дерево.

Молодая березка росла на небольшой поляне, отступив подальше от густого строя мрачных елей. Родион Геннадьевич поглядел на нее, как на старую знакомую.

— Значит, уже скоро. Сейчас начнется березняк.

Он не ошибся. Ельник поредел, распался на маленькие островки, а потом оборвался неширокой просекой, за которой рос березовый лес. Соломатин улыбнулся:

— Нам прямо по тропинке, полверсты — и на месте. Прошу ничему не удивляться, опасностей не предвидится, а вот, так сказать, диковинки гарантирую. Возражений нет?

— Ни малейших! — охотно откликнулся ротный. — За тем и в Шушмор шли.

Девушка промолчала, заметив очередную странность. Ученый держался уверенно, словно зная все заранее: и о «диковинках», и о том, что ничего страшного не будет. Он явно повеселел, словно набравшись сил в этих глухих дебрях.

«Опасностей не предвидится, — мысленно повторила Ольга, — не предвидится...» Кажется, Достань Воробышка хотел добавить «пока я с вами». Бывший замкомэск усмехнулась. Поглядим!

Смотреть, впрочем, было не на что. Березы слева, они же справа, обычные, без «квадрифолиев», под ногами — грязь и мертвые прошлогодние листья, над головой — узкая полоска небесной синевы.

вы. Сырой воздух, густой прелый дух. Возможно, ночью здесь и вправду жутко, но сейчас, среди бела дня... Замкомэск вдохнула поглубже, тряхнула головой.

Эх!

Как теперь она тебя уважит,
Обогреет и с тобою ляжет,
А кого любила, ведь не скажет.
А что дальше будет, бог покажет...

Она вновь поглядела вперед, за широкую спину идущего впереди Родиона Геннадьевича. Лес как лес, самый обычный. Березняк, густые зеленые кроны, трава, земляничные цветы — белые, с желтой серединкой...

Ольга почувствовала, как воздух застревает в горле вместе с недопетым куплетом. Сейчас же март, март, март!..

— Зеленое! — сзади послышался отчаянный крик. — Товарищ Соломатин, докладываю — зеленое!..

Семен точно выполнил приказ.

— Я же обещал! — не оборачиваясь, бросил ученый. — Идите и смотрите.

Кавалерист-девица прокашлялась, выбивая кляп из горла, и смело шагнула вперед, в горячее лето. Воздух густел на глазах, струился, тек, размывая контуры; зелень на ветвях побледнела, подернулась желтизной. Миг — и все стало на свои места. Лес опять был правильный, мартовский, среди берез выросли потемневшие от солнца ноздреватые сугробы, ветви оголились, пропуская солнце.

Сзади гулко выдохнул товарищ Тулак.

Ольга зябко повела плечами и пошла дальше. Байки про Шушмор уже не казались ей такими глу-

пыми. Чудится — ладно, и не такое бывает. А что, если «там» и вправду лето?

Где именно «там», девушка решила пока не уточнять. Разберемся!

А казачки дома обождутся,
Вдовы с горя слезами зальются,
Что ж вы, хлопцы, девок распылялы
Да опять в могилы полягальы?

Обещанные полверсты явно растянулись. Тропинка упорно уводила в самую глушь, небо вновь загустело тяжелыми тучами, исчез синий просвет, скрывая солнечные лучи. Под ногами хлюпала грязь, мертвые листья цеплялись к подошвам. Сыро, пусто, неудобно... Никаких чудес!

— Взгляните, товарищи!

Спокойный голос Соломатина почему-то заставил вздрогнуть.

— Сначала налево, потом — направо.

— Береза, — вслух констатировала бывший замкомэск, поглядев в указанном направлении. — Большая.

Семен с ней мысленно согласился, но для себя уточнил: очень большая.

Деревья в этой части леса были почти все старые, достигшие максимального роста, но то, на которое указал ученый, даже по сравнению с ними казалось гигантом. Крона тянулась ввысь, к самым облакам, ствол в потемневшей коре выступал прямо на тропинку, словно пытаясь заступить путь. Неровные пятна гриба-трутовика вросли в древесную плоть, словно старые запекшиеся раны.

— Эндемик? — как можно более спокойным тоном осведомилась Ольга. — Вроде не квадратная.

Достань Воробышка поглядел вверх, на вершину темной кроны, покачал головой:

— Нет, самая рядовая, таких здесь много. Береза бородавчатая, она же повислая. Очень старая, обычно такие живут до трехсот лет, но эта еще древнее. Но вы не посмотрели налево.

Налево был пень, тоже огромный, вросший в землю толстыми мертвыми корнями.

— Ее покойная сестра. — Соломатин подошел ближе, наклонился к давнему срубу. — Те, кто ее погубил, сначала подожгли ствол, а потом взялись за топоры. Один старожил рассказывал, что это было сделано по приказу епархиального начальства в середине прошлого века. С одной справились, а потом случилось какое-то несчастье, и работы прекратили. Эти березы... Видите, как росли?

— Вроде часовых, — сообразил ротный. — Может, их специально возле тропы посадили?

— Во всяком случае, считалось, что они не пускают в наш мир то, что спрятано в Шушморе. Сюда носили подарки, говорят, у подножия стоял какой-то идол. Церковному руководству сие понравиться никак не могло... Ну, мы, собственно, пришли. Вот он, Шушмор.

Ольга удивилась, поглядела вперед — и увидела поляну, а на ней большой розовый камень. За ним другой, третий...

Волосатые Камы.

* * *

— И это — Шушмор?!

Ольга уже второй раз обходила поляну. Идти недолго, круг — от силы пять минут, если обычным

шагом. Каменюка, еще одна, еще. Шесть штук, одна за другой идут, словно в хороводе, каждая на три метра из земли вылезает. Цвет и в самом деле необычный, очень красивый, но об этом они знали заранее. Шпат! Цельные глыбы розового шпата, грубо обитые, слегка закругленные наверху. Обработали на скорую руку, притащили через лес, вкопали — и бросили. Ни надписей, ни изображений, только следы давних сколов.

Посредине поляны — бугор. Сверху земля с торчащими корнями, а из-под нее — тоже шпат. Еще глыба, но побольше и формы иной, с шатром сходной.

Все!

Зотова чувствовала себя так, будто ее обманули — нагло и подло, словно девчонку из первого класса прогимназии. Наплели баек, пообещали целый мешок чудес, в лес потащили. И ради чего? Каменюку пальцем поскрести? Траву сапогами помять?

Уже не в первый раз пришлось давиться весенним воздухом. Траву?!

Девушка осторожно подняла ногу. Земляничный листок прилип к подошве — настоящий, потрогать можно. Зотова осторожно оглянулась, хотела позвать остальных. Неужели не видят?

Соломатин и ротный стояли возле бугра, ученый что-то объяснял, указывая на присыпанный землей камень. Приходилось действовать самой.

Прежде всего Ольга присела на корточки и убедилась, что трава и цветущая земляника — никакой не мираж, а самая что ни на есть реальность. Рвать ничего не стала, но руками перешупала все, до чего удалось дотянуться. На всякий случай потрогала землю, поднесла щепотку к носу. Лесной

сутлинок оказался самым обычным, как и то, что на нем росло.

Замкомэск встала, отряхнула ладони и, решив ничему не удивляться, поспешила к остальным. Мельком подумалось, что виденный доро́гой мираж, возможно, куда более реален, чем казалось.

— ...Нет, нет, копать сейчас нельзя, — услышала она голос Соломатина. — Я не археолог, товарищ Фраучи и его бойцы тем более. Разрушим памятник, нашкодим хуже таврических «счастливиц», причем без всякой пользы для науки. Потомки нас проклянут, да-с. Здесь требуется настоящая экспедиция, причем комплексная...

«Вы об этом бугре?» — хотела поинтересоваться Ольга, но решила не перебивать. Ее, впрочем, заметили.

— Вот-с, глубокоуважаемая барышня, я сейчас объясню вашему коллеге...

Это был уже перебор. Затащили невесть куда, да еще обзывают.

— Опять — барышня? — взорвалась кавалерист-девица. — Что вы меня за девчонку держите? Барышня — это немочь бледная, которая мигренями страдает и в соседа-студента влюбляется. А я эскадрон на пулеметы водила! Людей насмерть рубала — и меня рубали. Я не в хвастовство, нечем тут хвастать, а чтобы вы поняли!.. Я!.. Не смейте!..

Семен, успевший уже кое-что узнать о характере «коллеги», на всякий случай отступил назад. Родион Геннадьевич не дрогнул.

— Прощу простить, — коротко поклонился он. — У каждого свои привычки, мои, как вы успели заметить, несколько старорежимные. Постараюсь в дальнейшем...

Но Ольга уже успела опомниться и смертно устыдиться. Напала на хорошего человека. И за что? Барышни мигренями страдают, зато хоть на людей не бросаются.

— Забыли, — хриплым басом бросила она. — То есть не забыли, опять глупость говорю. Товарищ Соломатин! Родион Геннадьевич! Вы просто на меня внимания не обращайтесь. Наезжает порой, да так, что хоть в смирительную...

— Полно!..

Ученый улыбнулся и внезапно поцеловал кавалерист-девице руку. Ротный на всякий случай отвернулся.

Чудеса? Чудеса!

Мир был восстановлен, и Ольга, наконец, узнала, в чем суть спора. Оказывается, то, что она сперва приняла за «бутор», а после за еще одну «каменюку», на самом деле нечто куда более хитрое. Экспедиция, посетившая Шушмор при Александре Втором, счистив часть наросшей за долгие годы земли, обнаружила там пустоты, частично заполненные камнями и той же землей. Шесть вертикальных камней водили свой вечный хоровод вокруг чего-то, вырубленного в цельном розовом монолите. Поскольку Камы были Волосатыми, начальник экспедиции, известный исследователь русского язычества Лев Прозоров, решил, что это и есть искомый храм Волоса-Велеса.

Родион Геннадьевич в этом сильно сомневался. Святилище не походило на славянские, зато очень напоминало уже известные капища финно-угров, а заодно и хорошо ему памятный дхарский Дхори-Арх, из-за которого довелось совершить путешест-

вие в Сибирь. Но без тщательных раскопок установить истину было невозможно.

Семен Тулак быстро вник в суть проблемы и тут же предложил вызвать взвод бойцов с лопатами. Пришлось ученому пояснять, что археологические раскопки — занятие не такое простое. И дело не только в археологии.

— Траву видели? — Родион Геннадьевич кивнул на зеленый ковер, покрывающий поляну. — Она здесь круглый год. Такое бывает у горячих источников, но здесь температура земли самая обычная. Миражи на дороге нам тоже встречались. А еще квадратные березы, очень крупные ужи, гигантские бабочки-эндемики. И это далеко не все. Я уже говорил, нужна большая комплексная экспедиция, физики, геологи, медики, биологи...

— Так за чем дело стало? — удивилась Зотова. — Это в царское время наука в загоне была, а теперь, в государстве трудящихся, мы это быстро решим. Семен бумагу напишет, я напечатаю...

Ротный и Достань Воробышка как-то странно переглянулись.

— Уже решили, — невесело усмехнулся ученый. — Здесь секретная зона, меня пустили после года всяческих согласований, причем одного и не слишком надолго. Более того, даже вам я не могу рассказать всего. Военная тайна-с! Товарищ Фраучи, конечно, очень мил, но приказ нарушать не станет — и другим не позволит.

Девушка не могла не согласиться. Командир учебного батальона был с ними вежлив, даже предупредителен, но показал и рассказал только то, что считал возможным.

Она подошла к неровной поверхности «бугра»,

протянула руку к ребристому розовому камню, выступающему из-под земли, но дотронуться не решилась. Горькое ощущение обмана никуда не делось. Их подпустили к чуду, дали взглянуть одним глазком, полюбоваться издали... Обидно!

— А как тут все было, товарищ Соломатин? — Ротный кивнул на розовые камни. — При язычниках?

Родион Геннадьевич развел руками:

— Можно лишь предположить. Если вспомнить рассказы о Дхори Архе, то обряд представляется мне таким. Проводился он ночью, желательно при ясном небе, чтобы боги могли видеть и слышать. Все участники стояли за кольцом камней, не заходя дальше. Считалась, что внутри — место для духов предков. Самый главный, верховный жрец или «священный правитель», занимал место в центре, где был алтарь. Во время священнодействия боги наделяли его огромной силой для того, чтобы он мог исполнить желаемое. И непременно являли некий знак того, что слышат, — и готовы помочь.

Семен без особого доверия покосился на молчаливые розовые камни. Описанная церемония отчего-то напомнила ему траурный митинг.

— Поповщина, — рассудила товарищ Зотова. — Во все времена долгогривые народ дурили. Здесь явление чисто физическое, и мы это видели. Геомагнитная аномалия! А ваши жрецы данным фактом пользовались, чтобы доверчивых людей пугать и обманывать

— Вы весьма и весьма категоричны. — Ученый еле заметно улыбнулся. — Дурить-то дурили, но не все так просто... Я давал подписку и всего рассказать не могу. Но о некоторых вещах я узнал сам, в

Столице удалось поговорить с некоторыми толковыми специалистами. Поэтому могу поделиться.

Он тоже подошел к «бугру», поглядел вокруг, кивнул на ближайший розовый монолит:

— Камни поставлены не на случайном месте. Именно здесь второй выход аномалии. Вы называете ее геомагнитной, но этот термин очень неточен. Геомагнитная аномалия чаще всего бывает там, где залегают железные руды, например под Курском. Я рискнул бы назвать данный феномен «геоэнергетическим». Возможно, он как-то связан с колебаниями напряженности магнитного поля Земли. Выхода, как вы уже знаете, два. Видели вы и то, что энергия пульсирует. Этим, возможно, объясняются исчезновения людей. Место, полчаса назад бывшее абсолютно безопасным, становится ловушкой. Здесь же, в Шушморе, камни образуют своеобразный фильтр, и пульсация не столь опасна... Пока все понятно?

— Ну вы спросили, товарищ Соломатин! — хмыкнул Семен. — Мало пока понятного. Отчего они, язычники эти, камни сюда волокли, а не на перекресток? Там бы фильтр и вкрутили, чтобы людям не пропадать.

Достань Воробышка кивнул.

— Разумно. А вы заметили, когда начались исчезновения? Только в конце прошлого века. Тогда уже шло всю строительством завода. Рыли котлованы, прокладывали дороги, говорят, даже применяли взрывчатку. Что-то под землей оказалось нарушено, и энергия нашла себе новый выход — на горе неосторожным путешественникам. Шутки с неведомыми силами, какими бы они ни были, весьма опасны. Правда, энергию, идущую из-под земли,

можно использовать в различных полезных целях, но тут уже начинаются тайны, и я прекращаю дозволенные речи. Прошу простить!

На этот раз замолчали надолго. Семен принялся неторопливо прохаживаться возле камней, поглядывая на неровные розовые сколы, девушка же по-прежнему стояла у «бугра», о чем-то размышляя. Наконец, резко вздернула голову:

— Вы очень умный человек, товарищ Соломатин...

Ученый с невозмутимым видом поклонился.

— ...И по-умному все объясняете. Физика, энергия, наука, сплошной материализм. Только кажется мне, что вы иначе считаете. Про физику говорите, а про себя словно посмеиваетесь. Вон как про «неведомые» силы завернули! Только не выдумывайте, что вы шаман...

— Ольга! — не выдержал ротный, но девушка только отмахнулась.

— Я не в обиду, я разобраться хочу. Вы считаете, Родион Геннадьевич, что мы не пойдем?

Ученый усмехнулся, вновь развел руками, но внезапно стал серьезен:

— Сам рад бы понять, товарищи. Я — убежденный материалист, воспитан на Дарвине и Писареве. Наши старики чуть меня не прокляли за то, что я посмел усомниться в истинности дхарских мифов. Но теперь начинаю понимать, что мы, современные люди, слишком самонадеянны. Предки были не глупее нас...

Он подошел к «бугру», положил ладонь на неровный розовый камень.

— «Встарь люди были божики, а мы люди тужики, а познейские будут люди пыжики: двенадцать

человек соломинку поднимать, так, как прежние люди поднимали великие деревья...» Такое можно услышать почти в каждой деревне. Давняя память о минувшем золотом веке, когда люди дружили с богами и были подобны богам. И я не понимаю, где заканчивается Сказка и начинаются осколки неведомой нам Истории. Впрочем, кое-что могу продемонстрировать. На это потребуется час, максимум — два. Хотите?

Ольга и ротный переглянулись. Вопрос показался им явно лишним.

* * *

С поляны уходить не стали, но перебрались подалее, к подножию исполинской березы. Несмотря на все возражения Ольги, Соломатин снял пальто и постелил его на землю, предложив желающим присесть. В конце концов товарищ Зотова позволила себя уговорить. Устроились все вместе, бок о бок. Бывший замкомэск нерешительно потянулась к кобуре, где прятался кисет, но вновь передумала.

— Так я с вами и курить брошу, — вздохнула она. — Ну и ладно. Чего ждать будем, Родион Геннадьевич? Божиков и тужиков?

— Хорошо бы, — вполне серьезно согласился Соломатин. — Но это уже из области чистой фантазии. Хочу показать вам иное. Энергия — та, что под землей, определенно пульсирует. Частота пока непонятна, но сейчас, весной, наблюдается явное ускорение цикла. Мираж вы видели, а это верная примета. Думаю, ждать недолго.

— Оно того... вспыхнет? — осторожно поинте-

ресовался Семен, вспомнив белую сферу в черной тьме ангара.

— А вот увидите! — рассмеялся ученый. — Ольга, может, вы пока нам споете?

Бывший замкомэск отчего-то смутилась.

— Нашли Плевицкую! Это у меня с фронта привычка. Скуку прогоняет... Родион Геннадьевич, а у ваших дхаров песни есть? Может, изобразите?

На этот раз засмутился Достань Воробышка.

— Я уж точно не Шаляпин, Ольга! Песен много, но, знаете, в таком месте следует выбирать, так сказать, репертуар. Шутки шутками, а вдруг нас слушают? У Дхори Арха, нашего святилища, полагалось вспоминать о самом важном, торжественном...

На миг он задумался, а потом проговорил медленно, чуть нараспев:

Гхел-гэгхэн ар-эсх азрта
 Асх гэгхэн арт-эсх азрта
 Асх багатур ар-сх азта
 Ахса ар-эсх тайх Пех-ра.

Непонятные слова прозвучали в полной тишине. Никто не решился переспросить, и Родион Геннадьевич пояснил сам:

— «Пех-ра» — хорошо всем нам знакомая река Печора. Когда-то там была большая битва, в которой был смертельно ранен дхарский правитель, Гхел-гэгхэн. Это песня его памяти. Кстати, «мариба дхори» и есть название нашего племени. Серые дхары...

Орх-у дхэн мариба дхори,
 Орх-у дхэн-у бхата дхори,
 Орх-у дхэн-у мари дхори,
 Басх-а атур Пех-ра вурм.

Ольга хотела поинтересоваться, каких еще цветов бывают загадочные родичи товарища Соломатина, но ее опередил Семен.

— Вот! Кажется, началось!..

Левая, здоровая, рука ротного указывала прямо на «бугор», точнее, на то место, где он только что был. Розовый камень, укрытый черной землей, исчез, вместо него посреди поляны клубилось нечто, бесцветное и бесформенное, издали похожее на облако пара. Все происходило бесшумно, даже лес стих, словно кто-то всемогущий повелел звукам умолкнуть. Минута, другая... Воздух кипел, в его переливах обозначились знакомые розовые пятна, они струились, меняли форму. Камень стал облаком. Розовые потоки то поднимались вверх, то опали до самой земли, пока, наконец, не сложились в нестойкое подобие ровного каменного купола с черной прорезью входа.

То, что было скрыто, призраком вставало из-под земли.

На какой-то миг стал виден весь храм — высокий, покрытый узорной резьбой. Над черным провалом входа ярко горела белая многолучевая звезда, окруженная золотыми колосьями, по бокам застыли каменные изваяния с тяжелыми бычьими головами, у входа, прямо из-под земли, поднимались вверх языки светло-зеленого огня.

Видение длилось очень недолго. Резкий порыв холодного ветра смешал краски, обесцветил, превратил в бесформенное серое облако. Неровные клочья начали таять, растворяться в сыром весеннем воздухе. Еще немного — и поляна стала прежней. Покрытый землей «бугор», хоровод молчаливых Камов, непрошенная зелень травы...

Ольга шумно вздохнула. Слишком быстро все кончилось! Опять поманили, показали самый краешек...

— Вы, кажется, не заметили главного, — ученый словно слышал ее мысли. — Выше! Взгляните вверх!..

Девушка тихо ахнула.

...Небо, пасмурное мартовское небо, исчезло. Вместо низкого покрывала туч над поляной нависала тяжелая серебристая твердь, неровная, словно кованная исполинским молотом. Небесный металл неярко светился, переливался огнями, еле заметно дрожал. Казалось, еще миг — и невиданная первозданная мощь обрушится на беззащитную землю, раздавит, ввергнет в подземный хаос. Серебристый купол медленно темнел, подергивался серой дымкой, огни гасли, твердь источалась, таяла, уступая место робкой синеве. Наконец, вновь надвинулись тучи, неслышно сомкнулись, дрогнули...

— Все! — тихо, с неподдельной грустью вздохнул Родион Геннадьевич. — Так мало!..

— Здорово! — откликнулся Семен Тулак. — Я сразу заметил. А что это было?

Ученый ответил не сразу. Он все еще смотрел в небо, словно надеясь увидеть в разрывах серых туч отблеск исчезнувшего серебра.

— Если скажу, что мы видели редкое атмосферное явление, это будет отчасти правда.

— Никакая не правда! — Ольга уже успела прийти в себя и вновь была готова спорить. — Я извиняюсь, но таких явлений не бывает. Ни атмосферных, ни всяких прочих. Это даже на мираж не похоже, слишком реально все.

— Точно! — чуть подумав, согласился ротный. — Вроде как за облаками настоящее небо прятали.

Соломатин оторвал взгляд от серых туч, улыбнулся.

— Настоящее небо? Предки вас бы поняли. Они считали, что за нашим синим небом находится иное — истинное, из камня и металла. Небесная твердь... Но поскольку астрономия давно все расставила по местам, будем считать это неведомым пока оптическим эффектом...

И вновь бывший замкомэск не поверила Родиону Геннадьевичу. Астрономия — она в книжках, а книги людьми пишутся. Этих бы знатоков сюда, на поляну!

— ...Дхары, мои соплеменники, посчитали бы, что нам на невеликий миг открылось Эрво Мвэри — Высокое Небо. По преданиям, его можно было увидеть над Дхори Архом в дни священных праздников. Это считалось великим знамением.

Ольга еле слышно повторила: «Эрво... Эрво Мвэри...»

— Родион Геннадьевич, а на Высоком Небе ваши боги жили?

Достань Воробышка повел плечами, неспешно встал, одернул свитер.

— Подъем, товарищи! Этак и простудиться можно. Позволю себе напомнить: чудеса чудесами, однако на дворе март... Что же касается богов, то мои предки были, как ни странно, монотеистами. Эрво Мвэри и есть высшее Божество.

«Значит, мы видели Бога?!» — поразилась девушка, но вслух ничего не сказала. Она вдруг поняла, что очень хочет курить.

Ехать на станцию решили под вечер, надеясь успеть на ночной проходящий поезд до Столицы. Участковый, товарищ Громовой, поспешил найти две подводы и сам вызвался проводить гостей, явно радуясь их отбытию. Но те, поблагодарив, отказались от сопровождения, решив позвать с собой уже знакомого дядьку Никифора. Вторую подводу бывший замкокэск брала на себя.

С Фраучи распрощались совершенно по-дружески. Семен Тулак попросил командира батальона отметить командировку, тот не отказал, и на казенной бумаге появилась печать с загадочными буквами «В/Ч 0951 ЧСР». Краснолицый посоветовал писать в отчете только то, что было видно своими глазами, а от комментариев воздерживаться «во избежание». Командир явно желал им добра, и ротный не стал спорить, хотя сам имел иное мнение.

А с Родионом Геннадьевичем решили встретиться в самое ближайшее время. Через пару дней ученый возвращался в Столицу. Работал он в дхарском культурном центре, занимавшем особняк в одном из переулков старого Замоскворечья. Семен адрес записал, а Ольга запомнила, проговорив его для верности семь раз подряд.

— Н-но! — хмурый дядька Никифор взмахнул вожжами. Подводы тронулись, и бывший замкокэск наконец-то позволила себе закурить.

* * *

За эти дни дорога успела немного подсохнуть, однако лошади все равно шли понуро, без всякой охоты ступая копытами по влажной, мягкой земле.

Лес, подступавший к самому проселку, угрюмо молчал, мерная тряска навевала сон. Семен Тулак, поудобнее устроившись на подводе, прикрыл глаза, но мужественно боролся с дремой. Отдохнуть можно будет в Столице, а пока следует держать ухо востро. Мало ли что? Дядька Никифор и тот не внушал ни малейшего доверия, а было еще местное ГПУ, вежливый товарищ Фраучи, бегающие по лесам «мыльные люди». Он даже мельком позавидовал Виктору Вырыпаеву, имевшему возможность с полным комфортом заниматься своими обезьянами. Вдобавок очень хотелось чая с мятой, и ротный дал зарок сразу по возвращении на службы выпить две, нет, три кружки, и непременно с баранками.

Об отчете Семен решил пока не думать. Приедет — и напишет. Нет, не напишет, а продиктует товарищу Зотовой, дабы казенный «ремингтон» не простаивал. А еще надо непременно зайти в гости к Родиону Геннадьевичу и расспросить его поподробней не для службы, а исключительно ради личного интереса. Многое довелось повидать бывшему ротному, но «Сеньгаозеро» и Шушмор явно выбивались из общего ряда. Белая сфера огня, серебристый небесный купол...

Он все-таки задремал, успев сунуть левую ладонь в карман, где лежало оружие. Мягкое теплое забытье навалилось, запечатало веки, укутало зыбкой, прозрачной тишиной, сквозь которую уже был слышен неясный топот копыт. Призрачные кони уносили в царство Сна...

— Эй, Семен! Товарищ Тулак! Семен!..

Пистолет он вытащил, не открывая глаз. И так же, не глядя, сел, поворачиваясь в сторону крика.

— Охти, барин! Не надо!..

★ Кажется, дядьке Никифору тоже пришло на ум поглядеть назад. Ротный цыкнул, разлепил веки, помотал головой, прогоняя сонную одурь.

Дорога, в просвете между тучами — клочок синего неба, справа и слева темная стена леса, телега как раз посередине, трудяга-лошадка вытаскивает ее из очередной лужи. Вот и товарищ Зотова...

...То есть две Зотовых, побольше и поменьше. Та, что побольше, вожжи держит, поменьше...

— Тп-п-пру-у-у!

Возница оказался на диво понятлив. Семен соскочил с телеги, сразу же утонув в грязи по щиколотку, хотел крикнуть в ответ, но в последний момент сообразил — тревога отменяется. Ольга в телеге все-таки в единственном числе, а вот рядом с нею...

— Да это же «мыльная»! — удивленно протянул дядька Никифор. — Из санатории которая.

Можно было не пояснять. Потому и поехали двумя телегами, и хитрого милиционера с собой не взяли. «Мыльный человек» Наталья Четверик сдержала обещание. Не иначе, по кварцевой лампе соскучилась.

— Здрасьте, дядя Семен!

Вблизи этих двоих спутать было невозможно — долговязую, бледную, словно рыбе брюхо кавалерист-девицу и крепкую румяную девочку лет одиннадцати. Еще более разнилась одежда — залатанная на локтях офицерская шинель и синий комбинезон с капюшоном, надвинутым на рыжие брови. На ногах гости оказались тяжелые ботинки, почему-то без шнурков.

— Ну, здравствуй! — Семен откашлялся. — Что, за лампой поедем?

Девочка взглянула недоверчиво, дернула острым носом.

— А если я у вас документы попрошу?

Ротный почему-то не удивился и сразу полез в карман, однако Наталья скривилась и покачала головой.

— Не надо! Не верю я бумажкам. Все равно убегу, если вы меня сдать захотите.

Семен опять не стал спорить. Приглядевшись, он отметил две удивившие его вещи. Прежде всего комбинезон. Он чем-то напоминал английский, в котором щеголяли танкисты, но этот был снабжен не только капюшоном, но и высоким воротником, зато не имел пуговиц. Одежда, впрочем, не самое главное. Лицо! То, что ротный принял за румянец, оказалось естественным цветом. Кожа была даже не красной, как у товарища Фраучи, а ярко-алой. Семен не поверил своим глазам, поглядел на руки...

— Вы меня так не разглядывайте! — девочка насупилась. — Сначала смотрите, потом кровь на анализ берете, потом жидкость из позвоночника... Деревенские еще хуже, сразу за колья хватаются. А я их не боюсь. И вас не боюсь. Тетя Оля, скажите: «Раз!»

— Раз! — каменным голосом проговорила замкомэск.

Семен ахнул: девочки на месте не оказалось. Только что была рядом, сидела на телеге...

— А я тут, а я тут!

Голос донесся слева, со стороны леса. Наталья стояла на противоположной стороне проселка у самой опушки.

— Я еще не так могу. Я еще...

Не договорила. Тело в синем капюшоне качнулось и мягко рухнуло на землю.

— Два! — констатировала товарищ Зотова, слезая с телеги. — Семен, ты левой вожжи удержишь?

Девочку уложили обратно на телегу. Подошел дядька Никифор, не преминувший сперва сотворить крест, а после подавший совершенно нелепый совет: «Ихних раздевать надоть». Зотова поглядела на него, и непрощеный советчик предпочел ретироваться.

— И чего теперь?

Вопрос товарища Тулака был столь же бестолков. Наталья лежала недвижно, краска отхлынула от лица, ногти побелели, лишь на шее неровно билась ниточка пульса.

— Лекарства есть? — неизвестно к кому обратился ротный. — Хотя бы нашатырь?

Закомэск лихорадочно прикидывала, что нужно делать. В голову лезла нелепица, к примеру влить девочке в рот полстакана водки или дать понюхать керосина. Однако ни водки, ни керосина в наличии не имелось. Ольга протянула руку, чтобы расстегнуть тесный ворот комбинезона. Девочка вздрогнула и открыла глаза.

— Не надо, тетя Оля. Я сама...

Она попыталась привстать. Зотова помогла, усадила.

— Силы не рассчитала, — Наталья попыталась улыбнуться побелевшими губами. — Мне... Раздеться надо. Согреться чтобы.

Закомэск и Семен переглянулись.

— Нормальная я, не брежу! — заспешила девочка. — Согреться надо, пока солнце не ушло. Гелио-

терапия это, понимать надо. Дядя Семен, вы отвернитесь!..

Ротный сам себе скомандовал: «Кру-гом!» — и выполнил поворот на месте.

— Здесь нет пуговиц, — донеслось сзади. — Тетя Оля, тут липучки, я вам сейчас покажу... Вы скажите дяде Семену, чтобы он ехал, а мы следом поедем, я немного полежу, пока солнце светит...

— Дядя Семен слышит, — вздохнул ротный и, не оглядываясь, побрел к своей телеге.

Возница встретил его злорадным хмыканьем.

— Убедились, барин, в смысле, товарищ командир? Эти, которые из санатории, когда оголодают или, к примеру, ослабеют, голышом бегать должны. Как есть голышом!..

— Поехали! — вздохнул ротный, но дядька Никифор не унимался.

— Ничего-то вы, городские, не разумеете. Приехали, нашумели, меня испугали чуть не до смерти, а много ли узнали? Да у нас в округе даже буй да кукуй ведают, что эти «мыльные» от солнца питаются. Им немец под кожу инхвузорию засобачил, вот эта инхвужория их и кормит, а сама, значит, солнцем сыта.

Семен посмотрел вверх, в синий небесный просвет, поймал взглядом робкий солнечный лучик. Инхвужории — они же красные амебы с ложноножками. Гелиотерапия... Как это товарищ Зотова пела?

Санитарам не под силу —
Много раненых бойцов:
Кто с простреленной рукою,
Кто с оторванной ногой.

Ценители трубок

1

— Товарища Кима нелегко удивить, — Сталин улыбнулся в рыжеватые усы. — Но мы все же попробуем.

На зеленое сукно огромного стола легла небольшая коробка, обтянутая крокодиловой кожей. Блеснуло серебро — свет лампы отразился от овальной пластинки, на которой угадывалась гравировка.

— Что скажете?

Виктор Вырыпаев и Семен Тулак, сидевшие в конце стола, переглянулись, но встать не стали. Товарищ Ким усмехнулся, выпустил густое кольцо дыма и не спеша взял коробку в руки.

— Подходите, товарищи некурящие, — подбодрил Сталин. — Тут интересен эстетический момент.

Теперь коробочку рассматривали вместе. На серебряной пластинке действительно обнаружилась надпись «Члену РВС тов. Сталину от бойцов и командиров X армии».

— Меня отзывали в Столицу, и товарищи военные озаботились подарком. В табаках я разбираюсь, а вот насчет трубок не знаток.

Тем не менее хозяин кабинета курил именно трубку — небольшую, с изогнутым мундштуком, больше похожую на носогрейку. Трубка товарища Кима на ее фоне смотрелась куда солиднее.

— Это называется «кейс», футляр для хранения. — Руководитель Технической группы поднял коробоч-

ку на ладони. — Судя по оформлению, фирма «Varling». Открыть можно?

Сталин кивнул:

— Там замочек.

Под кожаной крышкой обнаружился красный бархат, на котором покоились две трубки. Серебряные кольца аккуратно охватывали чубуки, медовый янтарь мундштуков мягко отсвечивал в неярком электрическом огне. Трубки оказались разные, сверху — изогнутая, снизу — прямая.

— Парный сет. — Товарищ Ким осторожно прикоснулся к одной из трубок. — Прямая именуется «billiard», та, что изогнута — «bent». Судя по всему, индивидуальный заказ. Похожи на мою, но значительно лучше. Стоят не менее сорока фунтов.

— Не думаю, что товарищи бойцы из Десятой посылали заказ в Лондон, — Сталин с удовольствием затянулся и не без сожаления отложил свою носогрейку в сторону. — Трофей! У Мамонтова крутились какие-то британцы, вероятно, их добро. Признаться, так и не решился воспользоваться. Отдал бы в музей, так нет еще музея.

Ротный и альбинос вновь переглянулись. Происходило что-то не совсем понятное.

То, что докладывать придется не только товарищу Киму, но и самому Генеральному, не слишком удивило — уж очень активен был Гриша Каннер, слишком торопил и подгонял. Однако на доклад пригласили обоих сразу, а это уже показалось странным. «Сеньгаозеро» и какие-то привозные обезьяны — много ли общего? Вдобавок дела считались сугубо секретными. Семен, вернувшись в Столицу, сам ничего рассказывать не стал и техработнику Зотовой строго запретил. Товарищ Вырыпаев, ко-

нечно, свой и проверенный, но служба есть служба. Он ведь и сам про своих обезьян молчит, словно на белогвардейском допросе.

Так оба и писали доклады — молча. А после по отдельности продиктовали результат кавалерист-девице. «Ремингтон» выдал последнюю очередь как раз за минуту до того, как в дверях появился невозмутимый товарищ Ким с трубкой в руке. Выслушал, одобрительно кивнул и велел собираться. Генеральный ждет!

Первым докладывал Семен — четко, не сбиваясь, но не без внутреннего напряжения. Пальцы левой, сжимавшие листки бумаги, вспотели, и это почему-то сбивало с мысли. Сталин, видно, понял: улыбнулся в усы, предложил не торопиться и не волноваться. «Тигров тут нет, товарищи. Все свои!»

Ротный уложился в двадцать минут. Странно, ему казалось, что о виденном можно рассказывать часами. Доклад был окончен, но вместо обсуждения Генеральный зачем-то достал кейс с трубками.

* * *

— Трудящиеся пишут в Центральный Комитет о многочисленных случаях «красного» барства. — Сталин вновь поглядел на чудо-трубки, но уже без всякой улыбки. — Это преступно! В 1919-м, когда люди голодали, некая коммунистическая дамочка регулярно принимала ванны из шампанского. И еще, понимаешь, жаловалась, что шампанское не того сорта!

Товарищ Ким дернул щекой:

— Слышал! Когда ей на это намекнула, дамочка поинтересовалась: «А разве мы не делали револю-

цию для себя?» С тех пор она не слишком исправи-
лась. Сейчас занята коллекционированием брилли-
антов. Товарищ Сталин, может, отдадим ее в ЦКК
товарищу Лунину?

— Товарищу Лунину?! Мы же не варвары! —
Сталин мягко улыбнулся. — Красивая женщина,
что ни говори. Стихи пишет, в дипломатические
миссии ездит. Может, еще исправится? Революция
и не таких перековывала. А насчет директора сов-
хоза в Горках я уже распорядился. Крепостник! Го-
нял крестьян на барщину, оброк требовал, в карцер
запирал, нагайкой бил. Салтычиха с партбилетом,
понимаешь!

На этот раз сотрудники Техгруппы даже не ре-
шились переглянуться. Безобразий в стране твори-
лось немало, но совхоз в Горках обслуживал Вож-
дя, избравшего бывшее имение столичного градо-
начальника для собственного отдыха. Салтычиха не
для себя старалась.

— Значит, трубки выбросим, — резюмировал то-
варищ Ким с самым серьезным видом. Потом по-
глядел на свою, вздохнул.

— Можно все три. Перейду на самокрутки.

— Смелая идея, — столь же серьезно ответил
Сталин. — И принципиальная. Но у меня есть иная
мысль... Ну что, расскажем товарищам?

Товарищ Ким поморщился, взглянул на ротного,
потом на Вырыпаева.

— Придется. После гибели прежнего состава
Техгруппы у нас нет выбора.

Сказано было это просто и обыденно: «После ги-
бели прежнего состава...» Красного командира пе-
редернуло. Он, конечно, понимал, что попал не на
продовольственный склад, но все же это Централь-

ный Комитет, а не дивизионная разведка! Поручик, напротив, почувствовал нечто вроде мрачного удовлетворения. Все-таки не ошибся! С первого дня его удивляла явная несообразность происходящего. Тех-группу набирали, что называется, с нуля, но прочее уже имелось в наличии: комната, чайник, «ремингтон», даже вечно любопытствующий Гриша Каннер. Обычно все происходило с точностью наоборот. Выходит, группа существовала давно, сменился только личный состав, причем, возможно, не в первый раз.

Старшие молчали, давая время осознать и привыкнуть. Наконец, товарищ Ким, успевший вновь набить свою черную трубку, негромко кашлянул.

— Я, пожалуй, начну. Товарищ Сталин, вы перебивайте, если потребуется...

Владелец кабинета, сам набивавший носогрейку, согласно кивнул.

— Но прежде хочу спросить. Товарищи, встречалось ли вам в документах сокращение «технология С» или просто «ТС»?

Батальонный молча поднял руку.

— Товарищ Вырыпаев получил допуск. — Сталин поднес трубку ко рту, но раскуривать не стал. — Он ознакомлен с «двадцать-один-двадцать».

— Только, к сожалению, ничего не понял, — не удержался Виктор. — «ТС» в самом тексте отсутствует, но трижды встречается в приложениях без всяких пояснений. Могу предположить, что все работы с использованием ТС разрешаются только после одобрения Центральным Комитетом.

Товарищ Ким кивнул.

— Совершенно верно. «ТС» расшифровывается по-разному. «Т» — понятно, «технология», а вот «С»...

— Обычно говорят «секретная», — вмешался хозяин кабинета. — Но это неверно. У нас всюду секрететы, не протолкнуться. Мелко звучит! Я бы сказал, «странная», так будет точнее. Странная, иностранная... Почти, понимаешь, марсиане.

— Марсиане — едва ли, — улыбнулся товарищ Ким. — Но что странная, это точно... Три года назад отдел ЦК, к которому я имею отношение, сделал вывод о присутствии на территории бывшей Российской империи и ряда соседних регионов образцов технологии, абсолютно не известной не только у нас в стране, но и во всем мире. Это прежде всего касается программы эфирных полетов «Владимир Мономах», совершенно невозможной при нынешнем уровне развития науки и техники, установки «Пространственный луч», создания в горах Тибета «Объекта № 1», а также исследований по евгенике — улучшению биологических возможностей человека. В постановлении ЦК упоминаются работы лаборатории Кедрова, как там сказано, по «стимулированию индивидуумов с пониженным жизненным тонусом», а также по так называемым «объектам с измененной биологией». Сейчас этим делом занимаются ЦКК и Рабкрин. Следствие еще не закончено, но предварительные результаты, признаюсь, пугают...

— Вы про полк Бессмертных героев? — поразился Семен Тулак. — Товарищ Ким, так это же байка для несознательных. Скажете еще, что они и вправду зомбей гаитянских выводили!

— «Зомби» не склоняется, — наставительно поправил Сталин. — А если и склоняется, то исключительно перед местным колдуном, именуемым «ун-

ган». Меньше эмоций, товарищ. Слушайте — и на ус мотайте.

— О главном я уже доложил. — Товарищ Ким спрятал трубку в карман. — Кроме лаборатории Кедрова подобные, хотя и не аналогичные, работы вел Владимир Берг в «Сеньгаозере», но об этом сегодня говорено. Хватает, однако, и очень интересных мелочей. Ваш алюминий, товарищ Тулак, материал, из которого сделаны розетки в корпусах, «липучки» на одежде. Может, еще что-нибудь назовете?

— Постараюсь, — ротный сделал вид, что напряженно вспоминает. — Еще у них, у пациентов, ботинки, говорят, были странные, без шнурков. А больше, пожалуй, ничего.

Врать начальству ротный был обучен. Даже не врать — докладывать под нужным углом. От кого именно узнано насчет «липучек» и странной обуви, он предпочел промолчать.

...Прямо с вокзала бывший замкомозек увезла Наталью к себе в коммунальную квартиру, заявив, что немедленно займется поисками кварцевой лампы и, по возможности, толкового врача. Товарищу Тулаку в случае предательства была обещана персональная пуля в лоб, но ротный и сам не думал откровенничать. Политика политикой, а отдавать доверившуюся им девчонку для каких-то там научных опытов Семен не собирался.

— Вот, пожалуй, и все, — резюмировал товарищ Ким. — Вы, сотрудники Технической группы, среди прочего должны отслеживать возможные случаи появления того, что мы называем ТС. Собственно, вы этим уже занимаетесь. Обо всем прочем у нас еще будет время подробно переговорить. Вопросы?

— Заявление! — батальонный резко встал, дернул подбородком. — Прошу перенести мой доклад. Считаю необходимым изменить выводы и предложения. Товарищ Сталин! Товарищ Ким! Я же не думал, что они это всерьез, я думал...

— Вы тоже не горячитесь, товарищ Вырыпаев, — наставительно заметил хозяин кабинета. — Доклад я ваш читал и ничего крамольного не обнаружил. Отложим его обсуждение на некоторое время, если настаиваете. Но не спешите менять свое мнение...

Сталин неспешно встал, блеснул желтыми глазами.

— Твердость, товарищи! Даже если завтра прилетят марсиане, придуманные мелкобуржуазным гуманистом Уэллсом, мы, большевики, все равно будем следовать своим путем. Товарищ Ким доложил вам о фактах, а я попытаюсь сделать из них некоторые выводы. Итак, мы имеем ТС. Чья это технология, кто ее придумал, кто ввез к нам в страну, пока неизвестно. Может, это группа буржуазных авантюристов, втайне от всего мира сумевшая добиться исключительного научного и технического прогресса. Может, кто-то другой, нам неведомый. Мы с товарищем Кимом не верим в марсиан, но существование какой-то иной цивилизации на Земле в принципе допускаем. Это не противоречит ни теории марксизма, ни жизненной практике. Вспомним, что Европа ничего не знала об Америке до Колумба.

Ротный и Вырыпаев непонимающе переглянулись. Иная цивилизация? Почему? Хозяин кабинета понял и сделал предостерегающий жест.

— Не спешите! Пока вы увидели только крае-

шек, товарищи. Сравнение с генуэзским авантюристом Колумбом не совсем точно. О землях за океаном писал еще Платон, их существование допускалось. Мне на ум приходит совсем другое. Царь-Космос! Представляете, о чем речь?

— Так точно! — От неожиданности поручик даже вскочил. — Иконописный сюжет. Старец, замурованный в пещере.

Сталин одобрительно кивнул:

— Хорошо, что представляете. Но Царь-Космос — не просто, как вы сказали, сюжет. Это образ Мира, впервые узнавшего, что за привычной реальностью есть что-то Иное. Его руки воздеты вверх. Считается, что Мир, услышавший Благою Весть, полон радости. А вот в этом позвольте усомниться. Такие новости всегда пугают, особенно поначалу. Но мы, большевики, не робкого десятка!...

Крепкая рука протянулась к трубчному кейсу, пальцы коснулись крокодиловой кожи.

— Вам, товарищи, предстоит трудная и опасная работа. Вы смените других товарищей, выполнивших свой долг перед РКП(б) до конца. Я хочу сделать вам подарок на память. Вы не курите, но я дарю вам не просто курительный прибор. Эти трубки были мне вручены от имени многих тысяч лучших бойцов Рабоче-Крестьянской Красной армии. Их добрые пожелания, их сила, их разум, их воля к борьбе — все это воплотилось в этих двух красивых вещицах. Держите!

Красный бархат, серебряные кольца, янтарные мундштуки... Семену достался «billiard», батальонному был вручен «bent».

— Не расставайтесь с ними. — Генеральный

улыбнулся. — Хорошую вещь приятно носить с собой.

Несмотря на улыбку, голос желтоглазого звучал твердо и повелительно. Вырыпаев вспомнил, что почти такая же английская вещица есть у товарища Кима. Но ведь и у Сталина трубка имеется! Теперь их тоже оделили, вроде как приняли в клуб. Забавно!

Ротному пришла в голову точно такая же мысль, но это его совсем не позабавило.

2

— Не поспеваем, к раскудреной бабушке через пятый плетень да за козлиный хвост! — Крепкий кулак Феодосия Щуся, командира 1-й повстанческой бригады, врезается в карту. — Два полка здесь, а три черт знает где. Перегонит нас Слащев, заткнет дыру.

Атаман Нечай смотрит на карту, кивает неохотно. Да, не поспеть, не подтянуть силы. Лошадей свежих нет, три дня шли дожди, размокли степные дороги. А войска Шиллинга и Слащева уже у Волновахи, окопы роют, артиллерию на позициях пристреливают.

Не успеть!

Повстанческая армия идет на Таганрог. Там — Деникин, там Ставка, там вся его золотопогонная шайка. Со всего Юга сбежались, коньяк хлещут, мамзелей щупают — ждут, когда падет Красная Столица. Беяки взяли Курск, подходят к Орлу...

Махно посылает тачанки прямо на Таганрог. Вы — на нашу Столицу, а мы на вашу!

Горит черный костер.

— «Железка». — Атаман Нечай кивает на карту. — Перебросим, что сможем, эшелонами, а там и остальные подтянутся.

Щушь мотаает головой, морщится, словно от зубной боли.

— Так в том-то и беда! Паровозов мало, побиты все, а железнодорожники, сволочи, саботируют. Денег им, вишь, пятый месяц не платят, семьи нечем кормить. Батька им предложил самим сорганизоваться, с пассажиров плату брать, а они от нас требуют.

«Потому что мы — власть!» — чуть не сорвалось с языка у бывшего красного командира. Не сказал, вовремя вспомнил, что «власти» в степной Утопии не признают. Ни бога, ни господина! В армии, конечно, Батько всему голова, а по городам и весям — не пойми что. В отдельно взятом селе и разобратся можно, товарища из культпросветотдела прислать для разъяснения. А железные дороги? С ними как?

«Внимательно гляди, товарищ, — не устает повторять мудрый комиссар. — Ничего не упускай!»

Смотрит атаман Нечай на вольную Махновию, на черное пламя, горящее в таврических степях. Думает, сомнения гонит. Мчатся тачанки ковылями, летит за ними Свобода. А что с этой свободой делать? В деревне да в городе невеликом, уездном, так-сяк, но дела идут, а с Екатеринославом как быть? Взяти с боем и кровью, постреляли беляков, буржуев экспроприировали. А потом пришли рабочие, у которых дети голодают. Заводы стоят, жалованья нет, последнее на базаре продали. Взорвал Батька банковские сейфы, раздал каждой семье, сколько мог. Надолго ли хватило?

«Промышленность умерла, — комиссар загибает пальцы, — «железка» еле дышит, финансовой системе крышка, на натуральный обмен перешли, преступность захлестывает, потому как бороться некому, почта не работает, эпидемия тифа на подходе...»

Не поспоришь — и к Батьке не подойдешь. Неглуп Нестор Иванович, но в данном вопросе уперся словно о телеграфный столб. «Самоуправление трудящихся, и только!» А где снаряды к трехдюймовкам брать? На трофеях долго не протянешь, а трудящиеся рады бы Повстанческой армии помочь, но одной радости для этого мало.

— Так только при Разине жить можно, — делает вывод атаман Нечай. — Когда ни заводов, ни телеграфа, ни «железки».

— У Разина не получилось, — напоминает комиссар. — Разбили его иноземные царские полки с немецким оружием. Промышленность, транспорт, медицина, безопасность общественная — все управления требует. Государство — зло, но до полного коммунизма без такого зла людям не прожить. Этим платим мы за то, что из пещер смогли выйти, за то, что жизнь у нас лучше, чем у первобытных троглодитов.

Не хочет соглашаться атаман. Уж больно манит Утопия, уж больно тешит душу темное пламя Свободы.

— Вот ты начальства не переносишь, — смеется комиссар. — Знаю, знаю! Я сам такой, первый раз в тюрьму попал, когда мастера на заводе за подлость его холуйскую измолотил от всей рабочей души. А ведь сейчас и ты начальник, и я, слушаются нас бойцы, идут за нами. Есть, конечно, опаска, что

заведется гниль на самом-самом верху. Плохо, когда вместо пролетарских вождей — иконостас церковный. Но с ними разберемся, и со всем прочим решим, дай только время.

Нет времени, ни часа, ни малой минуты! Слащев уже под Волновахой, Кутепов под Орлом, на Столицу полки поворачивает.

— Вперед! На Деникина-гада! — машет шашкой Феодосий Щусь.

— Вперед! — командует бойцам атаман Нечай.

Мчат тачанки, липнет к колесам черная степная грязь, ржут усталые кони. Повстанческая армия Нестора Махно идет в атаку на Главкома Вооруженных сил Юга России.

Горит, горит черный костер!

3

— Ничего, подождете! — донесся из-за перегородки недовольный голос Натальи Четвертак. — Греюсь я. Вот догреюсь, тогда выйду. И не вздумайте заходить, в окошко выпрыгну!

Семен покосился на батальонного. Альбинос молча развел руками. Греется, ничего не попишешь.

Гелиотерапия!

Молодым людям родная власть предоставила по отдельной комнате в общежитии, что при столичном многолюдье было совсем неплохо. Героической кавалерист-девице повезло еще больше: ей была выделена комната в огромной коммуналке, насквозь пропахшей луком и керосином. На двенадцать комнат — одна уборная, в бывшей ванной комнате еще в 1918-м устроили кладовку, коридор

и лестничную площадку подметали и мыли два раза в год по пролетарским праздникам, лифт (шестой этаж!) никак не могли починить. Но это была все-таки отдельная комната, причем большая и очень светлая. Неохватные окна смотрели прямо в небо, выше соседних крыш. Вдобавок прежний жилец озаботился установить фанерную перегородку. Была одна комната — две стало, пусть невеликие, зато уютные. В одной из комнатушек и поселилась гостя из «Сеньгаозера».

— «Мундир английский, погон российский, — донеслось из-за тонкой стенки, — табак японский, правитель Омский. Ах, шарабан мой, американка!..»

Товарищ Зотова явно не теряла времени даром, приобщая свою новую знакомую к прекрасному.

— Гелиотерапия, — негромко проговорил Виктор Вырыпаев, только что посвященный во всю эту историю. — А я на обезьян своих грешил! Ты в это веришь?

На этот раз руками довелось разводить Семену.

Ротный шел в гости не без внутреннего трепета, помня историю с расстрелянными в упор соседями. Однако страшные предчувствия не оправдались. Более того, побывав на кухне, где он лично руководил заваркой чая с мятой, молодой человек имел возможность потолковать с обреченными на страшную гибель жильцами, возившимися у пыхтящих примусов. От них он узнал, что новая «жиличка» появилась здесь недавно, но уже успела всем полюбить. «Товарищ военная» установила график уборки, твердой рукой добилась его соблюдения, организовала починку лифта и всерьез занялась восстановлением ванной комнаты. «Только худая очень и

кашляет сильно, — печально вздохнула одна из соседок. — Вы уж ее подкормите, товарищ командир!» Ротный твердо обещал, за что был поощрен большим куском пирога с вишневым вареньем.

К товарищу Зотовой зашли не случайно и не из простого любопытства. Ольга сообщила, что кварцевую лампу достать удалось, а вот с врачом все оказалось не так просто. Обычный доктор, интеллигент из «бывших» в очках и с саквояжем — личность крайне ненадежная. Если не побежит в ГПУ, то коллегам разболтает и уж точно на допросе расколется. Нужен кто-то более надежный.

Повезло! В субботу, накануне выходного, кавалерист-девица, вернувшись из очередного рейса в канцелярию, радостно доложила: найден надежный! Во-первых, доктор, во-вторых, давний знакомый, в-третьих, в доску свой. Ольга пригласила его на выходные, заодно позвала и сослуживцев. Вдруг придется Наталью по коридорам и подъездам отлавливать?

Вначале воздали должное чаю с мятой, а затем Зотова, оставив гостей на хозяйстве, поспешила на встречу с загадочным доктором. Семен предположил, что девушка случайно встретила знакомого по фронтовому госпиталю. Вырыпаев резонно поинтересовался, что такому делать в сердце Центрального Комитета. Рядовые партийцы приходят в приемную на Воздвиженке. Или этот неведомый — член ЦК?

Оставалось одно — немного обождать. Семен попытался завязать разговор, но альбинос отвечал вяло, думая о чем-то своем. Ротный решил не настаивать. Поудобнее устроившись на старом про-

давленном диване, он принялся внимать не на шутку распевавшейся Наталье. После «Шарабана» очередь дошла до романсов.

Забыты нежные лобзання,
Уснула страсть, прошла любовь...

Ротный, вспомнив весь репертуар кавалерист-девицы, мысленно пожелал неведомому доктору прийти поскорее. Виктору же было не до романсов. В этот день, ближе к вечеру, ему самому предстояла важная встреча, но об этом он не мог рассказать никому, даже своим новым товарищам.

Так ветер всю красу наряда
С деревьев осенью сорвет...

Вырыпаев встал. Не будучи увлечен пением, он первым услышал донесшийся из коридора голос.

— Нет, матушка моя! Такое отношение к собственному здоровью *архипгеступно*. Да-с, вас следовало бы в принудительном порядке отправить в санаторий, а после *непременно растгелять!*

Матушка Зотова попыталась что-то возразить, но зашлась в кашле.

— Кашляем, значит? Кхекаем? — Голос неведомого расстрельщика посуровел, — Я вам еще три года назад выписывал направление. Манкировать изволили, матушка? Ну, куда это годится? *Непременно растгелять в погядке усиления массовидности террора!* И даже чаем не поить.

У Виктора мелькнула нелепая мысль, что с замкомэском беседуют двое: некто незнакомый и другой, более чем известный, если не по митингам и съездам, то по анекдотам. Ротный тоже услышал — привстал, моргнул недоуменно.

— А вы как думали, матушка? *Сегодня гладить*

по головке никого нельзя — гуку откусят, и надобно бить по головкам, бить безжалостно! Мне даже кажется, я знаю, с кого следует начать, да-с.

За перегородкой замолчали, тоже, видать, прониклись.

Дверь открылась. На пороге появилась несколько растерянная кавалерист-девица. Вслед за нею в комнату бодро шагнул невеликого роста рыжеватый мужчина с короткой бородкой клинышком. Одет был просто — поношенный серый костюм, темная рубашка и широкий галстук в горошек. В одной руке рыжебородый держал типичный докторский саквояж, вторая сжимала большую темную бутылку без этикетки. В комнате запахло хорошим вином.

Молодые люди, не сговариваясь, встали. Гость бросил на них острый оценивающий взгляд, но здороваться не спешил. Сперва он поискал глазами стол, затем, обнаружив искомое, аккуратно поставил бутылку прямо в центр, между кружек с недопитым чаем.

— Вот-с! Пре-вос-ход-но! — удовлетворенно сообщил он. — Наша милая Оленька выдернула меня прямиком из превеселой компании, но это не повод оставлять такое сокровище недопитым. Это было бы и вправду *архипгеступно*. Ульянов!

В первый миг присутствующим показалось, что рыжебородый привел общеизвестную цитату с указанием автора. Однако гость усмехнулся и поспешил уточнить:

— Ульянов Дмитрий Ильич. «Ильичом» прошу не дразниться, этой шутке столько же лет, сколько каждому из вас. Могу обидеться и начать ругательски ругаться.

Альбинос и цыганистый поспешили представиться. Не-Ильич дохнул винным ароматом и обменялся рукопожатиями. Затем, подойдя к столу, поглядел на бутылку долгим влюбленным взглядом.

— Между прочим, из голицынских погребов. Попросил нацедить несколько емкостей перед отъездом в Столицу. Это — последняя. Sic transit vino mundi!

Тяжело вздохнув и не без труда оторвав взгляд, он повернулся к хозяйке.

— Допьем сегодня же и *всенгеменно* вместе. Но сначала, как водится, дело. Где, матушка, наша больная?

Зотова открыла рот, чтобы ответить, но не успела.

— Я здесь! Дядя Дмитрий Ильич, а кто вы?

В узком дверном проеме, разделяющем комнатушки, стояла Наталья Четвертак.

Ротный невольно удивился. Странный комбинезон исчез, вместо него на девочке оказалась старая стираная гимнастерка, вполне заменяющая платье. Зато вернулся румянец. Лицо вновь налилось алой краской, заблестели глаза, яркие губы весело улыбались. Больная вовсе не казалась больной, если бы не странный цвет кожи.

— Я доктор, — подкупающе просто сообщил Не-Ильич. — Давний фронтовой знакомый нашей Оленьки, то есть, конечно, Ольги Вячеславовны. Когда-то я ей немного помог, теперь, даст бог, помогу тебе.

— А вы хороший доктор? Настоящий?

В голосе Натальи самым краешком промелькнуло недоверие. Рыжебородый поставил саквояж, снял пиджак и принялся закатывать рукава.

— Давай посчитаем. Полный курс медицинского

факультета в Дерптском университете, пятнадцать лет практики, потом служба в сануправлении Ру-мынского фронта... Оленька, матушка, слейте мне на руки и дайте, будьте добры, полотенце.

Товарищ Зотова уже стояла рядом с большим кувшином наготове. Вырыпаев, обнаружив требуемый таз под столом, поспешил прийти на помощь.

— А вы людей режете? — требовательно уточнила девочка.

— Режу, — кивнул Не-Ильич, стряхивая с рук воду и берясь за полотенце. — Но не слишком часто.

Наталья задумалась.

— А почему вы Вождя перекривляете? У нас над ним смеяться, между прочим, запрещалось. За это в карцер сажали.

Взрослые невольно переглянулись.

— *В погяжке усиления массовидности терро-ра*, — вздохнул рыжебородый. — Он, Наташа, первый начал. Я совсем маленький был, ни «л», ни «р» не выговаривал, а он меня дразнилками доводил до слез. А потом, когда я у него в первый раз в шахматы выиграл, вообще перестал со мной разговари-вать... Дай, пожалуйста, свою руку.

Пораженная Наталья молча подчинилась. Не-Ильич пододвинул стул, достал большие часы-луковицу с секундомером и принялся за дело. Через несколько секунд его брови поползли вверх.

— Однако!

— А вы бы, дядя Дмитрий Ильич, у меня спроси-ли, — осмелела девочка. — У всех наших пульс не такой, как у других. Аритми... Слово забыла.

Рыжебородый наклонился вперед, взял Наталью за обе руки, улыбнулся.

— Забыла — не страшно. А что помнишь? С вами работали по методике Нен-Сагора?¹

— Нен-Са... А, вспомнила! Нам рассказывали. Нен-Сагор — врач из Индии, изобрел «солнечное воспитание». Владимир Иванович говорил, что это только для жарких стран годится. И не слишком надежно, часто бывают эти... «солнечные хвори». Помереть очень даже можно. Фотоси... Фотоситец... Ой, забыла! Ну, в общем, это лучше.

— Фотосинтез, — машинально поправил Не-Ильич и повернулся к Семену, — Товарищ Тулак, вы говорили Ольге Владиславовне про этих... Не при ребенке будь сказано, с ложноножками которые.

— Амебы! — радостно закричала девочка. — Они красные и очень полезные.

Рыжебородый отпустил Наталью, встал, зачем-то поправил галстук.

— Как член ЦК, я знаком с январским постановлением 1920 года. Гражданину Бергу и его покровителям закон, кажется, не писан. Ну, поглядим, поглядим... Кое-кого и вправду следует не *гастгелять*, а шлепнуть у стенки самым решительным образом.

Двое «красных» и один белогвардеец были с ним полностью согласны.

— В 1919-м Берг напечатал статью, в которой разнес в щепки теорию Нен-Сагора. Очень зло написал, неприятно даже читать. Нен-Сагор абсолютно не прав насчет «солнечного воспитания», но в

¹ О Нен-Сагоре и его исследованиях см. повесть Юрия Смольича «Еще одна прекрасная катастрофа».

его санатории детей по крайней мере лечат и кормят. Он — идеалист и мечтатель, считает себя учеником Толстого. Гражданина Берга последнее обстоятельство почему-то особенно позабавило.

— Не надо! Не ругайте Владимира Ивановича!..

От возмущения Наталья Четвертак даже топнула ногой.

— Он детей подбирает, которые с голоду мрут. И я помирала, у меня батюшку и матушку в 1917-м убили, я была худая, есть уже не могла, доходила совсем. Владимир Иванович меня спас, здоровой сделал. Мне теперь ложечки каши в день хватает, только бы солнце за тучи не пряталось. Вот вы, дядя Дмитрий Ильич, его ругаете, а сами так можете? Скажите «раз»!

— Стой! — крикнул Семен, уже зная, что за этим последует. Не успел. Перед глазами мелькнула светло-зеленая ткань гимнастерки.

— А я здесь!

Голос донесся откуда-то сверху, чуть ли не с самого потолка.

— Теперь здесь! — слева, от двери.

— И здесь!

Улыбающаяся Наталья, вновь оказавшаяся на прежнем месте, попыталась церемонно поклониться. Получилось не очень, и девочка сама же засмеялась:

— Этого еще не умею. Зато по стенам ходить могу. И до потолка допрыгнуть. И...

— Почему же ты бежала? — негромко поинтересовался доктор. — Кого-то, кажется, резать собирались?

Наталья нахмурилась, отвела взгляд:

— А вы знаете, дядя Дмитрий Ильич, какая в ноге у человека самая хрупкая кость?

* * *

Самой хрупкой костью оказался коленный сустав. Владимир Иванович Берг констатировал это с нескрываемой горечью. Его питомцы способны очень быстро двигаться, высоко и далеко прыгать, но что толку, если колено не выдерживает сильных ударов? Вот если бы злосчастный сустав был из стали-нержавейки, а еще лучше из титана...

Первую группу начали готовить к операции полгода назад. Туда включили самых здоровых — и подростков, и совсем маленьких. Владимир Иванович долго беседовал с каждым, объяснял, успокаивал. Операции, говорил он, бояться не надо. Каждому из них несколько лет назад впустили под кожу полезных красных амеб. Тогда тоже многие боялись — и совершенно напрасно. Все пройдет под наркозом, больно не будет, зато потом, когда заживет, дети превратятся в настоящих кузнечиков. Хоть на три метра взлетай, хоть на все десять. А спрыгивать можно будет даже с пятого этажа, не разобьешься.

Хочешь быть кузнечиком, малыш?

Наталья испугалась. Кузнечик — еще ладно, но те, кто был постарше, шептались, будто при операции заменят не один сустав, а обе ноги сразу. Взамен другие пришьют, длинные и очень твердые. А чтобы легче было прыгать, чего-то вставят прямо в сердце — кровь по жилам гнать. Когда об этих разговорах узнал Берг, то очень рассердился и дал честное слово, что ничего такого не предвидится. Ему поверили — но не все.

Первая операция намечалась на февраль, однако помешали внезапные сборы. Наталья бежала в ночь перед отъездом.

* * *

— А кто-то говорил, что красные зомби из полка Бессмертных героев — всего лишь байки несознательных граждан, — заметил поручик. — По сравнению с этим доктором Франкенштейном зомби — вполне щадящий вариант.

— О чем слышал, о том и рассказывал, — дернул плечами красный командир. — А зомбей... В смысле, зомби... Их не бывает.

— Я бы не судил столь категорично, — вмешался Не-Ильич. — Про Гаити и тамошних унганов рассказывают всякое, так что не станем спешить. Но если вы о лаборатории Кедрова, то знаю совершенно точно — мертвецов там не воскрешали и не посылали в бой. А вот с вполне еще живыми, пусть и не слишком здоровыми, людьми вещи проделывали чудовищные. *Архисквевное подражание архисквевному Фганкенштейну*. Странно, Кедров — врач, давал клятву Гиппократу... Однако у нас с вами сейчас совсем иная проблема. С этой юной гражданкой что-то следует делать.

— Не следует! Не следует! — Наталья вновь ударила ногой об пол. — Я здорова, тетя Оля лампу кварцевую достала...

Рыжебородый покачал головой.

— Лампа — это несерьезно. Если то, что я подозреваю, правда, то кварц ничем не лучше макухи, которую жуют, чтобы прогнать голод. Но все равно не верится. Фотосинтез, красные амёбы... Слишком мало энергии, чтобы выжить да еще так прыгать. И в то же время...

Не-Ильич помолчал, припоминая.

— Теперь, кажется, понял... Да, точно! Полгода назад я заезжал в Харьков, ненадолго, по санатор-

ным делам. Позвали меня к Богданову, в его Институт крови, и там, под большим секретом, продемонстрировали некий препарат... Девочка, закрой ушки!

Наталья с охотой подчинилась, но ладони прижала к щекам не слишком плотно.

— ...Препарат в данном случае — это то, что было взято при вскрытии. Патанатом сделал препарат соединительно-тканого слоя дермы, чтобы понять, почему у покойника кожа была совершенно необычного цвета — ярко-красного. Поразительно то, что в мертвой коже остались живые амебоидные клетки, крупные, алого цвета, с длинными отростками. Вся клетка выглядела очень необычно, форма странная, звездчатая. К тому же их было очень много... *Наташа, пгекгати архибезобгазно подслушивать!..*

Наталья сделала строгое лицо и шлепнула себя ладонями по ушам.

— ...Да-с. Этих амебоидов было практически меньше, чем фибробластов. Фибробласты, если кто не знает — нормальные клетки рыхлой соединительной ткани. Специалисты, которые мне сие продемонстрировали, не могли ничего объяснить. Такие паразиты медицине и биологии неизвестны. Я тоже поохал и поахал, после чего отбыл в полном недоумении, ибо такого не может быть, как говорится, по определению... Наташа, ты нам все рассказала?

Девочка оторвала ладони от ушей и задумалась. Никто не торопил.

Молчали.

— Как амеб под кожу запустили, не помню, — наконец, заговорила она. — Плохо мне было, думать не могла. Потом — очень жарко, как огонь по

всему телу. И есть хотелось. А после полегчало, солнце стало нравиться. Вспомнила! Когда я вставать начала, меня и других новеньких первый раз закаляться повели.

— В холодную воду прыгать? — улыбнулся доктор.

Девочка помотала головой.

— Нет, это для совсем маленьких. Нас в железный сарай отправили, где свет из-под земли появляется...

Ротный и кавалерист-девица переглянулись. Семен приложил палец к губам, девушка, чуть подумав, согласно кивнула.

...Белая сфера за стальными воротами секретного ангара. Гулливер, плененный лилипутами.

— ...Но смотреть не дали, на глаза повязки надели, кожаные. Больно не было, только вроде как холодом подуло и в пятках щипать стало. Потом нас еще несколько раз водили, мы привыкли.

— В пятках щипать, — повторил Не-Ильич. — Что-то, связанное с электричеством, как я понимаю. Наташа, конечно, этого знать не может...

— Могу, могу! — энергично возразила девочка. — Нам Владимир Иванович сказал, что бояться не надо, это природная ономулия...

Рыжебородый покивал, словно ничего иного не ожидая, усмехнулся невесело.

— Иногда ругательски ругаю себя, что перестал заниматься политикой. *Архимещанский подход к жизни!* Строить больницы и санатории — дело важное, но иногда должно и власть употребить. А если потребуется — *бить по головкам, бить безжалостно!*

— Когда мы с вами, Дмитрий Ильич, познакоми-

лись, вы были председателем Совнаркома, — негромко напомнила бывший замкомэкс.

— Крымского, матушка, всего лишь крымского, — отмахнулся Не-Ильич. — И то на несколько дней, пока не подобрали более рукастого товарища. У меня нечто вроде зарока еще с 1903-го. Тогда мы с братом встретились в Брюсселе, вот-вот должен был открыться Второй съезд РСДРП(б). Сейчас об этом сочиняют сказки, а все выглядело очень просто. Толпа эмигрантов, делающих революцию в кафе и библиотеках, и несколько руководителей с мест, из России. Они, собственно, и были партией. От их — от нашего! — слова зависело все. Я руководил Столичным комитетом...

Рыжебородый подошел к столу, протянул руку к темной бутылки.

Отдернул.

— Двадцать девять лет, надежды, амбиции... Брата сватали на «Искру», меня — на ЦК. Кто-то уже поговаривал о «симбирской династии». А потом... Потом я впервые послушал Плеханова. Георгий Валентинович был в тот день поистине в ударе! Он торжественно поклялся после нашей неизбежной победы установить на каждой российской площади гильотину. Помню, из зала ему крикнули: «Какая гадость!» Это был Надеждин, один из ветеранов «Народной воли». Плеханов даже не поморщился. А ведь я пошел в эсдеки не в последнюю очередь из-за того, что в романовской России к человеческой жизни относились совершенно наплевательски. Я — врач... Итак, гильотина в качестве программы-минимум. Затем был съезд, где весь цвет нашего социал-демократического бомонда повел себя не лучше стаи павианов. У них вопросы лидер-

ства тоже всегда на первом плане. В Центральный Комитет баллотироваться я ~~не стал~~, отказался. Так сказать, *шаг вперед и два шага назад*... Ну-с, большую прошу приготовиться к осмотру, а вы, молодые люди, вино без меня не пробуйте. Я должен сначала о нем рассказать, ибо сей продукт того стоит... Пойдем, Наташа!

Девочка без споров проследовала за перегородку, доктор аккуратно прикрыл дверь. Те, кто остался в комнате, долго молчали.

— Поймаю Берга — в ЧК сдавать не стану, — криво усмехнулся Семен Тулак. — Пусть сначала мне руку пришьет.

— Пришьет, — согласился Виктор Вырыпаев. — Ногу с семью пальцами, а на каждом — по глазу. Будешь у нас трехногим девятиглазым кузнечиком

— Прекратите! — поморщилась замкомэск Зотова. — И без того тошно. Кузнечики! Выходит, мы за это воевали?

* * *

...Серебряная иконка — хмурый лик Царя-Космоса — сжата в ладони. Не так легко становиться убийцей.

Господи, прости нам всем!..

— Кончай его! — Корнет Вика Оболенский из 3-го конного нетерпеливо поглядывает на часы. — И так задержались, того и гляди, без обеда останемся. Хочешь, я шлепну?

— Сам! — шевелит губами поручик. — Сейчас...

Комиссар стоит у придорожной канавы. Руки за спиной, белая рубаха навыпуск, железные очки сползли на нос. Ночной налет удался — накрыли

красный штаб. Пора возвращаться, вот только с комиссаром вопрос не решен. Нижних чинов не кликнешь — в отряде все офицеры.

Горячее серебро в кулаке... Поручик смотрит на комиссара. Глаза в глаза, смерть против смерти.

— Послушайте! — внезапно для самого себя обращается он к мертвецу. — За что вы воюете, что вам надо в России? Россия большевикам не нужна, вы это прямо заявляете. Только не говорите, что вашей партии дороги интересы всемирного быдла. Вы их костями дорогу мостите. Дорогу — куда?

— Поручик! — зовет Вика Оболенский, но молодой офицер не слышит.

— Мы, добровольцы, боремся за восстановление российского государства, за обычную, нормальную человеческую жизнь...

— Я понял. — Комиссар спокойно кивает. — В этом и разница. Вам нужно спокойное мещанское болото. Мы — создаем новую жизнь в самом прямом смысле. Новая земля, новое небо, новые люди. Для этого нам требуется весь мир. Россия — лишь депо планетарной революции.

— Красный Апокалипсис, значит? — иронически хмыкает корнет, пряча часы и расстегивая кобуру. — Господи, как неоригинально! Изобрели бы лучше галактический Коминтерн, что ли.

— Всеу свое время. — Мертвые глаза комиссара на миг оживают, вспыхивают темным огнем. — Новый мир придумали до нас, но именно мы нашли в него дорогу. Наука и современная технология изменят Землю и сделают доступным Небо. А Новый Человек станет таким, что сам Франкенштейн иззавидуется в своей могиле. Новый Человек будет жить...

Поручик опускает «кольт», вдыхает едкий пороховой дым.

— Bravo! — Оболенский одобрительно кивает. — Одной пулей — и прямо в лоб-с. Одобряю, одобряю... Хороши, однако, у краснопузых идейки. Франкенштейна этим Абрамовичам подавай!..

Поручик не отвечает, смотрит на икону. Новая земля, новое небо...

Царь-Космос молчит в своей темнице.

4

— Сидите смирно, — посоветовала женщина. — Курить можно, но предупредите, когда станете доставать папирасы. И резких движений не делайте.

Виктор Вырыпаев притворился, будто не слышит. С табаком он давно уже раздружился, дергаться же и суетиться в присутствии незнакомки считал ниже своего достоинства. Ничего, можно и обождать.

Гостья устроилась на стуле, ему же было предложено сесть на железную кровать, под которой был спрятан чемодан с Ваганьковского. Пистолет, небольшой дамский «браунинг», скучал на столе, как раз под рукой у той, что пришла к нему в общежитие.

...Дорогое темное пальто, штучная серая шляпка, кольца на тонких пальцах. В полутьме неярко блеснул огонек бриллианта. Браслет на запястье, серебряная табличка на пистолете. Интересно, чье там имя? Мужа, любовника — или просто трофей?

— Пистолетом интересуетесь? — Женщина уловила его взгляд. — Подарок товарища Троцкого за бои на Волге. Когда познакомимся ближе, сможете полюбоваться.

Сказано было так, словно на столе красовалась шкатулка работы Фаберже, а не обычное, пусть даже именное, оружие. Дама была определенно не из тех, кто склонен себя недооценивать. Виктор не удержался, скользнул глазами. Если бы не вся эта роскошь, то ничего особенного. Лет тридцати, далеко не красавица, нижняя челюсть — словно у боксера, пальцы длинные, цепкие. Взгляд неприятный, словно на лягушку, не на человека смотрит.

Барыня!

Батальонный отвел взгляд и принялся рассматривать огоньки за окном. Пусть ее! Странные все же дамы попадают на пути. Доминика Игнатишина, теперь эта, в бриллиантах, с именным «браунингом». Или дело не в нем, никому не интересном инвалиде, а в том, что стоит под кроватью?

Визит не был неожиданным. Товарищ Ким предупредил: в шесть вечера быть в общежитии, ждать гостей. Вот и дождался. Интересно, кто следующий? Легкий щелчок зажигалки. Гостья закурила, даже не спросив разрешения. На холеном лице проступала брезгливая скука.

— Так и живете, Вырыпаев? В этом клоповнике? Неужели приятно нищенствовать?

Виктор даже не обиделся. Чего еще от такой ожидать?

— Завтра же переселюсь к вам, Марья Ивановна. Благоволите подать экипаж.

Тяжелая челюсть дрогнула.

— Лариса Михайловна, если вам интересно. Не путайте меня с гражданкой Коллонтай. Свой стакан воды я выбираю сама, причем весьма придирчиво. С моим прежним мужем мы познакомились на миноносце, когда шли брать Казань. Потом был

десант, бои в городе... Тогда, на капитанском мостике, он мне казался очень интересным человеком. В посольском особняке все стало иначе, и я предпочла завершить историю.

Батальонный понимающе кивнул. Посольский особняк, приемы, лакеи на подхвате, золоченые канделябры, скучища...

— Неужели за красных изволили воевать?

Ответом был снисходительный взгляд. Женщина глубоко затянулась дымом, стряхнула пепел прямо на пол.

— Аристон Кеосский считал, что ирония — признак скрываемого высокомерия. Я воевала за красных — и, как видите, победила. А вы, уж, извините, на победителя не похожи. Когда товарищ Ким вводил меня в курс дела, я подумала, что вы по меньшей мере *Ангвари*. Знаете предание про золото Нибелунгов?

Виктор улыбнулся. Разговорилась дамочка! Значит, можно кое-что проверить.

— Нет, не знаю. Но вы, Лариса Михайловна, тоже подкачали. Бабочка махаон, два красных камешка, два синих. Забыли?

В светлых тевтонских глазах — легкое удивление. Нет, не знает!

— Бабочка, насколько мне известно...

Легкий скрип двери, ветерок из коридора... Кажется, они слишком увлеклись беседой.

— Добрый вечер, товарищи!

Пальцы любительницы бриллиантов легли на рукоять «браунинга». Отдернулись, сжались в кулак. Поворачиваться Виктор не стал. Судя по голосу — кто-то незнакомый. Ничего, сейчас увидим.

Шаг, другой...

— Гондла, побудьте, пожалуйста, в коридоре. И спрячьте оружие, стрелять вы все равно не умеете.

Батальонный с трудом удержался от ухмылки. Кажется, мадам Гондлу элементарно выставляли за дверь вместе со всеми ее амбициями.

— Здравствуйте, Виктор Ильич!

Новый гость стоял перед ним — высокий, широкоплечий, с густой проседью в черных волосах. Английский кожаный плащ, в левой руке — темная шляпа с широкими полями. Полные ярко-красные губы улыбались.

— Егор Егорович. Имя и отчество совершенно подлинные.

Рукопожатие — крепкое, энергичное. На вид гостю было за тридцать, но голос казался значительно моложе. Или виной всему ранняя непрошенная седина?

— Вы еще здесь?

Последнее относилось к мадам Гондле. Лариса Михайловна, не дрогнув лицом, простучала каблучками к выходу. Альбинос почему-то решил, что она непременно хлопнет дверью. Ошибся — дамочка просто не стала ее закрывать.

— Присаживайтесь, Егор Егорович, — спохватился он, вспомнив о долге гостеприимства. — Если на стуле пепел, смахните.

Владелец кожаного плаща поглядел на стул, но садиться не стал.

— Товарищ Ким сейчас будет. Кажется, мне придется извиниться за Гондлу. Лариса любит опасные игрушки, оружие — еще не самый крайний вариант, с мужчинами у нее получается еще хуже.

— Обижусь, — донеслось от дверей.

— Обидитесь. — Егор Егорович невозмутимо кивнул. — Трубку у товарища догадались проверить?

На этот раз ответа не последовало. Кожаный дернул полными губами, взглянул вопросительно. Вырыпаев прикинул, где может лежать подарок Генерального. Кажется, где и был, в кармане.

— Резких движений не делать?

Егор Егорович покачал головой:

— Как вам угодно. Значения не имеет.

Сказано было просто, но Виктор сразу же почувствовал: с ним не шутят. Оружие гость не доставал, но от этого казался еще более опасным.

Неяркий свет лампы отразился от черной полировки. Вырыпаев положил «bent» на ладонь, поднял повыше.

— Благодарю, — без тени улыбки кивнул кожаный. — Извольте взглянуть сами.

В его крепкой руке словно из ниоткуда образовался еще один «bent», такой же черный, изогнутый, только чуть побольше. В трубках батальонный совершенно не разбирался, но почему-то решил, что «bent» гостя очень дорогой, не чета его собственному. Уточнять не стал, спросил про другое:

— Егор Егорович, отчего же нас не предупредили, что трубка — вроде пароля?

Гость вновь дернул губами:

— Sapienti sat, как говорится. Иначе зачем некурящим трубки дарить?

В гимназии Виктор учился, посему латынь разобрал.

— Строго говоря, это не пароль, — продолжал гость. — Скорее традиция. Товарищ Ким — великий ценитель и коллекционер трубок, причем, в отличие от иных собирателей-Шейлоков, охотно их

дарит. Когда исчезли папиросы, многие курильщики перешли именно на трубки, чтобы не крутить «козью ногу». А если учесть, что все экземпляры разные, то получилось и в самом деле нечто вроде индивидуального пароля. Товарищ Сталин, тоже известный «трубочник», когда вошел в курс дела, предложил сей обычай формализовать. Трубки стали получать и некурящие.

Кое-что стало понятнее, кроме, пожалуй, основного. Кто они все, любители трубок? Много ли общего между Генеральным, наглой дамочкой и этим хорошо воспитанным боевиком? Один ответ Виктор уже знал. Чемодан с Ваганьковского — вот он, общий знаменатель!..

— Не думал, что внутри Центрального Комитета существует нелегальная организация!

— Нелегальная? — поразился кожаный. — Во все нет. Увлекаетесь шпионскими романами, Виктор Ильич? В жизни все куда проще. Мы представляем один из отделов ЦК, которым с весны 1919 года руководит товарищ Ким. Существование этого отдела не слишком афишируется, но он создан и действует в соответствии с указаниями Вождя...

— ...И решением Шестого съезда партии от 19 августа 1917 года, если по новому стилю.

В дверях стоял товарищ Ким с неременной трубкой в руке. Из-за его плеча выглядывала недовольная физиономия мадам Гондлы.

— Здравствуйте, товарищ Вырыпаев. Разрешите войти?

Теперь в маленькой комнатке собрались все четверо. Товарищ Ким, не чинясь, присел на койку рядом с хозяином, Ларисе Михайловне вернули стул, а кожаный скромно отошел к двери.

— Вопросов на повестке у нас всего два, — продолжил коллекционер трубок, когда все разместились. — Первый: отчет товарища Вырыпаева. Хотелось бы знать, почему он не пожелал выполнить четкий и ясный приказ и продолжил заниматься делом Игнатишина?

Сказано было это вполне светским тоном, но батальонному стало не по себе. Эти люди могут улыбаться, но они не шутят. Приказ он действительно нарушил. Если задуматься, то не он один. Семен Тулак тоже не стал докладывать о «солнечной» девочке, но это дело, кажется, уладилось — Дмитрий Ильич решил немедленно увезти Наталью в Крым, в один из новых санаториев. Беглянку там не найдут. А вот ему, излишне любопытному посетителю кладбищ, кажется, придется отвечать.

Ну, будь что будет!

— Я оставил в музее свой телефон, — голос от волнения дрогнул. — Просто оставил, на всякий случай. Приказ я получил уже после...

Это было не совсем так, но альбинос знал, что перепроверить его слова трудно. Едва ли работники фонда запомнили конкретный день.

— Номер дал не служебный, а этот — моего общежития. Причины, думаю, понятны. Когда позвонила сестра Игнатишина...

— У Игнатишина нет и не было никакой сестры, — перебила Гондла. — Даже двоюродной, я проверила. Жены, невесты и близкой подруги, насколько я знаю, тоже.

— Насколько ты знаешь, — мягко улыбнулся товарищ Ким, огладив «шкиперскую» бородку. — Продолжайте, товарищ Вырыпаев.

— Когда позвонила женщина, — Виктор резко

выдохнул, — назвавшаяся сестрой Игнатишина, мне не к кому было обратиться, разве что к Грише Каннеру...

Присутствующие переглянулись, Егор Егорович, не удержавшись, хмыкнул. Кажется, вездусущий помощник Генерального был всем хорошо известен.

— Моя вина, признаю, — отозвался товарищ Ким. — Надо было ввести вас в курс дела раньше, а заодно познакомить со здесь присутствующими. Значит, проявили инициативу... Ну, рассказывайте.

На этот раз его никто не перебивал. Вначале Виктору казалось, что ничего связного у него не получится. Байки соседа о пирожках с человечинной, странный грим на лице Доминики, брошка с цветными камешками, тихие пустые аллеи с мраморными ангелами...

...Господь милостив к бунтовщикам и разбойникам, потому как сам вырос на Хитровке. Сам свинец заливал в пряжку, сам варил кашку. Этому дал из большой ложки хлебнуть, этому из ложки поменьше, но два раза, а этому со дна котелка дал черпнуть...

Батальонный сам удивился, насколько гладок вышел рассказ. Словно не он, а кто-то иной вспоминал все детали и подробности — кленовые листья на кладбищенской аллее, гладкий, словно только что из мастерской, мрамор саркофага, расположение камешков на бронзовом махаоне... Выпали лишь минуты обморока, однако не это смущало. Виктору все время чудилось, будто он упустил что-то очень важное. Забыл — или помогли забыть.

Вместо финальной точки батальонный вытащил из-под кровати завернутый в плащ чемодан. Поче-

му-то думалось, что гости немедленно им займутся, однако никто не спешил.

Первой заговорила Гондла.

— Вырыпаев, я вам не верю. Какой смысл прятать груз в склепе? Это же очень опасно, человек с чемоданом на кладбищенской аллее сразу вызовет подозрения. А уж, извините, если вас там обнаружили, то шансов не было ни малейших. У вас — не у ваших врагов. Вдобавок эти бабочки с камешками... Нет, ерунда!

Виктор порывался возразить, но невозмутимый товарищ Ким поднял вверх пустую трубку:

— Соблюдаем порядок. Егор, твоя очередь.

Кожаный бросил иронический взгляд на сердитую насупленную женщину, затем повернулся к хозяину комнаты.

— А я вам, Виктор Ильич, верю. Гондла, неужели этот неглупый молодой человек не сумел бы придумать нечто более логичное? Встретились, скажем, в Сокольниках на трамвайной остановке, коротко поговорили, он получил чемодан. И никаких Доминик с бронзовыми махаонами, я уже не говорю обо всей этой кладбищенской экзотике. Нет, товарищи, Виктор Ильич рассказал именно то, что запомнил. Или ему помогли запомнить.

И вновь батальонный хотел возразить, но уже не столь горячо.

— Более того, самые нелепые детали могут кое-что подсказать. Бронзовый махаон с камешками — он и на груди женщины, и на кресте. Камешки, между прочим, светятся, сверкают...

— Вы думаете, Егор...

Не договорив фразу, Лариса Михайловна расстегнула ворот пальто, сняла с шеи что-то малень-

кое, на тонкой золотой цепочке. Острым огнем блеснули три белых камня. Миг — и сверкающий треугольник качнулся влево. Виктор невольно потянулся взглядом, но огоньки уже летели обратно. Влево... вправо... влево...

— Хватит!

Негромкий голос товарища Кима заставил Виктора очнуться. Перед глазами все еще горел белый трехгранник.

— Еще немного — и неглупый, как вы, Егор, изволили выразиться, молодой человек поверил бы, что мы с ним гуляем по Древнему Вавилону, а камешки светятся где-нибудь на вершине зиккурата Бел-Мардука... Кстати, хороший способ передать вместо настоящего груза адскую машину.

Гондла щелкнула серебряной папиросницей и с удовольствием закурила. Ей никто не возразил. Виктор вновь и вновь лихорадочно вспоминал детали и детальки, пытаясь сложить из них что-то вразумительное, понятное хотя бы ему самому.

— Нет, — наконец, решил он. — Это был не гипноз. Я забыл, забыл что-то очень важное, но на кладбище мы все-таки ходили. А чемодан могу открыть сам, если уж так вопрос стоит.

— Вопрос стоит иначе. — Товарищ Ким спрятал трубку в карман и принялся расстегивать пальто. — Точнее, на повестке дня вопрос номер два, и теперь ваша очередь, товарищ Вырыпаев, подежурить за дверью. Не расстраивайтесь, мы вас скоро позовем.

Спорить не приходилось. Альбинос молча встал, прошел к выходу и плотно прикрыл за собой дверь. Последним, что он услышал, был насмешливый го-

лос кожаного: «Гондла! Эта ваша привычка заигрывать с юношами...»

Подслушивать Виктор не стал, а вот оскорбился крепко. Эти люди не только не верили, но даже не воспринимали его всерьез. Дамочка насмешничала, кожаный снисходил, а товарищ Ким честно пытался не обидеть. Захотелось натянуть этим всезнайкам нос. Только как? Вырыпаев решил на всякий случай вновь вспомнить всю историю с той минуты, когда ему позвонили в общежитие. Нет, раньше! Письмо из музея, с него все и началось. Именно в нелепом послании, где слово «Рисурс» писалось с прописной, было что-то очень важное. Странная история на Ваганьковском заставила забыть, отложить в дальний угол Памяти... В то утро они с Семеном заварили чай, очень хороший, британского развеса. Итак, чай, хрустящее «нэпмановское» печенье «Австр»...

Вспоминать было нелегко. Прохладный воздух коридора отдавал сырым духом склепа, перед глазами неслышно скользили черные узкие силуэты, и он снова падал, падал, падал...

...Все хорошо, хорошо все, песок тихонько шуршит, под пригорком Вечный Жиг, на пригорке Каин — далека дорога, неблизко до порога. А у раба божьего, у мальчонки, глаза сами закрываются, сон начинается, про то, как Господь собрал войско из гвоздя и доски...

* * *

— Заходите, Виктор Ильич!

В его комнате кое-что изменилось. Пустой чемодан стоял у окна, на нем лежал аккуратно сложен-

ный британский плащ, пальто же товарища Кима нашло себе место на спинке стула. Все это увиделось мельком, походя — главные перемены произошли на столе, возле которого сгрудились, толкаясь плечами, его гости. Мадам Гондла устроилась на стуле, ее длинные сильные пальцы лежали на чем-то, напоминающем клавиши маленького рояля. Над клавишами возвышалась вертикальная металлическая пластина, посреди которой ярким белым огнем горел ровный четырехугольник, похожий на экран синемаатографа, но тоже очень небольшой. Только всмотревшись, Виктор сообразил, что все это — единое целое, плоский металлический сундучок с откинутой крышкой и клавиатурой, как на «ремингтоне».

Сразу же стало легче. Все-таки не бомба!

— Это прибор, — не отрываясь от экрана, быстро проговорила Гондла, — очень важный и нужный. Но он не станет работать без ключевого слова.

— *Mot de passe*, — негромко проговорил Егор Егорович. — В общем, пароль. Виктор Ильич, Доминика ничего вам не говорила, не просила запомнить? Это должно быть одно слово, не слишком длинное.

Виктор не спешил с ответом. Вот и он понадобился! А что же всезнающий товарищ Ким?

Товарищ Ким тоже стоял у стола, но глядел не на экран, а на помятый листок бумаги, сразу же показавшийся знакомым. Батальонный зажмурил бесполезный правый глаз, всмотрелся — и чуть не рассмеялся. Письмо из Цветаевского музея! Мадмуазель Агата Рисурс! Кажется, они подумали об одном и том же.

— «В процессе многократного чаепития», — не-

громко проговорил он. Ценитель трубок услышал, кивнул:

— Да, я тоже думаю, что ключ в письме. Его, конечно, диктовал сам Игнатишин, слишком все логично.

— «Рисурс», — улыбнулся батальонный. — Более мощный, чем Волховская и Шатурская станции, вместе взятые. «Рисурс» имеет имя — то ли Агата, то ли Агатка...

— Верно. — Товарищ Ким положил письмо на стол. — *Агартха*. Пробуй, Лариса.

Теперь на экран смотрели все. Секунда, другая. Внезапно белый четырехугольник исчез, сменившись черными строчками текста.

— Оле! — выдохнула Гондла. — Товарищи, я вас всех люблю!..

— Вопрос номер два исчерпан, — невозмутимо кивнул товарищ Ким. — Вопросы? Предложения?

— Отправить Вырыпаева на Ваганьковское, — усмехнулась женщина. — Пока не поумнеет.

Руководитель отдела ЦК достал из кармана черную трубку, прикусил мундштук.

— Принимается. Но пойдете вы туда вместе.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Вольное небо

1

От фанеры несло сыростью и пороховой гарью. Леонид не удержался, тронул пальцем почерневший край пулевого отверстия, словно пытаясь убедиться в реальности происходящего. Пятнышко грязи на коже не давало обмануться. Нет, и это не сон.

Стены, обшитые некрашеной фанерой, тусклый свет ламп, укрытых железной сеткой, затхлый холодный дух мертвечины. Расстрельный подвал... Все, как в прошлый раз, только теперь он здесь совершенно один. Даже Смерть и та не изволила прийти, задержалась где-то. Тишина казалась ощутимой и вязкой, в затылке и висках застучали уже привычные молоточки, во рту было сухо и горько.

— Эй! — не выдержал старший оперуполномоченный. — Есть кто? Сбегу ведь, ей-богу сбегу!..

Ответило эхо — вяло, неохотно: «Сбегу... бегу... гу-у-у...»

Тихо.

Седого археолога увели еще до рассвета, даже не дав попрощаться. Леонид успел только вынырнуть из сна, а дверь камеры уже хлопнула. На соседних нарах пусто, пальто исчезло. С вещами, значит... Бывший чекист встал, без всякой нужды обошел тесное узилище, поглядел на оконные решетки. Был человек — нет человека. Куда делся, не спросишь, а спросишь — не ответят. Губы сами собой шевельнулись, рождая негромкие слова.

— *Господь пасет мя, и ничтоже мя лишит. На месте злачне, тамо всели мя, на воде покойне воспита мя...*

Леонид уже понял — в Бога ему не уверовать, смертью доказано. Но Александр Александрович — совсем иное дело, так, может, археолога и в этот раз защитит «хранительный» 22-й Псалом?

— *Душу мою, обрати, настави мя на стези правды, имене раги Своего. Аще бо и пойду посреде сени смертныя, не убоюся зла...*

Не дочитал, сел обратно на нары, вжал голову в плечи. Нет, не заговорить Старуху! Можно только

ждать, пропуская через душу бесполезные секунды и прислушиваясь к шагам в коридоре. За кем на этот раз? Не за ним ли?

Пришли около полудня. Когда открылась дверь, Леонид уже стоял. Куртку набросил, кепку сдвинул на ухо.

— Пантелкин, на выход!...

Ступени под ногами, лестничные пролеты, серая краска стен. Второй этаж, первый. Ниже, ниже, ниже...

Подвал.

На этот раз их никто не встретил. Поначалу Леонид даже внимания не обратил, потом решил, что расстрельщики, службу забыв, заблудились где-то и сейчас нагонят, но когда конвоиры ушли, слова не сказав, наконец-то понял. Нет, не за смертью привели, не его пока черед.

«Кукушка лесовая нам годы говорит...»

Почему-то детство вспомнилось. Была у них дома рыжая кошка, великая мастерица мышей ловить. Сама старалась и котят тому же учила. Принесетмышь полузадушенную, перед малыми бросит. Играйте! Те и рады: лапками трогают, толкают, зубками покусывают. Мышка бежать пытается, но кошка-мамка начеку, когтями порядок восстанавливает.

«...А пуля роковая нам годы коротит...»

Подвал Леонид обошел, но только там, где светло. В черный коридор соваться не было охоты. Вспомнился тот, неизвестный, что из темноты его жизни учить пытался. «Впрочем, если передумаете, дайте знать». Видать, и вправду ждут, пока передумает.

Не дождутся!

Того, что на свету увидел, вполне хватило. Плохо

здесь службу несут! Грязно, неубрано — еще ладно, но под одной из ламп, где табурет колченогий скучал, нашел он револьверный шомпол. Присмотрелся — пятнышки масла увидел. Не иначе какой-то охламон сборкой-разборкой занимался. Пострелял рабов божьих — и чистоту наводить принялся.

Раззявы!

Туда-сюда прошелся, скучно стало. Достал «бульдог», провернул барабан.

— Бах! Бах!..

Словами сказал, не стал на спусковой крючок давить. Подождал, что эхо ответит, спрятал ненужное оружие.

— Эй, народ! Попрятались?

«...Прятались... ятались... ались»

Тихо, пусто, одиноко... Строго по завету товарища Дзержинского. «Сам скажет. Так есть!»

* * *

Первоочекист не признавал пыток. Молодые ребята, только на службу в ВЧК попав, сперва понять не могли. Как же так? Комиссия — Чрезвычайная и время, можно сказать, чрезвычайное, а контре арестованной по мордасам буржуйским дать не могли? Деникины да Красновы с нашими пленными церемоний, поди, не разводят!

Дзержинский настаивал, самым же упорным терпеливо разъяснял. Сильный, считал он, или молчать будет, или солжет хитро, следствие в сторону уведет. Слабый же от страха не правду откроет, а повторит то, что палачу слышать угодно. Нет, пытаться нельзя, надо оставить врага наедине с самим со-

бой — в одиночке, в полной тишине, в полумраке. На день, на неделю, на месяц... Не выдержит человек, страхом и надеждой мучить себя станет. Вот тогда ему даже следователь лучшим другом покажется.

«Сам скажет. Так есть!»

Леонид невольно усмехнулся. Хорошо учил Феликс Дзержинский. Выучил! Летом 1918-го, когда Первочекист уже в Столицу подался, местные товарищи проведали про скорый приезд проверяющего с самого-самого верха. Обидно питерским стало. Колыбель Революции — и проверять? По приказу товарища Урицкого, главы ПетроЧК, взяли человека прямо на вокзале и отправили туда, где полная тишина и полумрак. Пока в Столице спохватились, пока телеграммы слали, проверяющий во всем признался: и в шпионаже, и в спекуляции спиртом, и даже в дружбе с самим Гришкой Распутиным, царичиным полюбовником.

Сильно гневался товарищ Дзержинский. А на что? Задержали гражданина ради обычной проверки, не били, не морили голодом. Сам все сказал!

Больше проверяющих из Столицы не слали, иначе ответили. 30 августа друг Есенина и Блюмкина Леонид Канегисер застрелил товарища Урицкого прямо на рабочем месте, в приемной Народного комиссариата внутренних дел Петрокоммуны.

«Кукушка лесовая нам годы говорит, а пуля роковая нам годы коротит...»

Леонид прошелся вдоль избитых пулями фанерных щитов, толкнул ногой беззащитный табурет — и внезапно понял, что совершенно свободен. Не связан, не закован, при оружии и без конвоя. А что подвал маловат, так и мир божий не безразмерен.

Ходи в полной воле от одной стены до другой. А не хочешь — не ходи, пляши или песни пой.

Свобода!

— Эх, яблочко да ананасное!

На земле лежит буржуй, кровища красная!

Проорал, эхо послушал, веселости собственной подивился. Револьвер-«бульдог» достал, руку вперед выбросил:

— Бах! Бах! Бах!..

— Ты бы, Ленечка, сперва патроны проверил!

На этот раз эхо ответило голосом Блюмкина.

* * *

— Я тебя предупредить хотел, но, знаешь, передумал. Взрослый человек, понимать должен.

Блюмочка, черный и кожаный, стоял как раз на границы тьмы и неверного желтого света. Руки наполеоновски — на груди, модная широкополая шляпа — на затылке.

— Патроны я проверил. Не холостые, Яша, не надейся.

Леонид неспешно прицелился. Не в самого Блюмкина — в его шляпу. Яков снисходительно фыркнул:

— Это ты — холостой, неженатый. А патроны — вареные. Знаешь этот способ? Там хитрость имеется, из кипятка надо сразу в холодную воду кинуть.

Щелчок, еще один, еще... Леонид опустил бесполезный «бульдог». Блюмочка покачал головой, неторопливо прошел к поверженному табурету. Поставил на место, пристроил на нем шляпу.

— Дурак ты, Ленька! Тебе же «ствол» сунули, чтобы прикончить без всякой «попытки к бегству».

Хоть во сне застрелят, хоть в клозете. Пальчики-то на железе твои, ничего доказывать не придется. Выкинь его к черту!

Пантелкин взвесил в руке револьвер-предатель, но выбрасывать не стал, в карман спрятал.

— Тебе твой профессор привет передавал? Я вроде понятно расписался.

— Передавал, — улыбнулся Леонид, — подходи, ответ протелеграфирую.

Блюмочка пошевелил толстыми сильными пальцами, сжал кулак, но приближаться не стал, поостерегся.

— Ты его, Деня, не жалея. Вредный он тип — и хитрый. Мне-то его Агартха и без денег не нужна, и с деньгами, признаться, не очень. Начальство интерес проявило, а этот, а лох ин коп, умник заартачился. Если там нет ничего, только старый монастырь, зачем скрывать? Начальство, оно, Леня, ждатель не любит...

«Худой, уши слегка оттопырены, нос длинный, нижняя губа самая обычная, верхняя очень тонкая...» Уж не об Ивановиче ли, друге-приятеле спирита Мокиевского, речь? Леонид хотел переспросить, но прикусил язык. Яков опять болтает о постороннем, в сторону уводит. Сейчас задаст вопрос...

— Он, наверно, тебе пожаловаться успел. Спятили дураки-чекисты, мистикой восточной головы забивают. Знал бы ты, Леня, какие сейчас дела сейчас на этом Востоке намечаются! Был я в монастыре одном, Шекар-Гомп зовется, так там такое, что старушке Блаватской и не снилось... Ты, кстати, с Фейгой был знаком?

На этот раз лгать не пришлось. Леонид даже посочувствовал хитрому Блюмочке. Старался, бедняга, крутил, петли делал.

— Блаватскую звали вроде бы Еленой. А с Фейгами знакомств не имел, ни с одной.

Не выдержал Яков, вперед шагнул, ударил взглядом.

— Не врешь, вижу... Ленька, Ленька, нужный ты человек, прямо страшно за тебя становится. Тебя о чемоданчике с Кирочной спрашивали? Не отвечай, уже доложили. У меня бы лучше узнали, глядишь, и подсказал бы... Отдай бумаги Георгия! Не нужны они ему, Леня, не помогут уже. Нет больше на свете Георгия Лафара, да покоится он с миром. А мне и тебе его наследство ой как пригодится.

...Белые губы сжаты, резкие морщины рассекли желтый восковой лоб, недвижные слепые глаза смотрят в вечность... Умом Леонид понимал, что Блюмкин прав. Георгия Лафара, их друга и наставника, больше нет. Но есть память о нем, есть долг...

— «Никому не отдавай бумаги, Ленька. Пусть лучше сгниют, меньше зла на земле останется...»

Блюмкин удивленно дернул бровями, и Пантелкин решил пояснить:

— Мне так Жора сказал, когда мы прощались. Эти дела — и «Американский портной», и твоя «Фиалка» — живым уже неинтересны. Они все мертвы — Володарский, Урицкий, Свердлов, Мирбах. Мертвы и те, кто их убивал. Кроме нас с тобой, Яша! Не торопи смерть, еще успеешь. Сам же говорил, что лучше в расстрельной камере...

— ...Чем в гробу. — Черные глаза блеснули. — Ну, вот ты и заговорил, Леня! Приятно слышать. Только не прав ты, не все мертвы. Главных-то и не

назвал. Один, правда, болен, зато второй здоровее — настолько, что очень многие хотят здоровья ему слегка убавить...

Намек был слишком ясен. Вождь умирал, Феликс Дзержинский следовать его примеру пока не собирался.

— Так что старые дела очень даже пригодятся. Фиалка — это имя, Фейга — если на идише. Фейга Хаимовна Каплан, понимаешь? А вся операция называлась не просто «Фиалка», а «Фиалка для Вождя».

Громкий шепот, казалось, разбудил спящую тьму. Черные тени надвинулись из коридора, обступили, дохнули кладбищенским холодом. Лицо Блюмкина — агента Не-Мертвого — побледнело, заострились черты, черным камнем подернулись зрачки.

— Вождь умирает и скоро умрет. Враги только ждут, что мы все передеремся. Слышал стишок? «Бухарин, Троцкий, Зиновьев, Сталин, вали друг друга!» Не-е-ет, не дождутся, сволочи. Драки не будет, все уже сговорено, раз — и в дамки! Одно мешает, Леня. Догадайся, что именно?

Старший уполномоченный с трудом выдержал Яшкин взгляд. Уж больно страшно смотрел Не-Мертвый. Мельком подумалось, что летом 1918-го Блюмочка, прикончив Мирбаха, отправил под нож всю партию левых эсеров. Ему и двадцати-то не было! А на что замахнулся сейчас?

Ответил же Леонид спокойно, с усмешкой, чтобы Яков слабости не почувствовал.

— Тебя послушать, так товарищ Дзержинский всему помеха. Осенью 1918-го ваши его почти свалили, Петерс уже на хозяйстве устраивался. Не вы-

шло — и сейчас не выйдет. Не схарчить вам Феликса. Подавитесь! Или тебе целиком ГПУ не по душе стало? Давно понял, что ты, Яша, провокатор, вот только для кого стараешься? Для беляков-эмигрантов ты все равно Симха-Янкель Гершев, хоть из кожи выпрыгни. Болтали, будто ты к Зиновию Пешкову, брату товарища Свердлова ездил, письма возил. На французов, значит, работаешь? На тех, кто Жору Лафара пытал? Кто же ты после этого, Блюмочка?

Думал, вспылит, заорет, но Яков только ухмыльнулся, зубами крепкими посветил.

— Повторяю вопрос, Леня. Что именно мешает? Не кто — что. Госполитуправление решило держать нейтралитет, не влезать в разборки. Феликс поддержит победителя и станет вторым человеком в стране. Неглупо, но Железный считает без хозяина. Новый Вождь власть возьмет только с согласия Цветочного отдела ЦК. Слышал о таком? Официально он называется вроде бы Третьим, и главным там какой-то Лунин. Они все станут решать, а Феликс промолчит, смирится. Нужен другой на ГПУ, порешительней и порукастей. Теперь сообразил?

Блюмкин уже не шептал, рубил в полный голос. Испуганное эхо неуверенно поддакивало: «Сообразил... образил... зил...» Леонид понял, что после такого разговора выжить почти невозможно, но ничуть не огорчился. Он и так в расстрельном подвале.

Зато ясности прибавилось. «Бухарин, Троцкий, Зиновьев, Сталин, вали друг друга!» Блюмочка хочет оседлать ГПУ и сразиться с таинственным Цветочным отделом.

Про Цветочный отдел ЦК, иногда называемый Третьим, а в последнее время просто Отделом, Леониду рассказали летом 1920-го, когда молодой чекист вернулся с фронта. Чрезвычайная комиссия — вроде горной речки, течет быстро и русло постоянно меняет. Многие теперь стало иным, непривычным, поэтому старший оперуполномоченный внимательно смотрел и слушал, пытаясь наверстать и попасть в струю. Это оказалось непросто. Народ в Питерской ЧК был в основном новый, из недавних наборов. Знали немного и еще меньше стремились откровенничать. Но Леониду повезло — из Столицы приехал старый, еще с декабря 1917-го, знакомец, он и поделился новостями. О Цветочном отделе говорил с усмешкой, назвав явлением в некотором роде метафизическим. То ли он есть, то ли сказка все это.

Может, и вправду — сказка?

...Года за три до начала Империалистической войны Вождь в очередной раз направился на Капри, в шахматы с друзьями поиграть. Ехал через Неаполь, не спешил, достопримечательностями любовался. Местные итальянские эсдеки рады были гостя встретить. Все показали Вождю — и гору Везувий, и шумный порт, и старинный кафедральный собор, в котором каждый год кровь святого Января вскипает. Но самое интересное в славном городе Неаполе не соборы и не древние руины, а знаменитая Каморра, местная мафия. Соборы во многих городах стоят, а такую мафию только на Сицилии найти можно и еще, говорят, в дикой Калабрии.

Гость очень удивился. Каморра? Архизабавней-

шее название! А как у этих мафиози с демократическим централизмом? На каких началах организацию строят?

Любопытство Вождя местные чичероне вполне удовлетворили, благо многие состояли не только в социал-демократах. Гость задумался, даже в блокноте что-то набросал, а после задал простой и очевидный вопрос: милостью которого из местных святых Каморра до сих пор не развалилась?

Мафия и социал-демократическая партия между собой немалое сходство имеют. Власть пирамидой построена. На местах — вожди («каппо», если по-итальянски), над ними главный вождь — «каппо ди тутти каппи». Местные вожди своих подчиненных тиранят, а главный вождь — их самих. Но дальше начинаются различия. Партия живет по закону обезьяньей стаи. Главного вождя сами «каппо» между собой выбирают, драки на съездах и пленумах устраивают. Самый сильный всех побеждает и правит. В Каморре такого нет. Там все по-людски: старый вождь перед смертью назначает преемника, и «каппо» с этим соглашаются, перстень в знак верности лобызают.

Не поверил Вождь, усомнился. С какой такой радости зубастое и клыкастое зверье добровольно присягать станет? У каждого за спиной целая армия, каждый в крови по темечко. Перстень целуют и верно служить обещают? Байки! «Пиноккио» сочинения мелкобуржуазного ревизиониста Карла Коллоди!..

Вождю объяснили и это. На зубастых и клыкастых управа имеется. Главный «каппо» держит при себе отряд отборных головорезов. Из кого собран, где размещен, никому не ведомо. Задача же у голо-

врезов одна — контролировать точное исполнение приказов. Жизнь у ослушников выходит короткая, а смерть медленная. Этот отряд и передает власть преемнику, волю умершего выполняя. Сил у местных «каппо» хватает, но головорезы неуловимы, они нигде и везде. Тем и стоит неаполитанская Каморра.

Поблагодарил гость любезных чичероне и уехал на Капри в шахматы играть. Но историю эту крепко запомнил.

На том сказка кончилась, и началась сугубая реальность. Летом 1917-го, когда создавался аппарат ЦК, Вождь поручил это важное дело пробивному «каппо» из Екатеринбургa Якову Свердлову. Но и сам руку приложил, не поленился. Велено было товарищу Свердлову вписать в структуру Центрального Комитета некий Третий отдел. Возглавил его никому не известный работник из числа недавно вернувшихся в Россию эмигрантов. Ни имени, ни фамилии — сплошной псевдоним, а не личность. Свердлов, прочие «цекисты», равно как делегаты съезда, с этим не спорили. Вождю виднее, чему именно в ЦК быть.

Какими делами занимался новый отдел, никто точно сказать не мог. Поговаривали, будто именно его работники вывезли Вождя из Петрограда в июле, когда за большевиками началась охота, а позже, в октябре, обратно в Питер доставили. Про март 1918-го, когда в новую Столицу переезжать пришлось, знали несколько больше. Красный Петроград покидали в спешке и тайно. Не столько из-за наступающих немцев, сколько из-за взбунтовавшейся матросской братвы, не желавшей выпускать живыми «комиссаров». Тогда-то Третий отдел и пе-

ременил имя. К платформе Цветочной были поданы поезда для эвакуации правительства и партийной верхушки. Так и родилось: «Цветочный отдел», вроде как почетное революционное наименование.

Отделом занимался лично Вождь, никого к нему не подпуская. «Каппо» Свердлов, не будучи с этим согласен, решил вынести вопрос на партийный съезд, но не успел — скончался, ко всеобщему горю, как раз накануне открытия. Отдел же никуда не делся, только стал еще незаметнее. В официально утвержденной структуре ЦК не числился, руководителя никто не назначал и отчетов не требовал. Умные люди предпочитали Отдел в упор не видеть, мудрые же старались держаться как можно дальше. Однако теперь, когда «каппо ди тутти каппи» умирал и приближался час Красных Скорпионов, от секретного Отдела начало зависеть слишком многое. Успел ли отдать приказ внезапно заболевший Вождь, а если успел, то какой? Что будет дальше?

КТО дальше?

* * *

— ...Заходи!

Коридорный — «два сбоку» равнодушно кивнул на отпертую дверь. Пантелкин переступил порог знакомой камеры и сразу же почувствовал перемену. Пахло грязными тряпками. Тюремные запахи и без того лишены изыска, но этот был настолько резким, что Леонид едва удержался от кашля. Правые нижние нары пусты, верхние тоже, и на левых верхних никого. Что за притча? Старший оперуполномоченный на всякий случай поглядел под ноги. Может, кто на полотенце расщедрился?

Нет полотенца.

— Выпустите!!!

Леонид запоздало выругал себя за то, что не удосужился сразу же взглянуть направо, на свои собственные нары. Именно там, на его законном месте, черной неровной грудой было свалено искомое тряпье.

— Выпустите!.. Не могу, не могу, душно!..

Тряпье не желало лежать спокойно — дергалось, подпрыгивало, пыталось слиться в огромный черный ком. Пантелкин, отступив к стене, сунул руку в карман куртки, где прятался «бульдог»-предатель.

— Слышите?! Душно, не могу дышать, не могу-у-у!..

Пахнувший гнилью ком внезапно распрямился, выгнулся дугой и с диким воем бросился вперед.

— Выпустите-е-е-е!..

Пантелкин спрятал револьвер обратно в карман. Тряпье лежало теперь у него под ногами, слегка подрагивая и громко икая. Ничего, оклемается! Бил он не в висок, а по плечу, в крайнем случае, кость пару вечеров поболит.

Леонид перешагнул через безопасную отныне кучу и присел на отвоеванные нары.

— Пустите-е-е! Не могу в тюрьме, не могу, давит, душно...

Убедившись, что все живы-здоровы, Леонид сбросил куртку, положил кепку вместо несуществующей подушки...

— А-а-а-а-а!..

Черная куча взметнулась, смерчем упала сверху...

— А-ай-й-й!

На этот раз он ударил от души. Смерч сложился обратно в кучу и рухнул прямо на грязный цемент-

ный пол. Амба! Удовлетворенный результатом, Пантелкин прилег на нары, забросил руки за голову и прикрыл глаза.

«Эх, яблочко, на вкус приятное! Наш Фартовый попал в непонятное».

С Блюмочкой расстались почти друзьями. Напоследок Яша расщедрился, выдал три пачки «Иры» и даже новую зажигалку. Улыбался, зубы белые скалил, пытался шутить. Это странное добродушие испугало сильнее, чем все угрозы. Ни про папки, ни про таинственный Отдел больше не было сказано ни слова.

Чего хотел Блюмкин, зачем приходил? Документы Лафара спрятаны так, что без самого Пантелкина не найти. Место Жора подсказал в их самую последнюю встречу. Где прячут лист? Ясное дело, в куче листьев. Мудрость эту Жора не сам придумал, у какого-то англичанина прочитал...

— Встать!.. Пантелкин, встать! Днем лежать не положено!..

Голос был знакомый. Коридорный — «два сбоку», давненько не виделись. Когда только успел камеру открыть?

— А психов подсаживать положено?

Вставать Леонид не стал, только глаза открыл.

— Не положено! — деревянным голосом повторил «два сбоку», то ли соглашаясь, то ли просто службы ради, и захлопнул дверь.

— Я же им все сказал! Все! Почему меня не выпускают? Почему?!

Куча тряпья опять заговорила.

— Они не могли солгать. Покаялись... Я сам подсказал слова клятвы, они повторили! Если эти лже-

цы не отпустят меня, они будут прокляты, погибнут сами, погубят близких....

То, что казалось грудой тряпок, теперь сидело на полу, медленно приобретая сходство с человеком. Не слишком полное, конечно. От дорогого когда-то костюма уцелели лишь лохмотья, из драной брючины торчало разбитое, в запекшейся крови, колено, воротник пиджака оторван, рубашка исчезла. Зато, в нарушение всех тюремных правил, уцелел галстук, длинный и тонкий, словно удавка. На лицо можно было не смотреть, вместо него — пятно окровавленной грязи, на котором горячим безумием светились глаза.

— Они поклялись — и я сказал, я открыл им истину. Трон Блустителя Мира, владыка Агартхи Недоступной вознесен над миллионами воплощенных божеств, святых пандит. Его дворец находится в центре кольца из дворцов гуру, повелевающих всеми видимыми и невидимыми силами на земле, на небесах и в аду... Жизнь и смерть человека — всецело в их власти. Если даже свихнувшееся человечество развяжет против подземных жителей войну, те могут с легкостью взорвать земную кору, обратив планету в пустыню. Погибнет все! Они в силах осушить моря, затопить сушу и воздвигнуть горы среди песков пустыни...

Леонид понял, что заснуть не удастся, заставить безумца замолчать — тоже. Оставалось выслушать.

— По велению гуру вырастают деревья, травы и кустарники, люди дряхлые и больные становятся молодыми и крепкими, мертвецы встают со смертного одра. В неведомых нам колесницах носятся подземные жители по узким расщелинам внутри планеты. Это не ложь!.. Несколько брахманов из

Индии и тибетских далай-лам совершили труднейшие восхождения на горные вершины. Они встречали в местах, где никогда прежде не ступала нога человека, на скальные надписи, следы людей и колес...

— В общем, ты их сдал, — не выдержал Пантелкин. — Вместе со всеми колесницами и брахманами. Сделал дело — отдыхай, шуметь только не надо.

Из безумных глаз плеснула боль.

— Тюрьма... Я не могу жить в тюрьме, не могу переносить неволю. Они обещали, поклялись, клятва убьет их, если будет нарушена.

Беседовать с сумасшедшим не имело смысла, но Леонид все же попытался объяснить.

— Везде свои законы. Здесь порядок такой: ты умираешь сегодня, а я завтра. Они из тебя все вытрясли, значит, до завтра дотянут. А что будет потом, всем известно. Ты что, вечно жить решил?

Разбитый рот оскалился.

— Там — смог бы! В Недоступном царстве позволено жить даже таким грешникам, как мы. Жить везде — в воде, в воздушном эфире, в земной толще. И мертвые там не одиноки. Я говорил со старейшим гуру — с тем, кто опекает усопших. Этот гуру никогда не обнажает лица, ведь вместо головы у него череп, на котором только и живого — глаза и язык. Я присутствовал при таинстве, меня допустили... Он, старейший, подходит к гробу, простирает руки, и на крышке появляются языки пламени. Да, я все видел, я был там!.. Пламя вспыхивает ярче, огонь бежит по стенам, потом затухает и сплетается в узоры букв алфавита «ватаннан», языка этого мира. Из гроба начинают подниматься струи синего света. Это мысли мертвых, их жела-

ния, тревоги и надежды. Огненные буквы на стенах пишут веления и пожелания божества...

Старший оперуполномоченный прикинул, что самое время лупить кулаком по несуществующему столу. «Адреса, пароли, явки! По делу говори, хватит сказки рассказывать!» Терпеливый, видать, был у психа «следак».

— Блюстителю Мира слушает советы умерших и постигает мысли тех, кто оказывает влияние на судьбы человечества — царей, королей, ханов, полководцев, первосвященников, ученых. Он узнает все их помыслы. Если те угодны божеству, Блюститель тайно поможет их осуществлению, если нет — помешает. Эту власть дает тайное знание — «Ом»...

— Хватит! — как можно мягче попросил Леонид. — Ты и так все знаешь, а мне твои гуру совершенно ни к чему.

К его удивлению, безумец послушался. Тяжело вздохнув, встал, добрал до нар, но садиться не стал.

Обернулся.

— Артоболевский им ничего не сказал про Агартху. Его напрасно били, этот непосвященный видел только краешек, он лишь постоял у входа. Нужные ворота в монастыре отыскать просто — они единственные в копоти, черные от сажи. Но зайти в них сможет не каждый. Я указал способ, и мне обещали жизнь. Они дали слово, они поклялись!

Леонид почему-то ничуть не удивился. «Спятели дураки-чекисты, мистикой восточной головы забивают». Это ты, Блюмочка, верно подметил.

— Ивановича-то как полностью кличут? — поинтересовался он самым светским тоном. — Такой худой, уши слегка оттопырены, нос длинный, верхняя губа очень тонкая. Он что, тоже клялся?

— Клялся! — голос безумца загустел угрозой. — Его имя — Глеб. Блюститель мира слышал наши слова и знает, кто их произнес!..

Леонида так и подмывало спросить, слышал ли их иной Блюститель — Феликс Дзержинский. Первочекист ни в бога, ни в черта не верил, мистику же откровенно презирал. А вот тот, что с длинным носом и тонкой верхней губой...

Глеб Иванович Бокий, он же Кузьма, он же Максим Иванович или просто Иванович, член коллегии ГПУ, глава Специального отдела. Леонид свел с ним знакомство еще с 1918-го, когда обладатель длинного носа был назначен председателем ЧК Союза коммун Северной области. Теперь Бокий служил в Столице, и его «специальное» ведомство пользовалось в узких кругах не меньшей славой, чем Цветочный отдел ЦК. Официально «специалисты» занимались шифрами, но, судя по всему, не только ими. «Знал бы ты, Леня, какие дела сейчас на этом Востоке намечаются!» Блюмочка мистикой никогда не увлекался, но на «дела» имел тонкое чутье. Вот, значит, для кого старается Яшка!

Все стало на свои места, словно детские кубики с веселым рисунком. Глеб Бокий думает занять место Первочекиста. Не только ради себя самого — и он, и вездесущий Черный Яша давно идут одной тропой с Красным Львом Революции. В 1918-м глава Реввоенсовета спас нагрешившего Блюмочку, отправил на фронт, орденом оделил. Именно он посылал Не-Мертвого в деникинский тыл и далекую Персию. А Глеб Бокий смертно поспорил с питерским вождем Зиновьевым и, говорят, не слишком ладит с Генеральным.

Вот и расклад будущей битвы Красных Скорпио-

нов. Троцкий и Бокий — РККА и ГПУ в единой связке. Кто устоит, кто сможет помешать? Цветочный отдел? Едва ли. Излишне осторожный Первочекист? И на него найдется управа. «Никому не отдавай бумаги, Ленька. Пусть лучше сгниют, меньше зла на земле останется...» — велел на прощанье Жора Лафар. Бумаги не сгнили, и зло никуда не делось.

* * *

К первой самостоятельной операции Пантелкина начали готовить в марте 1918-го, наскоро и в очень большой спешке. Задание не казалось сложным: попасть в немецкий концетрак, найти нужного человечка — и вместе с ним вернуться. Линии фронта, считай, уже не существовало, а местное подполье само рвалось помочь. Но все-таки задание было первым, и перед отправкой с молодым чекистом переговорил лично Феликс Дзержинский. Тогда и запомнил Леонид простую оперативную мудрость: самое трудное в любой операции — отход. Первочекист даже процитировал пословицу на непонятном иностранном языке, а после перевел: «Сделать все белым, как снег». Что за собой замечать надобно, Пантелкин и сам понимал, но мудрость заключалась не в этом. Зачем снегу быть белым? А затем, пояснил Дзержинский, чтобы на нем четкие следы оставить. Но не свои, а именно те, что для дела требуются, чужие и ложные. А еще лучше — настоящие, но тоже чужие.

Понимали эту мудрость далеко не все, что Пантелкин чуть не испытал на собственной шкуре. С «Американским портным» разобрались красиво и

четко. Завербованный шофер остановил машину в безлюдном месте, где поджидали Леонид с напарником. Стреляли, стоя спиной к закатному солнцу, что после очень пригодилось, когда напарника все-таки потащили на очную ставку. Повезло! Так и не смогли опознать парня — ни шофер, ни две дамочки, решившие в тот вечер прокатиться в одном авто со шпионом. Снег остался белым, но несколько дней спустя Леонид сообразил, что ходит под топором. Питерский пролетариат, распаленный передовицами газет, жаждал мести, требуя от ВЧК головы убийцы. А такового не было, не озаботились по горячке и отсутствию опыта. И вот на многотысячном митинге сам товарищ Луначарский привселюдно объявил, что искомый злодей — простой рабочий-печатник, сбитый с толку эсеровской пропагандой. Продолжения Пантелкин ждать не стал и в тот же день уехал на фронт. «Сбитого с толку» нашли только в 1922-м, на процессе над партией эсеров, назвав первую попавшуюся фамилию.

Опыт был учтен. Пантелкин не открывал папку с надписью «Фиалка», но слухами земля полнится. Изверги и злодеи, посмеявшие поднять руку на любимого Вождя, заехавшего без охраны на завод Михельсона, сработали чисто и умело. Не убили, но кто сказал, что собирались именно убивать? Зато никто из группы не был арестован, а набежавшему сознательному пролетариату аккуратно сдали двоих: случайного прохожего, которого за неимением улик пришлось расстрелять на следующий день, и, конечно, Фиалку. Полуслепая Фейга Каплан не была способна увидеть даже мушку на стволе пистолета, если бы таковой у нее имелся, но не тем оказалась интересна. Почти сразу же она

начала давать показания, причем такие, что почувший запах паленого всесильный Свердлов приказал следствие немедленно прекратить. Говорливую Фейгу поспешно расстреляли, спалив труп в железной бочке. Следы на белом снегу остались непрочитанными, однако теперь никто даже не пытался отрешить Первочекиста от должности и контролировать работу ВЧК.

Фиалку готовили долго и тщательно, о чем и свидетельствовали документы в папке желтого картона с белой наклейкой. Сейчас, весной 1923-го, когда умирающий Вождь был фактически обожествлен, эти бумаги стали бы смертным приговором Феликсу Дзержинскому. Блюмкин рассчитал все точно.

Старший оперуполномоченный Леонид Пантелкин не сочувствовал никому из Скорпионов. Все одинаково хороши, всем чужая шейка — копейка. Но пока бумаги Лафара оставались под спудом, в надежном месте, он, бывший налетчик Фартовый, даже в камере смертников мог рассчитывать на то, что умрет только завтра. Невеликая радость, но у других и такой не осталось.

«Кукушка лесовая нам годы говорит, а пуля роковая нам годы коротит...»

3

...Под утро он снова бежал по гремящей железной крыше, под ухом жужжали пули, а глаза светило беспощадно яркое Последнее Солнце. Воздух стал вязким и горьким, каждый его глоток отзывался резкой болью, а край, за которым кончался мир, был уже совсем рядом. Раскаленные от летней жары ржавые металлические листы обрывались не-

ровным клубящимся туманом. *Тогу богу* — ни дна ни крыши. Жизнь завершилась, подходя к своему давно понятному финалу. Лесовая кукушка постаралась от души, подарив лишние годы. Старший уполномоченный Леонид Пантелкин не погиб в полузабытом уже 1918-м, выполняя первое задание Дзержинского, уцелел на фронте, расплатился чужой головой за страшную судьбу налетчика Фартового, отошел невредимым от затянутой фанерой расстрельной стенки. Он дожил до своего Завтра, но только для того, чтобы вновь ощутить под подметками неверное железо и увидеть впереди Смерть-Ничто. Пусть даже пуля роковая прожужжит мимо, все равно не уйти. Безвидная бездна пересекает путь, свернуть некуда, и он может только бежать, бежать, бежать...

* * *

— На-а прогулку-у!

Коридорный — «два сбоку» из очередной смены попался особенно голосистый. Рывкнул так, что ушам больно стало. И голос, и молодая румяная морда были незнакомые, и Леонид в очередной раз удивился. Странные все же порядки на этой киче! Чуть не каждый день охрану тасуют, и лица все время новые. Шмон в камере не проводят, «бульдог» в карман суют, прогулки прямо на крыше за-теяли.

— Шевелись, шевелись!..

Куртка на плечи, кепка набок. Готов! Новый сосед оказался не столь проворен, только и сподобился пригретое место от нар оторвать. С кряхтеньем встал, принялся зачем-то поправлять галстук...

— Пошел!

Полночи Леонид не спал, за психом приглядывал. Вдруг опять набросится, галстуком-удавкой душить станет? Пронесло — затих ненормальный, только стонал, не переставая. Так под стоны Пантелкин и задремал. Потому, видать, и снилась всякая дрянь: крыша, гремящее железо, серый туман впереди. *Тогу богу...* Блюмочка рассказывал, что в школе, в своей одесской Талмуд-горе, никак понять не мог, что значит «пусто-пустынно»? Так в жизни не бывает, даже в порожнем молочном бидоне хоть малый остаток, но имеется. И тогда наставник Менделе-Мойхер-Сфорим посоветовал взглядеться в глаза безумца. Таковых на Молдаванке хватало с избытком. Возле самой школы по улице шатался голый Йоська Шлемазл, за углом из окна выглядывала вечно хихикающая Рива Холомоед, но маленький Яша так и не решился последовать совету мудрого учителя.

— Быстрей, быстрей! Шевели ногами!..

Лестница, привычные ступени... Леонид вдруг понял, что за последние дни совершенно разучился беспокоиться. Близкая, уже привычная смерть заставляла принимать происходящее как единственно возможную данность. У солдата в бою две задачи: приказ выполнить и самому уцелеть. Все приказы старший уполномоченный исполнил до точки, второе же от него никак не зависело. Так чего волноваться?

Ступени, ступени, ступени, снова площадка. Сзади постанывал псих, то и дело понукаемый конвоиром, и Леонид нетерпеливо ждал, когда, наконец, сможет увидеть небо — настоящее, не то, что в его страшном сне. Очень хотелось, чтобы сегодня не

было туч. В конце марта такое случается редко, но Пантелкин все же надеялся. Загадал даже: солнце увидит — все в порядке будет. В каком именно, неважно.

Будет!

* * *

— Леонид Семенович! Обычно говорят: сколько лет!..

Вот и небо, вот и солнце. И Александр Александрович Артоболевский — живой и неунывающий, хоть и побитый крепко. Губы в запекшейся крови пытаются улыбаться.

— Правильно говорят! — выдохнул Леонид. — Здесь день, считай, за год идет. Ну, со свиданьем!

Охрана, двое серошинельных с зелеными петлицами, мешать, как и прежде, не стала, отошла в угол под железный навес. Пантелкин поглядел вверх, в чистое весеннее небо, руки в стороны раскинул, хотел заорать во все горло... Сдержался. И так на душе оркестр играет.

— А мне про вас, Леонид Семенович, страхи всякие рассказывали. Мол, упрямились вы и за то вновь в подвал угодили. Тот самый, черный котормый, со мной беседы вел. Правда, на этот раз сей гражданин не рукоприкладствовал и даже не настаивал сильно.

Старший оперуполномоченный хотел пояснить, что к чему, но его опередили.

— Але... Александр Александрович! Батенька!.. Они, они!..

Псих был уже здесь, подбежал, протянул худые

руки, пальцы грязные растопырил. То ли обнять захотел, то ли за горло ухватить.

— Они меня обманули, обманули! Не верьте им, Александр Александрович!..

Леонид вовремя выставил руку, поймал психа на кулак, толкнул несильно. Тот намек понял, попятился, взглянул испуганно.

— Александр Александрович! Осторожно! Это бандит, душегуб! Меня к бандиту подсадили!..

— Эй, не орать! — лениво откликнулся один из серошинельных конвоиров. Ненормальный вздрогнул и поспешил отойти подальше.

— Довели беднягу. — Археолог покачал головой. — Хоть и жалеть его как-то не с руки. Знаете, кто это? Мокиевский — тот самый, которого Иванович нахваливал.

Леонид чуть не присвистнул. Нострадамус! Друг-приятель самого товарища Бокия!..

— Кажется, они со своим учеником слегка не поладили.

Псих услышал. Шагнул вперед, дернул себя за галстук-удавку.

— Да! Я им все сказал об Агартхе! Все!.. И про закопченные ворота в монастыре тоже. Пусть! В Недоступном царстве побывали уже тысячи, но не все смогли вернуться. Вы же сами стояли у входа, вы все видели!..

Археолог досадливо поморщился, кивнул в сторону.

— Давайте отойдем, Леонид Семенович. Сей господин бывает очень шумным.

— ...Я их заставил поклясться, да! Глеб повторил слова священного обещания Цзюпаня, если он солжет, если не отпустит нас!..

Не договорил, зашелся в кашле. Артоболевский невесело вздохнул:

— Страшно, когда человек верит в собственную выдумку. Наверняка и вам успел наплести с три короба.

Леонид смотрел в небо и улыбался. Менее всего хотелось думать о какой-то дурацкой Агартхе. Как он загадал, так и сбылось. Солнце! Значит, все будет в порядке?

— Наплел, Александр Александрович, не без этого. Пламя у него вспыхивает, огонь вприпрыжку бежит по стенам, сплетается в узоры какого там алфавита...

— ...«Ватаннан». Это Елена Блаватская, шkodная старушка, выдумала — взяла первое попавшееся восточное слово. Между прочим, оно означает «родина», но в каком-то там падеже. Песня на Кавказе есть: «Ватаннан туштын тиар тиарай, биз сани а'аннан хабар билманных...». «Ходишь ты, несчастный, забыв и родину, и свой язык...» Ерунда все это! Видел я закопченные ворота. Реликвия, очень древняя, настоятель рассказывал, что их привезли из знаменитого тибетского Шекар-Гомпа. Теперь по милости этого истерика в монастыре все разгромят, разграбят, разберут на сувениры. Хорошо хоть до Шамбалы мало кто доберется. Там археолог нужен, а не свихнувшийся мистик. Я вам уже рассказывал — памятник сохранности уникальной, один из центров распространения калачакры на Тибете. Но идти надо через горы, очень далеко и не слишком безопасно. А еще есть Пачанг с его потрясающей библиотекой. Кстати, местные очень удивляются, откуда у нас, европейцев, столь дикие представле-

ния о Востоке. Подземные царства, владыки, блюстители...

Леонид слушал, не спорил, вдыхал звенящий весенний воздух. Какая, собственно, разница, сидит где-то под землей унылый и мрачный Блюститель, свихнувшийся от разговоров с неупокоенными мертвяками? Тайн вполне хватало и в этом мире. То, что лежало в папках Жоры Лафара, куда страшнее всякого подземного царства, а странный чемоданчик с Кирочной — намного интереснее. А еще лучше — чтобы ни тайн, ни ужасов. Много ли живому человеку требуется? Воздухом свежим подышать, на солнце взглянуть...

— Знак! Знак!.. Знамение! Меня слышат, слышат!..

На этот раз вопль психа Мокиевского звучал победной трубой. Длинная худая рука указывала прямо в небо, в солнечный зенит.

— Блюститель Мира! Приди, приди!.. Ай!..

Один из конвоиров, потеряв терпение, слегка пнул крикуна сапогом. Мокиевский упал на четвереньки, приложился подбородком к грязному металлу крыши, но и не думал смириться:

— К тебе взываю, Блюститель Недоступный! Ом! Ом! Ай-й-й!..

Теперь в дело пошел приклад. Удар под ребра принудил Нострадамуса к молчанию, но жест руки вновь красноречиво указал на небо.

— Между прочим, там и вправду что-то летит, — щурясь от яркого солнца, констатировал археолог. — Похоже на аэростат.

— Да что вы, граждане, паникуете! — возмутился серошинельный. — Все в порядке. Это летательный аппарат, по-научному если, дирижабль. Вчера

в «Правде» писали: состоится показательный полет первенца советского, значит, дирижаблестроения, чтобы вся Столица увидела и порадовалась. Называется аппарат «Красная звезда», если кому интересно.

— Ом! — вновь возопил Мокиевский. — Сокровище в сердцевине лотоса!..

Конвоир вновь поднял винтовку, нацелился прикладом, но бить не стал. Пожалел, видать.

— А еще образованный человек! — укоризненно молвил он, закидывая оружие на плечо. — Дирижаблей, значит, боится. Интелихенция!..

Леонид тем временем смотрел в небо. Яркое весеннее солнце мешало, приходилось прикрываться ладонью, чтобы разглядеть небольшую серебристую капельку, парящую прямо в зените. Привязные аэростаты на фронте приходилось видеть, и не раз, но свободный полет Пантелкин наблюдал впервые. Издалека дирижабль казался беззащитным, игрушечным. Подует ветер — и лови капельку над Атлантическим океаном!

Душу царапнуло, словно волчьим когтем. Там, наверху, — свобода. Вольные люди в вольном небе.

— А дирижаблей-то два, — негромко проговорил Артоболевский. — Чуть правее, Леонид Семенович. Солнце, конечно, мешает...

Старший уполномоченный последовал совету и согласно кивнул. Два! Еще одна серебристая капелька, правее и выше. Интересно, писала ли об этом всезнающая «Правда»?

— Такой бы в Туркестан! — Археолог улыбнулся черными разбитыми губами. — Расстояния там — не нашим чета. Подняться над Памиром, над Тянь-Шанем... Немецкие «Цепелины» в последнюю

войну имели потолок до семи километров и летали через Северное море до Лондона и обратно. Если постараться, этак до самой Лхасы добраться можно. Конечно, нужен водород, эллинги, мастерские. Когда все это будет? Но пометчатъ-то можно?

Серебристые капли стали заметно больше. Один из дирижаблей неспешно плыл над Столицей, следуя строго на юг, но второй — тот, что слева, явно поворачивал. Острый нос смотрел прямо в сторону тюремной крыши.

— Над нами пройдет, — рассудил любопытствующий конвоир, глядя в небо. — Полчаса у нас еще есть, так что понаблюдаем, граждане. Товарищ Антипов, слазь с лавки, присоединяйся!..

Серошинельный Антипов, куривший вторую папиросу подряд, только махнул рукой. Ему было и так хорошо.

Дирижабль приближался. Уже можно было рассмотреть сверкающие белым металлом рули, подвешенную на стальных тросах гондолу, яркие красные литеры на серой ткани оболочки и даже услышать негромкий шум работающих двигателей. Аппарат шел под небольшим углом, что мешало прочитывать всю надпись, но Леониду почудилась, что первая буква «Л».

— Это не «Красная звезда», — проговорил незнакомый голос под самым ухом.

От неожиданности Пантелкин вздрогнул. Чудеса продолжались. Псих Мокиевский стоял рядом, скрестив руки на груди, и улыбался. Безумие исчезло, светлые глаза смотрели остро и зло.

— Помянутый вами аппарат — старье, «француз», оставшийся еще с войны. А это что-то но-

венькое. Кстати, граждане, советовал бы сложить оружие и не делать резких движений.

Последнее относилось к конвоирам. Они тоже что-то почували. Безразличный ко всему Антипов уже очнулся и стоял с винтовкой наготове, знаток же современной техники недоуменно крутил головой, не сводя глаз с воздушного гостя.

Аппарат был уже совсем рядом, в нескольких десятках метров. Шум моторов усилился, дирижабль сбавил скорость и начала разворачиваться. Сухо ударил винтовочный выстрел, за ним другой, третий. Стреляли снизу, вероятно, с тюремного двора или с вышек охраны, пытаясь отогнать бесцеремонного пришельца. Аппарат вздрогнул и на мгновенье завис в теплом весеннем воздухе.

— «Линейный № 1», — негромко прочитал Артоболевский открывшуюся надпись на серой оболочке.

И в то же мгновенье ударили пулеметные очереди.

Вначале Леониду показалось, что огонь открыла тюремная охрана, но в следующий миг он заметил яркие огоньки, вспыхивающие в иллюминаторах гондолы. Мелькнуло и пропало что-то темное, устремившееся вниз, к невидимому с крыши двору. Пантелкин вспомнил мудреное слово «балласт», но фронтной опыт не дал обмануться.

— Уши закройте! — рявкнул он, поспешив первым выполнить собственную команду.

Здание вздрогнуло, тугая гремящая волна ударила по вискам. Зазвенели разбитые стекла, неуверенно завывала сирена. Новый взрыв, еще сильнее первого, заставил ее замолчать. Дирижабль неспешно приближался к отгороженной щитами крыше.

— Ах ты, контра!

Серошинельный Антипов попытался прицелиться, но третья очередь прогремела пулями по железу. Конвоир дернулся, разжал руки... Человек упал беззвучно. Винтовка негромко ударилась о металл.

— Бросай оружие! — грозно прокричали небеса.

— Ом! — удовлетворенно выдохнул в ответ Но-страдамус Мокиевский. — Я же их предупреждал!

Леонид поманил рукой археолога, и они отошли подальше, под железный козырек. К ним поспешил присоединиться уцелевший конвоир, уже без винтовки. Мокиевский остался стоять посреди площадки. Худые руки взметнулись к небу, гримасой подернулось лицо:

— Агартха-а-а!..

Дирижабль, ревя моторами, завис над крышей. Из открытой двери гондолы упала веревочная лестница с блестящими металлическими ступеньками. За нею последовали два толстых каната.

— Блуститель прибыл, — хмыкнул Леонид, нащупывая в кармане рукоять бесполезного «бульдога». — Прямо-таки фильма американская. Может, вам, Александр Александрович, отсюда убраться, пока еще не поздно? Как думаете?

— Не вижу разницы, — негромко ответил седой.

По лестнице уже спускался первый человек в незнакомом серебристом комбинезоне и летном шлеме. Еще двое, такие же серебристые, скользнули вниз, держась за канаты. Тот, кто спускался по лестнице, быстро огляделся и спрыгнул на гремящее железо.

— Я здесь! Здесь! — Мокиевский рванулся к нему, задел носком ботинка о край листа, покачнулся, едва устоял на ногах.

— Здесь!!!

Громко и резко ударил выстрел. Нострадамус дернулся, взмахнул руками... Черная куча тряпья беззвучно рухнула на грязное железо. Серебристый подошел ближе, поднял руку с «маузером номер два»...

— Б-бах!

Бесформенная куча дернулась и затихла. Еще один выстрел — один из серебристых всадил пулю в недвижимое тело Антипова. Все трое переглянулись и неспешно направились к тем, кто еще был жив.

— «Кукушка лесовая нам годы говорит», — негромко пропел Леонид.

— «...А пуля роковая нам годы коротит!» — весело откликнулся тот, кто убил Мокиевского. — Ленечка, ты ли это? Вот так встреча!

Рука с «маузером» дернулась.

— Б-ба-бах!

Серошинельный конвоир, знаток современной техники, схватился за грудь, захрипел...

— Свидетели, думаю, нам не нужны?

Яков Блюмкин довольно улыбался. Оружие смотрело прямо в грудь археолога.

— С гражданином Мокиевским, *a lox in kop*, вопрос урегулирован, теперь ваша очередь, Александр Александрович. Вопрос вам известен. Ответ?

— Известен, — спокойно и твердо проговорил Артоболевский.

Блюмочка хмыкнул. Толстые красные губы искривились довольной усмешкой.

— Оно и к лучшему. Леня, знаешь, что такое «*a lox in kop*»? Пожелание дырки в голове.

— Хорошая мысль. — согласился Пантелкин.

Черный ствол «бульдога» был нацелен прямо в

голову Яши Блюмкина. Тот моргнул, взглянул изумленно.

— Ленечка, ты бы шутку посвежее выдумал. Патрончики-то...

«Щелк!» — ответила пуля, отрикошетив от железного листа. Блюмкин поспешил отдернуть ногу.

— Ты... Ты чего, Леня?!

Старший оперуполномоченный неспешно прицелился, на этот раз не мимо, а точно меж Яшкиных глаз.

— «Кукушка лесовая нам годы говорит...» Александр Александрович, я пока шлемазла¹ *под прицелом подержу, а вы вниз идите. За меня не беспокойтесь, я этим шукарям живым нужен. Помирать не спешите, вдруг свидимся еще? Да идите же!..*

— Хорошо, — чуть помедлив, кивнул Артоболевский. — Мы обязательно увидимся, Леонид Семенович. До встречи!

Застучали шаги по железу. Пантелкин не опуская оружие, внимательно следя за физиономией хитрого Блюмочки. Тот кривился, морщился, но терпел. Двое в серебристых комбинезонах тоже не двигались, равнодушно ожидая завершения истории. Леонид не спешил, растягивал мгновения, давая археологу шанс уцелеть. Кроме того, грех было не поставить излишне наглого Яшу на место. Пусть до конца дней запомнит!

...Патрон был единственный, найденный в расстрельном подвале рядом с забытым шомполом. Раззява, чистивший оружие после очередной «ликвидации», оставил бывшему чекисту хороший подарок. То, что оброненный .38 Sp подошел к «бульдо-

¹ Очень обидное ругательство (*идиш*).

гу», Леонида нисколько не удивило. Если уж фартит, то на полную катушку!

Шаги затихли. Пантелкин считал секунды. Не «раз-два», а по всем правилам, как учил его когда-то Жора Лафар. Секунда — это неспешно проговоренные «двадцать семь». Пять раз скажешь, загибаешь палец. Две руки и два пальца сверху — минута.

«Двадцать семь, двадцать семь, двадцать семь...»

— Хватит уже! — Блюмкин стер гримасу с лица, попытался усмехнуться. — Сделал ты, дурак, свое доброе дело. Только зачем, его же все равно шлепнут? А за шлемазла, между прочим, отвечать придется.

Леонид спрятал револьвер, хотел напомнить, что его счет куда длиннее, но не успел. Один из серебристых, резко шагнув вперед, выбросил руку с блеснувшей на солнце граненой медью кастета.

«...А пуля роковая нам годы коротит!»

4

— Давай, давай, радость моя! Приходи в себя, чай, не барышня... Ленька, хватит дурака валять!

В голове гудело, гудели моторы, нестерпимо пахло чем-то острым и горьким. Леонид застыл, разлепил свинцовые веки. Перед носом плавала тряпка, от которой и шел резкий дух.

— А вот мы и глазки открыли! — радостно констатировал голос Блюмочки. — Леня, тебя же не били, а гладили. Все, вставай!

Пантелкин попытался приподняться, уперся о что-то твердое, ощутил внезапный резкий толчок...

— Это мы скорость набираем. — Лапища Блюм-

кина поддержала, не дала упасть. — Садись, садись!..

Наконец, удалось не только присесть, но и отдышаться. Со зрением было хуже, перед глазами плавала белая муть, сквозь которую перемигивались золотые искры. Зато можно было слушать и делать выводы. Моторы режут, вокруг все дрожит, вибрирует, Яшке, чтобы быть услышанным, кричать приходится... Неужели летим?

Вспомнилась собственная мечта о вольных людях в вольном небе. Кто знает, может, не всем мечтам надлежит сбываться?

— Надень! Разговаривать сможем.

Что-то большое и мягкое налезло на самые брови. Не иначе летный шлем, такой же, как был на Блюмкине. Леонид ощупал голову, дотронулся до тонких проводков...

— Не порви, — на этот раз голос Яши прозвучал в наушниках. — Система ненадежная, но другой нет. Какой же ты, Леняка, все-таки лейб нар¹! Не я бы тебя шлепнул, так эти ребята, им на наши с тобой сантименты плевать с Потемкинской лестницы. Повезло тебе — живой и здоровый начальству требуешься. Твой чемоданчик спас, ты же единственный, кто его в руках держал.

Леонид не спешил с ответом — сначала следовало разогнать мутное облако, застившее мир. Тряпку он еще видел, а дальше начиналось непонятное. Яшка сообразил, пододвинул пропитанную острым раствором ткань к самому носу. Пантелкин закашлялся, резко выдохнул...

— Ну, как, лучше, шлемазл?

¹ Дурак, шут гороховый (идиш).

— Лучше.

Муть исчезла, но белый цвет никуда не делся. Он был всюду — на стенах, потолке, на узких лавках-сиденьях, даже на полу. Его дополняло серебро, которым искрились комбинезоны тех, кто был рядом. Синевы было меньше, она проступала сквозь толстое стекло находившегося прямо перед ним иллюминатора. Мелькнул и сгинул неровный край серого облака.

Леонид перевел дух. Стало заметно легче, хотя боль не пропала, лишь отступила к затылку, готовая в любой момент вернуться.

— Мы в гондоле нашего «Линейного», — без особой нужды пояснил Блюмочка и не без удовольствия прибавил: — Сейчас начнется!

Пантелкин недоуменно моргнул, и Яша соизволил пояснить.

— За нами гонятся. Погляди в иллюминатор.

* * *

...Яркое весеннее солнце царило над миром, наполняя прозрачный эфир теплом и светом. Синяя бездна, золотое сияние... После долгих дней тюремного полумрака смотреть на восхитительное весеннее буйство было почти невозможно. Горячий желтый огонь слепил глаза. Леонид вытер непрошеные слезы, резко выдохнул застрявший в горле комок, с трудом справился с приступом воспрянувшей боли.

Где же? Ага, вот! Среди бездонного синего неба — нестройный караван серых туч, а прямо над ним — острый серебряный силуэт воздушного аппарата.

— «Красная звезда», — сообщили наушники. — Мы полет специально под нее подгадали, чтобы народ удивлялся меньше и тревогу объявлять не спешил. Но у них на борту радио, того и гляди аэропланы на нас наведут.

Первенец советского дирижаблестроения был уже близко. Леонид мог разглядеть висящую на тросах серебристую гондолу, точно такую же, как на «Линейном», бешено вращающийся винт, красные буквы на серой ткани обшивки. Их явно догоняли. Пантелкин хотел спросить у всезнающего Блюмочки, что тот задумал, но не успел. Гондола наполнилась грохотом и дымом. Шлем не помог, Леонид прижал ладони к залитой болью голове и прикрыл глаза, пытаясь сдержать стон.

Заработали пулеметы.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Сатирусы и не только

1

Этой ночью красный командир никак не мог заснуть. Впервые за многие месяцы очень хотелось курить, он достал подарок Генерального, закусил мундштук зубами. Не помогло, трубка была новой, еще не раскуренной, без табачного духа. Просто сухое мертвое дерево.

Краском сидел на узкой железной койке, держа в руках бесполезную трубку, смотрел, ничего не видя, в темное ночное окно и слушал гремевший на волне памяти ненавистный марш Чернецкого. Большая Крокодила прусским шагом маршировала по

комнате общежития, высоко вскидывая зеленые когтистые лапы и бодро подмигивая на ходу. Зеленая тварь торжествовала не зря, и марш вспомнился не просто так.

Он ошибся, и, кажется, непоправимо.

Командир никогда не считал себя героем. Воевать пошел добровольно, из чувства долга, надеясь в душе, что победа Всемирной Революции воспоследует если не через полгода, то через год все непременно. Когда же закрутило, потянуло по горящим фронтам, мечты стали скромными и очень конкретными: выпасться, поесть, выжить, вновь увидеть пропавшего без вести товарища... Грядущее представлялось уже не великим торжеством всепланетной Коммунии, а возможностью вернуться домой, снять опостылевшую форму, заняться чем-то таким, от чего не пахнет кровью.

Ничего не вышло. Родственников убила «испанка» в 1919-м, дом забрали соседи, он же, чудом уцелевший инвалид, вынужден донашивать то, что когда-то выдало интендантство. На костюм и пальто скопить не удалось.

Соглашаясь на работу в Техгруппе, демобилизованный краском рассчитывал и вовсе на самое малое. Работа по силам, жизнь в Столице, в перспективе, если повезет, институт. Во что все вылилось, не хотелось и думать. Выжить на фронте можно, большая часть ушедших на войну все-таки возвращается. На том фронте, куда он попал, шансы совсем иные.

Марш Чернецкого не умолкал, Крокодила, обнаглев совершенно, щерила пасть, дразнясь длинным розовым языком. Она, она голодная была — но не слишком унывала. В страшной бессмысленной ата-

ке на польском фронте тварюка под разухабистый гром оркестра сожрала весь их батальон, теперь же доберется и до него самого.

Красный командир ошибся, но не в марте 1923-го, согласившись на работу в Технической группе ЦК, а намного раньше. Не тогда ли, в начале сырого, стылого декабря 1919-го, когда узнал о расстреле товарища Полонского?

Краском прикрыл веки. Из бездонных глубин памяти пахло знакомой горькой гарью.

Горит черный костер!

* * *

— ...Полонский, командир 1-го Стального кавалерийского, его жена, Семенченко, его адъютант. Затем товарищ Вайнер — он прежде в 1-м Екатеринбургском полку служил, а еще товарищ Бродский, бывший военный инспектор. Их вчера расстреляли, 2 декабря. Арестовали еще человек сорок, из них сейчас измену шомполами выколачивают...

Слушает атаман Нечай, сжимает кулаки, до боли, до хруста.

Не верит.

Зимой и весной этого страшного года в РККА начали стрелять командиров. Некоторых по суду, обвинив в абсолютной ерунде, большинство же просто так, в порядке дружеской беседы. Поговаривали, что не по душе товарищу Троцкому излишне самостоятельные «партизаны». Уже попав к Махно, Нечай узнал, что пуля нашла товарища Щорса, на встречу которому прорывалась Южная группа. Враги стреляют в лицо, начдива убили в затылок.

В декабре «партизанов» стал расстреливать Махно. Товарищ Полонский и все остальные прежде служили в Красной армии, взглядов своих большевистских не скрывали, и никто этим их не попрекал. Теперь же, выходит, они изменники? И все прочие, с кем сейчас товарищ Голик, начальник контрразведки Повстармии, беседы душевные ведет? От черного огня несло трупным смрадом. Как понять? Или товарищ Махно не герой революции, а обычный бандит, только с тачанками?

Чего молчишь, комиссар?

— Не бандит он, — хмурит брови комиссар. — Был бы бандитом, чего ему желать? Степь да воля, добыча да песни у костра. А теперь? Не Украину он освобождает, а территорию под себя гребет. Катеринослав у него вроде столицы, в столице же той — власть, а никакая не «анархия». Вот тебе штаб, вот — контрразведка. Начальников не любишь? Так посмотри на Махно, кем он стал? Петлюра от России кусок отрезать хочет, и этот хочет. У Деникина царство царя Антона, а здесь — царя Нестора. Вот тебе и вся свобода. Не веришь мне — глаза протри да взгляни повнимательней.

Смотрит атаман Нечай, не видит ничего. Черное пламя перед глазами, густое, душное. Догорает вольная степная Утопия.

— Завтра уходим всем полком, — решает комиссар. — На север прорвемся, к Полтаве, там уже наши. Начальству и ЧК доложим, что из Южной группы мы, к Киеву шли, да не попали, и будет это самая настоящая правда. Ты молчи, я сам за всех скажу и телеграмму, кому следует, отоблю. Не пропадем!

Не спорит атаман Нечай, в темное пламя смотрит. Прощается.

Черный костер, черная память...

2

— «Героический подвиг героического экипажа, — с выражением прочел Виктор Вырыпаев, держа страницу «Правды» на весу, чтоб сподручнее разбирать было. — Не оскудели доблестью сыновья рабочего класса Страны Советов. На земле, на море и в небесах несут они бессонную вахту...» Та-а-ак, уже интересно. Чего там эти вахтеры натворили?

Отклебнул чаю, зашелестел газетой.

— Это про дирижабль, — сообщила Ольга Зотова, ставя пустую кружку на подоконник. — Вчера «Красная звезда» с аэростатом столкнулась. «Парасоль»-корректировщик из Хамовников улетел, недоглядели товарищи военные. А эти герои его поймать решили. Оболочку порвали, двигатель сожгли, хорошо хоть сами живы остались.

— «...Чем нанесли очередной удар зловещей контрреволюционной гидре, бряцающей своим ржавым оружием», — наставительно заключил батальонный, складывая газету. — Нам на когда назначено? .

Вопрос явно предназначался Семену Тулаку, но тот, удобно устроившись за столом, целиком углубился в чтение.

— В полдвенадцатого в приемной у товарища Товстухи, — ответила вместо него замкомэск. — Если хотите, могу перезвонить. Коммутатор, номер 034.

Вырыпаев покачал головой и, присев за стул, взялся за многострадальный доклад. Но поработать

не удалось. Семен отложил только что прочитанный документ, неспешно встал, приподнял здоровой рукой парализованную кисть, долго прятал ее в карман.

— Товарищ Зотова, погляди-ка, чего там в коридоре.

Ольга, ничуть не удивившись, шагнула к двери, растворила ее сильным рывком, выглянула.

— Чисто, товарищ Тулак.

— Тогда читаем.

Семен взял со стола несколько тонких машинописных листков, приподнял повыше.

— Опять в «Известия» сунули. Ловко вражины работают. Только, чур, не шуметь, прочитал — передай товарищу.

Листки пошли по рукам. Озадачив сослуживцев, цыганистый вернулся за стол и взял из папки очередную бумагу. Несколько минут царило полное молчание.

— Нет! — внезапно выдохнул Вырыпаев. — Не верю! Они там что, с ума сошли?

* * *

— «...Если проанализировать практику руководства партией и страной со стороны Сталина, вдуматься во все то, что было допущено Сталиным, — негромко читала замкомэск, — убеждаешься в справедливости опасений Вождя. Те отрицательные черты Сталина, которые при Вожде проступали только в зародышевом виде, развились в последние годы в тяжкие злоупотребления властью со стороны Сталина, что причинило неисчислимый ущерб нашей партии....»

— Дальше, дальше! — нетерпеливо перебил Вырыпаев. — Это все болтовня, ни одного факта. Ниже!

— «Сложилась практика массовых репрессий по государственной линии сначала против троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев, давно уже политически разбитых партией, а затем и против многих честных коммунистов, против тех кадров партии, которые вынесли на своих плечах Гражданскую войну, первые, самые трудные годы индустриализации...»

— Какие репрессии?! — Альбинос резко вскопчил, дернул шейю. — Провокация! Бред!..

— «...Сталин ввел понятие «враг народа». Этот термин сразу освобождал от необходимости всяких доказательств идейной неправоты человека или людей, с которыми ты ведешь полемику: он давал возможность всякого, кто в чем-то не согласен со Сталиным, кто был только заподозрен во враждебных намерениях, всякого, кто был просто оклеветан, подвергнуть самым жестоким репрессиям, с нарушением всяких норм революционной законности. Это понятие «враг народа», по существу, уже снимало, исключало возможность какой-либо идейной борьбы или выражения своего мнения по тем или иным вопросам даже практического значения...»

— Положим, первых «врагов народа» еще в 1917-м оприходовали, — негромко проговорил Семен Тулак. — Но по новому кодексу за антисоветскую агитацию предусмотрена исключительная мера.

— А чего их, контриков, по головке гладить? — удивленно прохрипела Зотова. — Не во врагах все дело. Тут же о своих, о наших речь! «Основным и, по сути дела, единственным доказательством вины делалось, вопреки всем нормам современной

юридической науки, «признание» самого обвиняемого, причем это «признание», как показала затем проверка, получалось путем физических мер воздействия на обвиняемого. Это привело к вопиющим нарушениям революционной законности, к тому, что пострадали многие совершенно ни в чем не виновные люди, которые в прошлом выступали за линию партии...» Не понимаю. Они о чем?

— Тебе как, по алфавиту? — ротный недобро усмехнулся. — Астрахань, Батайск, Рыбинск, Тамбов, Шуя, Ярославль... Еще?

— Мы врагов уничтожали, — возразил Вырыпаев. — Не миндальничали, верно, на то и Гражданская война. Не мы, между прочим, ее начали. Но товарищ Сталин-то тут каким боком? Он был наркомом национальностей, а не председателем ВЧК. Кстати, здесь, в бумажках, письмо Крупской к Каменеву о том, что кто-то кого-то по телефону обругал. Это же ерунда, кухонные сплетни!

— Это вы точно заметили, товарищ батальонный, — кивнула Ольга. — Кухонные и есть. Вопрос в том, чья кухня. Вот, читаю: «Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня...» — Это, если не врут, сам Вождь писал. Получается, что Генерального вроде как отлучить хотят. Партийная анафема по всем правилам... Знаете, товарищи, хватит языками зря трепать. Подбросили нам это враги, значит, и относиться надо как к самой настоящей вражеской пропаганде.

Спорить и возражать никто не стал. Замкомэск собрала бумаги, вернула их на стол, придавив тяжелым пресс-папье.

— Самовар растопим, — резюмировала она, набивая «козью ногу». — А где шрифта меньше, на самокрутки пойдет. Одно странно. Писали словно из будущего. Вроде полвека уже прошло и никого живых не осталось, ни Сталина, ни нас всех... И еще какую-то «коллективизацию» помянули. Когда ж такое было?

Ей опять не ответили. Виктор занялся докладом, ротный же трудолюбиво выводил левой длинные столбики цифр.

...Красный командир был растерян. Фракционной писанины приходилось читать в последние месяцы немало, но только что виденный подметный документ казался совсем иным. Поразмыслив, он понял — Зотова права. Кто-то хитрый и весьма неглупый написал не о том, что есть, а о том, что должно случиться: товарищ Сталин станет диктатором хуже Столыпина, перестреляет «гвардейцев Октября», объявив их врагами народа, создаст противоречащий марксизму «культ личности». Термидор в чистом виде!

Выдумка казалась злой, но по-своему остроумной. Однако почему — Сталин? По сравнению с Красным Львом и тем более Зиновьевым, которому многие старые товарищи давно уже перестали подавать руку, Генеральный смотрелся очень прилично. Такому бреду никто не поверит!

И все-таки на душе остался тяжелый осадок.

Поручик же не стал глубоко вникать. Полистав подобранный документ, он внезапно повеселел. Еще совсем недавно казалось, что война завершена и ему надо осваиваться и наступившем Новом мире, пусть чужом, но единственном. Теперь же его переполняли искреннее злорадство и смутная наде-

жда. Нет, еще ничего не кончилось! «Я твердо знаю, что мы у цели, что неизменны судеб законы, что якобинцы друг друга съели, как скорпионы. Безумный Вождь наш болезнью свален, из жизни был, ушел из круга...»

— Товарищ Вырыпаев! — внезапно позвал ротный. — Удели-ка мне минутку.

Альбинос со вздохом отложил бумаги, подошел к столу. Семен Тулак внезапно улыбнулся.

— Ты уж не обижайся, Виктор. У тебя в докладе подсчеты сделаны — по деньгам, по валюте всякой. Ты меня еще спрашивал, мол, годится ли. Не годится! Вот как нужно, смотри. Я кое-что переделал.

Вырыпаев долго глядел на предъявленные ему каракули, недоуменно крутил головой.

— Ну ты даешь! Так только в банке считают!..

— Почти. — Семен дернул губами. — У нас начфин полка был как раз из банковских, из сочувствующих. А я ему помогал после госпиталя, кое-чего нахватался. Он мне еще про доллары всякие рассказывал и про эти... схемы финансирования... Держи! Сейчас попросим товарища Зотову, чтобы перестучала на «ремингтоне»...

Виктор едва нашел в себе силы, чтобы поблагодарить. Семен с первого дня показался ему человеком очень неглупым, но такое...

Чудеса!

* * *

— ...Первый запрос поступил три месяца назад из Исполкома Коминтерна. — Голос батальонного звучал уверенно и твердо. — Товарищи были все-речь озабочены трудностями при переводе круп-

ных сумм в некоторые страны. В первые годы финансирования братских партий шло напрямую...

— Помню, — улыбнувшись, перебил товарищ Сталин. — После II Конгресса Коминтерна наиболее перспективным товарищам было выдано по несколько «единиц хранения». «Единицей» считался средних размеров чемодан с драгоценными камнями. Золото не брали — тяжело. Итак, Исполком Коминтерна, товарищ Зиновьев. Ха-ра-ше...

— Второй запрос поступил из Главного штаба РККА. Их соответствующее управление, тогда это был Региструп, тоже просило помощи в налаживании заграничного финансирования...

— Рабоче-крестьянская Красная армия, — вновь вмешался Генеральный. — Стало быть, товарищ Троцкий. Очень ха-ра-ше... Вы, товарищ Вырыпаев, привыкайте. Начальство любит перебивать докладчика, показывая свое всезнание и всеведение. Вы должны мужественно терпеть. Значит, Коминтерн и РККА...

На «обезьяний» доклад Семен и Виктор пошли вместе. Обоих и пустили в знакомый сталинский кабинет. К их удивлению, товарищ Ким отсутствовал, зато неожиданно-негаданно появился суровый товарищ Лунин. Зашел, поздоровался, присел возле окна. Сталин и не думал возражать. Оставалось вновь удивиться.

— Таким образом, — продолжал Вырыпаев, — требуется новая схема нелегального и полуполигального финансирования наших операций по всему миру. Хорошим прикрытием, как показывает зарубежный опыт, являются разного рода научные экспедиции. Способ старый и проверенный, но плох тем, что прекрасно известен контрразведке...

Семен Тулак внимал с немалым любопытством, хотя сам доклад уже прочел. После того как Виктор узнал о работах в «Сеньгаозере», играть в секретность посчитали излишним. Итак, ротный слушал, а заодно внимательно наблюдал. Вырыпаев казался совершенно спокойным, говорил без запинок и лишних пауз, не иначе удачно вошел в роль. Сталин, доклад тоже читавший, внимал с явным удовольствием, улыбался в рыжие усы, то и дело закусывал зубами знакомую трубку-носогрейку. Не курил, видать, оставлял на сладкое.

Товарищ Лунин слушал молча и невозмутимо, ни разу даже не взглянув на докладчика. Кажется, он тоже вполне представлял, о чем пойдет речь. Семен прикинул, для чего могла понадобиться сегодняшняя встреча. Все в курсе, все все знают...

— Несколько предложений показались перспективными, в том числе идея профессора Вавилова об организации экспедиций по сбору коллекции семян сельскохозяйственных растений. Первую предполагалось направить в Китай и Переднюю Азию, то есть в регионы, очень интересующие и Коминтерн, и разведку. Но Вавилов — человек на Западе известный, его передвижения обязательно будут отслеживать. Требовалось нечто или менее заметное, или, напротив, как бы точнее сказать...

— Экстравагантное. — Сталин неторопливо огладил усы. — Чтобы шпионы буржуазных разведок ушам своим, понимаешь, не поверили и не восприняли всерьез. Правильный подход! Кажется, мы дошли-таки до наших обезьян.

— Так точно, — кивнул батальонный. — Два месяца назад поступило предложение профессора Ильи Ивановича Иванова о проведении межвидо-

вого скрещивания человека и обезьяны для выведения гибрида, названного Ивановым «сатирусом»...

Виктор специально сделал паузу, ожидая, что его перебьют. Но на этот раз все почему-то смолчали, лишь Генеральный в очередной раз позволил себе довольную усмешку.

— Иванов — ученик Павлова, серьезный ученый. Честно говоря, мне вначале показалось, что его именем просто воспользовались, чтобы сочинить подобную... экстравагантность.

— Вы правы, товарищ Вырыпаев, поначалу так оно и было.

Молчавший до этого комиссар Лунин достал из нагрудного кармана небольшой листок бумаги, развернул, положил на колени.

— Полгода назад Центральная контрольная комиссия пресекла попытку приобретения в зоологических садах Европы нескольких приматов. Деньги для этого собирались снять с зарубежных партийных счетов, секретных, между прочим. Обезьяны понадобились для личных нужд двух членов политбюро, а конкретно для пересадки им некоторых органов. Фамилии называть пока, так и быть, не стану.

Присутствующие переглянулись:

— Зачем?! — не утерпел Вырыпаев. — Им что, хвост понадобился?

— У человекообразных обезьян нет хвоста, — наставительно заметил Генеральный. — Зато есть кое-что другое, куда более нужное мужчинам после сорока. А то, что наш докладчик задает подобные вопросы, свидетельствует о его молодости и отменном здоровье.

Виктор провел рукой по изуродованному лицу, недоуменно моргнул.

— То есть... Не может быть!

На этот раз рассмеялись все, включая невозможного Лунина.

— Нескольких безвинных обезьян мы спасли, — продолжил он, когда все немного успокоились. — Все это было бы весело, товарищи, если не касалось партийных средств...

— ...И блудливых партийных бояр! — резко перебил Сталин. — Иногда так и хочется взять, понимаешь, овечьи ножницы... Боюсь, балерины Большого театра меня не поймут.

— Зато поймет ЦКК. — Комиссар стер с лица улыбку. — Товарищ Сталин! Контрольная комиссия предлагает не рассматривать предложение профессора Иванова. Уже сейчас ясно, что не все обезьяны доедут до Сухуми. Но даже те, которых не зарежут ради столь полезных органов, будут использованы не на нужды науки. Зачем нам «сатирусы»? Военные предлагают испытывать на них отвлекающие вещества, а сам Иванов — заставить работать в сельском хозяйстве вместо, как он пишет, «кулацкого элемента». Такое даже не хочется комментировать. Я лишь напомню, что существует Постановление от 20 января 1920 года «Об осуждении практики злоупотребления некоторыми видами научных работ».

— Погодите! — растерялся Вырыпаев. — Товарищ Лунин, я же еще не закончил. Мы произвели подсчеты. Если срезать ассигнования на сами опыты, то есть на этих «сатирусов», схема представляется перспективной. Можно будет организовать финансирование и командировки нужным людям не только в страны Европы — под видом посещения зоопарков и научных центров, но и в Азию, на-

пример в Индонезию, и даже в Африку. Накладные расходы будут минимальны. Надо лишь обязательно оговорить в одном из пунктов, что «сатирусы» — всего лишь прикрытие. Профессор Иванов станет время от времени печатать статьи...

— Нет! — Лунин встал, поднял вверх документ. — Это — список материалов, которые желает получить Иванов. Чуть ли не треть всего проходит по категории «ТС». Те самые «странные технологии», товарищи. Такие работы на территории СССР строжайше запрещены. Покровители Иванова найдут возможность финансирования, если программа будет в целом одобрена. Вы хотите повторения того, что делали Кедров и Берг? Мало нам красных Франкенштейнов?

Сотрудники Техгруппы вновь переглянулись. Ни о чем подобном в документах, предоставленных Научпромотделом, не говорилось. Или комиссар Лунин напутал, или от них утаили нечто очень важное.

— Не будем горячиться! — негромко проговорил Сталин, набивая свою носогрейку. — Товарищу Вырыпаеву опять не дали высказаться. Извинимся перед товарищем Вырыпаевым. Теперь по сути. Я читал первый вариант доклада. Разница невелика. Техгруппа настаивает на специальной оговорке о фиктивности предполагаемых экспериментов профессора Иванова, которые должны лишь служить прикрытием для работы Коминтерна и военной разведки. С этим в принципе можно согласиться...

Лунин попытался возразить, но Генеральный резко махнул рукой:

— Соблюдаем порядок, товарищи!.. Однако имеется другая опасность. Если мы в постановлении

оформим запрет на опыты Иванова, это может сорвать всю задумку. Врагов недооценивать нельзя, наши документы они читают очень внимательно. Постановление по «сатирусам» должно стать легальным прикрытием, значит, в нем не может быть ничего лишнего. Пусть Иванов ездит пока по миру, покупает своих обезьян. Это займет пару лет, за это время наши нелегалы смогут закрепиться и наладить работу. А потом мы профессора слегка поправим. Что скажете, товарищ Вырыпаев?

Батальонный неуверенно пожал плечами:

— Как-то несерьезно, товарищ Сталин. То ли врагов обманываем, то ли самих себя. Не знаю, как было с работами Берга...

— Не знаете, — согласился Генеральный, с удовольствием затягиваясь. — А было это *до* известного постановления ЦК. Сейчас мы в данном вопросе наводим должный порядок. Берг увез своих питомцев в Закавказскую Федеративную республику, и мы уже дали необходимые распоряжения товарищам Орджоникидзе и Орахелашвили. Они, кстати, присмотрят и за тем, что творится в Сухумском питомнике. Скажем прямо: до недавнего времени в Центральном Комитете левая рука часто не знала, что делает правая. Теперь, если эта левая будет своевольничать, мы ее оторвем к чертовой матери!

Клуб сизого дыма, поднявшийся над столом, послужил своеобразной точкой, более похожей на восклицательный знак.

— Товарищ Сталин! — Комиссар Лунин встал, без особой нужды поправил пиджак. — Мне известно, что было *до* постановления. До постановления несколько товарищей расписались под очень важными документами. Напомню один. Это реше-

ние Реввоенсовета РККА об оказании помощи революционному движению на юго-востоке Китая. Речь шла о Тибете, о строительстве на месте монастыря Шекар-Гомп военной базы, известной ныне как Объект № 1. Подписал документ не Троцкий, а его заместитель Склянский, но отвечать пришлось именно председателю Реввоенсовета, причем в самый неподходящий момент — перед X съездом партии. На самом съезде у него оказались связаны руки...

Для белого офицера сказанное было китайской грамотой, а вот красный командир невольно настоужился. Про драматичный и шумный X съезд рассказывали всякое. Знающие люди утверждали, что прогремевшая «дискуссия о профсоюзах» должна была стать предлогом для полной смены партийного и советского руководства. Красный Лев уверенно шагал к самой вершине... Не вышло. В решающий момент Лев, по злому выражению одного из свидетелей, «постыдно скрылся в кусты, как провинившийся Трезор», бросив своих ничего не понимающих сторонников. Выходит, есть на то причина?

— ...А теперь мы ввязываемся в авантюру, за которую рано или поздно придется расплачиваться. А кто окажется под ударом? Вы сами их, товарищ Сталин, назвали. Заявки, с которых и началось все дело, подали исполком Коминтерна и Главный штаб РККА, Зиновьев и Троцкий. Удачный предлог для очередной фракционной свары. И по-вашему, это ха-ра-ше?

Генеральный слушал безмятежно, лишь пальцы, сжимавшие носогрейку, напряглись и слегка побледнели.

— ...Центральная контрольная комиссия в числе прочих задач призвана охранять единство партии и предотвращать подобные «обезьяньи» скандалы — даже если они кому-то персонально очень выгодны. Я думал решить вопрос без Кима Петровича и его отдела, но вы не оставляете мне выбора... До свиданья, товарищи!

Лунин коротко кивнул присутствующим и, не оглядываясь, прошел к выходу. Негромко хлопнула высокая белая дверь.

— Какой горячий молодой человек, понимаешь, — усмехнулся Сталин, пряча трубку в карман. — С товарищем Кимом и его отделом мы решим любой вопрос, а не только эту мелочовку. Боюсь, товарищ Лунин близок к созданию культа собственной принципиальной личности...

Ротный и Вырыпаев, не стовариваясь, взглянули на Генерального. О «культе личности и его последствиях» читать приходилось, причем совсем недавно.

— Уже ознакомились? — понял тот. — Вам очень страшно, товарищи? Если верить этой филькиной грамоте, я сейчас должен отдать вас в застенки какого-то Ежова и его «эн-ка-вэ-дэ». Там вы сразу признаетесь в том, что шпионили для короля Сиама и всех сорока его жен.

Сталин поморщился, встал, вышел из-за стола.

— Иногда просто устаешь от человеческой глупости и подлости. Надеюсь, вы, товарищи, не поверили в подобный бред?

— Да чепуха это все! — искренне воскликнул красный командир. — Не обращайтесь внимания, товарищ Сталин!

Поручик немного промедлил с ответом, но тоже сказал, что думал:

— Товарищ Сталин! Лунин — человек несдержанный, но, по-моему, очень прямой и честный. У него нет камня за пазухой. Опасаться следует со всем других, которые не говорят в лицо, а рассылают подметные письма. Все это, конечно, не случайно, ваши противники что-то готовят. Я бы не верил тем, кто слишком сладко улыбается.

Генеральный чуть подумал, кивнул и протянул руку.

— Вы хорошо сказали. Спасибо!

* * *

В знакомую комнату входить не спешили, задержались в пустом коридоре, возле широкого пыльного подоконника. Хотелось поговорить, но слова не шли.

— Курить хочется, — вздохнул один. — У товарища Зотовой попросить, что ли?

Второй поглядел в немывтое окно, дернул плечами.

— Думаешь, легче будет? Я бы не стал, это вроде как перед самим собой капитулировать... Слушай, а как Лунин товарища Кима-то назвал? Кимом Петровичем? Выходит, Ким — не фамилия?

— Я заметил, — согласился первый. — Вероятно, псевдоним. Разницы, впрочем, не вижу, особенно для шпионов короля Сиам и его сорока жен. Влипли мы с тобой, можно сказать, капитально.

Второй согласно кивнул:

— По уши. Но это не повод киксовать. «Разведчик весел и никогда не падает духом». Не забыл?

— Будь готов!

— Всегда готов!

День был теплый, солнечный, поистине весенний. Вечер тоже удался, солнце уходило неспешно, оставляя за собой длинные мягкие тени и глубокую синь темнеющего неба. Мертвые прошлогодние листья, устилавшие аллеи, мягко хрустели под ногами, сырость ушла, воздух был свеж и чист. Мраморные ангелы за железными оградами смотрели спокойно и мудро, даже надмогильные кресты не казались зловещими. Просто старый камень...

— Нам вроде бы налево, — без особой уверенности предположил Вырыпаев. — Странно, мне казалось, что я все хорошо запомнил. Надо было на бумаге нарисовать.

Гондла, она же Лариса Михайловна, даже не попыталась скрыть недоверчивую улыбку. Поход на кладбище казался ей бессмысленным с самого начала.

— Ведите, куда вам нравится, — рассудила она. — Будем считать все происходящее прогулкой. Давно не была на Ваганьковском... Вы — inferнальная личность, Вырыпаев. Склепы вам подавай, кресты с бабочками. Антураж для нервных провинциальных барышень.

Шутила Гондла с весьма кислой миной, и Виктор решил не отвечать. Прогулка, значит, прогулка.

Встретились там же, где несколькими днями ранее альбинос познакомился с Доминикой — на почти пустом в этот час базарчике возле трамвайной остановки. Вырыпаев, отпросившись со службы, приехал чуть раньше назначенного времени и успел заметить большое черное авто, в котором Лариса Михайловна изволила приехать. Он ничуть не

удивился — с переполненным трамваем наголоватая дамочка ассоциировалась плохо. Самому Виктору эта затея тоже чрезвычайно не нравилась, причем он даже не хотел думать о причинах. Хватит и того, что идти придется на кладбище. Невелика радость!

«И больше никогда не смейте сюда приходить. Слышите? Никогда!..» Говорила ли эти слова Доминика? Или просто почудилось?

Аллея казалась знакомой, и батальонный ощутил привычную уверенность. Он ничего не забыл — налево, потом направо, запомнить легко. Это не в ночном лесу по звездам плутать. Если бы со спутницей чуть больше повезло...

— А почему вы Гондла? — поинтересовался он, дабы разговор поддержать.

— Шутите? — удивилась женщина. — Или в самом деле не знаете? Вырыпаев, мне за вас стыдно. Это же пьеса Николая Гумилева! Гондла — главный герой, весьма почтенный джентльмен с большой бородой. А назвал меня так Егор исключительно из вредности и зависти. Догадаетесь почему?

— Потому что Гумилев эту пьесу вам посвятил, — изрек Виктор первое, что в голову пришло, и поспешил прикусить язык. Поздно!

— Так вы знали? — Лариса Михайловна резко остановилась, взглянула прямо в лицо. — Все-таки знали и валяли дурака?

— Что — знал? — растерялся альбинос. — В смысле, что Гумилев — вам... То есть...

— Вы безнадежны, Вырыпаев. — Гондла отвернулась, поглядела вперед. — Может, вы вообще не слышали о Гумилеве? Долго нам еще фланировать между гробами?

Виктор пожал плечами, не зная, на какой вопрос

отвечать в первую очередь. Гумилева он читал и совершенно не впечатлился. Какие-то жирафы, трамваи летающие... Контрик-вырожденец, если коротко. Таким жил, таким и у стенки стал.

— Фланировать недолго, идти — еще меньше, — рассудил он. — За тем высоким крестом — налево. А Гумилев мне совершенно не нравится.

— Демьяна Бедного предпочитаете? — ядовито поинтересовалась дамочка. — Или кого-нибудь еще из РОСТА?

Ефима Придворова — Лакея Придворного — Вырыпаев на дух не переносил. Но не ругаться же по такому поводу, да еще посреди кладбища!

— «Кинулась тачанка полем на Воронеж...» — негромко проговорил он.

— Как? — удивилась Гондла, — Какая тачанка?

Кинулась тачанка полем на Воронеж,
Падали под пулями, как спелая рожь.
Сзади у тачанки надпись «Хрен догонишь!»
Спереди тачанки надпись «Живым не уйдешь!»

— Это песня, — безапелляционно заявила поклонница Гумилева. — В последней строчке размер нарушен, но весьма экспрессивно. «Хрен догонишь!» — это хорошо. Ваша?

— Нет, — улыбнулся Виктор. — Не моя. Лариса Михайловна! Мы оба воевали, но у каждого — своя война. Вас Троцкий награждал, вам миноносец к пирсу подавали, а у меня все иначе было. Поэтому и стихи у нас — разные. Вам — про Гондлу и какого-то там изящного жирафа, а мне...

— Прекратите! — поморщилась женщина. — Во-первых, не изящного, а изысканного, а во-вторых, вы, Вырыпаев, все-таки безнадежны... Кстати, здесь поворот.

Вырыпаев согласно кивнул и внезапно понял: что-то переменялось. Небо оставалось по-прежнему ясным, предзакатное солнце все так же светило сквозь голые кроны деревьев, но в воздухе уже чувствовалась знакомая сырость. Ночь близилась, и Некрополис, город мертвых, начинал просыпаться...

Виктор отогнал нелепую мысль и храбро шагнул вперед. Вот и аллея, такая же пустая, как и в тот раз, те же желтые листья под ногами, старые могильные ограды в рыжей ржавчине, остовы цветов у каменных подножий. Его словно ждали.

— Нам куда? Налево? Направо? — нетерпеливо бросила Гондла. Батальонный окончательно пришел в себя и устыдился.

— Нам? Нам направо.

Последнюю сотню метров он едва сдерживался, чтобы не побежать. Все равно куда — к близкому уже склепу или назад, к кладбищенским воротам. Ожидание томило, забирало силы, в ушах зазвенели знакомые молоточки...

...Все хорошо, хорошо все, песок тихонько шуршит, под пригорком Вечный Жид, на пригорке Каин — далека дорога, неблизко до порога. А у раба божьего, у мальчонки, глаза сами закрываются, сон начинается...

— Вот! Пришли.

Склеп оказался на месте, такой же — или почти такой, — как в прошлый раз. Это странное «почти» Виктор заметил сразу, но никак не мог осмыслить. Вроде все прежнее: затейливые славянские буквы над входом, грустный ангел с отбитым крылом в круглой нише слева, на покрытом потемневшей медью куполе — покосившийся крест. Вот и знакомое

окно с чудом уцелевшими осколками витража, и мраморная доска с едва видимой надписью.

Справа от входа — черный каменный крест. Почетный караул? Нет, забытый часовой.

— Смотрим!

Гондла достала из кармана длинного темного пальто сложенную в несколько раз схему, развернула, наморщила лоб.

— 37-й квартал, посередине... Тут есть единственный склеп — Шипелевых. Сергей Иванович Шипелев, калужский предводитель дворянства, его сын, Иван Сергеевич, племянница, Киселева Доминика...

Виктор согласно кивнул, вспоминая. Молодое, очень грустное лицо. «Киселева Доминика Васильевна. 1884 — 1910», крест, который справа. Маленький серебристый венок у черного гранитного подножия, две засохшие розы, фотография в облупившейся рамке. И бабочка-махаон — горящие огоньки камней-самоцветов.

Вырыпаев почувствовал, как на лбу выступает холодный пот. Крест, который справа. Их же было два — почетный караул, двое часовых! Пальцы коснулись правого, слепого глаза. Может, зрение шутки шутит? Но альбинос уже понимал — дело не в зрении. Ему не велели сюда возвращаться, никогда, никогда...

— Что-то не так? — удивилась Гондла, пряча схему. — Вы же сказали, что это здесь. Перепутали?

Не отвечая, батальонный шагнул вперед, к одинокому кресту. Заныли виски, пульс-молоточек зачастил, ударил дробью. Шаг, шаг, еще шаг... Серебристый венок у подножия, две мертвые почерневшие розы, осыпавшаяся серебрянка вокруг не-

большого фото на эмали. «Киселева Доминика Васильевна...» Худое, бледное, словно после болезни, лицо, недобрые, строгие глаза. Неудачная ретушь исказила знакомые черты, но сомневаться не приходилось.

«Меня зовут Доминика. Я сестра Георгия Васильевича Игнатишина. Имени не удивляйтесь, матушка удружила...»

Бабочки на камне не было.

Что-то быстро и резко говорила Гондла, похоже, очень сердилась, но Виктор даже не пытался понять. С трудом оторвав взгляд от мертвых глаз на фото, он повернулся, заставил себя дойти до каменных ступеней склепа.

Присел.

— Дайте папиросу!

Слова упали словно в пустоту, секунды тянулись пустые и гулкие, но вот что-то твердое ткнулось в губы, негромко щелкнула зажигалка...

— Спасибо.

Батальонный курил неспешно, с наслаждением затягиваясь и смакуя каждый глоток дыма. Он даже успел пожалеть об английской трубке, ждущей своего часа в кармане гимнастерки. Надо было не полениться, высыпать табак в подаренный товарищем Сталиным «bent», опробовать, наконец, британское диво.

Докурив, он аккуратно растоптал окурок и прикрыл глаза.

...А у раба божьего, у мальчонки, глаза сами закрываются, сон начинается, про то, как Господь собрал войско из гвоздя и доски, всех чертей согнал в сарай, спел им песню, баю-бай, а наутро у чертей ни рогов и ни когтей...

* * *

— Очнулись?

Вырыпаев удивленно оглянулся. Ступеньки, невысокий каменный крест, кладбищенская аллея, утонувшая в ранних весенних сумерках, лицо Гондлы — растерянное и одновременно очень злое.

— А что случилось?

Женщина шумно вздохнула.

— Я вам пощечину залепила. Теперь хочется вымыть ладонь, желательно уксусом. По лицу я бью только мужей и любовников, в остальных просто стреляю.

Альбинос сочувственно кивнул:

— Мне бы ваши проблемы!

— Встать сможете?

Наваждение ушло, остались слабость и полная, безнадежная апатия. Людмила Михайловна чуть ли не силой стащила его со ступенек, встряхнула, повернула лицом к черному кресту:

— Что не так? Что вы увидели?

Вырыпаев поглядел в темнеющее небо, глубоко вдохнул влажную кладбищенскую сырость, устало повел плечами.

— Скоро стемнеет. Пойдемте, по дороге расскажу...

* * *

Черный автомобиль терпеливо ждал возле трамвайной остановки. Гондла заглянула внутрь, о чем-то коротко переговорила с шофером, затем быстрым движением достала папиросницу:

— Еще по одной. Будете?

Альбинос протянул руку, но в последний миг передумал. Не стоит, он и так дал слабину.

— Тюфяк вы, Вырыпаев! — резюмировала Лариса Михайловна. — Я бы с вами в разведку точно не пошла.

В светлых тевтонских глазах светилось откровенное презрение, с легкой, едва уловимой долей снисходительного сочувствия.

— А если, извините, здоровьишко не позволяет, сидели бы на печи, а не совались в такие игры. Ладно, слушайте, что с вами действительно было. Егор абсолютно прав. На кладбище вы ходили, но вначале та особа вас элементарно загипнотизировала. У нее вполне могла быть фотография Доминики Киселевой. Вначале вам показали бабочку, ввели в транс, затем предъявили фото — и вы запомнили тридцатилетнюю женщину с неудачным макияжем. Ретушь в вашем воображении превратилась в театральный грим. Кстати, любопытная деталь — она не стала ждать вас у церкви. Знаете почему? Опасалась, что ее, так сказать, чары развеются. Многие суеверные люди в такое верят...

Батальонный не спорил. Все было вполне логично и даже не противоречило столь дорогой сердцу каждого материалиста науке. Недаром на кладбище он чувствовал себя так странно, думал о всякой мистике, о *Некрополисе*. Тени у входа, странная колыбельная, ощущение, будто он забыл нечто важное, — все становилось понятным. Запрет возвращаться тоже объясним: та, что назвалась Доминикой, не хотела, чтобы игра выплыла наружу.

— Могу даже предположить, как сия таинственная особа выглядит. Вы, кажется, сказали, что фотография на кресте была совсем другая? Это и есть

лицо вашей знакомой. Сознание заместило образ, попыталось расставить все по местам. Нарисовать сможете?

Молодое, очень печальное лицо... Виктор попытался вспомнить, но черты расплывались, исчезали в сером клубящемся тумане. Только взгляд — тревожный и одновременно странно беззащитный.

— Нет, к сожалению, не смогу... Ладно, будем считать, что вы меня, Гондла, почти убедили. Гипноз — и никакой чертовщины.

Женщина возмущенно фыркнула:

— Почти?! Не верите? Вам больше по душе чертовщина и неуспокоенные души? Некрофилией увлекаетесь? Для таких, как вы, и сочиняют байки про красных зомби и большевистских волколаков. Ладно, я, кажется, обещала показать вам свой «браунинг».

Батальонный даже не успел вспомнить, о каком оружии речь, а ствол именного пистолета уже смотрел ему прямо в сердце:

— Там табличка. — Мадам Гондла дернула накрашенными губами. — Жаль, стемнело, надпись не прочитаете. Начало наизусть помню: «Героической подруге Ларисе...» Горжусь! Я обмывала его не в спирте, а в шампанском. Набрала полную ванну... Чего стоите, Вырыпаев? Быстро в машину. И попробуйте только дернуться!..

4

«Доехали благополучно зпт погода архипрекрасная тчк доктор»

Ольга Зотова еще раз перечитала телеграмму, аккуратно сложила бланк, спрятала в карман шине-

ли и быстро огляделась. Возле окошка с надписью «До востребования» змеилась утрюмая очередь. Все были заняты, никто не смотрел на высокую худую девушку в старой шинели, подпоясанной ремнем со «счастливой» артиллерийской пряжкой.

Кавалерист-девица усмехнулась. Все правильно! Потому и зашла на телеграф ближе к вечеру, когда народу погуще, потому и телеграмма «до востребования». Текст оговорили заранее. Если «архипрекрасная», а не как-то иначе, значит, и в самом деле порядок. Дмитрий Ильич Ульянов был опытным подпольщиком. «Мыльную девочку» Наталью Четвертак он отвез в Симферополь, на бланке же стояло «Ростов, проездом».

Конспирация в пегвую голову, товагищи!

Девушка вздохнула и принялась проталкиваться к выходу. Она тоже не сплеховала — кварцевая лампа исчезла из квартиры, наиболее любопытные соседи строго предупреждены. Все хорошо, только без шкодливой Наташки будет очень уж скучно. «Тетя Оля, скажите «раз!..»

— Зотова? Вот так встреча!..

Встреча была по всем правилам — сначала взяли под локти, а уж потом поздоровались. Двое с боков, третий, весь в черной коже, впереди, к фуражке руку прикладывает.

— Не помнишь меня, Зотова? Яша Блюмкин, с Южного фронта. Я с отрядом из окружения прорывался, а твой эскадрон нас прикрывал. У Севска, в ноябре 1919-го. Неужто забыла?

В ином случае кавалерист-девица высказалась бы на всю катушку, но револьверный ствол у пояса призывал к сдержанности.

— Помню, — шевельнула губами. — Только ты, товарищ Блюмкин, тогда рыжим был.

— Точно! — фронтовой значок счастливо рассмеялся. — Рыжий, рыжий, конопатый, убил Мирбаха лопатой!.. А я еще думаю, какая это Зотова? Неужели та самая?

Ненужная улыбка сгинула, толстые губы хищно дернулись:

— К выходу! И без всяких выдумок. Умереть не дадим, а помучиться придется. Пошла!..

— Здравствуйте, товарищ Зотова! —дохнули в правое ухо. — Синцов я, оперуполномоченный ГПУ. Станция Черусти, помните? Как хорошо, что мы вас нашли!..

«А уж я как рада!» — хмыкнула девушка, но не вслух, чтобы не унижаться. Страх не было, только внезапная горькая обида. Подошли, револьвер в спину ткнули... «Пошла!» Если с нею, партийной и в ЦК служащей, такое можно, что про остальных говорить?

На улице от нее не отстали и локтей не отпустили. Блюмкин, шедший первым, кивнул в сторону ближайшего переулка. Только когда зашли за угол, в тихое безлюдье, девушка почувствовала, что хватка ослабла.

— Оружие я уберу, — негромко проговорили слева. — Но вы лучше не рискуйте, товарищ Зотова. Здесь все очень хорошо стреляют.

Сказано было самым спокойным тоном, вполне добродушно, но именно от этих слов Ольге стало действительно страшно. Она вдруг поняла, что могут и вправду убить — не сейчас, так часом позже.

Ее отпустили, но не сразу. Блюмкин не преминул заглянуть в кобуру, которую теперь Зотова но-

сила на шинельном ремне. Убедившись, что там табак, он взял шепотку на пробу, хмыкнул и махнул рукой. Невидимая хватка разжалась. Ольга перевела дух.

— Еще раз здравствуйте, товарищ Зотова! — Оперуполномоченный Синцов вынырнул, словно чертик из табакерки. — Вопрос к вам, важный очень...

— Потом! — махнул рукой Блюмкин. — Отведем сначала. Пошли!..

— Нет, я все же спрошу! — Синцов вновь построился справа, взял под локоть. — Товарищ Зотова! На станции вас видели с ребенком, с девочкой. Это была не Наталья Четвертак из «Сеньгаозера»? У нее кожа красная, как от ожога...

Блюмкин шел по-прежнему впереди, неизвестный — тот, что советовал не рисковать, сзади. Редкие прохожие, сразу сообразив, что дело нечисто, старались обходить их стороной. Не убежишь и на помощь не позовешь...

— ...У нас ее всюду ищут и в соседнем уезде ищут. А товарища Громового арестовали, упустил, мол, бдительность потерял. Так это она, Четвертак, была с вами?

Девушка почти не слушала, пытаясь подсчитать шансы. Если отведут на Лубянку, можно будет вытребовать начальство. Удостоверение и партбилет при ней, плохо, что телеграмму порвать не успела... Шли, однако, недолго и совсем не в сторону Лубянской площади. Миновав небольшой перекресток, Блюмкин уверенно свернул в одну из подворотен.

— За мной!

Сердце сжалось. Выходит, даже не арест? Зотова запоздало пожалела, что не попыталась вырвать-

ся в набитом людьми зале. Там, по крайней мере, был шанс.

За подворотней оказался небольшой двор-колодец. Рассмотреть его Ольга не успела — Блюмкин уже стоял возле дверей ближайшего подъезда.

— Вниз, — распорядился он. — Там открыто.

— Сейчас будут ступеньки, — предупредил вежливый голос сзади. — Осторожнее, пожалуйста.

— Вы что — добрый следователь? — не выдержала девушка и резко обернулась.

Крепкий парень в зимней куртке и кепке вынул правую руку из кармана.

Улыбнулся.

— Я не следователь. Пантелкин Леонид Семенович, бывший старший уполномоченный ВЧК.

* * *

Внизу оказался подвал, в подвале — уголь огромной черной кучей, электрический светильник под железным колпаком и две лопаты у стены. В центре место расчищено, как раз чтобы тесной толпой постоять.

Зашли. Блюмкин, прочих пропустив, дверь на щекотку запер да там же остался, вроде сторожа. Прочие дальше проследовали, к самому углу.

— Теперь можно? — Оперуполномоченному Синцову явно не терпелось. — Товарищ Зотова, так что там с девочкой? Уж извините, но ответить вам придется.

Шинель свою серую с зелеными «разговорами» гэпэушник сменил на пальто, тоже серое. Ремень не надел, оттого стал очень походить на дезертира, из тех, что в Гражданскую по лесам прятались.

— Зотова, вы бы ответили! Всякому терпению предел положен.

Ольга еле сдержалась, чтобы не сунуть руку в карман, к телеграмме поближе. Самого Синцова она не слишком опасалась, даже если тому вздумается «шпалер» достать. Но с остальными ей не справиться.

— Товарищи! — Оперуполномоченный нетерпеливо обернулся. — Помогите гражданку связать. Шинельку с нее снимите и, если можно, ножик дайте.

Пантелкин взглянул на Блюмочку, тот молча кивнул. Бывший чекист шагнул ближе, достал из кармана куртки перчатки. Не абы какие, лайковые, тонкой серой кожи. Не спеша расправил, не спеша надел. Девушка стояла молча, глядя прямо перед собой. Дышала тихо, лицом не дрогнула, только на худой шее слева синяя жилка проступила.

Леонид пошевелил пальцами в серой коже, неторопливо развел руки.

— Ох-х-х...

Удар был настолько быстрым, что и заметить его было трудно. Дернулась правая, чуть в сторону ушла... Гэпэшуник Синцов лежал, уткнувшись лицом в жесткий уголь. Пантелкин присел, быстро обшарил карманы, достал револьвер, пачку патронов, вытащил из внутреннего кармана пальто документы.

Встал, плечи расправил.

— А это для вас, товарищ Зотова.

На широкой ладони — небольшой квадратный пакетик. Синяя наклейка, белые буквы.

— Иголки, при нас куплены. — Блюмкин, вновь нацепив веселую улыбку, принялся спускаться вниз. — Рабочий инструмент, помогает узнать всю

правду, так сказать, под-но-гот-ную. Леня, чего стоишь, продолжай.

Пантелкин провернул барабан трофейного револьвера, поморщился.

— Уши заткните. Товарищ Зотова, вас тоже касается.

Подождал, пока совету последуют, вновь над павшим склонился, оружие в бессильную руку вложил, поднес к самому виску товарища Синцова...

— Б-бах...

Не слишком громко вышло, даже эхо не проснулось. Блюмкин ближе подошел, пошевелил тело носком сапога, кивнул одобрительно.

— А знаешь, похоже вышло. Почуял субчик, что жареным запахло, в Столицу кинулся, понял, что не помилуют — и забился, как крыса, в подвал. Леня, ты вещички ему верни для пущей достоверности, только иголки оставь ... Зотова, что за девчонка такая? Все ГПУ на ушах, частый гребень пустили, арестные ордера выписывают. Говорят, дочь самого Деникина.

— Не знаю, — выдохнула Ольга.

Смерть не ушла, она была совсем рядом, дышала холодом в лицо, смотрела в глаза. Синцов, любитель иголок и подноготной правды, слишком увлекся, по сторонам не смотрел.

Между тем Пантелкин достал из кармана зажигалку, щелкнул, полюбовался маленьким трепещущим огоньком.

— Яшка, дай своих турецких!

Блюмкин с явной неохотой вынул из-за пазухи большую желтую коробку. Подумал немного, протянул папиросы Ольге:

— Угощайся, Зотова. А то таскаешь в кобуре вся-

кую отраву, твоей махрой лишь комаров отгонять...
«О койвшен, койвшен папиросен, ком зи мир, зольд-
датен унд матросен...» Только, товарищи, окурки
здесь не бросайте, чтоб сыскари лишнее не увидели.

Девушка протянула одеревеневшие пальцы, с
трудом ухватила зубами мундштук...

— Мой папашка в Перемышле жизнь свою отдал,
Мамку милую с ружья Петлюра расстрелял,
А сестра моя в неволе
Погибает в чистом поле —
Так свое я детство потерял, —

с выражением пропел Блюмкин, доставая собственную зажигалку и прикуривая.

— Подходите, пожалуйста,
Сироту меня согрейте!..

Курили прямо над трупом. Бывший замкомэс, преодолевая смертное оцепенение, принялась незаметно присматриваться и выводы делать. Ребята были, конечно, тертые, воевавшие, видевшие смоленого волка — что Яшка Блюмкин, что вежливый парень Леонид. Она тоже воевала и врагов по головке не гладила, однако имелась и разница.. Бывшая гимназистка седьмого класса была солдатом, а не палачом.

Блюмкин сделал глубокую затяжку, мечтательно улыбнулся:

— Эх, жаль, нет здесь Сереги Есенина! Он бы чистую работу оценил. В Харькове, в 1919-м, ходили мы с ним на исполнение, так он чуть не пищал от восторга. Не смерть ему нравилась. Он, душа наивная, все понять не мог. Как это, мол, так получается? Человек, образ Божий, венец творения, с целым миром в башке — и пулька дурная в девять

граммов, ни ума, ни души, просто свинцовая капля. Шлеп — и нет венца творения! Когда с одной пули раба божьего валяли, очень ему нравилось... Нам твоя девка не нужна, Зотова. Дурак этот, Синцов, на тебя вывел, но интерес у нас совсем даже другой. Веришь?

Ольга чуть не поперхнулась дымом.

— Верю.

— Вот и прекрасно. Все остальное от тебя зависит. Глядишь, и не придется помирать. Ты где сейчас служишь?

Девушка прикрыла глаза, собираясь с силами. Началось!

— В Горпромхозе, в центральном управлении. На «ремингтоне» стучу.

Блюмкин покивал, весьма ответом утешенный.

— Конечно, конечно...

— О койвшен, койвшен, койвшен папиросен

Трикинэ ин трэволас барбосэн.

Куйвче куйвче бэна мунэс,

Готах мир ай шенрахмурэс,

Ратовита е сын финэ той... —

пел с чувством, даже со слезой. Маленький еврейский мальчик Симха-Янкель Гершев из трущоб Молдаванки, торгующий папиросами на шумном перекрестке. Как такого не пожалеть?

— Леонид, ты в перчатках? Забери у нашей ремингтонистки зажигалку. В руки мне не давай, в карман положишь.

Толстые красные губы плямкнули. Маленький мальчик сгинул без следа. Агент Не-Мертвый если и позволял себе расслабляться, то очень ненадолго. Пантелкин пожал плечами, полез в карман куртки, зажигалку достал.

Щелк!

— Работает, — констатировал он. — Товарищ Зотова, давайте обменяемся.

Спорить Ольга не решилась. По крайней мере, этот вежливый не станет ее обыскивать. Телеграмму от «доктора» показывать нельзя.

— Чудно! — ухмыльнулся Блюмкин, когда обмен завершился. — Это будет су-ве-нир-чик. А теперь слушай, Зотова. Вариант первый, самый неприятный. Мы не договариваемся, и я тебя здесь же рву на части. Иголки мне не нужны, руками обойдусь. Ты скажешь все, но оставить тебя живой, извини, не смогу. Негуманно!..

Яков подошел ближе, заглянул в лицо. Ольга еле сдержалась, чтобы не отшатнуться. Взгляд невольно скользнул в сторону, где стоял «добрый следователь».

— На Ленку не надейся, — понял ее Блюмкин. — Он мне и так одну жизнь должен, кроме того, выбор у нас с ним невелик. Поэтому вариант второй, щадящий. Ты отвечаешь на вопросы...

— Нет, — прохрипела замкомэск. — Не дожدهшься. Убивай, сволочь!..

Взгляды их встретились. В черных глазах Якова Блюмкина плескалась тьма, светлые зрачки гимназистки седьмого глаза казались ледяными. Секунды тянулись медленно, словно в кавалерийской схватке, перед последним мигом, когда шашка уже по крови соскучилась.

Не-Мертвый первым отвел взгляд, отвернулся.

— Дура идейная!

Хотел сплюнуть, да не решился. В сторону отошел, ткнул носком сапога в кучу угля.

— Здесь, значит, и оставим, а сверху угольком

притрусим. Не люблю с бабами возиться, вечно у них все на истерике. Ни ума, ни догадливости, кошки и то потолковей будут.

Ольге внезапно стало легче. Врет Блюмкин, дурака перед нею валяет, страхом хочет опутать. Хотел бы прикончить, не стал бы лишние слова тратить. Ни ума, ни догадливости, значит?

Замкомэск улыбнулась сухими губами.

— Говорите лучше, чего нужно. Если не враги вы и не шпионы, авось и столкнемся. Я — человек невеликий, но за мной и другие стоят. Могу письмецо передать, могу и на словах.

Пантелкин и Яков переглянулись.

— Заговорила! — хмыкнул Блюмкин. — Только зажигалку я не зря у тебя требовал. Увильнешь, сбежать попытаешься — сувенирчик этот возле трупа найдут. Пальчики на нем твои, и Синцов, царствие ему небесное, тебя, а не кого другого, отслеживал. Никакой адвокат не отмажет. А дело простое, хоть и важное. Найдешь Лунина, главу вашего Цветочного отдела, и передашь ему слово в слово...

5

Авто, свернув на неширокую тихую улицу, затормозило возле внушительного вида сооружения под двумя острыми шпилями. Темнота не позволяла разглядеть детали, но Вырыпаеву показалось, что перед ними католический храм. Столицу он знал плохо и мог лишь догадываться, куда его привезли. Они проехали мимо бывшего Александровского вокзала, затем свернули...

— Выходите! — Мадам Гондла распахнула дверцу. — И не пытайтесь бежать. Стреляю и я вправду скверно, но по вам, ей-богу, не промахнусь.

Батальонный, решив не отвечать, молча выбрался из машины. Здание темной громадой высилось над ним, закрывая ночное небо.

— Костел Святого Варфоломея, — небрежно пояснила женщина. — Местные немцы построили как раз перед Империалистической. Нам не сюда, рядом. Идите первым.

Шофер остался у машины, боец же из Ларисы Михайловны был никакой. Виктор прикинул, что бежать действительно не имеет смысла, а вот разоружить наглуго дамочку и поучить ее вежливости очень даже возможно. Подумав немного, он все же решил не рисковать. Вдруг товарищ Ким на такое обидится?

Шли недолго, до следующего дома — небольшого двухэтажного особнячка за железным забором. Калитка оказалась не заперта, как и входная дверь. В прихожей было темно, горела лишь небольшая лампа, освещавшая мраморную лестницу, ведущую на второй этаж.

— Вверх и налево, — подсказала Гондла. — Вам повезло, Вырыпаев, сюда нелегко попасть. Выйти, впрочем, еще труднее.

Виктор вновь промолчал. На втором этаже тоже царил полумрак, но одна из дверей оказалась открытой. Из щели струился желтый электрический свет. Альбинос шагнул к двери, постучал по твердому дереву костяшками пальцев.

— Разрешите?

— Милости просим! — ответил знакомый голос.

Первое, что успел заметить Виктор, — это горящий экран. Памятный стальной сундучок удобно пристроился на столе рядом с большим черным телефоном и дымящимся медным чайником. Возле стола, с кружкой в руке, стоял Егор Егорович, но

не в знакомом кожаном пальто, а в темно-зеленом английском френче и широких брюках-галифе. Товарищ Ким, при сером пиджаке, светлом галстуке и неизменной «шкиперской» бороде, сидел на стуле перед экраном и дымил знакомой черной трубкой.

— Заходите, товарищ Вырыпаев! — улыбнулся он. — И ты, Лариса Михайловна, тоже на пороге не стой... Егор, у меня большой соблазн — арестовать их обоих прямо сейчас. Виктора Ильича просто запереть денька на три, а с нашей боевой подружкой как следует разобраться.

Егор Егорович согласно кивнул:

— Пожалуй, стоило бы. Гондла, ты что, не знаешь, кого сюда можно приводить?

— Выбора не было. — Женщина поморщилась, присела на ближайший стул. — С ним что-то не так, я это чувствую. Если бы я пристрелила товарища Вырыпаева прямо на кладбище, это бы вам понравилось больше?

— Что сделано, то сделано. — Товарищ Ким повернулся к экрану, положил трубку на стол. — Подходите ближе, Виктор Ильич. Кажется, нам собираются объявить войну.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Мертвые и живые

1

— Я вас провожу, — предложил Пантелкин. — Хотя бы до трамвая. Сявок вокруг полно, а вы даже без оружия.

Ольга хотела отказаться, но, взглянув на недовольную физиономию Блюмкина, передумала.

— Гуляйте, голубки, гуляйте, — хмыкнул Яков. — Ты, Зотова, на Леньку не слишком западай. Обрати внимание: сявок назвал, а про деловых придержал, не стал своих поминать.

С тем и сгинул. Была черная кожанка — нету, одна угольная пыль на тротуаре.

— Это он про вас гадость сказал, — определила кавалерист-девица. — Только я не поняла какую.

Леонид развел руками, и они не спеша двинулись в обратный путь, к шумной Тверской. Говорить было не о чем, Леонид, лишившийся зажигалки, лишь попросил огоньку. Курили все так же молча.

— А вот мне интересно, — не выдержала, наконец, Зотова. — У вас, гражданин Пантелкин, с Блюмкиным заранее роли расписаны? Он — злой, вы — добрый, он на куски рвать грозит, а вы провозжать беретесь?

Леонид слегка обиделся на «гражданина», но ответил честно.

— Когда в паре работаешь, всегда так. Поскольку операция его, он и ведет, а я на подхвате. Нас так товарищ наш старший учил, распределение ролей называется.

Ольга нащупала в кармане скомканную телеграмму и еле заметно улыбнулась. А Наташка-то — дочь Деникина, значит? Вот удумали!

— Вы, гражданин Пантелкин, о своей работенке больно хорошего мнения. «Распределение ролей», будто в театре каком. Вы с Яковым просто разбойники, если без красивостей сказать.

На этот раз бывший старший оперуполномоченный обижаться не стал, улыбнулся только.

— Вот вы, гражданка Зотова, на фронте были, войну прошли и домой вернулись. А у нас война —

тайная, и не будет ей конца, разве что при полной Коммуне. Говорят, она без всяких правил, но это неправда. Правила есть, только очень непростые, не для каждого писаны. Зато жизнь настоящая, интересная, такую даже за деньги не купишь. Я только что в камере смертной был, потом в поднебесье летал, теперь с вами гуляю. На что такое променяешь?

«Да хоть на мой «ремингтон», — чуть было не сорвалось с губ. Девушка невольно вздохнула. На службе в Техгруппе она тоже не только чай заваривала, но «роль», ей предписанная, казалась слишком уж простой. По поднебесью летать еще не приходилось.

Зато она была в Шушморе!

— А вы, гражданин Пантелкин, Бога видели?

Леонид вначале решил, что ослышался, а после даже слегка растерялся:

— Н-нет, пожалуй, не приходилось. А вы, извините...

Девушка весело рассмеялась.

* * *

Переполненный трамвай, отчаянно звеня, тронулся с места. Пантелкин махнул рукой вслед, повернулся и неспешно направился обратно, в самую гущу маленьких улочек и кривых переулков. С Блюмкиным они устроились в служебном общежитии на Пресне, но Леонид не торопился возвращаться. Яшка все равно придет поздно, да и говорить с ним, считай, не о чем. Центр остался позади, близкая ночь прогнала народ с улиц, и старший оперуполномоченный привычно сунул руку в карман,

где прятался револьвер-«бульдог». Патроны в нем были правильные, «сырые».

Поздний вечер, пустые улицы, весна...

Свобода.

До утра можно ни о чем не беспокоиться. Что задумали, сделали, все кончилось хорошо... Леонид невесело усмехнулся. Лучше не бывает! А как же незадачливый гэпэушник Синцов, отправленный в вечный отпуск? Не повезло служивому, иголки купил, план допроса разработал...

«Кукушка лесовая, нам годы говорит, а пуля роковая...»

— Леонид Семенович!

Сглазил!..

Впереди — пустая улица, черный силуэт давно погасшего фонаря, глухие заборы справа и слева...

— Оружие вы уже достали, но не торопитесь стрелять. Вас могли прикончить в Петрограде, расстрелять в подвале, убить при побеге, а вы все-таки живы. Не без моей помощи, между прочим. Не горячитесь, я вам уже говорил, что в следующий раз патроны будут боевыми.

Леонид опустил револьвер. Рисковать и вправду не стоило. «Если передумаете, дайте знать». Черная Тень из расстрельного подвала пришла за ответом.

— Можете повернуться. Предпочитаю говорить лицом к лицу.

Пантелкин подчинился. «Бульдог» сунул обратно в карман. Понял — не поможет.

...Та же пустая улица, забор, тихие дома. И Черная Тень — совсем близко, в пяти шагах.

— Я скажу, а вы послушайте, Леонид Семенович. Не удивляйтесь, просто запомните и попытайтесь понять. Сегодня вас спросили, видели ли вы

Бога. Я спрошу иначе: знаете ли, каким Он видит вас? Я не про грехи, не про воздаяние, это не по моей части. Я о жизни, о вашей судьбе. У некоторых она уже определена, как железнодорожное расписание. Ваш друг Яков Блюмкин будет расстрелян через шесть лет за то, что впервые в жизни попытается поступить по закону чести. Девушка, с которой вы сейчас говорили, если ей, конечно, очень повезет, умрет очень не скоро на другой планете, где даже время течет иначе, чем на Земле. А ваш тюремный знакомец Артоболевский... Вы с ним еще встретитесь, но не здесь, а очень далеко... Надеюсь, вы догадываетесь, что это не шутка.

— Допустим, — кивнул Леонид, почему-то не особо удивленный. — А я-то при чем? Если уже все расписано, зачем вообще волноваться?

— Ваш случай — очень редкий. Вы должны были умереть уже несколько раз, но все-таки живы вопреки всякой исторической и прочей логике. Вы — не просто везучий, вы еще очень упрямый. Такие люди мне нужны, Леонид Семенович. В этом мире вам все равно не протянуть долго, но есть иные миры и другие времена. Мне требуется помощник. А насчет того, что все расписано... Кое-кто стремится изменить Историю, причем самым решительным образом. Получится или нет, не знаю, но в любом случае крови будет предостаточно.

«Это вам к товарищу Дзержинскому», — чуть было не посоветовал Леонид, но вовремя прикусил язык. Ведомство Первочекиста само не прочь переписать железнодорожное расписание.

— Насчет миров и этих... планет, не шутите? — поинтересовался он просто ради того, чтобы потя-

нуть время. Задержать неизвестного не удастся, но, может, получится разговорить?

Темнота негромко рассмеялась:

— Заинтересовались? Не шучу. Одна из планет называется Тускула, и как раз туда вы сможете по-пасть довольно скоро. Кстати, представляюсь. Моя партийная кличка — Агасфер, но сейчас меня чаще называют Ива́новым. Ударение на первом слоге, по-офицерски. Я не шпион и не марсианин, работаю в Совете народных комиссаров. Ну, как, договорились?

Пантелкин на миг задумался. Отказаться, принципиальность проявить? А зачем? Не в террористы, в конце концов, вербуют.

— Отвечу чуток попозже, товарищ Иванов. Неожиданно оно как-то. А скажите...

Вопрос завис в сыром весеннем воздухе — Черная Тень исчезла. Леонид немного постоял, затем достал папиросы, вспомнил, что остался без зажигалки.

— Блюмочке рассказать надо, — проговорил он вслух. — А то ведь шлепнут парня.

Но старший оперуполномоченный уже знал, что никому ни о чем не расскажет.

«Кукушка лесовая, нам годы говорит, а пуля роковая нам годы коротит...»

Семену Петровичу Тулаку этим вечером тоже довелось постоять возле окошка «До востребования», но не на телеграфе, а на Главном почтамте. Он заходил туда каждую неделю, хотя и в разные дни, письма же получал не чаще раза в месяц, при-

чем с одного и того же адреса. Читал прямо в зале, очень внимательно, потом рвал исписанную бумагу на мелкие клочья и бросал в ближайшую урну. Конверт, на котором была написана его фамилия, уносил с собой, чтобы сжечь в более спокойной обстановке.

На этот раз письмо задержало Семена надолго. Ротный прочитал его трижды, смял левой рукой в маленький твердый комок, но уходить не спешил. Основательно поразмыслив, он купил конверт и пару марок с изображением меча, разрубающего оковы, достал лист бумаги и принялся тщательно выводить на ней замысловатые буквицы. Писать левой было не слишком удобно, но Семен очень старался. Однако, прежде чем начать свое послание, он аккуратно, штришок за штришком, нарисовал на листе бумаги стилизованную лилию Хлодвига, среди скаутов называемую попросту «жабой».

Точно такая же лилия была в письме, только что им прочитанном.

* * *

— А вы что скажете, Виктор Ильич? — поинтересовался товарищ Ким, не отрывая взгляд от экрана. На белом четырехугольнике творилось что-то непонятное. Квадраты, цифры, латинские буквы, стрелки, указующие во все стороны. Все это двигалось, смешивалось, время от времени исчезало, чтобы появиться вновь.

— Я все уже сказал, — невесело улыбнулся батальонный. — Как на духу — или как в разведотделе на допросе. Никто меня не вербовал и предло-

жений никаких не делал. Доминика даже вопросов не задавала.

— Все равно не верю, — зло бросила Гондла, ставя пустую чашку на стол. — Таких, как он, вербуют втемную. Делается это очень просто. Загипнотизировали и дали задание. Вырыпаев не зря говорит, будто забыл что-то важное. Его заставили забыть!

Чаю здесь не пили, зато угощались хорошим кофе из настоящих фарфоровых чашек. Виктор отказался, во рту и так было горько.

— Ладно вам! — примирительно заметил Егор Егорович, наливая из кофейника третью чашку подряд. — Это у вас, Гондла, сублимируются материнские чувства. Пристаете к молодому человеку, пристаете...

Вырыпаев ждал вспышки гнева, но женщина лишь презрительно усмехнулась.

— Егор! Вам известно, что я никогда не ошибаюсь. А ваша доверчивость, извините, обошлась уже очень дорого. И прежде всего вам самим.

На этот раз никто не стал спорить. Товарищ Ким допил кофе и занялся трубкой.

— Придется самому на Ваганьковское съездить, — рассудил он. — Но это успеется. Виктор Ильич, как вы думаете, что это за прибор?

Вырыпаев хотел признаться в полном неведении, но внезапно вспомнил документы Техгруппы.

— «ТС», «странная технология», — твердо заявил он. — Судя по тому, что на нем есть клавиши с буквами, это средство связи или управления.

— Блестяще!

Товарищ Ким резко развернулся на стуле, едва удержав равновесие. Трубка так и осталась на столе.

— Неужто сами сообразили? Именно так и есть. «ТС»...

— «Технология Сталина», — негромко проговорил Егор Егорович.

— «Технология Сталина», — согласно кивнул любитель трубок. — В общем плане это верно.

Переспросить батальонный не решился, хотя был весьма удивлен. Если Сталина, то почему только «в общем плане»?

— Два года назад мы сумели проследить, скажем так, провод, по которому осуществляется связь между теми, кто применяет «ТС». Нечто вроде телеграфа, хотя, конечно, это и не провод, и не телеграф. Но подключиться мы все-таки сумели. Не хватало одной детали, очень важной. Этого!..

Товарищ Ким, не оборачиваясь, указал рукой на «сундучок».

— Нам помогли друзья из Коминтерна, переправили прибор в СССР с верным человеком, но дальше начались сложности. Вы, Виктор Ильич, этот вопрос успешно решили, хотя и ввели во искушение нашу Ларису Михайловну...

Гондла отвернулась и фыркнула. Товарищ Ким улыбнулся в «шкиперскую бородку».

— Ничего, еще помирится. Теперь мы не только подключились к, если можно так выразиться, «ТС-связи», но и можем блокировать некоторые их действия. Могли!..

Он резко встал, бросил взгляд в сторону темного окна.

— Я уже отдал приказ об эвакуации на основную базу, мы слегка подзадержались... Так вот, нас вычислили, и очень скоро, как я понимаю, последу-

ет ультиматум. Гондла, Егор, уходите и уводите парня, встретимся на базе завтра утром. Уходите!..

Никто не двинулся с места. Егор Егорович покачал головой, дернул яркими губами:

— Не стоит, товарищ Ким. Да и поздно уже.

Он кивнул в сторону экрана. Квадратики и цифры на нем исчезли, вместо них на ослепительно-белом фоне ярко вспыхнули черные буквы:

«Luft! Luft! Luft!»!

— Почему все время на немецком? — ни к кому не обращаясь, бросила Гондла. — Культурные люди предпочитают французский. Нет у этих господ вкуса!...

Товарищ Ким вновь устроился у экрана, пальцы легли на клавиши.

— Прошу, товарищи, соблюдать тишину...

Договорить он не успел. В «чемоданчике» что-то захрипело, и негромкий чужой голос резко и четко произнес:

— Achtung! Amtsleitung! Amtsleitung?..!

Виктор пригляделся и заметил небольшое решетчатое отверстие повыше экрана, похожее на миниатюрный репродуктор. Звук шел определенно оттуда.

— ... Amtsleitung!.. Luft! Luft!..

Альбинос принялся лихорадочно собирать свой невеликий запас немецкого, но это не понадобилось. Репродуктор звонко щелкнул, гася чужую речь.

— Ким Петрович! Вы на связи?

Голос, говоривший по-русски, звучал совсем

¹ Воздух! Воздух! Воздух! (нем.)

² Внимание! Вне очереди! (нем.)

иначе — мягко и очень доброжелательно, словно неизвестный обращался к давнему другу. Буквы на экране исчезли, уступив место чему-то странному, напоминающему клубящуюся дождевую тучу.

— Здесь, — коротко бросил товарищ Ким. — Добрый вечер!

— И вам добрый. Ким Петрович! Вы и ваш Третий отдел, можно сказать, успешно сдали экзамен. Освоить «странную технологию» без чужой помощи людям первой четверти XX века достаточно сложно. Вы это сделали. Присоединяйтесь, дела хватит для всех. Переговоры можем начать прямо сейчас. Или предпочитаете беседу наедине?

Виктор невольно перевел дух. Кажется, никто не собирался воевать. На странный «Третий отдел» он даже не обратил внимания, хотя такой в номенклатуре ЦК не значился.

— Сначала вопросы, — голос товарища Кима был холоден и тверд. — Прежде всего с кем я говорю?

— Мы с вами давно знакомы, — Вырыпаеву почудилось, что там, по другую сторону дождевой тучи, улыбнулись. — В партийных документах вы встречали мой псевдоним — Агасфер. Виделись мы в Париже и Цюрихе, потом в Копенгагене, у Парвуса. Правда, там меня звали немного иначе.

— Псевдоним я помню. — Товарищ Ким, кажется, нисколько не удивился. — Итак, именно вы, Агасфер, стоите за теми, кто использует чужие технологии. Шекар-Гомп — это вы, и опыты над людьми — это тоже вы. Именно вы стремитесь превратить революцию в эксперимент над человечеством...

— В совместный эксперимент, — мягко поправил голос. — Человечество участвует в нем на равных правах. «ТС», чужие, как вы говорите, техно-

логии, это и проект «Мономах», и наши эфирные полеты, и планета Тускула. Мы внедряем новое очень осторожно, постепенно, чтобы не вызвать всеобщего стресса. Вы упомянули Шекар-Гомп — Объект №1. Многим не нравится то, что там делается, но именно Шекар-Гомп, наше Око Силы, помог закончить войну с относительно небольшими жертвами. Все эти наработки помогут и в дальнейшем, вы это знаете. Вам ли предъявлять претензии? Извините, Ким Петрович, но вы сами — чужая технология.

— Вот сволочь! — негромко бросил Егор Егорович. Гондла согласно кивнула и приложила палец к губам.

— ...Вы родились в 1932 году по здешнему счету, всю молодость провели на Тускуле, а потом вами просто воспользовались, чтобы подложить мину под то, что я делаю. Ваши друзья, уверен, рассказали обо мне много плохого. Не стану оправдываться, но вы уже поняли: мы относимся к разным, если можно так выразиться, цивилизациям. Со своими я в ссоре, и они решили воспользоваться вашими услугами для элементарного сведения счетов. Сейчас вы в комнате не один. Спросите у тех, кто рядом, хотят ли они участвовать в войне, скажем, марсиан и обитателей Альфы Кентавра? Спросите!..

— Скажите этому... марсианину, — Гондла подошла ближе, дернула тяжелым подбородком в сторону экрана. — Альфа Кентавра нас не интересует. А вот диктатуры в стране мы не допустим. Это уже наша забота, человечья.

Виктор решил, что он ослышался. Дела межзвездные и межпланетные интересны лишь сказочникам — и уэлсовским марсианам. Но диктатура?

Чья? В СССР существует диктатура пролетариата — класса, но не отдельной личности. Это же бред, полный бред!

— Историю можно и нужно направлять, — негромко ответил голос за экраном. — Это позволительно хотя бы потому, что помогает избежать лишних жертв. Но менять уже случившееся — значит обречь на гибель целую Вселенную. История этого мира уже состоялась, на моем, истинном, календаре сейчас 2010 год. Вы, Ким Петрович, не имея на то никакого права, вторглись в Прошлое, между прочим, используя возможности, которые никогда не будут доступны людям. Если вы измените уже случившееся, погибнут прежде всего десятки миллионов тех, кому не доведется родиться. Не возникнет великая держава, которую предстоит выстроить в ближайшие десятилетия. То, что случилось, уже принадлежит вечности. Это История, и менять ее — преступление. Осознайте это!

— Осознал, — кивнул товарищ Ким. — Сначала когда по вашей вине погибли почти все мои родственники, потом — в 1991-м, когда погибла страна. Этим и кончился ваш «совместный эксперимент». Если мы вас сейчас не остановим, Россия найдет своего диктатора — похоронщика революции, какие бы красные перья не были на его костюме. Смотрите сами на свой календарь. У нас сейчас 1923-й, 31 марта. Еще не поздно! Родятся десятки миллионов тех, кого вы погубили еще до рождения, и наша страна счастливо переживет не только 1937-й, но и 1991-й. А вы, Агасфер, катитесь ко всем своим тибетским чертям!..

Несколько секунд динамик молчал, затем в нем что-то хрустнуло, и в ту же секунду экран погас.

Егор Егорович шагнул к темным оконным стеклам, резко отшатнулся:

— Осторожно!..

Он опоздал. Пулеметная очередь разнесла стекла, брызнула мелкими осколками, впиалась тяжелым свинцом в штукатурку. Прицел был взят слишком высоко, пули ушли в потолок, лишь одна, самая шальная и глазастая, ударила ниже, срикошетив от стальной крышки «сундучка». И тут же пришел ответ откуда-то снизу, с первого этажа. Очередь, вторая, третья... Наконец, наступила тишина.

— Все живы?

Товарищ Ким стоял у пробитой пулями стены, прижимая ладонь к окровавленной щеке. Егор Егорович остался там же, где был, возле окна, счастливо избежав свинцового гостинца. Вырыпаеву, не успевшему даже встать со стула, тоже повезло, если не считать испачканной штукатуркой шинели.

Лариса Михайловна ничком лежала на полу, прямо посреди комнаты.

— Гондла! — Егор Егорович сорвался с места, но Виктор успел первым. Присел рядом, осторожно коснулся запястья, нащупывая пульс.

— Вырыпаев, прекратите! Щекотно!.. — женщина негромко застонала, попыталась привстать. — Жива я, не радуйтесь слишком рано.

Батальонный взял ее за плечи, подвел к стулу. Егор Егорович и товарищ Ким подержали, помогли усадить.

— Чепуха! — Лариса Михайловна глубоко вздохнула, выдохнула, попыталась улыбнуться. — В меня не попали, сама головой приложилась, когда падала. Ким, что у вас с лицом?

Товарищ Ким нетерпеливо дернул рукой:

— Тоже чепуха, стеклом задело. Чего стоим? Вниз, все вниз! Вырыпаев, помогите Ларисе. Егор, уноси машинку, я — последний.

Мадам Гондла явно не спешила уходить, и Виктору пришлось ее поторапливать. Попытка взять дамочку под руку кончилась яростным шипением и звонким хлопком по ладони.

— Сама! Киму лучше помогите.

Вырыпаев, не слишком понимая, что делает, бросился назад и чуть не столкнулся с начальником, который на миг задержался на пороге.

— Свет гасил. — В «шкиперской» бородке промелькнула знакомая усмешка. — Режим экономии... Виктор Ильич, вы сырости не боитесь?

Альбинос недоуменно моргнул, но ответить не успел. В оставленной комнате грянул телефонный звонок. Товарищ Ким покачал головой и шагнул обратно.

— Ким Петрович! Ким! — Гондла рванулась следом, и почти сразу же ударил выстрел. Пуля, миновав разбитое окно, мягко вошла в стену слева от входа.

— Алло? — послышался невозмутимый голос любителя трубок. — Кто, говорите? Зотова? Ольга Зотова? Да, соединяйте, немедленно.

Следующая пуля в пыль разнесла только что погасшую лампочку.

3

Ольга Зотова опустила трубку на рычажок аппарата, повернулась к вахтеру.

— Спасибо. Я здесь, возле входа подожду.

Ответом был весьма красноречивый взгляд. Как

ни старалась замкомэск говорить обиняками, но слов «коммутатор ЦК» оказалось вполне достаточно для служивого. То, что донесет, ясно, главное, чтобы не слишком торопился. Девушка многозначительно покачала головой, и вахтер, поправив железные окуляры, поспешил взять в руки газету.

Ольга отошла в сторону, нетерпеливо топнула жесткой подошвой о давно не мытый пол. Сколько можно еще ждать?!

— Товарищ Зотова? Я здесь, я иду!..

Слава историческому материализму! Ротный Тулак спускался по лестнице, на ходу вдевая непослушную десницу в рукав шинели.

— Что случилось?

Замкомэск, не говоря ни слова, помогла Семену разобраться с верхней одеждой, застегнула шинель на крючки, поправила ремень, а затем кивнула в сторону двери.

Откашлялась.

— Поговорим!..

На улице она достала только что купленную пачку «Ириса», закусил мундштук зубами:

— Не знаю, что и делать, Семен. Дома мне лучше пока не ночевать, у тебя и у Виктора тоже нельзя. Позвонила товарищу Киму, а там и вовсе не до меня. Вроде как война началась или даже чего хуже. Посоветуй, что делать.

— Так...

Ротный долго молчал, затем поправил шуйцей густой цыганский чуб.

— Есть адрес, на одну ночь могу пристроить. В ГПУ не сдашь?

Обижаться Ольга не стала, ответила серьезно:

— Нет, товарищ Тулак. Не из таких я.

— Пошли! По дороге расскажешь.

Наглого Блюмкина и вежливого Пантелкина Зотова нисколько не боялась. Однако, уже выйдя из трамвая, она решила перестраховаться, понаблюдать за собственным подъездом — и почти сразу же заметила двух крепких ребят в штатском, гуляющих неподалеку от входа. Затем подъездная дверь хлопнула, и на улицу выскочил третий, уже не в штатском. Форму с зелеными «разговорами» легко узнать даже в слабом свете уличных фонарей.

Надеяться на совпадение не стоило. «Дочь генерала Деникина» разыскивал не только любитель подноготной правды Синцов.

— И тебя искать станут, Семен, — заключила замкомэск. — Втравила я нас обоих в историю, да так, что и не выбраться. Но если бы мы Наташке не помогли, кем после этого стали? Хуже белогвардейцев!

— Хуже, — охотно согласился ротный. — Ты даже и не представляешь насколько. Так чего горевать?

Ночь на 1 апреля года от Рождества Христова 1923-го выдалась неожиданно холодной, под ногами потрескивал лед, старые шинели грели плохо, а над замерзшим городом бесшумно распахнулась ледяная звездная бездна. Улицы вымерли, каждый шаг далеко разносился чутким эхом.

Странное дело, но Семена случившееся совсем не расстроило, скорее взбодрило. Он шел по холодному пустому городу ровно, отмахивая левой каждый шаг и широко расправив плечи. Зотова, привыкшая замечать всякую мелочь, невольно удивилась. Походка была непривычной, чужой.

Куда больше заинтересовала цыганистого историка с Блюмкиным. Он долго уточнял и переспрашивал, а затем подвел итог:

— Забавно получается, Ольга. Выходит, мы с тобой служим в Цветочном отделе? У Вождя свой отдел, у товарища Троцкого свой, с террористом Блюмкиным в роли ротвейлера, а мы вроде пешек, которых под бой подставляют. Одно не пойму, почему главным Лунин? Они же с товарищем Кимом постоянно грызутся!

Кавалерист-девицу высокие материи не слишком интересовали. Возбуждение прошло, навалилась усталость, главное же — впереди не было никакой ясности. Защитит ли товарищ Ким, станет ли связываться со всесильным ведомством Дзержинского? А если и прикроет, то надолго ли? У парней с Лубянки хорошая память. Убитого Синцова непременно найдут...

— Незадача выпала, — вздохнула девушка. — Думала, что спокойную службу нашла. На «ремингтоне» постучу, чаю выпью... А нам-то с тобой и податься некуда. В Крым, к Дмитрию Ильичу, нельзя, на след наведем, и к родичам моим не поедешь, сразу найдут. В Шушмор, что ли, вернуться? Или товарища Соломатина попросить, чтобы у дхаров своих спрятал?

— В герлскаутах не состояла? — как бы ненароком поинтересовался товарищ Тулак.

— Не-а, — равнодушно откликнулась Ольга. — Хотела, да матушка не пустила. Думаешь, помогло бы? Сейчас этих скаутов с собаками ищут.

«Разведчик весел и никогда не падает духом». Тот, к кому они сейчас шли сквозь холодную ночь, был одним из последних скаут-мастеров Столицы. Скаутское подполье не сдавалось. Место погибших и арестованных заступали младшие братья, горели костры, вполголоса, но звучали знакомые песни.

На апрель был назначен слет в селе Всехсвятском. Идти решили в полной форме и со знаменами.

— В психи, что ли, обратно податься?

Девушка невесело усмехнулась и вновь зашлась в кашле. Отдышавшись, вытерла губы платком, поморщилась.

— Иногда такое накатывает, хоть в смирительную рубашку лезь!..

Ротный поглядел вверх, в ледяное мертвое небо, качнул головой:

— Все мы после этой войны психи, Ольга. Ты еще нормальнее прочих. У меня что ни ночь — кошмары. Всадников черных вижу. Скачут прямо, не сворачивают, вот-вот рубить станут, а поделать ничего нельзя. Ни убежать, ни винтовки поднять... Так и гибну заново перед каждым рассветом. А ведь в действительности все иначе кончилось...

* * *

...Подернутая сизым туманом вечерняя степь. Серые поздние сумерки, холодная замерзшая грязь. Кровавый закат.

Поручик вскинул карабин, но тут же понял — выстрелить не сможет. Оружие налилось свинцом, непривычная тяжесть валила с ног, не давая даже взглянуть в сторону врага. Он опустил на колено. Стало легче, и офицер без труда поймал в прицел первого всадника — того, что был слева.

Выстрел!

Стрелком он слыл неплохим, теперь же, когда мишени казались огромными, почти на весь темнеющий горизонт, промахнуться было просто не-

возможно. Поручик рассмеялся, легко передернул затвор.

Выстрел! Выстрел! Выстрел!..

Когда офицер перевел дыхание, стало ясно, что их осталось двое: он и красный кавалерист, последний. Между ними — всего дюжина шагов.

Один патрон. Прицел!..

— Не стреля-а-а-ай!

Кавалерист отчаянно взмахнул руками, понимая, что не упросит, не умолит. На Гражданской, где свой убивает своего, не милуют, не отпускают под честное слово. Между ним и полумертвым «беляком» не метры холодной степи, а кровь, кровь, кровь...

— Не стреля-а-а...

Офицер опустил винтовку, с трудом встал, пошатнулся. «Красный» был уже совсем рядом. Лица не разглядеть, одна черная тень.

— Спасибо, браток...

Кавалерист развернул коня, погнал вдаль раскидистой рысью. Белогвардеец помахал ему вслед. Война кончилась...

Счастливая доля — вернуться с той войны.

Контужен в походе — награда от богов.

Поручик улыбнулся и мягко завалился на бок. Черная земля ударила в висок.

Это было — и этого быть не могло. Каждую ночь он, пощадивший последнего врага, умирал сам. Наутро же, проснувшись в холодном поту, поручик не мог понять, чем заслужил такую казнь. Тем, что вопреки всему выжил? Не захотел убивать?

Война, искалечившая, но не забравшая жизнь, не отпускала на волю.

* * *

Столицы в расходе, как в бурю облака.
Надгробные игры сыграли в синеве.
И в горы уходят неполных три полка,
Летучего тигра имея во главе.

Счастливая доля — вернуться с той войны.
Контужен в походе — награда от богов.
Вчистую уволен от службы и страны,
Навеки свободен от всех своих долгов.

— Чьи это стихи, Семен? — уже ничему не удивляясь, спросила девушка. — Твои?

— Нет, — улыбнулся белый офицер. — Не сподобил господь. Прапорщик один из соседней роты написал. Александр... Точно! Александр Немировский. Надо же, фамилию вспомнил. Зимой 1918-го, когда все только начиналось, мы с ним были в кубанском отряде Виктора Покровского, бывшего авиатора, «летучего тигра»...

— Как же я вас, «беляков», ненавижу! — прохрипела красный замкомэск.

— Я знаю, — ничуть не обиделся поручик.

Серебряная иконка — плененный Царь-Космос — лежала в нагрудном кармане, у самого сердца. Последняя память о прошлом, последняя тонкая ниточка. Та, прежняя, жизнь давно миновала, этой ночью завершалась еще одна, начавшаяся в миг, когда уставший от смерти офицер не захотел больше убивать. Чужая, заемная жизнь, изделие безумца Франкенштейна... Впереди же — ничего, только пустой город и холодная вязкая тьма.

Поручик улыбался.

* * *

Под ногами хлюпали лужи, воздух пах ледяной гнилью, а впереди стеной стояла плотная густая тьма. Луч фонаря скользил по неровному черному

камню, то и дело ныряя в невысокие ниши-вырубки, уходившие в глубину стен. Холодная твердь окружала со всех сторон, потолок то уходил вверх невысоким сводом, то резко спускался вниз, заставляя пригибать голову.

«Виктор Ильич, вы сырости не боитесь?» Батальонный ударился боком об острый камень, чертыхнулся сквозь зубы. Если бы только сырости!

— Веселее, Вырыпаев, — подбодрила идущая на шаг позади Гондла. — Я уже поняла, что вы не герой. Но версту-другую можно пройти, не падая?

Насчет версты-другой дамочка пошутила. Они прошли значительно больше, а черный коридор и не думал заканчиваться.

В подземелье попали прямо из подвала. У входа уже гремели выстрелы — охрана особняка отбивала новый штурм. Очередная дверь оказалась чуть пониже остальных. Товарищ Ким кивнул Егору Егоровичу, тот поставил на пол «сундучок», извлек из кармана тяжелую связку ключей.

За дверью их встретила темнота — и обещанная Виктору сырость. Товарищ Ким засветил фонарь и первым шагнул в узкий каменный коридор. Лариса Михайловна подтолкнула в спину Вырыпаева и пошла третьей. В арьергарде остался Егор Егорович, у которого тоже оказался небольшой военный фонарик.

Дверь со скрипом захлопнулась, заскрипел ключ в старом замке. Два ярких узких луча, словно клинки светящихся шпаг...

Тьма.

Вначале Виктор решил, что они перебираются в соседнее здание. Сразу вспомнился ушедший в ночное небо костел. Не туда ли? Но коридор вел

все дальше, и батальонному стало ясно, что они попали в самую толщу подземной Столицы. Коридоров было много, перекрестки попадали каждые несколько минут, но товарищ Ким, по-прежнему шедший первым, безошибочно находил дорогу.

— Перекур! — прозвучало уже в третий раз. Альбинос успел заметить, что начальник отдает эту команду каждые полчаса. Сколько же они прошли?

Задымили все, кроме некурящего Вырыпаева. Лариса Михайловна попыталась протереть платком окровавленное лицо товарища Кима, но тот отмахнулся.

— Успеется! — заявил он, раскуривая красный трубочный огонек. — Ну как настроение? Люблю такие встряски!..

— Какие встряски? — удивился Егор Егорович. — Никого даже не ранили. Виктор Ильич, вы как?

— Скис, — не без злорадства констатировала дамочка, не дав батальонному и рта раскрыть. — Ким Петрович, где вы таких гимназистов находите?

Вырыпаев решил все-таки ответить, но его опередил кожаный.

— Гондла! Prenez ce jeune homme de son amoureux pour un mois et se détendre...¹

— Вы! — Дамочка вскочила, уронив недокуренную папиросу. — Вы, Егор, такой наглый, потому что уж вас с вашими дворницкими манерами я бы никогда... Vous, noble! Pas honte?²

¹ Возьмите этого юношу к себе в любовники на месяц и успокойтесь (франц.).

² Вы, дворянин! Не стыдно? (франц.)

— Молоде-е-ежь! — негромко протянул любитель трубок, и Гондла, не договорив, умолкла.

— Теперь интересуюсь я, — продолжал товарищ Ким, выбивая из трубки пепел. — Виктор Ильич, как настроение?

— Голова кругом, — честно ответил батальонный. — И куча вопросов.

— Можно один, — начальник улыбнулся в «шкиперскую» бородку.

Один?! У Виктора их было под сотню. Но если так...

— Ким Петрович, как ваша фамилия?

— Она вам известна. — Начальник спрятал трубку и посветил фонарем вперед. — Не догадались? Я Ким Петрович Лунин. С Николаем Андреевичем мы родственники, и я решил взять псевдоним. Отвечу и на второй вопрос. Мы в старых катакомбах под городом, этот участок появился не позже конца XVI века. Чуть дальше — подземная часовня Скуратовых, чрезвычайно интересный объект, открытый незадолго до войны профессором Белиным. Ну, перекурили? В путь!..

И снова черные стены, глубокие ниши слева и справа, уходящий в темную даль потолок. Холодная земная твердь... Виктор уже приноровился и шел быстро, вполне успевая за энергичным и резким Кимом Петровичем. На постоянное ворчание Гондлы он уже не обращал внимания. Пусть ее!

Всезнающий начальник на этот раз ошибся. Второй вопрос батальонного был бы совсем иным. Катакомбы — невеликая загадка, почти в любом старом городе найдутся. А вот кто таков сам товарищ Ким? Виктор уже понял, что лет их командиру, несмотря на бодрый вид, не так и мало. Тридцатилет-

ние спутники для любителя трубок просто «молоде-е-ежь». Если таинственный Агасфер не солгал, и Ким Петрович — пришелец из непонятого Грядущего, то все еще больше закручивается. Родился в 1932-м, сейчас «там» 2010-й...

Альбинос подметил еще одну очевидную странность. Товарищ Ким в РСДРП уже много лет, Николай Лунин вступил в партию едва ли раньше 1917-го. Однако псевдоним взял себе первый, словно заранее оставляя фамилию родственнику.

О том, возможно ли в принципе путешествие сквозь Время, Виктор решил пока не задумываться.

— Вырыпаев, вы не можете идти быстрее? С вами мы здесь до утра проплутаем!..

Чем дальше они шли, тем меньше запоминалась дорога. Все те же коридоры, перекрестки, ниши в стенах. Батальонный мог лишь удивляться, как товарищ Ким умудряется находить в этом каменном хаосе путь. Несколько раз попадались вырубленные в камне помещения, чаще размером с комнату, реже — целые залы с намеченными в камне колоннами и аккуратно обработанными стенами. Везде было абсолютно пусто, лишь однажды под ноги попала россыпь свежих винтовочных гильз.

На очередном привале Ким Петрович рассказал, что они прошли мимо очень интересного археологического объекта, открытого все тем же профессором Белиным. В XVI веке там по некоторым предположениям располагалась допросная, где разбирались с наиболее секретными узниками — русскими «железными масками». Сам товарищ Ким в это не верил, считая «объект» обычным складским помещением, каких в те годы было немало под Столицей.

Вырыпаеву стало не по себе. Он представил себе подземную тюрьму — узилище в толще глухого камня. Ни света, ни свежего воздуха, только лица палачей под красными колпаками. Фантазия в духе читанных им еще в гимназические годы «страшных» готических романов. Виктор прекрасно это понимал, однако неприятное чувство осталось. Свежие гильзы — это уже не археология.

После шестого привала воздух стал заметно свежее, а коридор шире и суше. Под ногами стал попадаться вполне современный мусор, главным образом тряпье и пустые бутылки. В этих местах явно бывали чаще. Гондла подтвердила догадку, пробурчав о беспризорниках, встреча с которыми им совершенно ни к чему. Однако впереди было пусто, а вскоре они опять свернули, на этот раз в узкий коридорчик, ведущий резко вверх. Под ноги попалась первая ступенька.

— Лестница. Осторожней! — с некоторым опозданием предупредил товарищ Ким.

Заскрипел открываемый железный люк. Темнота отступила, сменившись неровным желтым огнем.

— Вырыпаев, быстрее можете?

Понукаемый вредной дамочкой, Виктор миновал последнюю ступеньку.

— Пришли, товарищи! Вопрос с эвакуацией урегулирован.

Веселый голос любителя трубок донесся откуда-то со стороны. Они были в обычном подвале с небольшими окошками под потолком и огромными черными бочками вдоль стен. Неярко горели керосиновые лампы, прямо напротив люка, из которого только что довелось выбраться, красовался огромный, на половину стены плакат: красный пароход с

надписью «РСФСР» рассекал бушующее море, по которому сиротливо плавала царская корона. Возле входа скучал часовой в форме, напоминающей знакомую чоновскую, но все же слегка иной. Серая шинель, черные петлицы, короткий кавалерийский карабин у ноги, на поясе — штык-нож от «Арисаки». Альбинос прикрыл правый глаз, всмотрелся. На петлицах желтели буквы «Ч.С.Р».

— Пошли, пошли! Вырыпаев, чего стоите?

Гондла опять торопила. Егор Егорович, держа в руках «сундучок», уже стоял на ступеньках лестницы, ведущей наверх. Виктор нерешительно шагнул следом. Часовой в серой шинели проводил его равнодушным скучающим взглядом. Батальонный вспомнил: весной 1921-го, когда ЧОН начали переформировывать, его хотели назначить инструктором в губернский штаб Частей стратегического резерва.

«Ч.С.Р.» Теперь стало понятнее.

Виктор почему-то решил, что окажется на улице, но за лестницей их ждал коридор — широкий и пустой. Пахло старой пылью и еле уловимым духом воска и ладана. Товарищ Ким и Егор Егорович ждали, стоя возле узкого зарешеченного окна.

— С боевым крещением, Виктор Ильич! Надеюсь, не с последним.

Начальник резко шагнул вперед, протянул широкую ладонь.

— С боевым! — Егор Егорович тоже протянул руку. — Гондла, традицию нарушаешь!..

Дамочка фыркнула, но тоже подошла ближе и внезапно поцеловала Виктора в небритую щеку:

— Вырыпаев, толку с вас никакого, но поживите подольше!

Пожелание было не из веселых, но альбинос по-

спешил списать его на вредный нрав знакомой поэта Гумилева.

— Расходимся! — Товарищ Ким бросил быстрый взгляд на наручные часы. — Мы с Егором в Главную Крепость, ты, Лариса, бери авто и прямо к Адольфу Абрамовичу Иоффе, он ждет. Звонила Ольга Зотова. Троцкий предлагает договориться, нам это на руку. Ты начинай, мы позже подъедем. А вы, Виктор Ильич, пока отдыхайте. Для ясности: мы находимся в одном из бывших столичных монастырей. Сейчас здесь — наша основная база. Отдыхать здесь можно со всеми удобствами.

Батальонный хотел возразить, что вовсе не желает бездельничать, но не успел. Начальник махнул рукой, указывая куда-то в глубь коридора, и через несколько мгновений Виктор остался один. Он поглядел вслед ушедшим, неуверенно оглянулся.

— Пройдемте, гражданин!

Двое красноармейцев в уже виденных серых шинелях с черными петлицами и кавалерийскими карабинами. Сытые розовые лица, равнодушный скучающий взгляд.

— Внимание! Объясняю правила. Шаг влево, шаг вправо считается побегом. Прыжок на месте — провокация. Стреляем без предупреждения. Ясно?

Желтый свет керосиновых ламп почернел, загустел подземной тьмой. Виктор прикрыл глаза. Вот теперь действительно полная ясность. Отдыхать здесь можно со всеми удобствами...

Крепкие ладони охлопали шинель, извлекли пистолет и патроны.

— Руки за спину! За спину, я сказал!..

Спорить не имело смысла, Виктор подчинился.

— Па-а-ашел!

Странная женщина Лариса Михайловна, желая ему прожить подольше, знала, что говорила.

4

Поручика остановили возле входа в Александровский сад, неподалеку от обелиска 300-летия Дома Романовых. Трое бойцов в серых шинелях с кавалерийскими карабинами и гражданской, совершенно неопределенной внешности.

— Документы, пожалуйста.

Доставая удостоверение, офицер вспомнил, что видел уже этих серошинельных на Манежной и в начале Тверской, но не придавал этому значения. В Столице привыкли к служивым на улицах. Поговаривали, что товарищ Муралов, командующий округом, таким образом напоминает *ubi et ubi* о своей скромной персоне, давно уже претендующей на пост заместителя наркома. Повод же, дабы провести ребят в буденовках по улицам, всегда найдется: то подготовка к очередному параду, то учения местного уровня. Однако в это первое апрельское утро все было иначе. Войска окружили Главную Крепость, а на это уже требовалась санкция не только Председателя Реввоенсовета, но и Политбюро.

Оставалось удивиться и подождать, чем все кончится. Удостоверение проверили очень внимательно, после чего старший караула покосился на гражданского. Тот сделал вид, что разглядывает облака в ярком весеннем небе.

Пропустили. Если и шла охота, то пока еще не за ним.

В Главной Крепости тоже кое-что изменилось.

Внутренняя охрана определенно нервничала, а возле входа в Сенатский корпус появился новый пост, где документы проверялись с особым рвением. Обошлось и на этот раз. Семен получил ключ у дежурного, благополучно добрался до знакомой комнаты и первым делом взялся за чайник. И тут же зазвонил телефон. Вездесущий Гриша Каннер интересовался, не заходил ли в Техгруппу какой-то Борис Бажанов. Узнав, что такового здесь не было и нет, отчего-то ужасно расстроился и даже забыл попрощаться.

Ольга Зотова в этот день впервые опоздала на службу, хотя и ненамного. Чайник уже успел закипеть, комната парила мятным ароматом, а Семен Тулак восседал за столом, изучая только что принесенные бумаги.

— Задержали у ворот, — сообщила кавалерист-девица вместо «доброго утра», — Меня и еще с полсотни гавриков. Удостоверения наши не понравились, чего-то там не было.

— У гавриков? — поинтересовался цыганистый, не отрываясь от бумаг. — Ольга, какого черта ты вообще пришла?

Товарищ Зотова присела на стул, достала почтовую коробку «Ириса», щелкнула зажигалкой.

— А куда идти? Здесь хоть не арестуют, гэпэушникам сюда хода нет. Вырыпаев не появлялся?

Поручик покачал головой. Отсутствие сослуживца, всегда аккуратного и даже щепетильного, ему самому начинало не нравиться.

— Может, заболел? — неуверенно предположил он. — Тогда бы позвонил, Виктор — человек обязательный... А нам враги опять весточку прислали, как всегда, в «Известия» вложено. Хочешь почитать?

Замкомэск сжала губы.

— Чьи враги, беляк?

Хотела шепотом, а вышел сплошной хрип. Поручик не обиделся, лишь покачал головой:

— Извольте, Ольга Вячеславовна, взглянуть и мнение свое большевистское составить. Особенно на козявок внимание обратите. Весьма поучительно-с!

Девушка встала, взяла протянутые листки, нерешительно кашлянула.

— Семен! Ты... Ты извини, злая я сегодня и дурная. Не буду больше!

Поручик улыбнулся в ответ.

— И я не буду. Я тоже злой, главное, почти ничего не понимаю. В прошлый раз нам доклад прислали с какого-то XX съезда, а теперь вообще... Читай!

* * *

— «...1937 год вскрыл новые данные об извергах из бухаринско-троцкистской банды. Судебный процесс по делу Пятакова, Радека и других, судебный процесс по делу Тухачевского, Якира и других, наконец, судебный процесс по делу Бухарина, Рыкова, Крестинского, Розенгольца и других — все эти процессы показали, что бухаринцы и троцкисты, оказывается, давно уже составляли одну общую банду врагов народа под видом «правотроцкистского блока...».

Зотова отложила листок в сторону:

— Ерунда какая! 1937-й! Еще бы написали, 2037-й! Бред!..

— Не бред, — терпеливо пояснил поручик, — а пропагандистский прием, причем очень удачный. Мол, оставите товарища Сталина Генеральным и

получите на полную катушку. Так сказать, репортаж из ближайшего будущего. Читай!

— «Судебные процессы выяснили, что троцкистско-бухаринские изверги, выполняя волю своих хозяев — иностранных буржуазных разведок, ставили своей целью разрушение партии и советского государства, подрыв обороны страны, облегчение иностранной военной интервенции, подготовку поражения Красной армии, расчленение СССР, отдачу японцам советского Приморья, отдачу полякам советской Белоруссии, отдачу немцам советской Украины, уничтожение завоеваний рабочих и колхозников, восстановление капиталистического рабства в СССР...» Не хочу я такое читать!

Замкомэск вскочила, выхватила из пачки новую сигарету, нервно зажевала мундштук.

— Извини, Семен, что опять напоминаю, но такие сказочки тебе в радость, не мне.

— Ты еще до козьянок не дошла, — поручик забрал листок, скользнул взглядом:

— Вот «...Эти белогвардейские пигмеи, силу которых можно было бы приравнять всего лишь к силе ничтожной козявки, видимо, считали себя — для потехи — хозяевами страны и воображали, что они в самом деле могут раздавать и продавать на сторону Украину, Белоруссию, Приморье...» Козявки, не кто-нибудь! А все это будет называться, если примечанию верить, «История ВКП(б). Краткий курс». Представляю, каким должен быть пространый! Pamфлетец, конечно, злобненький до невозможности...

Семен подошел к подоконнику, скользнул взглядом по уже привычному булыжнику небольшого двора. Сегодня там стоял не один черный автомо-

биль, а целых три, причем возле одного сучали бойцы в знакомой серой форме.

— Ты о другом подумай, Ольга. В чем обвиняют Сталина? По сути, в Термидоре. В том, что он, придя к власти, уничтожит всю эту, прости господи, большевистскую гвардию, бухариницев и троцкистов, сам станет диктатором и начнет строить сильное российское государство. Так?

Замкомэск кивнула:

— Точно, в Термидоре. Я еще гимназию не забыла, Робеспьера под нож, буржуйам полная воля... И в том докладе, что нам подкинули, об этом было. НКВД, Ежов, репрессии против «старых большевиков», ослабление партийного руководства...

— Вот! — торжествующе воскликнул поручик. — Это же выход! Единственный возможный выход из катастрофы. Мы, белые, проиграли и уже никогда не победим. Нас не хочет народ. Единственное спасение — самоликвидация большевистского режима. Да, Термидор! Сталин — самый разумный, самый прагматичный из всей этой компании. Если это так, то лучшего и не придумать, понимаешь, Ольга? Сталин — это спасение страны, возможность воссоздать жизнеспособное государство, покончить с большевистскими экспериментами!.. Всеобщая резня — это, конечно, выдумка, пропагандистский прием, но если Троцкого с Зиновьевым и вправду выгонят к чертовой матери!..

— Замолчи, Семен. Пожалуйста...

Голос гимназистки седьмого класса был негромок, без привычного хрипа, но этого хватило. Поручик, не договорив, умолк. Замкомэск затушила папиросу, стряхнула пепел с гимнастерки.

— Если ты прав, то все наши погибли зря. И ме-

ня убивали зря. Но и ты не радуйся, когда начнется всеобщий террор, бывших «беляков» тоже под нож отправят. Термидор — он один на всех, Директория своих «аристо» по головкам не гладила. И получится, что вся наша Революция — одна страшная ошибка. Но ты зря радуешься, Сталин — надежный товарищ, а эти бумажки — мерзкая клевета. Памфлетец, как ты говоришь, и в самом деле талантливый, раз на тебя так подействовало. Не будем больше об этом, а то ругаться начнем.

В комнате воцарилась тишина. Поручик, пожав плечами, вновь присел к столу. Из канцелярии Научпромотдела доставили пакет с очередными делами, но бывший офицер не спешил с ними знакомиться. Он уже понимал, что служба в Техгруппе подходит к концу. Отсидеться в тихом месте не получилось, надо было решать, как жить дальше. Но и об этом не думалось. Семен прикидывал, куда мог пропасть красный командир Вырыпаев и где лучше скрыться ретивому замкомэску Зотовой. О себе он не слишком беспокоился. Беспольный калека — кому он нужен? Даже Смерть обходит стороной. Незадачливый доктор Франкенштейн сможет, наконец, распрощаться с надоевшим Монстром — и слава богу. Чужая шкура слишком жгла кожу.

Телефонный звонок грянул внезапно, резко. Поручик с омерзением покосился на беспардонный аппарат. Для полного счастья не хватало еще одного разговора с Гришей Каннером!

Телефон не унимался. Девушка с недоумением поглядела на сослуживца, подошла к столу:

— Алло! Техгруппа Научпромотдела. Зотова слушает.

— Ольга Вячеславовна? Это вы? Здравствуй-

те! — отозвался незнакомый приятный голос. — Берг вам телефонирует. Владимир Иванович Берг. Слышали о таком?

— Слыхала, — выдохнула Ольга. — Здравствуй-те, товарищ Берг.

Она махнула рукой вскочившему Семену, приложила палец к губам. Тот понял, осторожно прошел к двери, выглянул...

Тихо.

— Мне про вас всякие ужасы наплели, — продолжала трубка, — будто в розыске вы, чуть ли не к Врангелю в Сербию подались. А я решил взять — и вам на работу позвонить... Ольга Вячеславовна! Как там Наташа, я за нее очень волнуюсь.

Замкомэск хотела солгать или даже бросить трубку, но в последний миг передумала.

— С Натальей все в порядке, товарищ. Надеюсь, вы ее никогда не найдете.

— Вы не понимаете, — зашпешил невидимый собеседник. — У девочки необычный организм, она нуждается в постоянных процедурах, в ежедневном контроле. Все это можно обеспечить только в нашей клинике. Ребенок может заболеть, погибнуть...

— Я вам ее верну, — прохрипела Зотова, — только с одним условием.

На другом конце провода наступила мертвая тишина.

— Хвост собачий себе пришейте и научитесь через заборы прыгать.

Трубка с тихим стуком опустилась на рычаг.

— Уходи немедленно, Оля! Уезжай!

Поручик вынул бумажник, вытряс содержимое на подоконник.

— Деньги бери — все, что есть, я себе еще найду. Переночевать сможешь, там, где и сегодня, но лучше тебе перебраться куда подальше. На польской границе полно контрабандистов, с ними можно договориться...

— Погоди, — девушка улыбнулась, — ты как меня назвал?

— Олей, — удивился «беляк». — А что, нельзя?

— Непривычно. Никто еще так не называл. В детстве все больше «Оленька», а потом по фамилии. А ты и в самом деле Семен?

— Семен. — Поручик улыбнулся в ответ. — Когда биографию новую сочинял, имя и отчество решил свои сохранить.

Ольга Зотова подошла ближе, протянула руку, словно хотела погладить «беляка» по плечу.

Не решилась. Словами сказала.

— Ты тоже не умирай, Семен, тебе и так под самую завязку досталось. Ты вчера про всадников рассказал, про то, как убивать не захотел, отпустил. Не со мной это было, не там воевать довелось. Но могло ведь и по-другому повернуться... Пусть не снится тебе Смерть, пусть отпустит.

* * *

Окно было самым обычным, с приоткрытой форточкой, на третьем этаже пятое, если от подъезда считать.

— Запомнил, — кивнул Леонид. — Не спутаю.

Он еще раз оглядел двор. Ничего особенного, три дома красного кирпича, куча подъездов, возле нужного уголь горой свален, с зимы еще остался,

поди. Ворота на улицу — настезь. Дворник или лентяй или запил.

— Вот и прекрасно, — Блюмкин дернул толстыми губами. — Светиться не будем, на улице поговорим.

Прошли подворотню, завернули за угол, нашли место потише и поугромней.

Закурили.

— Значит, так, Ленька, — Яков быстро оглянулся, понизил голос. — В квартире этой живет Иоффе Адольф Абрамович. Он — друг товарища Троцкого, а значит, и наш тоже. Сейчас ты вернешься во двор, найдешь там себе дело, чтобы глаза лишние не мозолить, а сам станешь на окошко смотреть. Если ничего не случится, я тебя часа через два заберу. Но если форточку захлопнут...

Блюмочка резко затынулся, оскалил крепкие зубы и, бросив папиросу, принялся надевать перчатки:

— Форточка! Не спутай. Из подъезда выйдут двое, у одного борода без усов, «шкиперская». Положишь обоих. Наверняка, чтобы ни один Склифосовский не откачал. Держи!..

Рука в плотной кожаной перчатке сунула в карман пантелкинской куртки небольшой черный пистолет.

— Чистое дело! Это «браунинг» Бориса Бажанова, дружка Каннера, сталинского секретаря. Смекаешь? Генеральный, значит, прослышал про переговоры и прислал человечка со «стволом», чтобы не дать хорошим людям к соглашению прийти. Такой вот, понимаешь, цорес¹. Пистолет бросишь там же, пусть сразу следок возьмут, только отпечатки

¹ Неприятность (*уциш*).

не оставь, чтобы картины не портить. Сделай, Ленька! Не нужен нам Лунин, опасный он человек, и без него с Цветочным отделом договоримся. А потом мы документы Жоры Лафара заберем, в дело пустим, и я тебя отсюда увезу. На Восток поедем Агартху искать. Счастливый ты человек, Ленька, азай юр аф мир!¹ Я бы сам Лунина уложил, но личность моя еврейская уж больно приметная, запомнить могут. Помоги, сделай!..

Темные глаза Не-Мертвого горели, кривились толстые красные губы.

— На тебя надежда, Ленька. А я другим делом займусь, хвосты пока подчищу, чтобы вслед нам собак не пустили... Ну!..

Леонид медлил с ответом, хотя выбирать было не из чего. Смерть ждала всюду, с Блюмочкой же имелся шанс выжить. Если для этого требуется прикончить Лунина, то так тому и быть. «Умри ты сегодня, а я — завтра» — не им придумано.

— Хорошо, Яша, сделаю. Как думаешь, Жора Лафар такое бы одобрил?

Блюмочка недоуменно моргнул:

— Ты и в самом деле шлемазл, Леня. «Американского портного» кто тебе велел убрать? Молчал бы лучше, толстовец хренов!..

Дело себе Леонид нашел сразу. Лопату, кем-то брошенную возле угольной горки, срисовал еще с первого раза. Значит, как в школьном учебнике по арифметике. Из кучи А в кучу Б...

...И-раз!

¹ Чтобы мне так было! (идиш.)

Вид у Пантелкина для подобного занятия был самый подходящий: старая куртка да кепка, на ухо надвинутая. Единственный прокол — перчатки дорогой лайки, но кто станет к трудыге, угольной работой занятому, присматриваться?

...И-два! И-три!

Сомнений больше не было, дело казалось простым и очевидным. Выручит ли Блюмочка, предаст, а попытаться стоило. Черная Тень все больше обедами кормит, а выжить следовало здесь и сейчас, иначе другой, не он, бывший старший уполномоченный, завтрашний день увидит.

...И-семь! И-восемь! Эх, яблочко, да цветик маковый, как Фартовый убежал, в «Крестах» все плакали...

Была одна куча, две стало, после — снова одна. Что за беда? Сейчас снова две будет. Как там форточка?

...И-раз!

Леонид понимал, что Блюмочка и сам по волосинке ходит. Все эти годы он прятался между когтями Красного Льва, но времена изменились. Яков сам рассказал и о письме Политбюро, обвиняющем Троцкого в ликвидации «руководящей роли» РКП(б), и о готовящейся схватке на грядущем XII съезде. Лев не мог больше ждать, и Блюмочка решил подсуетиться, поторопить судьбу. Не выйдет с переговорами — ваше слово, товарищ «браунинг»! С Мирбахом когда-то получилось. Авось и с Луниным выгорит.

...И-семь! И-восемь!..

Форточка захлопнулась, когда кучи вновь воссоединились, как братские республики в Союзе. Леонид, однако, работу не бросил, напротив, приналег

от души. И даже когда подъездная дверь отворилась, бросил лишь беглый взгляд, кидать продолжая.

...И-двадцать...И-двадцать один...

Двое, как и обещано было, у того, что пониже, — небольшая русая борода. На лица можно не смотреть, все равно народец незнакомый. Лучше спросить для верности. Леонид все рассчитал точно. Дорожка от подъезда вела аккуратно мимо угольной кучи. Оставалось подождать самый чуток. Пять шагов, четыре, три...

— Простите, вы товарищ Лунин?

Лопату Пантелкин не бросил, придержал в левой руке. Пусть на инструмент смотрят, а не на правую, что уже в кармане.

— Да, я Лунин Ким Петрович.

— Здравствуйте! — лучезарно улыбнулся Леонид, отпуская лопату.

— А со мной не поздороваяешься, Ленька? — удивился второй, тот, что был повыше.

Деревянная ручка с негромким стуком коснулась земли.

— Ким Петрович! Это же Ленька, Ленька Пантелкин!..

Бывший старший оперуполномоченный ВЧК закрыл глаза и вдруг видел себя самого — мертвую голову в банке со спиртом. Искаженный последней мукой рот, белые губы, бессмысленные остекленевшие глаза. Голова медленно опускалась вниз, в синеватую глубину, где не было ничего, ни дна, ни покрышки, ни воскресения.

Тогу богу...

— Ленька, очнись! Это же я, Егор, Георгий Лафар! Ким Петрович, мне же сказали, что его убили. Слышишь, Ленька! Мне сказали, что ты мертвый!

Господь пасет мя, и ничтоже мя лишит. На месте злачне, тамо всели мя, на воде покойне воспита мя...

Белые губы в стеклянной банке шевельнулись.

— Точно. Мертвый я, Жора.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Кукушка лесовая

1

На трамвае Зотова решила не ехать, пешком пошла. Рассудила просто: народу днем на улице полно, всем в лицо не заглянешь, а на трамвайной остановке почти наверняка шпика выставят. Хорошо бы еще шинель сменить на что-нибудь цивильное, но тратить на это время не хотелось. Авось и так обойдется, в военном многие ходят.

Надо было спешить на вокзал, однако замкомэск все еще не могла определиться. Вокзалов много, во все стороны «железка» раскинулась. А куда податься? Не на польский же кордон, как поручик советовал! Вспомнят ей поляки прошедшую войну, да и швали эмигрантской там полно.

Решила не торопиться, по городу побродить. Была мыслишка заглянуть в Дхарский культурный центр, повидать Родиона Геннадьевича, но, подумав, Ольга идею не одобрила. Чумная она сейчас, незачем хорошим людям лишние неприятности. Соломатину она позже напишет, а вместо подписи что-нибудь понятное изобразит, чтобы наверняка догадался. Нарисует, допустим, Шушмор — и всех их разом возле розовых камней.

С тем Ольга и пошла гулять. Час был еще не поздний, солнце обещало теплую весну, ноги сами несли вперед, и девушка даже не заметила, как начала напевать что-то знакомое, фронтовое. Хорошо еще, не в полный голос, мурлыкала больше. Опомнилась, язык прикусила, и только тогда поняла, где оказалась. До подъезда, где ее квартира, метров двести всего. Что значит привычка!

Замкомэск перешла на другую сторону улицы и хотела уже повернуть назад, но передумала. Захотелось на подъезд взглянуть. Вдруг охрану сняли? В квартире ее два входа, парадный и черный, можно рискнуть, зайти напоследок через лестницу, которой прежде прислуга пользовалась, из вещей самое нужное взять. Подумав, эту идею она отвергла, но поглядеть все же решила, из принципа. А чтобы не рисковать, свернула направо, в небольшой переулок. Если до перекрестка дойти, до следующего переулка добраться, то можно попасть дворами к подворотне, что почти напротив ее подъезда. Выглянуть, обстановку оценить — и назад. Разведка по всем правилам!

В переулках было тихо, редкие прохожие спешили по своим делам, и Ольга решила, что все идет правильно. Сейчас поглядит на знакомые окна, рукой помашет, а потом об отъезде подумает. Только не на поезде, уж больно на вокзалах чужих глаз много. Безопаснее добраться до одного из пригородных рынков, куда крестьяне на подводах из окрестных уездов съезжаются. Договориться за червонец да и отправиться малой скоростью в Богородицк или Клин. А там видно будет.

В подворотне пахло кошками. Девушка огляну-

лась, ничего опасного не заметила и неспешно прошла вдоль стены. Выглянула, вздохнула.

...Подъезд, возле него — двое в штатском, братья-близнецы тех, что в прошлый раз были. Ждут, подметки стаптывают, всех, кто мимо проходит, внимательными взглядами провожают.

Ольга отступила назад, в кошачий сумрак подворотни, прикинула, что надо бы все же на окна взглянуть.

— Привет, Зотова!

Знакомая лапища на плече. И голос тоже памятный.

— А я за тобой уже минут двадцать иду. Хоть бы назад поглядывала, дуреха!

Крепкие ладони охлопали карманы, коснулись кобуры на поясе.

— Никак папирсы себе не купишь? Что за цимес¹ горло всякой грянью портить?

Развернули.

Яков Блюмкин, агент Не-Мервый, довольно кривил толстые губы. В полутьме подворотни странным огнем горели черные глаза.

— Что ж ты, Зотова, смерть ищешь? Я так и знал, что к дому своему пойдешь, ровно кошка какая.

Хмыкнул, дернул длинным носом, принялся.

— Точно, кошка. По кошачьей тропе. Ну что, Зотова, продолжим? Я уже тебе говорил, две возможности есть, вот и выбирай. Без толку помрешь — или исповедуешься мне, как отцу, сыну и духу святому в одном моем еврейском обличии.

¹ В данном случае — «удовольствие» (*игиш*).

Руки не отпускали, держали крепко, черные глаза глядели в упор. Ольга дернулась, отвела взгляд.

— Отпусти, Блюмкин! Я же все передала, товарищ Ким сказал, что согласен на переговоры...

— Передала, передала! — Яков довольно хохотнул. — Сама предложила, сами и сделала, отпустить же тебя я не собирался. Сперва про свой отдел расскажи, людишек обрисуй, про бумаги вспомни. Ты же ремингтонистка, все входящие-исходящие видеть должна. А заодно и о девке этой, Наталье Четвертак, доложишься. Что за цаца такая ценная, всем нужна, всем интересна? Где спрятана, как найти? А я тебя, Зотова, бить не буду, если и помрешь, то человеком, а не куском визжащего мяса. Начинай, начинай!..

Замкомэск чуток подумала, вздернула подбородок.

— Зверюга ты, Блюмкин, нелюдь. Только не это страшно, нагяделась я на всякую сволочь. Страшно то, что ты видом человек. Ногами ходишь, словами говоришь. Небось, женат и дети есть.

Яков ничуть не удивился, хмыкнул.

— Женат, само собой. Дочка у меня, такая же черная. И нос, точно мой, шнобель.

— А у меня так ничего и не сложилось. Представляешь, Блюмкин, пришла я с фронта да влюбилась, как дура последняя. Сама себя не помнила, словно в тумане все. А он женатый, да еще сосед по квартире, вторая комната по коридору. Я с ним даже поговорить не успела, супруга его законная почувяла что-то да крик подняла. Соседи сбежались... А я их, Блюмкин, постреляла, лупила в упор, пока патроны не кончились. С тех пор и стала в кобуре махорку держать, понял?

Не-Мертвый разжал хватку, вынул из кармана желтую папиросную коробку, открыл.

— Рассказала, называется, *аф алэ сойним гезукт!*¹ Жалобить меня решила, что ли? На вот, покури, чтобы в мозгах посветлело. Нет у меня охоты тебя, Зотова, убивать, и не зверюга я вовсе. Но приказ имею, и все нужное из тебя вытрясу, если понадобится, то и с кишками. Бери папиросу!

Кавалерист-девица покачала головой, кобуру табачную расстегнула.

— Я лучше махорки, привычнее как-то. Знаешь, Блюмкин, и я тебя убивать не хочу. Покалечу слегка, ногу прострелю. Больно будет, ну да ничего, отлежишься. Жена бульону куриного сварит, в госпиталь, прямо в палату принесет...

Яков зажевал папиросу, взглянул искоса.

— Табаком кидаться вздумала? Ты это бро...

Сухо ударил выстрел. Черные глаза удивленно округлились, моргнули.

— Ну, с-сука!..

Девушка успела отступить на шаг. Тяжелое тело рухнуло на тротуар, дернулось, захрипело. Замкомэск спрятала в кобуру «маузер номер один» и мысленно поблагодарила белого офицера Семена Тулака. Уговорил-таки не ходить по городу с махоркой на поясе.

— С-сука, сука гадская, *зальц дир ин ди эйгн, штейнер ин арцн...*²

¹ Чтoб всем врагам так было (*идиш*).

² «Соль тебе в глаза, камни тебе в сердце». Еврейское проклятие.

Ольга обошла лежащего и, не оглядываясь, поспешила покинуть пропахшую кошками подворотню. Во двор, потом переулком до ближайшего перекрестка... Выстрел наверняка слышали, но Блюмкин наводить на ее след не станет, не в том его интерес. Мелькнула и пропала мысль о том, что опасных зверей следует добивать. Она не зверь, и война уже кончилась.

Пули догнали уже во дворе. Первая истратила злобу впустую, сумев лишь прожечь дыру в шинели, вторая и вовсе прошла мимо, прожужжав возле уха.

Попала третья.

Девушка охнула, схватилась за онемевшее плечо, попыталась устоять на ногах. Упала. Еще ничего не успев сообразить, вскочила и бросилась бежать в глубь двора. Но сапоги, внезапно отяжелев, заставили перейти на шаг, потом остановиться...

— Держи! Держи ее!..

Кричали на улице. Резкой трелью ударил милицейский свисток. Ольга закусил губу, чтобы не закричать, выхватила «маузер» и медленно, с трудом передвигая непослушные ноги, побрела в сторону уже близкого переулка. Сзади кричали, свисток не умолкал, но замкомэск упрямо шла вперед, пытаясь продрасться сквозь заступившую путь серую пелену. Она еще сумела подумать, что ранение не слишком тяжелое, разве что кровью можно изойти, но это не беда. Сейчас дойдет до своих, ее подберут, перевяжут, укроют чем-нибудь теплым. Ничего с ней, с гимназисткой седьмого класса, не случится!..

— Оленька, доченька! Да куда же ты? — спросила мама.

Замкомэск Ольга Зотова попыталась ответить, но так и не нашла слов.

Ключей от комнаты не выдали. Незнакомый вахтер в плохо сшитом штатском костюме потребовал удостоверение, долго его изучал, а затем неохотно кивнул в сторону лестницы:

— Вам в кабинет к товарищу Киму. Поторопитесь!

Сотрудник Техгруппы Научпромотдела ЦК Семен Тулак спорить со служивым не стал, впрочем, как и спешить. Сдал шинель в гардероб, долго расчесывал черные цыганские кудри возле огромного старорежимного зеркала...

Войск на улицах стало заметно меньше, и на них уже перестали обращать внимание. Вечерний выпуск «Известий» сообщил о проводящейся в городе «передислокации в связи с переходом на летне-весенние условия квартирования», что окончательно успокоило даже самых пугливых. Зато Главная Крепость оказалась оцеплена намертво. Внутрь пускали не всех, выпускали же, если верить слухам, и вовсе лишь по специальному разрешению то ли Предреввоенсовета, то ли Генерального. Аборигенов, обитавших здесь с весны 1918-го, эти строгости ничуть не пугали. Не впервой! Вспоминали дни болезни Свердлова, а также бурный X съезд. Не иначе, рассуждали они, очередная закавыка с мордобоем на Политбюро. Семену уже успели шепнуть, что Вождь при смерти и ожидается якобы экстренное заседание ЦК.

Поручика мало интересовали тайны Мадридского двора. На службу он явился в последний раз. Не из чувства долга перед большевистским Синедрионом, а в слабой надежде узнать о судьбе сгинувше-

го без следа Вырыпаева. Уходить, не узнав об участи брата-скаута, офицер считал бесчестным. Вызов к товарищу Киму был весьма кстати.

У кабинета Кима Петровича оказалось неожиданнолюдно. Секретарь отсутствовал, зато в приемной толпился десяток молодых крепких ребят в новых темно-зеленых гимнастерках, но без нашивок и петлиц. На вошедшего поглядели без особой симпатии, и Семен сразу же почувствовал себя не слишком уютно. Зато возле окна он сразу же приметил знакомое лицо. С этим человеком они никогда не были — и не могли быть! — друзьями, но поручик внезапно успокоился. По крайней мере, какая-то ясность.

— Здравствуйте, товарищ Лунин! На Чукотку едем?

Молодой комиссар протянул правую руку, потом спохватился.

— Извини, товарищ Тулак. Извини — и здравствуй, вот тебе левая, она к сердцу ближе. Напомню, что в прошлый раз мы на ты перешли, от чего отказываться не вижу причины. А до Чукотки еще дожить нужно. Твои в группе все целы?

Какой-то миг поручик колебался, но потом решил, что хуже не будет.

— Ольге Зотовой пришлось бежать. Вырыпаев пропал куда-то, в общежитии нет, на работе тоже. Не звонил и писем не присылал. Я хотел спросить у товарища Кима.

Лунин поглядел странно, покачал головой.

— Трубку тебе выдать успели?

Поручик порылся в кармане, достал «billiard».

— Масонерия! — Голубые глаза Николая Андреевича потемнели. — Тем хлопцам, что до вас бы-

ли, еще и зажигалки подарили, с надписями «Спи спокойно, дорогой товарищ!»...

Семена передернуло. Комиссар если и шутил, то уж слишком мрачно.

— ...Что же касается Чукотки, товарищ Тулак, то могу тебе доложить, что дорога туда хоть и долгая, но начинается, как известно, с первого шага. Его мы, считай, уже сделали.

Поручик вновь оглядел заполненную парнями в одинаковых гимнастерках комнату.

— Мы... Мы арестованы?

— Приглашены. — Луин недобро усмехнулся. — Чаю, правда, не обещают. А вот товарища Куйбышева, председателя ЦКК, не выпускают из квартиры. И не его одного.

Офицер впервые пожалел о своей принципиальности. Надо было не играть в рыцарство, а уходить еще вчера, да не одному, а с замкомэском Зотовой. Девушка нервная, того и гляди, дров наломает. С другой стороны, грешно пропускать такое. Где еще увидишь схватку Красных Скорпионов? Может, для этого судьба и сберегла его, добровольца декабря 1917-го? «Я твердо знаю, что мы у цели, что неизменны судеб законы...»

— Всем добрый день!

Товарищ Ким вышел из кабинета. Трубка в зубах, черная кожаная папка под мышкой.

— Николай Андреевич!.. Товарищ Тулак!..

Рукопожатие вышло сильным и энергичным. Поручик, догадываясь, что сейчас все завертится, решил воспользоваться моментом.

— Товарищ Ким! Виктор Вырыпаев исчез.

— С ним все в порядке, — шкиперская борода дрогнула. — Виктор Ильич включен в состав осо-

бой группы, за него не волнуйтесь... Ну что, товарищи? Пошли!

Знакомый широкий коридор, Сенатский корпус, второй этаж, до конца и налево. Семен сразу понял, куда они идут, и невольно удивился. Отчего-то казалось, что они спустятся на первый этаж, где кабинет Троцкого, или поднимутся на третий, к товарищу Каменеву.

Их опередили. В знакомой приемной трое молчаливых молодых людей в одинаковых гимнастерках окружали стол секретаря, прижав к стене мрачного темноволосого мужчину с густыми черными усами. Тот затравленно озирался, но даже не пытался вырваться.

Семен его узнал и вновь удивился. Иван Павлович Товстуха, главный помощник Генерального. Вот, значит, до чего дошло.

Еще двое в таких же гимнастерках стояли у двери в сталинский кабинет.

— Лунин и Тулак со мной, — товарищ Ким кивнул на дверь. — Остальные — согласно плану.

Поручик почему-то решил, что энергичный любитель трубок проложит себе путь ударом сапога, но тот приоткрыл дверь очень аккуратно, словно крышку от ящика с ручным бомбами.

— Разрешите?

— Здравствуйте, товарищи! Хорошо, что заглянули. Проходите!..

Товарищ Сталин ждал их посреди кабинета. Улыбался, сжимая зубами потухшую трубку-носогрейку, маленькие желтые глаза смотрели спокойно и с легкой хитринкой.

— Вижу, кто-то с утра пораньше затеял ряд пе-

ремен в нашем политическом строе. Думаю, надо посоветоваться на этот счет. Садитесь, товарищи!..

Он кивнул на стулья, стоявшие у большого Т-образного стола, а сам прошел на свое место под большим портретом Карла Маркса. Товарищ Ким положил черную папку на стол, но садиться не стал. Вынул трубку изо рта, спрятал в карман.

— Товарищ Сталин! По приказу Председателя Реввоенсовета Троцкого в Столицу введены войска. В Главной Крепости сейчас находится батальон Частей стратегического резерва РККА. Лубянская площадь и здание ГПУ блокированы. Такое положение нетерпимо, уже идут слухи о военном перевороте. Нужно решить вопрос немедленно. Товарищ Троцкий скоро придет в ваш кабинет вместе с товарищем Каменевым и в вашем присутствии подпишет приказ о выводе всех войск. Требуется только одно...

Ким Петрович немного помолчал, взял в руку папку.

— Наш отдел создан для того, чтобы приказы руководства выполнялись незамедлительно и точно. В декабре прошлого, 1922 года Вожь дал указание о перемещении вас, товарищ Сталин, с должности Генерального секретаря ЦК...

Зашелестела бумага.

— Цитирую: «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общениях между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека...» Письмо подлинное, оно заверено секретаря-

рями и стенографистом. Прошло больше трех месяцев, а этот вопрос до сих пор не рассматривался.

Сталин молчал, вместо него ответил Николай Лунин:

— Письмо предназначено будущему съезду, товарищ Ким. Вы не должны вмешиваться, пока решение не принято. Иначе это и в самом деле напоминает переворот.

Любитель трубок дернул плечами.

— Я бы подождал, но Троцкий не хочет, против него в ЦК началась травля, и он опасается, что съездом будут руководить его враги. Войска выведи. Троцкий их выведет и должности генсека не получит, но вам, товарищ Сталин, нужно сейчас же написать заявление об отставке. Скажу сразу, что с этим согласно большинство Политбюро. Диктатора Троцкого они не хотят...

— И желают договориться на моих костях, — негромко перебил Сталин, — Знаю, уже сообщили... Зиновьеву кто-то очень умело подсунул памятное всем вам «обезьянье» дело. Григорий, известный храбрец, решил, что его собираются сделать крайним. Царем обезьян, понимаешь... Товарищ Ким, я сумею объяснить членам Политбюро суть этой дурацкой интриги. Жаль, что я не послушал вас, товарищ Лунин.

— Вчера арестован Григорий Каннер, — резко бросил товарищ Ким. — У него найдена большая картотека, там компрометирующие материалы на руководство партии и Совнаркома. Он признался, что собирал эти сведения по вашему приказу. Более того, сообщил, что через управляющего делами ЦК Ксенофонтова устанавливал слежку за людьми,

изымал материалы. Были случаи незаконных арестов...

— Подлец! — Желтые глаза плеснули пламенем. — Подлец и провокатор! И он, и этот Ксенофонов. Они воспользовались...

— Не только они, товарищ Сталин. Разрешите?

Любитель трубок положил папку и прошел к Т-образному завершению стола, где находился Сталин. Справа от Генерального стоял большой черный телефон, рядом желтела скверной бумагой тощая книжица.

— Телефонный справочник Главной Крепости, как я понимаю? Вы не будете возражать?

Товарищ Ким взял книжицу со стола, открыл наугад:

«049 — Богданов, 059 — Бубнов, 054 — Бухарин...» А вот и товарищ Дзержинский — 007, интересный номер. У Троцкого, само собой — 001, иначе нельзя. Ваш, товарищ Сталин, насколько я помню, — 034.

Он снял телефонную трубку, немного послушал.

— Да, пусть войдет.

Двери раскрылись. Двое парней в зеленых гимнастерках втащили за руки третьего — небольшого роста, узкоплечего, со вздыбленными темными волосами. На лицо его лучше было не смотреть — в гробу такие прячут под покрывалом. Семен невольно отвернулся. Подобного Грише Каннеру он все-таки не желал.

— Говорите, — кивнул товарищ Ким. Человек дернулся, судорожно глотнул воздух.

— Так точно... Да... Два года назад Председатель Совнаркома дал указание об устройстве автоматической телефонной сети в Главной Крепости. Ин-

станция... То есть... Товарищ Сталин непосредственно руководил этой работой. Был приглашен инженер, коммунист из Чехословакии. Центр сети технически целесообразнее всего было ставить в том пункте, где сгруппировано больше всего абонентов. Инстанция... Товарищ Сталин приказал поместить его на нашем этаже, возле своего кабинета. Для... Для товарища Сталина был выделен отдельный аппарат и устройство, чтобы незаметно прослушивать разговоры. Устройство называется «контрольный пост»...

Генеральный медленно встал, крепкие пальцы вцепились в край столешницы.

— Сейчас «контрольный пост» находится здесь, в нижнем правом ящике стола. Его можно в любой момент присоединить к сети. По приказу Инстанции я стенографировал разговоры товарища Троцкого, товарища Зиновьева, товарища Дзержинского...

Каннер задохнулся, долго глотал воздух. В кабинете стояла мертвая тишина.

— После окончания работы инженер по приказу товарища Сталина был арестован и расстрелян...

— Бред! — Ладонь Сталина упала на зеленую ткань. — Здесь не ГПУ, я не могу никого расстреливать!..

Изувеченное лицо Гриши Каннера дернулось.

— Не... Не бред. Товарищ Сталин обратился к товарищу Ягоде, начальнику Особого отдела ГПУ, тот оформил...

Ким Петрович махнул рукой, и все трое вышли из кабинета. Каннер двигался с трудом, ноги заплетались, цеплялись о красный ковер. Негромко хлопнула дверь.

— Центральная контрольная комиссия подтвер-

ждает эти факты. — Комиссар Лунин подошел к телефону, брезгливо прикоснулся пальцем. — Но делу следует дать законный ход, а не использовать для шантажа, иначе мы будем ничем не лучше этих «контролеров». Вы можете меня арестовать, как товарища Куйбышева, но если нет, я сейчас же собираю пленум ЦКК. Заодно рассмотрим деятельность вашего отдела, товарищ Ким. Давно пора!

Николай Лунин попрощался коротким кивком и шагнул к двери. Никто его не задерживал.

— Какой горячий товарищ, *паньмаишь*, — проговорил Ким Петрович с узнаваемыми сталинскими интонациями, когда дверь за комиссаром закрылась. — Пусть теперь кто-нибудь попробует утаить шило в мешке. Все равно бы не получилось, Троцкий рвет и мечет, а у Зиновьева чуть ли не апоплексический удар. Кому понравится такой «контроль»?

— Почему? — Сталин вскинул голову, посмотрел товарищу Киму прямо в глаза. — Почему предал, *шэни набичуар*¹? Чем подкупили?

— Предать можно Вождя. — Любитель трубок выдержал взгляд Генерального на удивление спокойно. — А ты обычный «каппо», ничем не лучше Свердлова и Троцкого. Рано ты себя «Инстанцией» вообразил. Это первое, а вот и второе...

Из черной папки был извлечен сложенный пополам журнал в блестящей глянцевой обложке. Товарищ Ким расправил его и положил перед Сталиным. «Огонек» — успел прочитать Семен. Над красными

¹ Грузинское ругательство.

буквами надписи был помещен портрет усатого старика в старорежимной фуражке с большим гербом, обведенный жирной траурной рамкой.

Генеральный пододвинул журнал ближе, взгляделся.

— Март 1953-го... Значит, это ты, товарищ Ким, памфлеты подбрасывал? Гербертом Уэллсом себя вообразил? Мог бы и умнее придумать. XX съезд, понимаешь, культ личности, пигмеи, козявки... Это кто, по-твоему, Сталин? Ерунда, даже не похож.

— Мне было пять лет, — негромко заговорил Ким Петрович. — Арестовали соседа по лестничной клетке, редактора газеты «Труд», затем другого, командарма 2-го ранга... А потом отключили лифт. Жильцы сами попросили — никто в подъезде не мог спать, слушали, не едут ли за ними. К нам постучали в четыре утра. Я еще удивился, звонок работал, но они предпочли бить кулаками в дверь. Отец думал, что пришли по его душу, но взяли маму, она была дальней родственницей маршала Якира... Ты что думаешь, Усатый, я это прощу?

Товарищ Сталин долго смотрел на обведенную траурной рамкой фотографию, наконец, медленно покачал головой.

— Нет!

Он вышел из-за стола, шагнул к закрытому тяжелыми темными шторами окну, остановился:

— Неправда. Это был не я, товарищ Ким. Кем бы ни стал, какую бы фуражку ни надел, даже если бы царем кликнули, Мономахову шапку напялили... Нет! Нет на мне крови. Клянусь!

Семену Тулаку почудилось, что все трое стоят на краю черной безвидной бездны. Шажок, легкое

движение — и земля уйдет из-под ног. А еще стало ясно, что после этого разговора ему не выжить.

— Может быть, и не ты, Коба, — мертвым голосом ответил Ким Петрович. — Не Иосиф Виссарионович Джугашвили из Гори. Но это был Сталин, Сталин, Сталин! На плакатах, в учебниках, на постаментах... Сталин! «ТС» стала Технологией Сталина, погибли тысячи и тысячи...

Не договорил, умолк, отвернулся. Генеральный подошел ближе, взглянул внимательно.

— Ты совсем запутался, товарищ Ким. «Странные технология» и безумные эксперименты курировал Агасфер, ты знаешь это не хуже меня. А теперь мы с тобой догадались, кого скрывал псевдоним. Это уже Прошлое.

Всеми забытый поручик грустно улыбнулся. Выходит, в тот день, когда им вручили трубки-пароли, большие начальники им лгали? «ТС» — не марсиане и не американские миллионщики, а кто-то из Скорпионов? Зачем же было комедию ломать?

Между тем Ким Петрович вновь стал самим собой. Еле заметная улыбка в русой бороде, жесткий взгляд.

— Нет, не Прошлое. У Агасфера будет новый псевдоним, и этот псевдоним — Сталин, тот самый, с обложки «Огонька». Мы сами виноваты, что строили не политическую партию, а неаполитанскую *каморру*. Но еще не поздно, именно сейчас можно создать устойчивое коллективное руководство из тех, кто не завяз в партийных драках. Кстати, в «Письме к съезду» именно это и сказано. Вопрос ясен, и этот вопрос будет решен. По крайней мере, нынешний век мы проживем без тирании...

— Можем не прожить!

Товарищ Ким удивленно вздернул брови, по хмурому лицу Генерального скользнула неожиданная усмешка. Поручик шагнул вперед, стал посередине кабинета. Он тоже улыбался, ибо терять было совершенно нечего.

— Товарищ Ким, я не все ваши намеки расшифровал, но понимаю дело так. Вы уверены, что ближайшие годы в России будет создана сильная авторитетная власть, которая восстановит экономику, наведет порядок и завершит, наконец, революцию. Страну возглавит Сталин. Так чего еще желать? Сейчас мы слабее Персии и Китая, мы — изгои, бывшие союзники не желают с нами считаться. И не будут, пока мы не воссоздадим могучую державу. Вы против? Почему? Из чувства личной мести? Людей арестовывают при любом режиме, это неизбежное зло. И не всякая жертва — невинна...

Он хотел добавить, что по всем «пламенным революционерам», начиная с того, у кого номер «001», давно плачет пеньковая веревка, но вовремя сдержался.

— Не знаю, зачем вы меня сюда пригласили, но если уж позвали, то слушайте... То, что вы творите, это не просто государственный переворот. Это очень глупый государственный переворот — вы лишаете власти того, кто может вернуть Россию из небытия. А чего хотите вы? Хаоса? Слабой власти безвольных болтунов? Ссылаться на распоряжения умирающего просто, но надо же и своей головой думать! Хватит нам Николая II с его нерешительностью и «гуманизмом». Не нравится товарищ Сталин? Так станьте сами диктатором, это, по крайней мере, честнее!..

— Из товарища Ким получился бы неплохой

диктатор. — Генеральный достал носогрейку, прихватил мундштук зубами. — Если бы не его эмоции. В политике нет места личным чувствам.

— Ваша мечта о сильной державе, о новой Империи — тоже личное чувство, — ровно, без выражения, проговорил товарищ Ким. — Что ж, вопрос действительно ясен. Позвал я вас, товарищ Тулак, потому что считал единомышленником. Кроме того, вы были в «Сеньгаозере», ваши свидетельства могут заинтересовать членов Политбюро. Кстати, они сейчас сюда пожалуют, пойду их встречу. Искренне советую в их присутствии не говорить лишнего. Я вас пойму, а вот они — не знаю.

Товарищ Ким вынул из кармана кривую черную трубку, усмехнулся.

— Думаете, нельзя обойтись без диктатуры? А мы попробуем.

Вновь хлопнула дверь. Семен подошел к столу, без особой нужды отодвинул стул. Присесть? Так все равно по стойке «смирно» поставят. Он вспомнил о сгинувшем Вырыпаеве, прикинув, на чем мог погореть парень. Жаль, спросить некого и помочь нечем...

— Товарищ Тулак!

Поручик невольно вздрогнул. Сталинская ладонь сжимала его плечо.

— Быстро уходите, здесь есть вторая дверь.

Генеральный кивнул в левый дальний угол, где стоял высокий книжный шкаф темного дерева. «Зачем уходить?» — чуть было не спросил белый офицер, но быстро опомнился. У живого человека всегда найдутся дела.

— Пойдемте, я открою.

Семен подумал, что шкаф, как это порой случа-

лось в авантюрных романах, должен со скрипом отъехать в сторону, открывая путь в сырой темный тоннель. Но все оказалось проще: дверь обнаружилась справа, замаскированная деревянной стенной обшивкой. Вместо мрачного тоннеля за ней была обычная пустая комната — и еще одна дверь.

— Там коридор, — пояснил Генеральный. — Дорогу найдете. Из города уезжайте немедленно, снимите документы. Сейчас я назову адрес, но письмо адресуйте не товарищу Сталину...

Желтые глаза весело блеснули.

— ...А, скажем, товарищу Чижикову. Такая смешная фамилия, понимаешь.

Переспрашивать и благодарить не дали. Сталин медленно проговорил несколько слов, заставил повторить, а потом без особых церемоний подтолкнул поручика в спину.

— *Нахвамдус!*¹ *Еще встретимся, товарищ!..*

И вновь — легкий стук двери, но уже за спиной. Семен резко выдохнул и быстро прошел через комнату. Дверь, коридор... Пусто!

Офицер улыбнулся, расправил плечи. «Счастливая доля — вернуться с той войны...» Впрочем, теперь он окончательно понял: его война не кончилась и длиться ей еще очень долго. Это почему-то совсем не расстроило. Губы дрогнули, высвобождая из-под спуда похороненное, казалось, навсегда:

— Марш вперед, трубят в поход, добровольцев роты!
Кончен бал, настал черед боевой работы!..

¹ До свидания (грузинск.).

Кинулась тачанка полем на Воронеж,
Падали под пулями, как спелая рожь.

Вырыпаев отложил в сторону тощую брошюрку с мрачной забинтованной физиономией на обложке и поморщился, покосившись на узкое оконце под самым потолком. День уходил, и читать, тем паче имея единственный глаз, становилось сложно. Лампой, даже керосиновой, его не снабдили, значит, его знакомство с подвигами доблестного Ника Картера прервется на самом интересном месте.

...Сзади у тачанки надпись «Хрен догонишь!»
Спереди тачанки надпись «Живым не уйдешь!»

Он был не в камере, а в обыкновенной келье, без решеток и замков. Их и не требовалось: в окошко не пролезть, дверь же имела наружный засов. В коридоре охрана, во дворе, куда его водили на прогулку, тоже. Виктор, впрочем, не жаловался и не протестовал: его кормили, позволяли дышать свежим воздухом и даже выдали кипу книжонок про героя-сыщика. И смысла нет, никто бы его попросту не стал слушать.

Любо, братцы, любо! Любо, братцы жить,
С Нестором Махною не приходится тужить.

С самим Батькой он виделся всего несколько раз, и то исключительно по делам военным. Лишь однажды, после взятия Александровска, Нестор Иванович позвал после совещания на чью-то свадьбу. Гулялось весело. На дворе был сентябрь 1919-го, великий месяц побед, час рождения таврической Утопии, когда все казалось возможным и близким.

Батько пил мало, зато много шутил, а потом стал серьезней и принялся рассказывать о Бутырской тюрьме, где провел семь лет. «Царских жандармов» привычно ругал, но о тюремных порядках высказывался снисходительно. Не пугачевские, чай, времена, книги, письма, учеба, долгие беседы о политике и обо всем на свете. «Мои университеты, — улыбался Махно. — Полный курс окончить не дали. Революция — и только!» А потом стал читать свои стихи — не про тачанки и пулеметы, а тюремные, которые даже записывать не стал, наизусть помнил.

Атаман Нечай, командир Ударного Южного отряда, слушал вместе со всеми, хвалил неложно, сам же прикидывал, что не семь лет, а и семь месяцев за решеткой не выдержит. Не тот нрав, и силы не те. Не всех тесали из днепровского гранита.

А первая пуля, а первая пуля, а первая пуля ранила коня...

Шаги в коридоре он не услышал, слишком толсты были древние стены. Лишь когда заскрипел засов, батальонный удивился. Для прогулки поздно, для черного чая рановато. Встал, на всякий случай одернул гимнастерку, застегнул верхнюю пуговицу.

— Ну и вид же у вас, Вырыпаев!

Поздороваться мадам Гондла не сочла нужным. Вошла, покрутила носом, головой покачала.

— Хоть бы побрились. Вы похожи на преждевременно состарившегося ежа.

Виктор невольно провел рукой по начавшей расти голове. Привычку бриться под героя-кавалериста Григория Котовского он завел жарким летом 1920-го, в сухой пыльной Таврии, и сейчас чувствовал себя не слишком ловко. И в самом деле,

ежик-альбинос, ошибка природы. Но спускать такое наглой дамочке все-таки не следовало. Вспомнилась ее байка про обмытый в шампанском «браунинг».

— А это не вы, Лариса Михайловна, когда все с голоду дохли, ванну из шампанского сподобились принимать? И еще жаловались, что сорт вам не подходит.

— Да, принимала. — Улыбка женщины больше походила на оскал. — Причем, что интересно, не одна. Завидуешь, мальчик?

Виктор отвернулся, чтобы не высказаться по полной. В ушах вместо напевного «Любо, братцы...» загремела непрошенная мерзкая «Крокодила»: «Ва-а-а рту она держала...» Не к месту вспомнился миноносец, на котором мадам Гондлу изволили катать в самый разгар волжских боев. А как не покатаешь, если ихний супруг в наркомах ходит, начальничек? Ходил, если точнее. До посла понизили — отставку от «мамамы» получил. Сейчас вместо миноносца — секретный отдел товарища Кима. Горячит кровь после ванны с шампанскими бульбочками.

Внезапно Виктор почувствовал кожаную перчатку на своей щеке. Прикосновение было коротким — то ли попытались погладить, то ли хлопнули вполсилы.

— Извините, Вырыпаев

Оборачиваться он не стал, голову отдернул.

— Не люблю, когда вспоминают эту дурацкую байку про ванну. Ее, если вам интересно, выдумала Ольга, жена Каменева, она мне всегда завидовала. А еще я очень нервничаю, из-за вас, между прочим.

— Чего нервничать-то? — удивился батальонный. — Дверь надежная, стены из пушек не пробить.

Короткий злой смешок, словно он неудачно пошутил.

— Да кто вас здесь держит, Вырыпаев? Собирайтесь. Книжки можете с собой не брать. Помните у Мережковского? «И в этот день мы больше не читали...» На выход!..

Знакомому «браунингу» батальонный ничуть не удивился. Накинул шинель, привычно застегнул пряжку на ремне. Фуражка...

— Руки за спину — или в карманы можно?

Лицо женщины искривилось.

— Вы что, думаете, мне это доставляет хоть малейшее удовольствие? Связалась с вами на собственную голову... По коридору налево — и вниз!..

Охраны у кельи не оказалось. Коридор был тоже пуст, и Вырыпаев понял, что служивых в серых шинелях убрали неспроста. Заныло сердце, в уши вновь ударила торжествующая «Крокодила»: «По-а-а Невскому ходила...» Альбинос скрипнул зубами и, прежде чем сделать первый шаг по гулкому камню, усилием воли остановил ненавистную музыку. Пусть ничего не будет, только звуки шагов за спиной.

Пошел!

Стены коридора сузились, сомкнулись узостью склепа, подернулись черной тенью. Под ногами за скрипела старая, залитая осенними дождями зола. Костер затоптали, засыпали могильной землей, а после долго выискивали тлеющие в густой траве угли.

«...За успешное выполнение задания командо-

вания и личное мужество, проявленное при уничтожении махновских банд, наградить тов. Вырыпаева Виктора Ильича орденом Красного Знамени РСФСР...»

* * *

— ...Товарищ батальонный, товарищ батальонный!.. Сюда!..

Горячее лето 1921-го. Позади Перекоп и Кронштадт, позади долгая война. Но мира нет, горит Тамбовщина, жарким белым пламенем польхает Украина. Сумщина, леса да речки, белые хаты под соломенными стрехами, древние порушенные церкви. Недригайлов, маленький городишка с гербом, похожим на базарный лоток. «Восемь черных слив в золотом поле, означающие великое в том месте оных изобилие...»

— Товарищ батальонный! Мы его достали, достали!..

На золотом речном песке — трупы. Много их, куда больше, чем слив на старом гербе, урожайным оказался горячий месяц июнь. Батальон атаковал с ходу, разворачиваясь на бегу. Дорога была каждая минута, враг, оцетинившись тачанками, докашивал свинцовой косою неосторожную конницу, «червонцов» из 8-й кавдивизии. Вот-вот прорвутся, перейдут реку, исчезнут в лесной чащобе.

Успели! Настал час сбора урожая.

— Вот он, вражина. Вот, вот!..

Батальонный смотрит — и не видит. Труп как труп, много их здесь, одинаковых, мачехой Смертью усыновленных. Старый офицерский китель, портупея доброй кожи, «кольт» в окаменевших

желтых пальцах. Лица не видать — утонуло носом в песке.

— Да он это, товарищи. Ну-ка, взялись, ну-ка перевернули!..

...Песчинки на лице, на белых губах, на щеках небритых, и на мертвых стеклянных глазах, и на черных бровях.

— Точно он! Начштаба ихний, самый, говорят, лютый после Батьки. Не ушел, не скрылся!.. Изверга Нестора Махна приятель-собутыльник, всех наших в пень рубил, коммунистов на воротах вешал. Долго тешился, душегуб, кровь народную пил, словно упырь проклятый. Так пусть теперь мокрым песком заедает!

Бывший атаман Нечай, бывший командир Ударного Южного отряда, смотрит на труп бывшего друга. Не ушел ты, Феодосий Щусь, начштаба 2-й повстанческой группы. Не захотел, с хлопцами на берегу остался, чтобы погоню на лишние четверть часа задержать.

«Извини, товарищ. По-дурному вышло».

Молчит Виктор Вырыпаев, командир славной Рабоче-крестьянской Красной армии. Ни слова, ни звука, только мрак ночной в глазах. Дивятся бойцы, понять не могут. Или виноваты в чем? Не иначе сердит батальонный, что не взяли живым лиходея, так ведь невозможно было. До последнего отстреливался, бомбы бросал, волком бешеным кидался.

И уже не песок — мокрый пепел под сапогами. Затоптали черный костер, задавили последние угли. Прощай, вольная степная Утопия!

«Кинулась тачанка полем на Воронеж...»

* * *

— Там ступеньки, Вырыпаев. Не забыли?

Он не забыл. Все возвращалось, шло по кругу, словно в черном водовороте Мальмстрема. Коридор, знакомая дверь, подвал, неяркий свет керосиновых ламп, плакат на стене. Красный пароход с надписью «РСФСР» рассекает бушующее море, отодвигая острым носом царскую корону. Ступеньки. Подземелье. Бесконечный сырой тоннель...

— Стойте! Дальше не пойдем.

Вырыпаев послушно остановился. Закрыв глаза, привыкая к темноте, вдохнул памятную сырость. Сзади щелкнула зажигалка. Мадам Гондле приспичило перекурить.

Виктор открыл левый, живой глаз, попытался всмотреться. Тоннель, небольшой перекресток, поворот направо, поворот налево. Сзади — неровный трепещущий свет. Не иначе дамочка прихватила с собой один из фонарей. Он пожалел, что даже не попытался запомнить путь, по которому они сюда добирались. Но как запомнить? Тут и с картой разобратся мудрено.

— Вырыпаев, папиросу дать?

Последний раз батальонный курил на кладбище, на ступеньках склепа. Повторять не хотелось.

— Курить не буду, — решил он. — Для здоровья, говорят, вредно. Лариса Михайловна, а можно вопрос напоследок?

Сзади помолчали.

— Можно. Обернитесь, но не пытайтесь бежать. Застрелю сразу.

Виктор повиновался. Женщина стояла в трех шагах. В левой руке папироса, правая — в кармане пальто. Возле левого ботинка — керосиновая лампа.

— Спрашивайте!

Сказала, словно сплюнула. В глаза не смотрела, отвела взгляд.

— Гондла, все-таки за что? Неужели из-за кладбища? Вы решили, что я солгал, умолчал о чем-то?

— Не мелите ерунды!..

Папироса упала на мокрую землю. Лариса Михайловна резко затоптала ее, поморщилась.

— Кладбище и то, что там произошло, заинтересовало только меня. С вами случилось что-то очень странное, но Ким Петрович не стал слушать, он слишком закоснел в своем материализме. Вырыпаев! Когда вы подавали документы в Техгруппу ЦК, неужели не ясно было, что вас станут проверять? Не бумажки просматривать, а по-настоящему? Вы скрыли свою службу в Повстанческой армии Нестора Махно. Вот они, ваши тачанки, — полем на Воронеж! Тогда, в 1919-м, вам удалось получить чистые документы, никто копать не стал, не было времени. Но потом... Неужели вы думали, что не выплывет?

Бывший атаман Нечай пожал плечами.

— У Махно тогда служили многие. С тех пор дважды объявляли амнистию.

— Не поняли, значит, — женщина вздохнула. — При чем тут амнистия? Вас привлекли к работе в нашем отделе, вам стали доверять, вы узнали такое, что рядовому партийцу даже не снилось. И тут нам сообщают, что вы элементарно лжете. Вы даже не враг, Вырыпаев, вы переметчик и трус, такие люди Киму Петровичу не нужны. Егор вас пытался защищать, и я вашей смерти вовсе не жажду, но порядок — один на всех. Жаль, вы нам поначалу всем понравились.

— Даже вам? — не выдержал Виктор.

В ответ — знакомое фырканье.

— Что вы понимаете в женщинах, Вырыпаев? По-вашему, меня тянет в царские постели? Да пошли все эти вожди к черту. Троцкий и тот ничем не лучше медного самовара, кипятится, булькает, блестит, а внутри одна вода. Власть — вот что имеет значение. Настоящая, абсолютная, не та, которая на съездах и сессиях избирается. Над людьми, над всем миром, над эфирным пространством, над Временем, над жизнью и даже над смертью. А власть — это не только оружие и деньги, это прежде всего знание. Люди пока питаются малыми крупицами, но есть то, что собрано не ими и до них. Вы могли бы стать одним из немногих, перед вами открыли дверь, за которой — нелюдское, надмирное могущество... А сейчас я вас шлепну и даже не смогу затащить в ванну с шампанским, чего мне, признаться, очень хотелось. Думала поцеловать вас на прощанье, но не стану. Сниться будете.

— А я и так вам буду сниться, — улыбнулся красный командир. — Нервы у вас дамские, тонкие. Убивать надо без всяких чувств, как дрова рубить. Под утро явлюсь, ждите.

Он поглядел вверх, в черный недвижимый свод, закрывший собой небо, и понял, что совершенно спокоен.

— Я знал, что не протяну долго, что найдут и расстреляют. Поделом! Я действительно струсил, может, единственный раз в жизни. Испугался свободы, не поверил, товарищей предал. Когда меня искалечило, но не убило, я все понять не мог, для чего мне жить дальше? Может, чтобы заглянуть за краешек, увидеть, что мир наш на самом деле иной,

не плоский? За это спасибо Киму Петровичу передайте, не в обиде я на него.

На язык просилось и другое. Виктор вдруг понял, что этой женщине тоже не прожить долго, ее гибель уже рядом, в двух шагах, почти за самым плечом холодом дышит. За надмирное могущество придется платить по полному счету. Но быть вестником смерти не хотелось, пусть лучше не знает. А ему действительно позволили заглянуть за край. И не только когда он увидел блестящий металлический «сундучок», но и прежде, на Ваганьковском. Батальонный вспомнил лицо женщины, но не давно умершей Доминики, а иное, которое увидел, когда открыл глаза на холодном полу склепа — лицо со старой фотографии на каменном кресте.

«...К сожалению, вам придется все забыть, Виктор. На время, потом я вас найду. Некоторые тайны слишком тяжелы для людей».

Теперь завеса начала приподниматься. Можно было без страха уходить.

— Господь милостив к бунтовщикам и разбойникам, — беззвучно шевельнулись губы, — потому как сам вырос на Хитровке. Сам свинец заливал в пряжку, сам варил кашку. Этому дал из большой ложки хлебнуть...

Выстрелы он услышал, но странная колыбельная не умолкала, вела за собой, манила плеском невидимой реки, чьи воды расступились перед ним.

— ...Этому из ложки поменьше, но два раза, а этому со дна котелка дал черпнуть. Сам бродит, ходит, голодный, но довольный, на крышу залезает, голубей гоняет. Соседней яблони яблоки кислые, сами на лагерь просятся...

На одном из столичных вокзалов в шумном зале ожидания, переполненном спешащим озабоченным людом, возле стены с пожелтевшим плакатом, призывающим на борьбу с брюшным тифом, негромко разговаривали два молодых человека. Они ничем не выделялись из окружавшей их толпы, разве что черными цыганскими кудрями, выбивающимися из-под головных уборов. Один был в старом пальто и темном картузе, второй носил офицерскую шинель, тоже старую, и военную фуражку с красной звездой. Тот, что предпочитал шинель, держал правую руку в кармане и время от времени поправлял ее левой. Лица были настолько похожи, что могло показаться, будто каждый из них смотрится в зеркало.

Оба улыбались. Улыбки тоже были одинаковыми.

— ...Tout d'abord nous nous sommes rendus a Minsk, il y aura une personne fiable... — негромко говорил тот, что был в пальто.

— По-русски, братишка, — шепотом перебил второй. — Услышат — точно за шпионов примут.

— В Минск поедем, там у надежного парня останемся, он скаут-мастер, начинал у Янчевецкого в «Легионе юных разведчиков...» Граница рядом.

Тот, что был в шинели, поправил мертвую руку, так и норовящую убежать из кармана, покачал головой.

— Через границу нельзя. Сами не перейдем, а среди контрабандистов *chaque seconde* — *agent*¹. То есть...

¹ Каждый второй — агент (франц.).

★ Ответом был смех, веселый и злорадный.

— Nous sommes... Мы их по ветках развесим, как старые портянки! Семен! Я не через границу тебя зову. Под Минском действует отряд «Народного союза защиты родины и свободы», нас с ними свяжут, дадут пароль. Наконец-то мы сможем взять винтовки!..

— Винтовки...

Поручик коснулся бессильной десницы, вновь улыбнулся, но на этот раз невесело. Его собеседник понял, смутился.

— Не беда, Семен, «маузер» тебе дадим. Да я их зубами грызть стану, голыми руками душить! Хватит, насмотрелся, наслушался...

— Погоди, братишка. Не спеши...

Младший вырвался из Киева чудом, буквально в последний миг. Конспирация не подвела, «Братство костра» продолжало жить и действовать, но над скаут-мастером нависла беда. Очередной «частый гребень», пущенный по спискам «бывших», прошел совсем близко. Арестовали соседей, соучеников по гимназии, товарищей по юнкерской дружине, защищавшей город от Петлюры. Верный человек предупредил: придут и за ним. Арест мог погубить всех, и брат решил на отъезд. Но душа была не на месте, его мальчишки остались в Киеве, а за этим «частым гребнем» неизбежно последуют другие. Может, потому скаут-мастер рвался в бой. Не спасти — так отомстить!

— Ни винтовка, ни «маузер» уже ничего не изменят, братишка. А за кордоном мы никому не нужны. Брат взглянул удивленно.

— Так что же? Прятаться, надеть чужую шкуру и дрожать при каждом стуке в дверь? Я уже пробовал, больше не хочется.

— Представь, что в село ворвались волки, — поручик улыбнулся. — Можно надеть овечью шкуру и забиться в самый глухой угол. А можно — волчью и примкнуть к стае. Стать там своим, загрызть вожака — и самому сделаться вожаком. А там — верти, как хочешь, можешь вывести стаю на красные флажки, под облаву, а можешь использовать для караульной службы.

— Скажешь! — брат недоверчиво покачал головой. — И кто это сделает? Мы с тобой?

— И мы с тобой тоже. Слышал стишок про скорпионов? «Я твердо знаю, что мы у цели, что неизменны судеб законы...»

«... — Что яacobинцы друг друга съели, как скорпионы», — подхватил скаут-мастер. — *On nous dit très bien¹*, но это только стихи. Или ты нашел Белого Скорпиона?

— Скорее Черного, — улыбнулся поручик. — Среди крыс бывают крысиные волки, а это Волк Скорпионов.

Семен вспомнил адрес «товарища Чижикова» и еще раз повторил его про себя. Написать следовало как можно скорее. Помощи и защиты не просить, напротив, предложить товарищу Сталину кое-что дельное. Усатый старик в генеральской фуражке с обложки «Огонька», год от Рождества Христова

¹ Хорошо сказано (франц.).

1953-й. Целых тридцать лет, можно многое успеть. Очень-очень многое!

— Помнишь?

Потемневший серебряный лик на ладони. Воздетые руки, каменная твердь над головой, суровый твердый взгляд.

— Наша иконка? — изумился младший. — Так вот где она! Папа перед смертью, в бреду, ее вспоминал, боялся, что пропала. Я еще понять не мог, с чего это он, атеист, о таком забеспокоился. Это же бабушкина? Пророк Илья?

— Царь-Космос!

Поручик спрятал образ, поглядел вверх, на тяжелый каменный свод, казавшийся еще совсем недавно непоколебимой скалою. Улыбнулся.

— Он услышал Благою Весть. *Для погибающих это глупость, а для спасаемых есть мудрость и сила Божья*¹.

5

Товарищ Москвин отхлебнул чаю с мятой, бросил на язык маленький кусочек колотого сахара... Хорошо! Он поглядел в залитое весенним дождем окно, на мокрый скользкий булыжник маленькой площади. Там было пусто и голо. Бойцы в серых шинелях покинули Главную Крепость еще ночью; уйдя тихо и незаметно, словно и не было их никогда. Река Времен плеснула, вздыбила волны и вновь вернулась в свои берега.

На подоконнике лежала пачка «Иры», но курить не хотелось. В комнате не нашлось пепельницы, и

¹ 1 К Коринфянам 1:25.

товарищ Москвин решил не рушить чужую традицию. Покурит потом, в коридоре, заодно и новости от братьев-курильщиков узнает. Приятное — с полезным!

Надо было работать. На столе скучала стопка бумаг, присланных из Научпромотдела. Часть, уже разобранный, оказалась полной ерундой. Молодой ретивый партиец из Шуи советовал ради экономии средств на дорожное строительство в сельской местности пересесть на малые планеры его собственной конструкции. Чертеж, исполненный синими чернилами, прилагался.

Но было и что-то серьезное — два толстых «дела» в желтых картонных папках. С ними предстояла долгая возня.

Товарищ Москвин присел за стол, поставил недопитую кружку рядом, покосился на сегодняшние утренние газеты, присланные вместе с документами. Вчера почты не было. Всезнающие курильщики сообщили, что в экспедиции идет великий «шмон», половине сотрудников грозит увольнение, а некоторым и кое-что похуже. И правильно, нечего подметные письма в номера «Известий» вкладывать!

Слово «шмон» было товарищу Москвину хорошо известно, но он предпочел показаться наивным и на всякий случай переспросил. И в самом деле! Откуда ему, потомственному пролетарию-печатнику, знать бандитскую «феню»?

Сегодня газеты пришли. На первой странице «Правды» красовался знакомый портрет человека в кепке и галстук в горошек. Огромные литеры извещали: «ВОЖДЬ ВЫЗДОРОВЕЛ! ВОЖДЬ ВЕРНУЛСЯ К РАБОТЕ!» Вот об этом и следовало поговорить в курилке, естественно, со всей осторожно-

стью, не задавая лишних вопросов. Если правда, если все подтвердится, то перемены грянут немалые. «Каппо ди тутти каппи» решил повременить с кончиной. Для кого радость, для кого вообще — восторг до полного посинения. Поспешили красивые бояре, слишком рано наследство делить принялись... А вот вам всем!

Товарищ Москвин отодвинул газеты в сторону и решительно взялся за самую толстую папку. На желтом картоне — размашистая чернильная вязь. «Предложение тов. Тернема по строительству специального убежища». Внизу пояснение: «Проект жилого дома для ответственных работников на Берсеневской набережной, архитектор тов. Иофан».

Это были уже не самодельные планеры. Специальное убежище? Для кого, а главное, *от кого?*

Первые же строчки заставили замереть от удивления. В дверь постучали, но читавший даже не поднял головы.

— Здрасьте, то есть добрый день! — бодро прозвучало с порога.

— Дальше по коридору и налево, — флегматично отозвался товарищ Москвин, перекладывая страницу. — Если курить, то на лестничной площадке.

— Некурящие мы, — охотно отозвался бодряк. — А по коридору уже прошли, засвидетельствовали. Ты, стало быть, товарищ Москвин, который Техгруппа при Научпромотделе? А я тебе в помощь.

— Так точно, я Москвин...

Читавший неохотно закрыл папку, сунул ее в ящик стола.

— ...Который Техгруппа. Пока в единственном числе.

Он привычным движением поправил темно-зеленую гимнастерку, улыбнулся.

— Ну что, давай знакомиться?

У порога стоял невеликого роста паренек лет девятнадцати в короткой, плохо подшитой солдатской шинели. Правая рука сжимала инвалидскую трость твердого дерева с отполированной до блеска черной рукоятью. Чуть смуглое, восточного типа лицо, белозубая усмешка, темные внимательные глаза...

— Знакомиться? Так затем и пришел. Касимов я, Василий Сергеевич, член РКП(б) с октября 1919-го. Из рабочих, умеренно грамотный, да еще, как видишь, инвалид по причине колчаковской гранаты.

Москвин шагнул вперед, протянул руку.

— Леонид Семенович. Инвалид по причине отсечения головы. В партии с января 1918-го.

Касимов понимающе кивнул, скользнул острым веселым взглядом:

— Неплохо пришили. А у меня дохтур безрукий попался, безногим, значит, сделал. Прислан я к тебе техническим работником с приказом выучиться буржуйской машине под названием «ремингтон». Он как, в порядке?

Леонид поглядел в угол, где на круглом столике скучала помянутая машина. Сам он к ней не прикасался, только вытер пыль.

— Все ясно, будем овладевать, — рассудил неунывающий Касимов. — Да ты не пугайся, сейчас сюда сейф приволокут. Большой такой, белый, фирмы «Сен-Галле», чтоб, значит, секреты прятать. Только пока без ключа, найти никак не могут. Ничего, у меня опыт слесарный, разберемся.

Леонид чуть было не заметил, что и сам может кое-чему научить, но вовремя прикусил язык.

— Чаю могу налить, — предложил он. — Нам тут мяты оставили, даже сахар есть. Странно как-то получилось, все на месте, группа работает давно, а состав набирают заново. Никого из прежних нет, спрашивал — никто ничего не знает.

Усмешка на лице Касимова погасла, посуровел взгляд.

— Странно, говоришь? Я бы это, Леонид Семенович, иными словами выразил. Но не стану, замну для пущей ясности. Как у нас в батальоне пели, «Кукушка лесовая нам годы говорит...»

— «...А пуля роковая нам годы коротит», — подхватил товарищ Москвин.

— Неужто знаешь? — обрадовался Касимов. — Ну, здорово! Сразу видно, наш человек, проверенный. А давай-ка вместе, только тихо, чтобы народ не распугать. Эх!..

Здорово, брат служивый, куришь ли табачок?
Трубочка на диво, давай курнем разок.

Она у кирасира отбита на войне,
В память командира досталась трубка мне.
Наш полк вперед несется, всех рубит наповал,
Вдруг выстрел раздается, полковник с коня пал.

Кукушка лесовая нам годы говорит,
А пуля роковая нам годы коротит!..

Александровский сад накрыло дождем. Огромная лужа напозла на каменное подножие Обелиска, вода стекала по серой ровной поверхности, заливала вырезанные в твердь имена основоположников и творцов единственно верного социалистического учения. Но влага и сырость, споря с камнем, делали

тайное явным: рядом с новыми надписями проступали прежние, уничтоженные, казалось, навсегда — имена Государей Российских. Весна года от Рождества Христова 1923-го, от начала же Великой Смуты Шестого победно шествовала по мокрой земле.

Девушка в старом перешитом мужском пальто поправила влажные волосы, без особого интереса скользнула взглядом по Обелиску и прошла дальше, мимо угрюмой краснокирпичной стены.

Содержание

Глава первая. СКАУТЫ	8
Глава вторая. МЕСТНАЯ КОМАНДИРОВКА	45
Глава третья. ВЫСШАЯ МЕРА	84
Глава четвертая. КАНДИДАТЫ НА ЧУКОТКУ	122
Глава пятая. СЕНЬГАОЗЕРО	163
Глава шестая. ФАНТОМАС И ЕГО КОМИССАР	202
Глава седьмая. ВЫСОКОЕ НЕБО	242
Глава восьмая. ЦЕНИТЕЛИ ТРУБОК	282
Глава девятая. ВОЛЬНОЕ НЕБО	322
Глава десятая. САТИРУСЫ И НЕ ТОЛЬКО	360
Глава одиннадцатая. МЕРТВЫЕ И ЖИВЫЕ	399
Глава двенадцатая. КУКУШКА ЛЕСОВАЯ	439

Литературно-художественное издание

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

Андрей Валентинов

ЦАРЬ-КОСМОС

Издано в авторской редакции
Ответственный редактор *В. Мельник*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Г. Клочкова*
Корректор *Н. Понкратова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 17.02.2010. Формат 84x108¹/₃₂.
Гарнитура «Балтика». Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,2.
Тираж 6000 экз. Заказ № 4002148

Отпечатано на ОАО «Нижполиграф»
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

ISBN 978-5-699-40797-2

9 785699 407972 >

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

ЦАРЬ- КОСМОС

Время – не препятствие для тех, кто пытается изменить Историю... Тихий, ничем не примечательный 1923 год. Новая экономическая политика, болезнь Вождя, ожидание неизбежных перемен. В Технической группе при одном из отделов ЦК оказались трое молодых людей, демобилизованных из Красной армии. Работа поначалу не кажется сложной и опасной, и только письмо из Румянцевского музея заставило понять, чем действительно им придется заниматься. В эти же дни в секретной тюрьме ожидает расстрела бывший чекист, которому делают предложение, от которого нельзя отказаться. Начинается грандиозная схватка Красных Скорпионов, в которой не считают потери. Привычный ход Истории изменен – товарищ Сталин вынужден подать в отставку. Перед Россией открывается иное Будущее... Новая книга Андрея Валентинова, входящая в знаменитый цикл «Око Силы», продолжает рассказ о тайной, скрытой от нас истории XX века. Грядущее пытается исправить ошибки Прошлого.

ISBN 978-5-699-40797-2

9 785699 407972 >